

НИКОЛАЙ ПАХОМОВ

ДУРНАЯ ПРИМЕТА

Милицейский роман конца 90-х гг. XX века

Николай Пахомов

ДУРНАЯ ПРИМЕТА

А мои-то куряне опытные воины...

Слово о полку Игореве

— Ирка! Дура! Идиотка! Прекращай таскаться со Злобиным! Сколько раз говорить тебе, что он не пара, не тот человек... Фуфло...

Слова брата, брошенные кричащим, с надрывом, голосом, больно отдались в барабанных перепонках Нехороших Ирины, длинноногой девицы лет семнадцати и упакованной в фирменный джинсовый костюм, отчего ее фигурка становилась еще стройнее и сексапильнее. Детские угловатости тела давно плавно перешли в прельстительно-зазывные округлости форм попки, бедер, бюста. Коротко стриженные, под «мальчишку», травленные перекисью водорода волосы и зеленые русалочки глаза, слегка вздернутый носик, темные дужки выщипанных бровей, миловидный румянец на пухленьких щечках делали лицо Иры слегка вызывающим, но одновременно с этим трогательным и привлекательным. И понятно: она только что вышла из детства и ступила на такую яркую и звонкую, но в то же время такую короткую тропку юности.

Как и всем ее подругам и ровесникам конца девяностых годов двадцатого века, Ирине хотелось как можно быстрее стать взрослой и независимой. Отсюда все её попытки искусственно «украсить», а попросту, состарить личико за счет обильной косметики. Однако они мгновенно блекли и исчезали под прорывавшейся время от времени детской улыбкой, милой и непосредственной. Впрочем, остатки детства она тут же, словно устыдившись секундной слабости, гнала прочь.

Сейчас улыбки на лице Ирины не было. Слова брата, даже не сами слова, а тон, с которым они были сказаны, радости не вызывали.

Несмотря на то, что Ирина училась всего лишь на первого курса Курского колледжа торговли, бывшего техникума советской торговли, переименованного, как и все в России после развала СССР, она уже успела «обтереться» в своем кругу, считая себя едва ли не самостоятельной личностью. И теперь недовольно прикусила нижнюю губу, ярко накрашенную темно-красной помадой фирмы «Эйван» и оттененную коричневым карандашом, отчего губы казались еще пухлей, чем были на самом деле. Щеки налились румянцем обиды и оскорбленного самолюбия, даже ямочек на них не стало видно.

«Олега не поймешь! — подумала с раздражением о брате. — То сам чуть ли под Ивана не подкладывал... когда выяснил, что тот, хоть и детдомовский, и сирота, но имеет собственную однокомнатную квартиру, доставшуюся ему от умершей пьяницы матери... То, вот, ярится непонятно с чего...» Вслух же, отпустив губу и вызывающе, по-мальчишески подняв головку, заявила:

— Ты же сам желал, чтобы я с ним дружила. Даже о браке с ним намекал... Я и дружила. Так в чем моя вина? — недоуменно пожала плечиками. — Или вы с ним ночью, когда куда-то надолго отлучались, поссорились?.. Так я тут при чем?

— Это ты врешь! — зыркнул злыми глазищами брат. — Я никогда особой радости по поводу ваших отношений не выказывал. Может, забыла, как говорил, чтобы отватила Злобина от нашего дома?..

— Ты то одно, то другое говоришь... — не собиралась уступать брату Ирина. — Да, сначала, когда узнал о моей дружбе с Иваном, воспитанником детдома, говорил, чтобы не вязалась...

— Вот-вот...

— Но потом, — оставив без внимания реплику, продолжила она, — когда узнал, что у него собственная квартира, не ты ли сказал, что мне надо с ним дружить?.. И даже женить на себе, чтобы не упустить такой фарт с квартирой? А?! — вцепилась она ехидным взглядом в брата. — Не ты ли чуть не напрямую советовал в «наших задушевных» разговорах «привязать» его беременностью, ребеночком? Хотя я сама еще ребенок. Не ты ли?..

Ирина говорила это с недетской злостью и ожесточением. Не меньшим, чем у брата. Кровь-то одна...

— А ты вспомни, вспомни! — перешел чуть ли не на шепот брат. — Или девичья память короткая? А? — наступал он. — Заодно вспомни и то, кто тебя кормит и одевает? А?.. Что нос воротить? Что, не нравится? — шипел он. — Конечно, хвостом крутить — это куда проще и веселей, чем родного брата слушать! Впрочем, я сказал, кончай дружить, значит, кончай. И баста!

Помолчал, переводя дух. Молчала и Ирина, хлюпая носиком — явный признак того что вот-вот расплачется. Видя такое дело, Олег, разряжая обстановку, согнал гримасу озлобленности с лица. Улыбнулся уголками глаз и по-отечески полуобнял ее левой рукой за плечи.

— Ладно, сеструха, не злись. Ты пойми, раз говорю так, то, значит, так надо...

Она, выражая обиду, слегка повела плечиками, словно желая освободиться от объятий. Но тут же притихла, смиряясь.

— Ладно, Ируха-сеструха, не дуйся... — похлопал он легонько ладонью по обострившимся лопаткам Ирины. — Ведь как лучше хочу...

Родители у Ирины погибли во время автодорожной катастрофы. И брат после их смерти стал и папой, и мамой. Кормил и одевал, в колледж после девяти классов пристроил.

«Учись, сеструха, — не раз говорил, — выбивайся в люди. За прилавком стоять — не кирпичи на стройке таскать! А если с умом да поухватистой, то кроме зарплаты всегда с «наваром» будешь! К ловким рукам само все прилипает».

Олег не только ей о будущей выгоде твердил, но и сам старался «своего» не упустить. Тащил в дом все, что «плохо лежит», а попросту воровал. Впрочем, по мелочам: то банку краски, то бутылку тормозной жидкости, то списанный мотор, чтобы сдать как цветной металл. У брата руки не крюки, к ним если не прилипало много, то и мимо не проскальзывало.

Конечно, Олег мечтал стащить побольше, чтобы враз разбогатеть. Но это пока все как-то у него не получалось... Потому и обходился мелочевкой. Жажда денег доходила до того, что он не раз и не два недобрым словом вспоминал погибших родителей за то, что вместе с собой и «жигуленок», ВАЗ — 2106, угробили.

«Не могли как-то иначе... — сетовал с неприкрытым цинизмом брат. — Оставили голодранцем! Другие, вон, на авто разъезжают, некоторые — на иномарках, а я все пёхом да пёхом».

Видеть и слышать это было неприятно — не тому десять лет учили в школе, но молчала. Смирялась. Свыкалась. Потому хоть слова брата и обижали ее, и ущемляли ее девичью гордость и независимость, но куда денешься — брат родной. Кормилец!

Впрочем, по большому счету, в стране, мечтая разбогатеть, воровал не один брат Ирины. Чуть ли не все занимались приворовованием. Одни, как Олег, по мелочам. Другие — целыми заводами. Да что там — заводами, целыми отраслями промышленности. Правда, крупное воровство называлось вовсе не воровством, а приватизацией.

Махровым цветом расцвели разные частные коммерческие структуры, предлагающие вкладывать в них свои сбережения. «МММ», «Хопер», «Русский дом Селенга», частные банки. И все с ухватками отпетых мошенников. Но народ из «страны непуганых идиотов» вновь и вновь верил им. И нес свои сбережения. Даже гайдаровская шоковая терапия, когда в одну ночь все россияне вдруг стали нищими, впрок не пошла. А уж Гайдар-то, Егор Тимурович, будучи Премьер-министром Правительства, вторым человеком в Российском государстве, постарался — в одночасье всех голодранцами сделал. Одним росчерком пера лишил годами накапливаемых по копейке сбережений.

Вот это размах, так размах! Вот это вор так вор! Всем вора вор!

Впрочем, Гайдар — это особая песня. Это даже не песня. Это баллада, это поэма! Это ода криминалу, лицемерию и двуличию! Гайдаролиада, одним словом...

Кто такой Гайдар? Да славный внук не менее славного Аркадия Петровича Гайдара, земляка курян, ставшего командиром красного полка в шестнадцать лет. Маузером и шашкой утверждавшего социалистические идеи и Советскую власть в годы Гражданской войны, в том числе крестьянам Тамбовской губернии, поднявшим восстание. Позже — известного советского детского писателя, погибшего за свободу Родины от немецко-фашистских захватчиков.

А пресловутый Гайдар — это сын Тимура Аркадьевича. Того самого Тимура, который с командой подростков оказывал помощь вдовам красноармейцев, погибших на фронтах все той же Гражданской войны. Помните: кололи тайком дрова, наливали водой кадки и бочки...

Правда, об этом все знают только из книги старшего Гайдара, Аркадия Петровича. А как было это на самом деле — неизвестно. Ибо поведение последнего отпрыска этого славного рода заставляет усомниться в словах первого и делах второго. Яблоко от яблони не далеко падает... В книгах же всякое написано, так как авторская фантазия, как известно, границ не ведает.

Но Советская власть, давшая славному внуку героя Гражданской войны и ярого сторонника и пропагандиста социализма бесплатное образование, почет, профессорскую должность в престижном университете, чем-то не понравилась. Скорее всего, тем, что слишком много дала... в отличие от других. И он решил с ней покончить. Но не открыто, а исподволь, под шумок перестройки и говорильни о демократии.

И также яростно, как дед в гражданскую «врубал» шашкой в Советы и социализм «несознательные массы», кинулся внук вновь ввергать Россию в капитализм, избавляя от всего советского и совкового.

Если дед лично, может быть, десяток чужих жизней на распыл пустил, а в составе своего полка — несколько сотен, то славный внук вмиг миллионы. Чего уж тут мелочиться!

Даешь частную собственность и капитализацию всей страны! Даешь шоковую терапию и приватизацию!

И давали. С ускорением! Досрочно! Как раньше пятилетку в три года...

Кругленький, пухленький, с поблескивающей залысиной, с тройным подбородком над воротничком безукоризненно белой рубашки, с отвислыми, как у хомячка, щечками, с маленькими кругленькими, как у розового поросеночка, глазками, он не скакал на горячем коне, не размахивал сабелькой, как его знаменитый дедушка, а чиркал золотым перышком. Да по бумажкам, да по бумажкам!

Чирк! — и отвисают челюсти от удивления у россиян.

Чирк! — и волосы встают дыбом.

Чирк! — и с тощих задов спадают последние штанишки.

Чирк! — и вот вы еще с работой, но уж без зарплаты.

Чирк! — и вот уже и без работы, и без зарплаты, и без квартиры!

Чирк! — и каждый год обрекает на вымирание около миллиона россиян и россиянок! И все от большой любви к ним.

Так вот и чиркал в тиши кабинета, где современная электроника, правда, приобретенная на Западе, а, может, и на Востоке, кто теперь разберет, регулировала микроклимат и уровень освещенности. Чиркал, подготавливая проект постановлений, и тихонечко подсовывал их Президенту. И тот, ничтоже сумняшеся, дал свое «Одобрям!». Хотя за неделю до этого публично (на целый мир показывали по телевидению) клятвенно обещал «моим россиянам» не допустить падения уровня жизни на йоту, или, в противном случае, лечь на рельсы.

Правда, не уточнил, на какие такие рельсы? Как ляжет: вдоль или поперек? Будет ли на тех рельсах паровоз или электровоз стоять?.. А если будет, то в рабочем ли состоянии или так, вроде муляжа, не двигаясь ни назад, ни вперед? Словом, десятки вопросов, оставшихся навсегда без ответа.

В итоге Президент на рельсы не лег, а народ в одну ночь стал нищ и гол. И не только телом, но и душой! И поделом — не раскатывай губы, не лопуши уши.

А Егор Тимурович с экрана телевизоров соловьем заливался, присюсюкивая и прицокивая языком, как вампир, как упырь, как статский советник Семен Семенович Теляев из повести Алексея Константиновича Толстого. Красно обещал горы золотые и капиталистический рай на земле.

Почему упырь-вампир? Да кровушку из народа сосал изрядно. Ох, изрядно! Статистика отметила, что покатила кривая рождаемости вниз, а смертность резко скакнула вверх!

Когда же стенания народа о том, что приближенные к власти лица типа Гусинского, Березовского, Ходорковского, Лисовского обворовали страну, нет-нет да доходили до ушей Егора Тимуровича, то бодро заверял, что это не страшно. «Когда наворуются вволю, то прекратят воровать, и страну посетит эпоха всеобщего благоденствия и сытая до утробной отрыжки жизнь».

Но что-то пророчества не сбывались: воровать — воровали, а прекращать воровать — не думали. Даже и не собирались думать! Отжимали, отталкивали, оттирали от «кормушки» и лакомого куска, случалось, до крови дрались, даже отстреливали друг друга, но воровать не прекращали! Россия же...

Все это видела и слышала Ирина. И не только она, но и вся страна. В том числе и сбрендившие от беспардонной лжи власти, разгула уголовщины и «демократии», больше похожей на анархию, правоохранные структуры: прокуратура и милиция. Страна жила не по законам, а по понятиям и Указам всенародно избранного Президента, Ельцина Бориса

Николаевича. То ли Отца народа, то ли Пахана — Бориса Второго.

На святой Руси Борисов было три.

Во-первых, причисленный вместе с братом Глебом к лику святых Борис, сын князя Владимира Первого. Борис Владимирович окончил дни свои в юности. Невинно убиен в 1015 году после смерти Владимира сводным братом Святополком, прозванным в народе Окаянным. Ни пожить, ни покняжить, ни поцарствовать ему не довелось. Поэтому в расчет великомученик Борис не идет.

Во-вторых, царь Борис Федорович Годунов. Этот царствовал. С 1598 по 1605 годы.

Темным, скользким, извилистым путем, а не прямой дорожкой, пришел он к Престолу Российской державы. Не зря кровавые мальчики виделись ему в минуты уединения и по ночам в затхлых кремлевских теремах. Не зря...

Без сладкой лести, без хитрых слов и ходов, без предательств и крови дело не обошлось. Тревожно и мрачно было его царствование. Лишил он народец православный Юрьева дня, последней призрачности свободы. Закрепостил русского человека на долгие века. Кровавой смутой, великим разорением Руси кончилось его правление. Стоном стонала земля Русская. Реками лилась кровушка. Брат на брата шел...

Борис Федорович Годунов успел основать новую царскую династию. Но на нем эта династия, по большому счету, и закончилась. Ибо сын его, Федор Борисович Годунов, царствовал всего несколько дней и был убит предавшими его и переметнувшимися на сторону Лжедмитрия Первого боярами.

Следовательно, царь Борис Федорович и был Борисом Первым. Правда, числительное определение «Первый» за ним в истории не закрепилось... Как-то не случилось...

Похожим извилистым путем пришел к власти и первый Президент России. Без лжи и вранья тут не обошлось. А сколько было прелестных слов и писем, сколько обещаний — ни счесть! Народ и рот разинул, и уши развесил... Поверил в манну небесную, реки молочные и кисельные берега! Да как не поверить, если очередной страдалец за народ объявился, неутомимый борец с властью предержавшими! А красавец-то, красавец! Гренадер! Рост — под два метра, благородная седина в мощной шевелюре и нос картошкой! Не чета прежним лысым коротышкам. К тому же, по слухам, и выпить не дурак... Словом, свой мужик в доску!

— Этот всех злодеев, всех кровопийц на свет белый, на свет божий выведет! Вон как правду-матку в глаза чешет! — радовались россияне, покрывшиеся жирком благодущия за годы брежневского «застоя».

Примерно также кричали они и в 1917, и в 1937 годах. А еще много-много раньше... И не раз... Толпа же... хоть и народ.

При Борисе Втором свободы стало больше, чем было. По рыночной терминологии — больше, чем существовал спрос на нее. И она, свобода, подешевела. Впрочем, как и жизнь простого человека. Развалилась великая страна — и полилась кровушка. Все, как во времена Бориса Первого, Бориса Годунова. И блуд, и смута, и ложь в красочной упаковке...

— А где был КГБ? Где был страж национальной безопасности?... — возможно, спросит продвинутый читатель.

— Святая наивность! Да разогнали. Разогнали, чтобы не мешал. В том числе и воровать! Под улюлюканье толпы, под захлэбывающиеся возгласы продажных телекомментаторов, под молчаливое согласие всего народа. К тому же, если, по правде сказать, выродился КГБ. Выродился. Как вырождается даже самый, что ни есть элитный сорт пшеницы или

картофеля. Вроде и почва та же самая, и уход тот же, и стебли бушуют, но присмотришься — пустоцвет. Нет урожая!

Да как ему было и не выродиться, если все больше и больше в кагэбэшных кабинетах ошивались сынки партийных бонз, с детства не приученные к работе и труду. А оперативная работа не терпит белоручек и пустобрехов. Не терпит... Вот так и не стало могучего КГБ наводившего страх как на внутренних прохиндеев, так и на внешних недругов.

— Дела!..

— Да, дела.

Однако, рассказывая об интересных моментах в истории нашего государства, мы уклонились от основного повествования. Не пора ли к нему возвратиться?..

СЕМЬЯ НЕХОРОШИХ

Жила Ирина с братом, а точнее, с семьёй брата, так как Олег был женат и уже имел своего ребенка, в двухкомнатной квартире на первом этаже крупнопанельного пятиэтажного дома. Досталась в наследство от родителей. Все бы хорошо, да была она в доме, находившемся у черта на куличках. Точнее, на поселке Магистральном — глухой, непрестижной окраине Курска. «Вор-городок...» — с долей иронии говорили о Магистральном сами магистраловцы.

Раз вор-городок, то, понятно, порядки и нравы в нем соответствующие.

Олег работал электриком в автобазе. Тут же, на поселке. Автобаза была большая, работы много, а получки — мало. И на этот мизер, который по несколько месяцев задерживали, содержал Олег не только жену Лилию, полуторагодовалого сына Никитушку, но и ее саму. Потому и приходилось Ирине все терпеть да сносить.

Олег чувствовал себя главой семьи, и не раз напоминал об этом и ей, и своей жене Лилии, пышнотелой брюнеточке, чем-то похожей на клушу, вечно копающуюся с пеленками, с простынками, с ползунками сынишки, с пузырьками и сосками, с детским питанием и горшками. По натуре — доброй, мягкой и всегда согласной с мужем. Лилия была четырьмя годами старше Ирины и очень любила своего ребенка. А потому молча сносила обиды мужа. Если, случалось, что плакала, то как-то беззвучно и незаметно.

Олег к ней, как к женщине, охладел. И часто поглядывал на свою соседку по этажу Мальвину Васильевну Смирнову. Даже Ирине было видно, что та брату нравилась. И не только, как женщина — Мальвина, несмотря на замужество, была женщиной современной. Не в пример Лилии, за собой следила, и за телом, и за душой, модно одевалась, время от времени посещала театр и рестораны. Но, самое главное, владела «девяткой», светлым автомобилем ВАЗ-21099, одним из лучших достижений отечественного автомобилестроения. Словом — «богачка».

Но больше самой «богачки» Мальвины ему, по правде говоря, нравился ее автомобиль!

Белая «девяточка» часто стояла возле подъезда, вызывая зависть у менее удачливых соседей.

Олег не раз и жене, и ей, Ирине, приводил Мальвину в пример, как успешный образ современной женщины. «Учитесь, — говорил он, — вот вам наглядный пример, какой должна быть современная баба. Не вам чета! Образованная! Красивая. Не спешит обзаводиться детьми, как некоторые...»

Олег в своем стремлении разбогатеть, во что бы то ни стало, кроме мелкого воровства со своей автобазы, предпринимал и попытки занять деньги путем вклада приватизационных чеков, полученных всей семьей, в один из инвестиционных фондов, расплодившихся в городе Курске. Но он был всего лишь Олегом Нехороших, а не Анатолием Чубайсом — и из его затеи с чеками ничего не вышло. Точнее, вышел пшик! В год по копейке.

Успешней прошла приватизация квартиры. Но квартира и так ему и членам его семьи принадлежала. Их из нее никто не гнал, и выгнать не мог. Как платили за коммунальные услуги, так и продолжали платить. Правда, с каждым разом все больше и больше. Хоть услуг не прибавлялось ни на грамм, но аппетит Управляющей компании рос не по дням, по часам. Словно богатыри из русских сказок.

Да, теперь он мог продать эту квартиру. Никто не спорит — мог. Но, продав, где бы сам жил?..

Разговор между братом и сестрой происходил утром третьего марта в комнате Ирины. Оба стояли чуть ли не у порога комнаты. Оба были одеты и готовились отправиться на трудовой фронт. Вмешательство брата на несколько минут нарушило утренний распорядок. Лилия, возможно, слышала этот разговор, занимаясь сынишкой в своей комнате, однако не вмешивалась. Она, вообще, старалась ни во что не вмешиваться, ни ввязываться. Словно кроме ее Никитушки больше никого вокруг не существовало.

— Ну что, сеструха, договорились? — как бы ставя точку на скользкой теме, одновременно и вопрошая, и утверждая, произнес Олег.

— Хорошо, — неуверенно пообещала Ирина. — Только не знаю, как все ему объясню...

— А ты на меня сошлись. Так даже лучше будет... Пусть почувствует, что если ты ему дорога, то должен дело и со мной иметь!

— Не понимаю...

— А тебе и не стоит понимать... Делай то, что прошу. Договорились? — повторил он.

— Да.

Когда Ирина, наконец, вышла из квартиры, на душе «скребли кошки». Однако, езда в переполненном автобусе, занятия в колледже, общение с подружками отодвинули утренние неприятности на дальний план. Жизнь продолжалась.

...Объяснение с Иваном, пришедшим как обычно вечером на свидание к ней, на удивление прошли без ожидаемого возмущения с его стороны.

— Хорошо, я сам разберусь с твоим братцем, — только и сказал Иван, когда она, путаясь и сбиваясь, пояснила причину разрыва отношений.

И ушел, не попрощавшись.

— Ну, что? — спросил за ужином брат.

— Сделала, как ты сказал...

Присутствующая тут же Лилия попросила с жалкой улыбкой на лице:

— Да оставил бы ты, Олег, молодых в покое. Пусть сами решают...

Знать, слышала утрешний разговор.

Олег, не дослушав фразы, резко перебил жену:

— А ты бы, курица, вообще не вмешивалась! Не твоего ума это дело. Знай свое: кухню да ребенка, и не лезь, куда не просят. Тоже мне заступница нашлась...

Лилия сразу же сникла и во время остального ужина больше ни одного слова не произнесла. А когда все встали из-за стола, то молча начала собирать посуду.

Ирина ушла в свою комнату. Безучастно ко всему размеренно и монотонно тикали часы. Где-то за шторами, безуспешно борясь с законами физики и прозрачностью стекла, нудно жужжала муха. На душе было гадостно и тревожно.

...После того нелегкого и малоприятного разговора с братом прошло несколько дней. Острота обиды немного притупилась, но не отпускала. Попыток тайно встречаться с Иваном она не делала — не желала портить отношения с братом. И Иван к ней с вопросами не подступал, хотя с Олегом общался постоянно. О чем они шептались или переговаривались при встречах, Ирина не знала. Расспрашивать брата не желала. Тот мог и не ответить. Хуже того — вновь оскорбить и унижить ее.

На восьмое марта Олег кроме цветов — трех гвоздик — подарил ей косметический

набор. А жене — флакон духов. Впрочем, самым трогательным в этом празднично-подарочном событии был не подарок брата, которому, откровенно сказать, позавидовали бы многие сверстницы Ирины, а то, что брат передал и презент от Ивана — яркую коробочку с туалетной водой. Значит, Иван не только не обиделся на нее, но продолжает любить. От этого вновь стало и радостно, и грустно, и тревожно. Юное девичье сердечко затрепетало пойманным воробышком.

Хоть Олег и держался этаким суперменом, которому сам черт не страшен, но от Ирины не укрылось беспокойство, свившее гнездо в душе брата. Что-то серьезно мучило его, находя смутное отражение на лице и во взгляде. Только не спросишь же старшего брата. Да и он вдруг светлел ликом, и тени беспокойства тут же исчезали.

Знать бы бедной девушке, что уже несколько недель Олег вынашивал планы «отмщения» своим соседям. Во-первых, за то, что они живут богаче его. Во-вторых, за то, что был отвергнут Мальвиной, как любовник. Знать бы... Да не дано простым смертным знать чужие помыслы.

Олег и так, и этак «подбивал клинья» к симпатичной соседке, и с лестью, и с грубостью пёр — всё было напрасно. Мальвина его игнорировала. А однажды, когда он был особенно настойчив и навязчив, прямо заявила, что не нуждается в его мужских достоинствах, даже если таковые вообще у него имеются. Заявила с издевательско-пренебрежительной улыбочкой женщины, знающей себе цену.

Как всякий мужчина в шоферской среде, Олег считал, что все бабы слабы «на передок» и дарят свою любовь направо и налево, кому ни попадя, лишь бы этот «нипоподя» брюки носил.

Чего грех таить, встречаются и такие представительницы прекрасного пола. Не часто, но встречаются. Лично Олегу такие особы попадались часто. Даже собственную жену Лилию он сначала соблазнил, потом использовал, не имея серьезных намерений на супружескую жизнь. Женился же от безысходности: Лилия забрюхатела, а его связь с ней была слишком разafiширована, чтобы попытаться отделаться от нее! К тому же ее родители подсуетились. Вот и пришлось окольцеваться... по рукам и ногам себя связать.

А тут — полный «отлуп», как говорил дед Щукарь. К тому же Мальвина не только отказала ему в сексуальных утехах, но и попутно оскорбила колким замечанием о его мужских достоинствах. Этого Олег простить никак не мог. Вот и дал он себе клятву отомстить соседям при удобном случае.

О его домоганиях Мальвина мужу, по-видимому, не поведала, так как тот продолжал приветливо здороваться при встречах. В противном бы случае скандал закатил. И это обстоятельство также бесило, как и сам отказ.

«Совсем, сучка, игнорирует, девственницу из себя корчит!» — покалывало самолюбие.

На работе и в супружеской постели, рядом с пухлым и теплым телом Лилии, он постоянно строил планы отмщения. В разных вариантах. Один хитроумнее другого. Строя планы, он хотел все сделать так, чтобы самому при любом раскладе мщения, оставаться в стороне, в тени.

Олег был продуктом своего времени. Слегка образованным, в меру нагловатым и хамоватым, и очень невоспитанным, но при этом отчетливо понимающим, что пакостные дела лучше всего делать чужими руками.

Откуда же было взяться воспитанию, если оно передается вместе с кровью и генами родителей, с молоком матери, формируется в семье, а не в детском садике и в школе, и тем

более, не на улице.

Родители Олега — главные зодчие воспитательного процесса жили мирно, как большинство семейных пар. Основное время они находились на работе, а чуток свободного проводили в хлопотах по обустройству семейного очага. И вечно были в поисках денег. Сначала на ковры и стенку, потом на хрусталь и золотые погремушки в виде колечек, сережек и цепочек. Позже — на цветной телевизор и видеомагнитофон. Затем из кожи лезли и копили на «жигуленка». Сходить в театр, в музей, в филармонию — у них и в мыслях не мелькало. В кино ходили от случая к случаю, и то, когда были помоложе. С годами — ни-ни. Мол пустая трата времени и денег. К тому же телек имеется...

Художественной литературе, не говоря уже о публицистике, на полках «стенки» места не нашлось. Родители не читали, и он не читал. И в ТЮЗ, то есть театр юного зрителя, уже несколько десятилетий работавший в городе, сходил один раз. Вместе со своим первым классом. Учительница, Мария Ивановна, культпоход организовала.

От роду ему было немногим более двадцати шести лет. Не блистал красотой, но и уродом не был. Образованием не мог похвалиться, но и за словом в карман не лез. Где не хватало слов, там помогал русский мат. Универсальное средство общения всех русскоговорящих. Ох, и могуч русский язык, особенно с матом! Говорят, что поволжские немцы в быту меж собой общаются на родном немецком, даже ссорятся на нем. Но когда ссора доходит до своего апогея, и слов на родном не хватает, то главным аргументом становится русский мат! Великий и могучий.

По праздникам надевал костюм отечественного производства. Недорогой, но ладный, пошитый как будто на заказ, как раз по фигуре. В будни носил джинсы, куртки. В квартире коротал время в спортивном костюме фирмы «Адидас».

Как все, учился в школе. После окончания восьми классов пошел получать профессию водителя в ПТУ. В «банде» местной пацанвы, хамоватых и нахрапистых, тайком обирал своих же одноклассников из сельских районов. Правда, на курс млаже. Несколько раз уличался в такой «шалости» преподавателями, клялся и божился, что делает это в последний раз. Ему верили, или делали вид, что верят, лишь бы не выносить «сор из избы», отчитывали, строго-настроено предупреждали и... прощали.

Книг, как и стоило ожидать от «продвинутого» родительского воспитания, почти не читал, в киношку не ходил, по телевизору смотрел только развлекательные программы, иногда художественные фильмы, зато ни одной дискотеки в городе не пропускал. Там можно было не только потолкаться, но и винца втихаря пропустить, и кулаки о чью-либо физиономию почесать. Иногда получал и по собственной, но не расстраивался, относился к этому философски: «Раз на раз не приходится». Впрочем, всегда старался отомстить обидчику. Силой его бог не обидел, и услугами дворовой «кодлы» не брезговал. Имел несколько приводов в милицию, в опорный пункт на родном поселке. Однако бог миловал, в тюрьгу не сел, как некоторые его особенно активные кореша.

Потом была служба в армии. Служил водителем в строительном батальоне. Попросту, в стройбате. Другие мечтали о ВДВ, морской пехоте... Ему было плевать на престиж. Престиж престижем, а в стройбате платили!..

Когда был «молодым», шустрил на побегушках у «дедов» и не считал это зазорным. После года службы сам «гонял» молодых, но особо не зверствовал. Зато демобилизовался в срок. А те его сослуживцы-одногодки, что давали волю кулакам, вынуждены были «задержаться». Некоторые — надолго: были осуждены за неуставные отношения.

Еще в армии Олег пришел к выводу, что играть в «кошки-мышки» с законом лучше всего не своими, а чужими руками. Вот и искал чужие руки.

В кавалере сестры Ирины, этом Ромео из Курского детдома, Злобине Иване, парне недалеко, но физически сильном и по уши влюбленном в Ирину, он увидел долгожданное орудие своей мести.

«Пусть Иван-дурак на нас попадет, — размышлял Олег наедине с собой, строя один план хитроумнее другого, — а там видно будет. Если и погорит, то не велика беда. Жалеть некому. А молчать мы его научим».

Полунамеками, полуфразами он подталкивал Ивана к мысли «проучить» зарвавшихся соседей. Только Иван то ли не понимал, что от него требуется, то ли понимал, но делал вид, что не понимает, все никак не соглашался быть орудием мести. Чтобы ускорить «дозревание» клиента и его сговорчивость, Олег и решил «дожать» его разрывом с сестрой. И устроил небольшой спектакль Ирине, используя ее «втемную» в придуманной им комбинации. А Ивану поставил ультиматум: «Сначала дело, а любовь потом...»

МАЛЬВИНА

Мальвина Васильевна Смирнова, соседка Нехороших, работала главным бухгалтером в одном из «отпочковавшихся» от «матки» дочерних филиалов АО «Курскглавснабсбыт», а именно: в ООО «Курское областное бюро реализации и информации», сокращенно «КОБРИ». Контрагенты «КОБРИ», отталкиваясь от названия, с долей язвительности, типичной русской человеку, называли сотрудников фирмы кобровцами или еще хуже — кобрами. Скажем прямо: нелестное прозвище. Особенно для сотрудников женского пола.

Мальвина была невысокого росточка, и в топ-модели ее, скорее всего, не взяли бы. Там нужны девы-кобылицы, с длинными ногами, пустыми головами, смазливый личиком и ростом, как петровские гренадеры. Не обладая параметрами модели-вешалки, она была стройна, изящна и гармонично сложена к своему росту.

Аккуратная головка с золотистыми или рыжеватыми локонами, смотря, какой краской красилась, гордо возвышалась над плечиками. Упругий бюстик, заманчиво приподнимавший ткань кофты или платица, обязательно задерживал взгляды мужчин, вызывая у них непроизвольное сглатывание слюнки. Талия вполне могла соперничать с талией Людмилы Гурченко во времена молодости последней. Осиная. А аппетитно выступавшие своими округлостями даже из-под юбки, не говоря о брюках, ягодички вызывали завистливые взгляды многих женщин. Словом, — все было на своем месте. Причем оптимально.

Вообще, в фигурке Мальвины было что-то кукольное, словно это была не живая женщина, а ее прообраз из сказки о золотом ключике и деревянном мальчишке Буратино. Те же большие голубые глаза, тот же тонкий, чуть вздернутый капризный носик, тот же мягкий овал лица. И маленькие ямочки на щеках, особенно заметные, когда она улыбалась. Даже тонкие ленточки губ, доставшиеся ей по наследству от строптивой мамы и говорившие о натуре немного капризной и себялюбивой, ничуть не портили общего впечатления. Наоборот, придавали некоторый шарм. Да и превратить их в пухленькие не составляло особого труда — несколько мазков губной помадой, и всё! Нет тонких, а есть сочные и яркие, волнующе обещающие сладкую истому поцелуев...

Что-что, а пользоваться косметикой Смирнова Мальвина умела! И любила.

Впрочем, какая из Евиных дочерей не любит косметику и не пользуется ею? Порой, когда надо и когда не надо. Тут многие мужчинки, особенно причисляющие себе к богеме, стали пользоваться. И не только косметикой пользоваться, но и своими задницами повиливать на бабий манер...

Мальвина знала, что не только сосед Нехороших, но и многие мужчины, кто с интересом, кто с откровенной похотью, останавливали на ней свой взгляд. Знала и радовалась. Впрочем, глубоко в душе. Внешне же делала вид, что в упор не замечает пристального внимания со стороны мужского пола. Кокетничала сама с собой.

О прозрачных намеках соседа Олега, о его навязчивом приставании сообщать мужу она не стала. Не хотела веселить соседей по дому ненужной ссорой или же дракой.

«Не знают — и слава Богу. А то, кроме общих неприятностей со скандалом, неизбежно возникнут слухи о моей супружеской неверности. Вмиг запишут в гулящие бабы, в потаскушки и шмары, ославят на всю округу. Что-что, а это у нас умеют... А нам такая слава не надобна? Нет. Отшила нахала — и точка... — размышляла она, проявляя практическую

сметку и житейскую мудрость. — У Артема своих неприятностей хватает. То частые конфликты на работе с каким-то алконавтом Цыбиным, то с соседом по гаражу, задиристым Крючковым Дмитрием, по прозвищу «Крюк». На прошлой недели даже подрались. Благо, что мужики из ближайших гаражей набежали, разняли, а то бы до сих пор ходил Артем с фингалом под глазом или со сломанным носом».

Почему у мужа возник конфликт на работе, она не знала. Поняла, что грузчик из мужниной бригады, Цыбин, не хочет нормально работать, нарушает дисциплину, часто пререкается, но пользуется родственными связями, и его не увольняют. Мужу это не нравилось. А кому бы нравилось?..

О конфликте с соседом по гаражу, наоборот, знала, что называется, досконально и из первых рук. Тут ни муж, ни другие автолюбители не церемонились.

Крюк почему-то стал претендовать на их гараж, купленный ею у бывшего владельца с соблюдением необходимых норм закона и с составлением купчей. Однако сосед выдвинул сумбурную версию о своем праве первой руки при сделке купли-продажи гаража. Откуда взялось это право, откуда взялся сам Крюк со своими претензиями — было не понятно. Но конфликт возник, тлел и расширялся. И плевать, что возник на пустом месте, из ничего, словно фантом. Зато скандалы и драка мужа с Крюком были уже не фантастические, а очень даже реальные. И этот конфликт затихать не собирался, точнее, Крюк не думал его оканчивать. И грозился, что он при случае расправится с четой Смирновых, рассчитается по полной программе за «украденный» у него гараж. Приходилось опасаться этого хулигана и скандалиста. К тому же, по некоторым данным, почерпнутым из надежного источника (один знакомый работал в местном отделе милиции) было известно, что Крюк уже имел судимость за хулиганство, и вновь побить и искалечить человека ему ничего не стоит. Выходило, что забот у Артема и без приставаний соседа Олега с его сексуальными услугами хватало.

«Лишние заботы мужу не нужны, у него своих, как дерьма в общественном сортире — через край», — рассуждала практичная Мальвина. Даже соседке Лилии, жене Олега, ничего не сказала о его прыти: зачем бедной женщине сыпать соль на рану. Даже слепому было видно, как не сладко той приходится с мужем. Не видела Мальвина в глазах соседки радости и смеха ее она не слышала. Такое вот житье-бытье...

В этот день, десятого марта, после работы она, как обычно, подкатила к подъезду своего дома на «девятке». Лихо вписалась в небольшую площадку перед домом, паркуя автомобиль. После чего картинно, как это происходит в американских фильмах, небрежно так, с напускной ленцой, открыла дверцу, выставила обе ножки в кожаных демисезонных сапожках с точеными продолговатыми каблучками и длинными, до колен, голенищами. Откровенно продемонстрировала импортные колготки и короткую юбчонку, едва прикрывающую интим. Посчитав произведенный эффект достаточным, опустила ножки на уже очистившийся от снега и льда асфальт. Потом грациозно выплыла из салона сама.

В кокетливо наброшенной на плечи и распахнутой до самого низа светлой норковой шубке, еще совсем новой и потому искрящейся ворсом в свете неоновых ламп, на секунду-другую задержалась возле авто. Быстрым, наметанным взглядом скользнула по нему: все ли в порядке. Убедившись в этом, решительно повернулась в сторону дома. Белыми голубками взметнулись концы легкого шарфа, обвивавшего тонкую шею, когда она стремительной походкой с гордо поднятой головой направилась в родной подъезд.

Возле подъезда стояли какие-то ребята лет семнадцати-восемнадцати, уже почувывшие весну, так как были одеты в короткие, спортивного стиля черные кожаные куртки в «молниях», металлических пряжках и заклепках. На головах спортивные шапочки — самый модный вид головных уборов российских тенейджеров. Словом, колготилась обыкновенная молодая поросль.

Тут же на лавочке сидели две девчонки в меховых короткополых дубленках с откинутыми на спину капюшонами и непокрытыми головами. Родители, не преуспевая в духовном одаривании чад, спешили компенсировать сие в материальном.

Молодые люди о чем-то оживленно переговаривались между собой. Возможно, парни рассказывали скабрзные анекдоты своим подружкам, а те весело попискивали над особо «сальными» местами. Возможно, просто радовались весеннему вечеру, друг другу, своей компании, юности, наконец. Почему бы и нет?.. Но с приближением Мальвины разговор между ними как-то сам собой прекратился. Зато глаза парней красноречиво сопровождали ее до двери подъезда.

Мельком бросила взгляд на компанию молодых людей. Все были незнакомы. Кроме одного, смуглого, которого раз или два видела в компании с соседской девицей Ириной. Самой Ирины на улице не было.

«Что-то соседки не видно? Бедному парню приходится других развлекать...», — непроизвольно скользнуло в сознании. Но дальше думать над этим фактом не дали.

— Не идет — пишет! — услышала она уже в коридоре чьи-то, по-мальчишески, восхищенные слова. — Мадам!

«А то!..» — улыбнулась она невидимому автору восхищения и принялась за поиски ключа.

Пока искала по карманам шубки ключ от квартиры, с улицы донеслась ответная девчоночная реплика на восхищенный голос, причем с нескрываемой ехидной ноткой:

— И ты бы стал выписывать кренделя, когда бы на таком драндулете подкатил к нам, а не приперся пёхом! Мадам!..

Послышался смех парней и веселый писк обеих девчонок.

«Стервы!» — машинально отблагодарила Мальвина шустрых девах, роясь в карманах в поисках ключа. Наконец отыскала ключ, отомкнула замок, вошла в квартиру и уже не узнала, ответил ли на прикол парень или молча проглотил острый «шип» разбитной подружки.

Муж Артем был дома. В полумраке стандартной, но благодаря заботам Мальвины, уютной спальни, лежа на диване в светлом спортивном костюме, смотрел телевизор. Любимое занятие всех мужей...

По НТВ показывали очередной американский боевик. Впрочем, и по другим программам крутили дешевый американский ширпотреб, словно отечественного кино не существовало совсем.

Артему было тридцать лет, он на пять лет был старше супруги. Характер имел мягкий, незлобивый, сговорчивый. Мальвину обожал и старался во всем ей потакать.

Машина нужна? Купим. И купили. Но раскатывала в на ней основном Мальвина.

С детьми возиться не охота? Потерпим. Поживем пока без детей. И жили. В свое удовольствие. Точнее, в удовольствие Мальвины.

Мусор вынести, белье постирать? Нет проблем и вопросов. Выносил и стирал.

Пытался готовить. Но повар из него получался никудышный, и Мальвина милостиво разрешила ему от этой деятельности отойти. Обязанности по приготовлению еды взяла на себя. Но посуду мыл Артем.

Про таких мужчин в народе говорят: «Подкаблучник!»

Он знал об этом, но не обижался. Его устраивала такая жизнь. Права главы семьи он с удовольствием отдал жене, которая и работу имела престижную, и деньги в семью приносила, и все организационные вопросы на себя взвалила.

Смирнов Артем Петрович был худощав. Но не потому, что плохо питался, а в силу своей природной физической конституции. Однако худощавость шла к его среднему росту. На голове его, несмотря на молодость, уже обозначились лобные залысины. И чтобы эти залысины особо не выделялись, приходилось коротко стричь мягкие темно-русые волосы. Причем довольно часто.

— Как работалось? — вставая с дивана и поспешая к жене, чтобы помочь снять шубку и повесить ее на вешалке в углу прихожей, мягко поинтересовался Артем.

— Как обычно, — поворачиваясь спиной к мужу, чтобы тому легче было справиться с шубкой, ответила Мальвина. — А у тебя?

— Опять пришлось поцапаться с Петькой Цыбиным, с тем самым, с которым в прошлый раз чуть не подрались. Нажрется пива, напузырится, сволочь, чуть ли не с самого утра, и давай права качать, а работа стоит.

Артем работал бригадиром грузчиков в ЗАО «Пикур» в отделе сбыта готовой продукции. Получал неплохую по нынешним временам зарплату и руководил бригадой грузчиков, состоящей из шести человек. И надо же было повезти, чтобы в его бригаде оказался некто Цыбин, выпивоха, лодырь и бузотер, но родственник кому-то из руководителей ЗАО. Если дома Артем был покладист, то на работе он был строг и мягкотелостью не страдал. Умел навести дисциплину и держал в узде не самый дисциплинированный контингент — грузчиков. Но с Цыбиным, благодаря протекции последнему со стороны высоких покровителей, сделать ничего не мог. Между ними давно сложились неприязненные отношения, постоянно маячила конфликтная ситуация. Цыбин уже не раз собирался разобраться с бригадиром по-свойски.

— Оять хватал за грудки и обещал придушить или прирезать, как собаку. Вот, гад... достался же на мою голову! — посетовал Артем.

— Да что ты с ним все миндальничаешь? Не понимает по-людски, иди с докладной к генеральному, тот разберется...

— Что-то не очень разбираются... Да леший с ними, со всеми.

Беседа, они перешли из коридора в зал. Мальвина присела на диван, запрокинувшись на его спинку. Присел и Артем. Вид расслабленной жены послужил сигналом для поцелуя. Он потянулся к губам супруги. Но та, вдруг резко дернув носом, отчего его тонкие, чуть ли не прозрачные крылышки затрепетали и напряглись, отстранилась, пресекая ласки.

— Выпивал?

— Ты и скажешь, выпивал... — смутился Артем. — Так, самую малость...

— И где же? И с кем? Что-то самогоном несет... — брезгливо сморщила носик Мальвина.

Слова супруги были отрывистые и резкие, как удар пастушьего бича в утренней тиши. В глазах ехидство и презренье — Мальвина на дух не переносила выпивох. Особенно не любила, когда выпивали без всякой причины. И тем более, когда беспричинно выпивал муж.

В баре ее «стенки» всегда имелся небольшой набор спиртных напитков. Стояли две-три бутылки коньяка, несколько бутылок водки и марочного вина, как отечественного производства, так и импортные. Хранилось шампанское, полусладкое «Советское», в большой бутылке из темно-зеленого толстого стекла. Красочными этикетками выделялись ликеры. Даже бальзамы, один местный, «Стрелецкая степь», второй импортный — «Рижский», в керамической бутылочке, нашли приют в этом баре. Время от времени услугами бара пользовались. Но для этого должен был быть серьезный повод.

Мальвина не была трезвенником. В хорошей компании, по важному поводу, за добротным сервированным столом, она не прочь была побаловать себя бокалом шампанского. Могла и рюмочку коньячка или хорошей водочки позволить. Но беспричинную выпивку презирала, как презирала пьяниц и алкоголиков, этих никчемных, по ее мнению, людишек с отсутствующей силой воли, способных только «надираться» до скотского состояния, словно наглядно демонстрируя Дарвинскую теорию, что человек произошел от животного.

— Да возле нашего дома. Пацаны молодые возле подъезда выпивали... вот и угостили... Когда с работы шел, — зачем-то уточнил Артем.

— А ты, что, не мог отказаться? Или жажда обуяла?

— Да нет...

— Тогда что? Алкоголизм в ранней стадии?

— Да как-то неудобно было отказываться. Ребята такие милые попались, от чистого сердца предлагали. Не устоял. Немного выпил, чтобы не обидеть.

— Зря они тебе нос не набили. От чистого сердца и на закуску, — вновь съехидничала Мальвина.

— Да за что?

— А просто так. Как всегда бывает: сначала вместе водку пьют, потом друг другу морды бьют.

— Да я и выпил-то всего полстакана, — виновато оправдывался Артем.

— И как всегда, без закуски... — продолжала менторским тоном пенять Мальвина.

— Да была закуска... я из холодильника немного колбаски взял. Ею и закусили... — еще больше смутился от вынужденного признания Артем.

— Зря ты их еще в квартиру не позвал и ужином званым не угостил, — с презрением и сарказмом, на которые способны только себялюбивые женщины, отреагировала супруга.

Нежданно-негаданно замаячило возникновение семейного конфликта.

— Солнышко, прости, виноват, — стал каяться и просить прощения Артем. — Ну, Мальвиночка моя, ну, картиночка моя, прости! Ну, кисонька... Больше не повторится.

Вид мужа, его виноватое лицо, в котором вдруг появилось что-то от давно позабытого детского преклонения маленького человечка перед большим и сильным, его жестикуляции и поза кающегося грешника смягчили гнев Мальвины.

— Ладно, прощаю. Но чтобы это было в первый и последний раз!

Сказать — сказала, но дуться не перестала. И потому Артему было не до ласк и любовных игр. Что-то оборвалось между ними. Лопнула нить душевного настроения. Как одна струна на гитаре во время игры. Дзинь — и нет мелодии!

Артем, стараясь еще больше загладить свою вину перед обидевшейся женой, поспешил на кухню, чтобы подогреть ужин для любимой супруги. Но та, переодевшись в домашний халат конореечного цвета с золотыми павлинами на полах, сама пришла на кухню и вытурила оттуда Артема.

— Сама приготовлю. А ты после ужина отгони машину в гараж. Да там, смотри, с кем-нибудь не забудай. А то я знаю тебя: стоит лишь губы помазать, как потянет на подвиги. И литр со слезинку покажется.

— Да что ты, котенок, львеночек ласковый мой, ни-ни! Отгоню — и домой. К кошечке моей ласковой под бочок... — не покидал кухни Артем.

Лесть была приятна. И Мальвина перестала дуться на мужа.

— Ладно, тебе! Кончай дурью маяться, кутенком несмысленным прикидываться! Прощаю. Вали в зал, к телевизору, чтобы у меня под ногами не мешаться, пока ужин готовлю. Приготовлю — позову.

— Слушаю и повинуюсь!

Поняв, что прощен, Артем легкой тенью скользнул из кухни в зал. К телевизору. Досматривать боевик.

В телевизоре опять была погоня с немыслимыми кульбитами, обозначающими приемы восточных единоборств, с обоюдной стрельбой, горой трупов и реками крови.

«Могут же, чертовы капиталисты, не нашим чета!» — восхитился про себя Артем, пытаясь войти в суть происходившего на экране.

Не прошло и часа, как Мальвина позвала мужа ужинать. Ужинали мирно, перебрасываясь короткими, ничего не значащими фразами на нейтральные темы. О произошедшем конфликте не вспоминали.

Потом Мальвина пошла в ванну принимать душ, а Артем остался на кухне мыть посуду.

Из ванной комнаты Мальвина выплыла посвежевшей, с влажными, пахнущими земляникой и летом волосами, туго завернутыми в чалму из махрового полотенца.

— Как, ты еще дома? — удивилась она. — И автомобиль не отогнал?

— Я подумал, что пусть он сегодня возле дома постоит, ничего с ним не случится, — стал оправдываться Артем, но как-то неуверенно и неубедительно.

— А угонят?

— Ну, у других не угоняют, и наш не угонят...

— Не угонят, так повредят. Поцарапают или вообще подожгут. Мало ли идиотов ходит по ночам.

— Да кому он нужен... — попытался было отстоять свою точку зрения на возникшую проблему парковки автомобиля Артем. И опять как-то вяло, без необходимой твердости в голосе. — Но если ты, котенок, настаиваешь, то конечно...

Разговор происходил в зале под шум телевизора. Мальвине, не желая того, приходилось напрягать голос, чтобы перекрыть телевизионный гвалт.

— Я не только настаиваю, но и еще опять рассержусь. Ты этого хочешь?.. Может быть, тебе нравится злить меня? — начинала заводиться Мальвина.

— Я мигом! — подхватился с дивана Артем. — Извини.

Он стал поспешно одевать прямо поверх спортивных брюк джинсы. Застегнул молнию куртки. Небрежно набросил на затылок норковую шапку.

— Уже готов.

— Ты как на свидание нарядился, — не одобрила она его экипировку.

Артем сменил норковую шапку на вязаную, лишь бы Мальвина не дулась.

— Все, бегу! — крикнул с порога.

— Смотри, не задерживайся, — бросила вдогонку ему Мальвина. — А то домой не пушу, — улыбнулась она. — И с Крюком не связывайся, если случайно столкнешься...

Но Артем последних слов жены не слышал. Шагал уже по коридору подъезда.

ЗЛОБИН И АПЫХТИН

Злобин Иван Иванович до своего совершеннолетия находился в детском доме. В одном из множества подобных домов для сирот, располагавшихся на Курской земле.

И вообще, сколько он себя помнил, столько и находился там. Словно его не мать родила, а вырастили в пробирке в этом детдоме. В младенческом возрасте он не особо задумывался над этим обстоятельством, находясь среди десятков таких же мальчиков и девочек. Когда же подрос, то из обрывков разговоров взрослых, из циничных объяснений старших ребят узнал, что мать его бросила. Так впервые он узнал, что у него есть мать.

Отца у него не было. Вообще-то, отец, конечно был. Бывалые детдомовцы вполне понятно и доходчиво объяснили маленькому Ване, что детей не аисты в клюве приносят и не на капустной грядке в корзине их находят, а рожают матери от отцов или просто от чужих мужиков. Так что Иван уже в малолетстве уразумел, что отец должен быть; но кто он такой и где, об этом ничего не знал.

Наверное, о нем не знала и его мать, Злобина Валентина Яковлевна, ведшая в молодости разгульный образ жизни, неразборчивая в половых связях и невесть как и от кого забеременевшая, а потом разродившаяся Иваном. Дала сыну свою фамилию, распространенное на Руси имя Иван и отчество Иванович. Тоже распространенное.

Маленькому Ване стало известно, что мать пила, за ребенком, то есть за ним, не смотрела, таскалась по притонам, вела бестолковую жизнь, болела всеми венерическими болезнями. К тому же была часто бита собутыльниками и собутыльницами.

Сердобольные соседки, жалея ребенка, стали писать жалобы на Валентину в различные инстанции. Там не сразу, но отреагировали. Был суд, и ее лишили родительских прав. Или, как говорили на обывательском уровне, лишили материнства.

Однако такое определение задевала сотрудников милиции, особенно инспектора по делам несовершеннолетних Матусову Таисию Михайловну, которая всякий раз поправляла незадачливого выплескивателя глупости, что когда лишают женщины материнства, то убирают матку, но не ребенка. А если у нее отбирают ребенка, то только лишают родительских прав, но никак не материнства.

Правда, тут же добавляла, наученная горьким опытом работы, что правильнее было бы одновременно с лишением родительских прав лишить и материнства, так как родительских прав лишают на конкретного ребенка, и ничто не мешает данной женщине вновь забеременеть и родить другого ребенка, родительских прав на которого она не будет лишена. И снова придется собирать кучу бумаг, бегать по различным инстанциям, утрясать, согласовывать, чтобы вновь суд мог лишить ту же самую женщину родительских прав. Это, кстати, происходило на самом деле. Причем, довольно часто. Абракадабра законодательства.

После лишения Злобиной Валентины родительских прав двухлетний Иван оказался в Рыльском детском доме. Вскоре после этого мать была осуждена за тунеядство и кражу и оказалась в колонии. Там ее одновременно с лишением свободы принудительно лечили от алкоголизма и от венерических болезней.

От венерических вылечили, а от алкоголизма не смогли. У баб это, как известно, неизлечимо. К тому же нельзя вылечить алкоголика или наркомана, если он сам того не желает.

Но этого Иван в силу своего малолетства не знал. Знали воспитатели и нянечки,

которые постарались заменить Ивану мать. То был советский период, и материальной нужды детский дом не испытывал. Воспитанников детдома хорошо кормили и неплохо одевали, хотя и во все однотипное и одноцветное. Однако, теплое и чистое.

После первой отсидки, когда Иван уже учился в первом классе, он вновь увидел мать. Та приехала отведать сына. Возможно, у нее проснулось что-то инстинктивное, материнское. Возможно, просто стало интересно взглянуть на вое чадо...

Сердобольные воспитатели допустили ее до сына в надежде на то, что у нее наконец-то проснутся настоящие материнские чувства. И это заставит ее взяться за ум, остепениться, вернуть себе родительские права.

Встреча с сыном действительно оказала позитивное влияние на судьбу матери. Она прекратила распутную жизнь, трудоустроилась в Курске дворником в одну из жилищных контор, ограничила себя в спиртном, получила комнатку сначала в общежитии, потом в малосемейке, то есть в доме, где жили небольшие семьи, и где одна кухня была на пять-шесть таких семей. Такие дома еще называли хрущевками или хрущебами, ибо они были построены во времена Хрущева Никиты Сергеевича — Первого секретаря ЦК КПСС Председателя Совета Министров СССР.

Тогда был выдвинут лозунг: «Каждой советской семье по отдельной квартире»!

И стали выполнять решения партии и правительства. Но средств производства, экономических и материальных силенок не хватало. Чтобы как-то выбраться из этого тупика, занизили санитарные и строительные нормы. Вот и появились хрущобы: трех-четырёх этажные коробки без единого балкона, с двумя или тремя подъездами, с пятью-шестью квартирами на одну кухню, с общими коридорами и низкими потолками. Впрочем, и этому на первых порах их обладатели были рады-радешеньки...

В конце пятидесятых, начале шестидесятых годов целый квартал таких домов появился и на поселке РТИ, в районе улиц Обоянской и Народной.

Вот в четырнадцатом доме по улице Народной и получила Валентина комнатку. А, получив, привела туда очередного хахалю. Тот оказался не дурак выпить. Тут и курице понятно: с таким «сердечным другом» Злобина Валентина в человеческом обличье держалась недолго.

Не прошло и года, как она вновь оказалась на зоне. Теперь за разбой. На пять лет. Вместе с хахалем заманили к себе в комнату «родственную душу», еще до конца не опустившуюся подругу Валентины, Альбину. Подпоили, избили и отобрали у нее золотую цепочку и золотое колечко, единственно ценное имущество, имевшееся у Альбины. Причем, поколотили так, что та еще долго отлеживалась в больнице.

К шестнадцати годам, когда пришла пора Ивану покидать детский дом, его биологическая мать отбыла уже третий срок. Была сильно больна. И как раньше сама пустила к себе в комнатку хахалю, которую в связи с осуждением потеряла, в этот раз нашла приют у пожилого одинокого мужчины. Скорее всего, ни о какой любви между ними говорить не приходится: обоим уже было не до сексуальных утех. Просто сработал практический смысл: он получал пенсию и еще подрабатывал сторожем на стройке, она — стирала, убирала в квартире, готовила пищу. Немного получала по инвалидности, выхлопотав себе вторую группу.

Иногда вместе выпивали. Но уже не как в дни бурной молодости, а так, по стопочке... Мужчина был одинок и сжалился над Валентиной, прописав ее в своей квартире как гражданскую жену.

Иван стал посещать мать. По выходным дням. Однако долго не задерживался и возвращался в детдом, так как мать по-прежнему юридически оставалась лишенной родительских прав. И восстанавливать их не спешила. Особой приветливости ни мать, ни ее сожитель Ивану не оказывали, хотя и гнать не гнали. Родственными чувствами тут и не пахло.

После окончания средней школы Иван по ходатайству детдомовского руководства поступил учиться в СПТУ-14, чтобы вместе с путевкой в жизнь получить и профессию строителя. Покинул детдом и стал проживать в общежитии от училища на Магистральном проезде.

В детдоме жилось не сладко, несмотря на кучу нянечек, воспитателей и педагогов, а в ПТУ стало еще хуже. Если в детском доме имели место дисциплина, порядок и традиция, когда старшие опекали малышей и не давали сильным обижать слабых, то в ПТУ этого не было. Здесь нередко были кражи и вымогательства денег старшими и более сильными у младших и более слабых.

Доносительство и в детдоме и в училище считалось страшным позором. Поэтому о негативной жизни руководство ПТУ зачастую ничего не знало, хотя и догадывалось. Возможно, в связи с этим до глубокого вечера в общежитии дежурили воспитатели и педагоги. Иногда в таких дежурствах принимал участие и инспектор милиции по делам несовершеннолетних. Но после 23 часов взрослые уходили, и в общежитии начиналась своя жизнь, по своим неписаным законам.

Злобина природа силой не обидела. Возможно, ущемила в умственных способностях, но только не в физических. Он мог постоять за себя, правда, один на один. Но второкурсники уже были сбиты в «кодлы» и действовали скопом, как волчьи стаи, отбирая у слабых однокашников последние копейки. В таких условиях один — в поле не воин. Покалечат за милую душу.

У Ивана отбирать было нечего. Причитающиеся ему от государства деньги, откладывались на сберкнижку, откуда администрацией училища снимались по мере надобности: на приличный костюм, или на куртку, или на выходные туфли. К тому же он еще в детдоме сошелся с Апыхтиным Толиком, светловолосым, остролицым, прыщеватым парнем, которого за его высокий рост дразнили «каланчей», и, действуя вдвоем, давали достойный отпор. Впрочем, сначала давали отпор, а потом и сами стали понемногу «шакалить», отбирая по мелочам одногодков и однокурсников.

У Апыхтина судьба была схожа с судьбой Ивана. Также при живой матери воспитывался в детском доме. Отличало их только то, что у Ивана — ни братьев, ни сестер, а у Толика семь или восемь младших братьев и сестер. Точного счета ни он, ни сама их мать не знали. Все — от разных отцов. И все воспитывались в детских домах. Некоторые даже за пределами Курской области. Наверное, своих Апухтиным уже не хватало.

Мать Апыхтина, Анна Дмитриевна, как и мать Ивана, жила в Курске. На улице Обоянской. Иван бывал у нее вместе с Толиком, когда по выходным дням посещал свою. Как и ему, Толику были не очень рады в родимой комнатухе. Кроме того, Иван всегда удивлялся, как могла Анна Дмитриевна нарожать столько детей, если была инвалидом детства, хромала на обе ноги и имела личико, сморщенное, ссохшееся, скукоженное, похожее на лицо египетской мумии, увиденное им однажды по телевизору.

«Какой мужик, под какими чарами мог полезть на такую кикимору?» — думал он не раз, наблюдая за Аннушкой, как ее называли соседи.

Но лазали. Анна Дмитриевна исправно брюхатела и, словно автомат, в положенный срок сбрасывала на шею государству очередное чадо.

И как тут не вспомнить хоть добрым, хоть недобрым словом бывшего инспектора Промышленного РОВД по делам несовершеннолетних, капитана милиции Матусову Таисию Михайловну с ее выводом о том, что в случае лишения женщины родительских прав, ее, эту женщину, надо лишать и материнства, чтобы не засорять страну алкоголиками, ворами и насильниками.

И не только это, но и ее дискуссию с другими представителями правоохранительных органов о вымирании и деградации русской нации, когда в нормальных семьях рождается один ребенок, и тот не всегда физически здоровый, а в «ублюдочных», словно крольчата, плодятся по пять-семь... Потом эти пять-семь в свою очередь пустят на божий свет по пять-семь, а нормальные — опять по одному. А через двадцать лет эти отпрыски в той же самой пропорции пустят своих. И так далее, и так далее! Вот и получается, что общество деградирует, причем не в арифметической, а в геометрической прогрессии...

— Михайловна, — бывало возразит участковый инспектор милиции Сидоров, оптимист и жизнелюб по природе, — не очень ли ты краски сгущаешь, рисуя мрачную картину будущего страны? Что-то не верится...

— Поживешь — увидишь! — хмурилась Михайловна.

— А я, по-прежнему, не верю, — не соглашался Сидоров.

— Хоть верь, хоть не верь, а будет так, как я сказала, — оставалась при своем мнении Матусова. — Деградация нации налицо! И только слепой этого не видит...

— А я что-то не замечаю, хотя и не слепой...

— Значит, у тебя шоры, как у лошади, на глазах... К тому же в добавок к ним розовые очки на глазах...

Однако, достаточно о печальном. Пора возвратиться и к «нашим баранам».

Пока Иван обучался профессии строителя, его маман овдовела и стала полновластной владелицей квартиры, куда не преминула прописать и сына. Это событие произошло на восемнадцатом году его жизни. Иван, хоть и прописался в материнских хоробах, но продолжал жить в общежитии. Там было и привычней, и сытнее. Не успел он стать совершеннолетним, как лишился своей биологической родительницы. После ее похорон, проведенных соседями, чтобы не потерять жилплощадь, по совету умных людей перебрался наконец-то из общежития в собственный угол, то есть, в квартиру матери.

«Не каждому везет в восемнадцать лет обзавестись собственным жильем, — шушукались досужие соседи. — Везунчик!»

В это же время он и познакомился с девушкой Ирой, почти такой же круглой сиротой, как и сам, у которой погибли оба родителя в автодорожном происшествии. Правда, у Ирины был старший родной брат Олег, который и осуществлял заботу о ней.

Как всякий детдомовец, Иван уже успел познать женщин в лице своих детдомовских красавиц, несмотря на все строгости и профилактические меры со стороны педперсонала. Да где им было углядеть и уследить за десятками молодых людей! Не поспоришь же с природой. Так что, к моменту его встречи с Ириной, опыт общения с женщинами у него имелся.

Но с Ириной любовь случилась чистой. Даже на удивление самого Ивана. Дальше поцелуев дело не заходило. И не потому, что они побаивались Ирениного брата, а в силу светлых и радостных чувств, вкравшихся в их молодые души и сердца.

Узнав о их дружбе, брат Иры поначалу вроде бы воспротивился их встречам. Мол, не ровня... Но потом сменил гнев на милость и в их отношения не вмешивался. Возможно, до поры, до времени...

Однажды Олег, подпоив его и Апыхтина, подговорил угнать чей-нибудь автомобиль.

— Или слабо? — буравил их насмешливыми глазами.

— Совсем не слабо! — огрызнулись тогда они.

И в пьяном кураже в эту же ночь от одного из домов на КТК угнали «шестерку», спрятав у Олега в гараже. Когда угоняли, руки дрожали и душа была готова выпрыгнуть из грудной клетки. Однако попривыкла и... успокоилась. А вот когда разобрали авто на запчасти, чтобы продать, уже и руки не дрожали. Зато похвальбы друг перед другом — не счесть. Вырученные деньги проели и пропили.

Олег на похвалы за успешно проведенное дело не скупился. Это придавало вес в собственных глазах. А примерно с конца февраля стал полунанемеками подталкивать к тому, чтобы проучить соседей.

Зазнались вконец! Земли не чувствуют и людей перед собой не видят. Особенно стерва Мальвина. Хвостом крутит направо и налево, да еще девственницу после семи абортв из себя строит. Следовало бы проучить, поставить на место...

Поначалу Иван не соглашался, так как Олеговы соседи ему лично ничего плохого не делали. Он-то и видел их раза два-три, не больше. И то мельком: «Здрасьте — до свиданья!»

Но Олег продолжал зудеть и настаивать. А в начале марта вообще «схватил за горло», запретив Ирине встречаться с ним. И Иван сдался. Согласился участвовать в правеже и Апухтин. Просто так, за компанию.

Стали ждать подходящий случай.

Вновь назначенный на должность начальника ОМ-7 УВД города Курска подполковник милиции Алелин Виктор Петрович, в гражданском костюме, проверив, как возвращаются после дежурства на участковых пунктах милиции участковые инспектора, как оперативный дежурный и его помощник осуществляют прием от них оружия, сидел в кабинете. Чтобы не тратить попусту время, перебирал текущие материалы, дорывками посматривая на экран цветного телевизора, помещенного на одну из полок «стенки».

«Вот и отработал первую неделю на новом месте, — подумал, прибрав документы в сейф и собираясь уходить домой. — Вроде, пока все нормально. По крайней мере до сегодняшнего вечера...»

Действительно, все шло нормально.

После ухода последнего участкового инспектора, в отделе осталась только следственно-оперативная группа, или СОГ, с июня девяносто шестого года заменившая привычное понятие «опергруппа». Впрочем, с заменой «вывесок» суть не изменилась. Цели и задачи перед СОГ остались прежними: раскрытие и расследование преступлений по «горячим» следам, предупреждение и локализация мелких правонарушений, разбор бытовых конфликтов в ночное время, когда на административных участках нет участковых.

Отдел притих. Не было слышно привычного, словно в пчелином улье, дневного гула.

Дежурные следователь на третьем этаже и эксперт-криминалист на первом находились в своих кабинетах. У каждого хватало дел. Один планы по текущим уголовным делам составлял, второй тихонько колдовал над очередной экспертизой.

Оперативный работник и участковый уполномоченный на дежурном автомобиле выехали на разбор семейного конфликта по поступившему телефонному звонку-сигналу. Вполне рядовое, не стоящее, как говорится, и выеденного яйца, но реагировать надобно.

В дежурке находились только оперативный дежурный майор милиции Кулинич Александр Иванович, пришедший в органы еще в начале восьмидесятых, поработавший и участковым инспектором, и инспектором отделения профилактики, и, наконец, дежурным, а также его помощник Рышков Андрей Сергеевич. Оба были в форменной одежде, чистой и выглаженной. А как иначе, если лицо отдела. Тихо переговариваясь, сидели за огромным пультом управления, светящимся множеством разноцветных лампочек-точечек. Впрочем, не просто сидели, а в пол-уха слушали по громкоговорящей связи эфир, доносившиеся переговоры служб и отдельных сотрудников, вылавливая из этого потока по определенным позывным свои. При необходимости немедленно реагировали то отрывистыми фразами-командами, то более длительными пояснениями. Служба...

Иногда в эту какофонию множества одновременных разговоров, выкриков позывных, подавляя их своей мощью, вмешивалась радиостанция оперативного дежурного области. Все сразу затихало и настораживались. Вмешательство дежурной части областного УВД ничего хорошего не сулило. Это опять где-то что-то случилось, и довольно серьезное. Просто так, от нечего делать, областники в эфир не выходят...

— Центральный округ опять штормит, — вяло прокомментировал переговоры в эфире Рышков.

— А пусть, — отозвался Кулинич, — лишь бы у нас все было тихо.

— Да вроде бы пока тихо... Только семейные... Но они всегда были и будут.

— Постучи по дереву, чтобы не сглазить, — оборвал помощника дежурный.

Тот подчинился и постучал по крышке пульта. Та хоть и из ДСП, но все же... вместо дерева сойдет.

Замолчали, тупо уставившись в панель пульта управления. Повисла зыбкая, как утренний туман, тишина. И только шум эфира никогда не смолкающей радиостанции нарушал эту тишину в помещении дежурной части. Служба...

Перед тем, как отбыть домой, Алелин по ранее заведенной привычке, еще, когда он был начальником ОМ-9 на поселке КЗТЗ, обошел все здание. Хоть и знал, что везде порядок, но убедиться в этом лишний раз не мешало. Короткий сон будет крепче. Без нервозных дерганий и подъемов.

На лестничных пролетах и в длинных коридорах нового, недавно построенного здания отдела милиции, мягким светом изредка светились лампочки дежурного освещения. Шла борьба за экономию электроэнергии. В стране все растаскивали и разворовывали, но тут, в милиции, электроэнергию экономили. Кабинеты сотрудников, как и ожидалось, были закрыты на замки и опечатаны.

«Порядок! — сам себе мысленно доложил Алелин. — Теперь можно и домой! Уже и так двенадцатый час ночи... Завтра опять к семи...»

Вновь сошел к дежурной части, но заходить внутрь не стал, решив довольствоваться увиденным через стеклянную перегородку из фойе.

При виде начальника в соответствии с нормами этики и субординации дежурный и помощник встали. Не вскочили, как в армии, а встали. Милиция все же...

— Я — домой! — коротко пояснил через окошко в перегородке.

Усиленная для прочности декоративной металлической решеткой перегородка отделяла помещение дежурной части от вестибюля. Так исполнялись требования инструкции по безопасности. И видно все, и в дежурку не проникнуть!

— Ясен ясен... — шутливо ответил оперативный дежурный. — Отдыхайте.

— По пустякам не тревожить. О серьезном докладывать немедленно! — приказным тоном на всякий случай напомнил Алелин.

И пошел к выходу из отдела, чуть покачивая корпусом и косолапя. Кряжистый и уверенный в себе. От этой уверенности, от чувства положения и власти, походка у него получалась вразвалочку, как у «морского волка» на палубе корабля во время шторма. Ступал прочно и основательно. Начальник же, не хвост собачий...

ДЕЖУРНАЯ ЧАСТЬ

— Хорошо, — отозвался на последнюю реплику Алелина, оставаясь серьезным и по-прежнему деловым, Кулинич. — Можете не беспокоиться. Думаю, все будет нормально...

Шеф ушел. Створка двери подчиняясь закону физики и прочной многовитковой пружине, прикрепленной в верхней части дверного полотна, плавно закрылась за ним. Но и без начальника отдел не осиротел, продолжал жить своей специфической жизнью.

Помощник оперативного дежурного, когда Алелин скрылся за дверью, зевнув до хруста скул, пошутил:

— При проверке — не будить. При пожаре — выносить первым!

Кулинич шутку не принял.

— Кончай треп, лучше займись регистрацией протоколов, поступивших от участковых. Заодно и правильность их составления проверь... Хотя и офицеры, но порой такую белиберду напишут, что их хоть вновь в школу учиться отсылай. Не зря говорят, что по благу поступили и по благу окончили.

По-видимому, оперативный дежурный имел в виду поступление в школу милиции нынешних сотрудников, не прошедших школу жизни — службу в армии.

— Лишь бы от армии откосить...

— Еще обидятся, товарищ майор, что старшина офицеров поправляет, — отреагировал без особого энтузиазма помощник.

Ему явно не хотелось ковыряться в бумагах, исписанных разными замысловатыми почерками.

— На обиженных воду возят. Пусть спасибо говорят, что сами их ошибки исправляем, начальнику не докладываем. Или, как Петр Петрович Цупров, из дома по тревоге не поднимаем... для исправления ошибок — замаслял самодовольной усмешкой Кулинич.

— А что, было такое? — оживился Рышков.

— Да бывало...

— Не знал.

— Впрочем, — продолжил Кулинич, — если Виктор Петрович узнает о неграмотности горе-офицеров, то и он три шкуры спустит. Так что, благодарить нас должны, а не обижаться, что за них ошибки устраняем.

— Ну, это вряд ли?.. Он, слышал, здесь рядовым опером работал, так что снисхождение должен проявлять, — не согласился с оперативным дежурным помощник, рассуждая о нраве нового начальника чисто по-житейски.

— Ну и что, что работал? — вопросом на вопрос ответил Кулинич. — Он и участковым инспектором пахал на поселке КТК вместе с Астаховым Михаилом Ивановичем, и опером рядовым тут был, и начальником уголовного розыска. Однако это еще ни о чем не говорит. Ему сейчас самый раз заниматься своим становлением тут, чтобы все знали кто здесь начальник. Кто — кот, а кто — мыши серые... Вот и будет на первых порах рвать и метать, нагонять страх и ужас на подчиненных. Пока к креслу не притрется, а кресло — к нему.

— Прирастет... — то ли спросил, то ли констатировал общепризнанный факт с легкой иронией в голосе помощник. — Все к креслам прирастают. Думаю, что и Алелин наш не исключение...

— Все шуткуешь, — усмехнулся дежурный. — Ну-ну! Пошуткуй до поры, до времени...

пока сам под горячую руку не попадешь...

— Салтыков-Щедрин уже дал оценку такому воеводству... — заметил с лукавинкой помощник, оторвавшись на секунду от журнала, в который регистрировал протоколы.

— Щедрин — Щедриным, а жизнь — жизнью! — тут же отреагировал с напускной ленцой дежурный. — Зарегистрировал?

— Заканчиваю...

— Давай, закругляйся, и спать. Уже ...двенадцать, — взглянув на настенные электронные часы, констатировал он. Потом добавил уже более озабоченным тоном: — Что-то дежурки с опером и участковым долго нет?

— Да я им еще парочку семейных передал... по рации, — пояснил длительное отсутствие части СОГ помощник, захлопывая журнал и отправляя его в ящик, вмонтированный в пульт управления.

— Задрали эти семейные, — пробурчал в усы Кулинич. — В восьмидесятые, бывало, за все дежурство ни одного вызова! А теперь... Охамел и ошалел народ...

— Неужели ни одного? — не поверил помощник, направляясь для отдыха в специальную комнату, расположенную рядом с дежурной частью.

— Зуб даю! — на блатной манер съерничал дежурный. — Отвечаю за базар!

И стал по рации вызывать дежурный автомобиль: «Семьсот первый, семьсот первый», я — «Петровка»! Где находитесь?»

В эфире что-то забулькало, затрещало. Радиостанция на дежурной машине работала отвратительно. Сигнал то шел, то куда-то пропадал, и вместо человеческой речи, пусть даже и искаженной мембранами, доносился только треск и шипение.

Но оперативный дежурный, уже привыкший к подобным явлениям отделовской аппаратуры, напрягся, прислушиваясь. И что-то выудил для себя, так как вновь нажал тумблер вызова и прокричал в микрофон, серебристой металлической змейкой торчащий из пульта:

— Понял, понял. Ускорьте прибытие на базу! Отбой!

Потом по внутренней телефонной связи вызвал в дежурку следователя:

— Спускайся. Хватит в одиночестве пыль юбкой со стульев протирать. Давай уж вдвоем — так веселее...

Сделал он это не потому, что ему было скучно, а потому, что того требовала инструкция. Инструкция запрещала в дежурной части оставаться одному сотруднику. Как в дневное, так и в ночное время. В ночное — особенно. И хоть эту инструкцию, впрочем, как и другие, соблюдали не все, Кулинич к таковым не относился, действуя по принципу: «Береженого Бог бережет»! Поэтому и вызвал, попутно пошутив.

Впрочем, инструкция инструкцией, но вдвоем, как-никак, действительно веселее коротать время...

ДУРНАЯ ПРИМЕТА

Дежурным следователем была Подаркова Марина Юрьевна, старший лейтенант юстиции, совсем недавно переведенная в ОМ-7 из расформированного отдела милиции номер шесть, располагавшегося на поселке Магистральном.

Ей около тридцати, состояла в браке, имела ребенка. Впрочем, последнее обстоятельство не мешало выглядеть стройненькой девчонкой. За фигурой и внешностью следила строго, хотя времени свободного у милицейского следока в юбке кот заплакал. Ни крохи. Но как-то находила. Наверное, от сна отрывала. Что в милицейской форме, что в любом гражданском платье — смотрелась превосходно.

А ведь большинство женщин после рождения ребенка на себя и свой внешний вид рукой махнут: «А была, не была, куда вывезет...» Смотришь — и стали квашня квашней! Растолстели, расплнели, подурнели. Глазки поблекли, губки потрескались, ножки потяжелели. Куда только делась прежняя стройность и грация...

Но Марина Юрьевна к таковым не относилась. Была настоящей женщиной. Женщиной, на которую только редкий мужчина не остановит свой взгляд: «Хороша Маша, жаль, что не наша...»

Войдя в помещение дежурной части, она, недолго думая, плюхнулась на уголок стола, стоявшего возле зарешеченного металлической решеткой и задрапированного темно-зеленой гардиной окна.

— Скучаем? — не то спросила, не то констатировала обстановку в дежурной части.

Говорят, что в милиции ни в бога, ни в черта не верят. Возможно. Но в приметы в отделе милиции номер семь верили. Это уж точно.

— Встань! — раненым зверем рыкнул дежурный, только что улыбавшийся симпатичному следователю.

Та вздрогнула от окрика, но не встала.

— Не поняла?!!

Мариночка не привыкла, чтобы на нее кричали. Ни товарищи по следственному подразделению, ни муж в семье, ни фигуранты, проходящие по уголовным делам. Сама редко повышала голос, и другим не позволяла повышать его на себя. Её миндалевидные глаза сузились и потемнели. Вот-вот разомкнутся уста — и выплеснутся совсем не мягкие женские слова и речи.

Назревал скандал.

Кулинич понял, что дал маху, погорячился.

— Извини, сорвалось. Нервы... Однако, Марина Юрьевна, со стола надо слезть. Плохая примета присаживаться на стол... Дежурство может быть отвратительным, до следующего вечера не сменимся.

Лицо следователя разгладилось. Марина Юрьевна растерянно улыбнулась и встала со стола.

— Пустое все это. — Имелись в виду приметы. — Впрочем, прошу извинение за неумышленное нарушение ваших традиций...

— Не скажи, не скажи, — не согласился дежурный, отстаивая свою точку зрения, — не раз замечали: стоит кому-либо из дежурного наряда присесть на стол — неприятности на сутки обеспечены! Дурная примета! Не раз замечали...

— Извините, — еще раз извинилась Подаркова, — я не нарочно. Честное слово, не знала. Может, обойдется?..

В шестом отделе, на Магистральном проезде, где до этого она работала, ни во что не верили, сидели, как хотели и где хотели. Правда. Кроме потолка. А тут на тебе: дурные приметы...

— Может и обойдется... — раздумчиво произнес майор, но в голосе уверенности не было.

— У нас в шестом, — пыталась успокоить дежурного и себя Подаркова, — таких примет не было. Возможно, судьба проявит к нам свою милость, учитывая мой малый стаж здешней работы.

— Не исключено, хотя вряд ли... — оставался при своем мнении дежурный. — Тут не шестой, а седьмой отдел, — поправил он усы — явный признак озадаченности и скрываемого недовольства. — И надо же тебе было плюхнуться на стол... Уж плюхалась бы, что ли ко мне на колени. По крайней мере, было бы приятно. А так, жди неприятностей...

— Я смотрю, вы ловелас, товарищ майор, — улыбнулась своей обворожительной, но, по-прежнему, чуть извиняющейся улыбкой Подаркова.

— Мужик, Мариночка, мужик, — уточнил Кулинич, теперь самодовольно разглаживая усы.

Но не успели они обменяться этими репликами, как на пульте управления загорелся красный огонек и раздался громкий сигнал прямой связи с дежурной частью области.

Что-то екнуло в груди оперативного дежурного, засосало под ложечкой. «Началось!» — с какой-то обреченностью подумал он, беря трубку телефонного аппарата и включая тумблер соединения связи.

— Оперативный дежурный... — привычной скороговоркой зачастил в микрофон трубки.

Но полностью представиться ему не дали:

— У вас семейный конфликт с причинением телесных повреждений. Магистральный проезд, дом... — донеслось басовито из трубки.

Следователь Подаркова хоть и стояла далеко от пульта управления, однако хорошо расслышала сообщение. И с раздражением на себя подумала: «Хрен меня дернул с посадкой на стол. Другого места, что ли, заднице не нашлось. Вон сколько стульев свободных, а меня угораздило усесться на стол. Теперь всех собак на меня наши доблестные мужчины повесят».

Кулинич молча записывал адрес в журнал регистрации сообщений, пометчая дату, время и источник информации. Окончив писанину, осуждающе зыркнул из-под очков, которые одевал лишь, когда писал или читал, своими черными глазами в сторону следователя. Мол, что я говорил...

Той ничего не оставалось, как конфузливо улыбнуться в ответ.

Пенять следователю было некогда и уже не к чему, так как «поезд ушел». И оперативный дежурный, действуя чисто автоматически, вызывал в отдел дежурный автомобиль и поторапливал со сборами эксперта-криминалиста, вздумавшего прикорнуть на полчаса на сдвинутых друг к другу расшатанных деревянных стульях, прикрытых сверху чьей-то шинелью, найденной в шкафу. Потом интересовался по телефону на станции «скорой помощи», имеется ли у них вызов по указанному адресу.

К сожалению, вызов имелся. И в нем говорилось о ножевом ранении в области головы и шеи. Дежурная бригада «скорой» ужу выехала.

«Час от часу не легче!» — всплыло из глубин сознания народной поговоркой.

— Ну, что, Марина Юрьевна, будете после этого верить в приметы или нет? Впрочем, это ваше дело. Но подремать нам в эту ночь вряд ли придется, уж это точно. Дай бог, к утру разобраться. Вооружайся своими протоколами, ручками, карандашами, папками — и готовься к руководству следственной группы.

Та и сама, без напоминаний дежурного, знала, что руководство следственно-оперативной группой приказом МВД РФ № 334 от 1996 года возлагается на следователя, а значит, на нее. Поэтому без каких-либо «Есть!», так как в милиции и при советской власти не очень-то любили вытягиваться в «струнку» и козырять где надо и не надо, а уж при демократии вообще забыли о таких атрибутах и анахронизмах строевой жизни и службы, бегом поднялась на третий этаж, оделась потеплей и прихватила заранее приготовленную для таких случаев папку с необходимыми при выезде на место происшествия документами.

«Кажется, все. Теперь можно отправляться, — подумала она, покидая свой кабинет — и надо же мне было плюхнуться задом... Теперь вот голове покоя не будет».

ВТОРОЙ ЭКСКУРС В ИСТОРИЮ

Приказом МВД № 334 следователю регламентировался на время дежурства следственный чемоданчик, но такового не было. В России, как всегда, говорят и пишут одно, а делают совсем другое. Денег на приобретение следственных чемоданчиков забыли выделить.

Поэтому в следственном отделении ОМ-7 при СО УВД города Курска следователи сами завели себе папку дежурного следователя, в которой на всякий случай сконцентрировали столько бланков следственных документов, что можно было не только возбудить уголовное дело, но и довести его до заключительной стадии: выполнения требования статей двухсотой и двести первой, то есть ознакомления потерпевшего и обвиняемого с материалами дела.

Эх, где то благословенное время, когда УПК давал право следователю прямо на месте преступления выносить постановление о возбуждении уголовного дела и тут же приступить к выполнению неотложных следственных действий? Ушло, уплыло! Да мало ли чего уплыло в Лету?..

Вот, например, до появления в свет триста тридцать четвертого приказа МВД и инструкции к нему, дежурство осуществляла оперативная группа, в которой основная роль отводилась оперативным работникам. Они должны были и первыми прибыть на место происшествия или преступления, и первыми сориентироваться там, и первыми выполнить необходимые оперативно-розыскные мероприятия, и дознание учинить. А следователь, милицкий ли, прокурорский ли, без разницы, мог прибыть и позднее. Или, вообще, не прибыть.

Но появился приказ, и не только название дежурной группы стало другим, но и организация процесса стала иной. Во главу угла был поставлен следователь, как более сведущий в вопросах юриспруденции и процессуально подкованный человек. Теоретически все было правильно. На практике — не всегда. Однако это новшество было принято в рядах милиции как должное и само собой разумеющееся. Ни у одной службы не вызывало отторжения или недовольства. Теперь, кто бы ни допустил промах, все равно все «шишки» сыпались на следователя. Не обратил внимания, не организовал, упустил, схалтурил.

Однако последние приноровились и не шарахались от ответственности, как было поначалу. Тут стоит отметить, что в городе Курске к становлению следователя, как организатора и руководителя работой СОГ, немало сил и терпения приложили начальник СО при УВД города Курска подполковник юстиции Озеров Юрий Владимирович и новый заместитель начальника СУ области подполковник юстиции Киршенман Валентин Робертович.

Анализ выездов на место происшествия и действий там следователей и остальных членов СОГ, совещания-семинары, занятия по служебной подготовке, индивидуальная работа — не раз и не два проведенные ими в первые месяцы действия нового приказа, сыграли свою положительную роль. Заставили следователей поверить в свои силы, приучили их взваливать груз ответственности на свои плечи.

Были еще ответственные работники, никак не регламентируемые данным приказом, так сказать, плод местного творчества, а, точнее, крюкотворчества, плоды фантазий штабных работников, которым от безделья делать было нечего, как что-то придумывать и фантазировать. Ведь эти фантазии не им исполнять! Эти лица в СОГ не входили, но

обязательно должны были прибыть на место происшествия. На всякий случай и для общего руководства, так сказать...

Руководить они не руководили, отвечать — не отвечали, помогать — не помогали, но мешать работе СОГ — мешали. Да еще как! Причем, в Курске их было не считано. И от городского УВД, и от областного УВД, и от УБОП, и от ГИБДД. Откуда только не былс. Необходимого специалиста не найдешь днем с огнем, а ответственные — пожалуйста, тут как тут! И все — с большими шайбами на погонах. И все — давно забыли даже то, что когда-то знали. А некоторые УПК, вообще, никогда не читали. Слышали, что есть такой свод законов, но для чего и с чем его «едят», особо не интересовались. Но стоят уверенно, солидно, скалообразно. И все чего-то спрашивают, что-то командуют...

Чего-чего, а командиров на Святой Руси всегда было с избытком! Работников, исполнителей не найдешь, а командиров — навалом. Все — медом не корми, а дай покомандовать! Не потому ли при любой заварухе, оттого, что слишком много любителей покомандовать, а не дело сделать, каждый раз мы, русские, пятились до самой Москвы, умываясь кровью? Не потому ли у нас всегда на одного с сошкой семеро с ложкою?..

Бедному следователю то ли осмотром места происшествия заниматься и следы-доказательства искать, то ли, как студенту на экзаменах, ответы успевать давать.

Следователи возмущались, жаловались своему руководству. Руководство морщилось, но сделать ничего не могло. Если бы все следователи были ассами своего дела — один разговор, а то большинство только что со студенческой скамьи. Ни навыков, ни опыта. Только Озеров Юрий Владимирович, фанат следственной работы, говорил: «Гоните в шею, но помните, что за любой ваш промах с вас голову потом снимут!»

Но как погонит лейтенант юстиции полковников, подполковников или даже майоров?

Впрочем, гнать не гнали, но тонко намекали, где кому место. Некоторые понимали и отходили подальше, чтобы не смущать лейтенанта, некоторые не понимали и жаловались Озерову. И тот, как всегда, спокойно и обстоятельно, начинал втолковывать высоким ответственным лицам правоту следователя. А затем вызывал к себе следователя с данным материалом или уголовным делом и лично изучал дело от корки и до корки. И по итогам этого изучения следователь или получал взыскание, или же уходил ободренный, с обязательным напутствием, что с руководством лучше не спорить. Но говорилось это таким тоном, что было понятно: «Спорить, спорить и еще раз спорить!»

Господи, когда же на Святой Руси переведутся ответственные, ни за что не отвечающие?! Безответственные ответственные...

Еще по старой советской традиции в современных сериалах о милиции и других правоохранительных структурах следователя почти не видно. Везде одни оперативники. И все, как в зарубежных детективах, только беседуют, да короткие пометки в своих записных книжечках делают. Можно подумать, что в виде доказательств в суде будут предъявлены эти каракули, которые и сам опер через день с трудом разбирает.

Без вороха исписанных бумаг в милицейской работе ничего не происходит. И вот этот ворох бумаг в основном пишут следователи, или следаки, как зовут их между собой коллеги. Не зря же именно в нашей стране родилась поговорка: «Без бумажки ты «какашка», а с бумажкой — человек»!

Так что, врут режиссеры сериалов, лапшу на уши бросают, показывая беседующих оперов. Сейчас без участия следователя ни одно происшествие не рассматривается. А где речь идет о преступлениях, так там в обязательном порядке главный «застрельщик»

следователь. Как и положено. И горы исписанных бумаг!

Однако пора прекращать лирические отступления и возвращаться к нашему повествованию.

ДУРНАЯ ПРИМЕТА. ПРОДОЛЖЕНИЕ

Когда Подваркова спустилась вниз, то там уже толпился весь дежурный наряд, за исключением помощника дежурного, который продолжал дрыхнуть в комнате отдыха. Сутулился со своим криминалистическим чемоданчиком эксперт, с тоненькими папками под мышками стояли старший оперуполномоченный Фролов и участковый уполномоченный Клыков, которых, как и саму Подаркову, угораздило дежурить в эти сутки.

Видно, оперативный дежурный не удержался и посетовал сослуживцам на опрометчивость следователя, присевшего на стол, так как Фролов увидел ее, съязвил:

— Ну, что? Умная задница глупой голове жить спокойно не дает?

Шутки опера всегда были грубоваты, но жизненны, соответствовали текущему моменту и били в «точку». Это знали и не обижались.

— Чего уж там, мужики, — виновато улыбнулась Марина, — бывает...

— Вот именно, — подхватил участковый Клыков, как и Подаркова, ранее работавший в шестом отделе милиции, а потому проявивший к ней снисхождение, — и на старуху бывает проруха.

— Это где ты старуху увидел? — осклабился Фролов, раскрыв свой беззубый рот, в котором только клыки сиротливо торчали. — Это что ль Мариночка наша старуха? Да ее хоть сейчас замуж выдавай! Верно, Марина Юрьевна?

— Мне и одного мужа сверхдостаточно, — невесело отшутилась Подаркова. — И так еле успеваю кормить и одевать. Все вы, мужики, такие. Герои за дамскими спинами. Так что более одного мне не потянуть!

— Я другое в виду имел, — запоздало стал оправдываться Клыков, — что и с опытными людьми бывают конфузы... Всякие заморочки...

— Да ладно вам, — вмешался криминалист. — Может, там и ничего серьезного нет. Ну, подрались между собой жена с мужем. Тот ее матом, а она его — ухватом. Врачи приедут, йодом царапины смажут — и на этом все разборки заканчиваются. Сколько раз такое бывало.

Но слова криминалиста никого не успокоили. Хоть и шутили, но внутреннее напряжение уже не спадало. Оттого, может, и шутили, чтобы спокойными казаться.

Со стороны это могло выглядеть, да и выглядело, чего наводить тень на белый день, проявление цинизма по отношению к чьим-то болям и страданиям, несерьезным отношением к работе. Но это со стороны. Никакого умысла на цинизм и в мыслях у сотрудников милиции не было. Просто готовились к неприятностям. Подготавливали свою психику.

— Ну что, готова? — спросил Подаркову Кулинич больше для того, чтобы пресечь пустую болтовню.

— Готова.

— Товарищ майор, — хихикнул дурашливо опер, которого медом не корми, а дай позубоскалить, — нашли у кого о готовности спрашивать, у женщины. Да все женщины всегда готовы. Это у мужчин могут быть проблемы, а у женщин никогда. Всегда полная готовность. Как в ракетных войсках стратегического назначения...

Фролов в милицию пришел из вооруженных сил, где и огрубел, и анекдотов нахватался, как собака блох, и не забывал этот факт подчеркнуть.

Хихикнули мужчины. Не удержалась от улыбки и Подаркова.

— Они даже анекдот о готовности придумали, — продолжил, как ни в чем не бывало, Фролов.

— Какой? — немедленно подхватил участковый.

— Да такой, что женщина, если ей и сто лет будет, за себя полежать всегда сможет, но готов ли за себя постоять в таком возрасте мужчина — вот вопрос.

— Хи-хи-хи, ха-ха-ха!

— Фролов, закрой-ка свой громкоговоритель. Не к добру, смотрю, раздухарился. Как бы плакать при смене дежурства не пришлось... — попытался одернуть опера дежурный, чтобы быстрее выпроводить на место происшествия.

Кулинич и сам любил анекдоты, причем, не только слушать, но и рассказывать. Но в данных обстоятельствах было не до анекдотов.

— Да ладно, Александр Иванович, разберемся, — посерьезнел оперуполномоченный. — Чай, не пальцем деланы, и головы не только для ношения фуражек годны...

— Тогда отправляйтесь, нечего время тянуть... Да не забудьте мне отзвониться, когда разберетесь, — на всякий случай напомнил Кулинич. — Сами знаете, сейчас начнут из УВД города и области спрашивать: что, да как? Не отмолчишься и пустыми фразами не отделаешься.

В словах оперативного дежурного был резон, но все дружно промолчали, словно и не слышали слов Кулинича. То ли молча соглашались, то ли близко к сердцу не принимали.

— Фролов, это возлагается на тебя. Слышишь? — видя такую реакцию членов СОГ уточнил Кулинич.

Знал, знал опытный, не раз ученый дежурный, что если кому конкретно не поручишь, то и спрашивать будет не с кого. В соответствии с русской пословицей: «У семи нянек ребенок без догляду».

— Так точно, товарищ майор! Слышу. — Дурашливо вскинул руку к голове и выпятил огромную грудь старший оперуполномоченный. — Как только, так сразу!

— Давай без дурасти, — оставался по-прежнему серьезен Кулинич. — Хватит дурака ломать! Отзвонись, как разберетесь. Понятно?

— Понятно, — уже без какого-либо скоморошества отозвался Фролов. — Чего уж не понять-то...

Члены СОГ потянулись на выход, а оперативный дежурный, закрыв за ними дверь на задвижку, пошел будить своего помощника.

Если не спать, то уж всем не спать!

Крючков Дмитрий Афанасьевич, 1959 года рождения, уроженец и житель города Курска, как значилось в милицейских учетах спецконтингента, он же Крюк, за свои тридцать лет уже трижды успел поспорить с законом. И трижды, не приняв урок впрок, этот спор проиграл.

Первый раз он был осужден Промышленным нарсудом, а точнее, судьей Промышленного суда Бессоновой Еленой Александровной, за злостное хулиганство, будучи еще несовершеннолетним. На пару со своим другом избили и порезали перочинным ножом одноклассника. Отделался легким испугом и условным наказанием.

Учла Елена Александровна и молодость подсудимого, и его вроде бы чистосердечное раскаяние, и ходатайство школьного коллектива о взятии на поруки отбившейся от стада овцы. Если бы это был взрослый, то получил бы на «полную катушку». Не жаловала судья Бессонова хулиганов и грабителей. Не жаловала. Но к малолетним преступникам проявляла снисхождение. И как женщина, и как мать, и как судья. Все надеялась, что образумится молодой человек, что встанет на путь исправления. Так зачем же ему сразу ломать жизнь и судьбу.

И, действительно, многие, оставаясь на свободе, и исправлялись, и вставали на честный путь. Только не Крюк. Этот, как огромная пчела из поучительной притчи, пищал, но лез в леток криминала.

Второй раз, но теперь уже совершеннолетним, «залетел» он крепко. Опять же на хулиганстве. И условным наказанием отделаться не удалось. Опять судила Бессонова. Но уже без какого-либо снисхождения.

Отмеренные судом три с половиной года отбыл полностью — с амнистией не подфартило и с УДО не повезло. На свободу вышел не с чистой совестью, как гласил большой красный плакат над воротами колонии, а такой же безнравственный, каким и был. Зато весь разрисованный татуировками и на «понтах». А главное, с административным надзором.

В третий раз присел на нары, конечно же, за надзор. По статье 198 со значком 2 УК РСФСР. Не на много, всего лишь на годик. Но времени хватило кое-что добавить к прежним татуировкам и познакомиться с болезнью под названием туберкулез. Что, впрочем, никак не мешало ему после освобождения лечиться исключительно спиртными напитками, в основном домашнего изготовления, попросту, самогоном.

Но тут нагрянула перестройка, а затем и вообще пришла демократия с рыночной экономикой. Наступило время всеобщего воровства и растащивки. Словно рыба в воде, почувствовал Крюк себя в этой стихии. Под шумок выхлопотал свидетельство ЧП на занятие торговлишкой — и вот уже из бывшего зэка появился бизнесмен средней руки.

Где воровством, где мелким рэкетом, где махинациями с самопальной водкой, Крюк скопил небольшой капиталец, хвативший на приобретение гаража и подержанной иномарки. Дотянуться до «нового русского» духу не хватило, но малиновый пиджак имел. А как же без пиджака-то — братва не поймет...

На пике своей бизнесдеятельности даже жениться успел. Совсем уважаемым стал. Не каждый мог его по старой памяти Крюком назвать. По имени-отчеству величали. Дмитрием Афанасьевичем!

Но черную натуру малиновым пиджаком не переделаешь. Как не прикрывай ее малиновым нарядом, она все равно на волю вырвется. Вот и с Крюком то же вышло. Запил великий бизнесмен. Сбежала жена к его же другу по бизнесу, но пока что не пьющему. Прогорела торговлишка. Отобрали палатки более удачливые партнеры. И пришлось Крюку устраиваться сторожем на оптовую базу, что за Мясокомбинатом, на улице Строительной располагается. Там, где конечная остановка троллейбуса маршрута номер шесть. Туда, где он раньше, в бытность бизнесменом, товар получал.

10 марта Крюк на работу не пошел. Он круто отпраздновал женский праздник, потом перебрал с похмельем девятого, и десятого ему было не до работы. Голова раскалывалась, как перезревшая тыква, хоть медными обручами ее окольцовывай.

Встав и кое-как умывшись (о том, чтобы побриться, даже на ум придти не могло), он медленно оделся и побрел на улицу, до первой продовольственной палатки. Там же, за палаткой, слегка «полечил» себя бутылкой импортного пива. Немного повеселел. Голова не проходила, но в ней уже не так стучало и било по вискам невидимыми молоточками.

Возле палатки встретил таких же «страдальцев», с которыми, сбросившись, сообразили на пару пузырей и пошли «на гаражи», то есть в ГСК, в его «кабачок» «Тринадцать стульев». Жизнь налаживалась. Да так, что к вечеру он не только успел надраться до поросычьего визга в своем «кабачке», но и подраться с кем-то из собутыльников.

Какая же выпивка да без драки. Даже и неинтересно! Это же Россия, а не какая-нибудь зачуханная Америка или прилизанная Европа. Понимать надо. У нас, где пьют, там и бьют! Там возьмут пятьдесят грамм их облегченного пойла и весь день через губу cedят, дринькают, пузыри пускают; у нас — только стаканами. Чего уж мелочиться...

С кем конкретно не поделил в этот раз стакан водки и из-за этого подрался, он, и сам, не помнил. Но подрался на совесть: и собутыльнику нос расквасил, и сам с разбитой сопаткой оказался. И одежду свою всю кровью перемазал.

Домой добрался к двадцати трем часам, и как был весь в грязи и крови, так и уснул, повалившись на диван, не раздеваясь и не снимая обуви.

ДУРНАЯ ПРИМЕТА. ПРОДОЛЖЕНИЕ

— Кажется, приехали, — сказал водитель дежурного автомобиля, когда дежурный автомобиль ОМ-7 остановился напротив подъезда. — Вываливай! Остановка «Бирюза» — безбилетным вылезать!

Водителем «дежурки» на этот раз был Ветров Игорек, сержант милиции, голубоглазый балагур и зубоскал. Как всякий милицкий водила, он насобачился отбрехиваться не только от рядовых офицеров, но и более крупного начальства, а потому уже напрочь забыл, что такое служебная субординация. Только во время строевого смотра волей-неволей приходилось о ней вспоминать. Но строевые смотры два раза в году, а между ними целая вечность...

Вывалили из милицкой «таблетки», почти не разговаривая. В салоне, пока добирались, пригрелись, и теперь было не до разговоров. Поеживались от ночной прохлады. Топтались на месте, переминаясь с ноги на ногу. Адаптировались.

Возле дома снега было мало, лишь на чахлах подобиях газонов между подъездами. Что же касается подъездных путей, то они уже давно освободились от снежного наста и тускло чернели асфальтовым полотном в колеблющемся свете фонарей и редких освещенных окон здания. Большого мороза не было. Впрочем, и всю зиму в этом году больших морозов не было, как и не было обильных снегопадов. Ученые. Если верить телепередачам. Поговаривали о глобальном потеплении.

Однако члены следственно оперативной группы, вывалившиеся из относительно теплого нутра дежурного автомобиля, враз продрогли. Потепление — потеплением, а холод — холодом...

Во всех квартирах первого этажа подъезда, где остановился автомобиль милиции, горел свет. Верный признак того, что люди здесь не спят. «Скорой» возле злополучного дома не было: или еще не приехала, или уже отъехала.

Пошли гуськом. Впереди, как броненосец, опер; за ним в кильватере следователь, эксперт-криминалист и участковый. Водитель остался в автомобиле. Каждому — свое, как говорится.

Прямо на бетонных ступенях площадки перед подъездом при тусклом свете лампочки, прикрепленной к железобетонному козырьку подъезда, увидели капли крови.

— Кровь! — обратил внимание следователя и эксперта Фролов.

— Видим, — за обоих ответила Подаркова. — Не слепые. Идем дальше.

На полу коридора, от наружной подъездной двери до квартирных дверей на лестничной площадке, виднелись пятна крови, или на процессуальном языке — пятна вещества темно-бурого цвета, похожего на кровь.

Кровью был испачкан не только пол, но и стены. Точнее их нижняя, окрашенная темно зеленой краской, часть. Кровь на стенах не капельками, не струйками, а широкими бесформенными мазками. По-видимому, от ладоней рук, ног и всего тела.

— Ни хрена себе! — поразился участковый Клыкков. — Тут что, поросенка резали?

— Похоже на то, — отозвался тихо эксперт криминалист. — Придется повозиться. Еще как придется...

— Разберемся, — не терял оптимизма опер. — Не такое видали...

Сказать — сказал, а в глубине своей души порадовался, что все случилось не на его

зоне. Не его будут «иметь» при «разборе полетов».

«Да, работы будет по самое «не балуй»! — вздохнула про себя следователь Подаркова. — Вот и примостила свой зад на стол...»

Дверь квартиры оказалась незакрытой — узкая полоска света из коридора явно указывала на данное обстоятельство. Но на всякий случай позвонили. К двери подошла молодая женщина, зареванная блондинка в светлом халатике и домашних тапочках. На халатике и тапочках были видны следы свежей крови, что враз насторожило сотрудников милиции. Женщина без вопросов впустила членов следственно-оперативной группы в квартиру.

— Что случилось? — пробасил вполголоса опер.

— Муж зарезан... — сквозь всхлипывания последовал невразумительный ответ.

— Где он?

— «Скорая» забрала.

И опять поток слез и всхлипываний. Того и гляди, с женщиной начнется истерика.

Необходима первая, пусть самая поверхностная, далекая от детализации информация, чтобы сориентироваться, решить, с чего начинать. Уточнения, детализация — это все потом!

Инициативу, опережая следователя, взял на себя опер. И это было пусть не по инструкции, но правильно. Его солидность: рост под два метра, косая сажень в плечах поневоле заставляли собеседника проникнуться к нему уважением и доверием. Немаловажен был и психологический момент: на фоне огромного опера даже средний человек чувствовал себя малой мышкой перед здоровенным охотником-котищем. Что уж тут говорить о всякой мелюзге, которой приходилось взирать на опера снизу вверх, как на гору. Они чувствовали себя еще мельче и ничтожней, чем были на самом деле. Комплексовали и без вины были виноваты перед собой.

Члены следственной группы Фролову не мешали. Ждали продолжения беглого разведопроса. Да и что толку встречать со своими вопросами, перебивать друг друга — только потеря времени и делу задержка.

— Постарайтесь успокоиться, ведь жив! — продолжил все также вполголоса опер.

— Жив-то — жив, да все горло перерезано, — вымолвила женщина и вновь затряслась от рыданий. — Врачи, увидев рану, удивились, что еще жив. И-и-и, — завывла в голос она. — С такими ранами не живут...

— И кто его порезал так?

— Не знаю!

— Как не знаете? — повысил слегка голос оперативник. — Как не знаете, если вся квартира и весь коридор в крови?

Тут опер слегка преувеличил. К осмотру квартиры они еще не приступали, беседовали в коридорчике и не могли знать, имеются следы крови в других помещениях или нет. Хотя в коридорчике крови было немало. Ею был пропитан и небольшой коврик, лежавший на полу, и кучи каких-то тряпок, которыми, по-видимому, пытались зажать рану и остановить кровотечение. Но забросить крючок никогда не мешает. Вот он и забросил... На всякий случай.

— Не знаю, — сквозь слезы проговорила женщина.

— Странно, — отреагировал Фролов. — Может, вы не знаете, как вас зовут?

Вопрос был провокационный. Заставлял резче отреагировать на него женщину, а заодно убедиться в ее нормальности. Немало было случаев, когда обрушившееся горе «взламывало»

психику человека, и «ехала крыша». Женщина действительно на мгновение притихла, словно анализируя услышанное.

— Говорю, что не знаю, значит, не знаю. Он домой с улицы пришел с перерезанным горлом. А зовут меня Мальвиной. Мальвиной Васильевной, — уточнила она на всякий случай, чтобы сотрудники милиции не подумали, что действительно умом тронулась.

И опять затряслась, мелко-мелко, по-собачьи, с жалобным безысходным воем.

Её ответ и удивил, и ошеломил членов СОГ. Поначалу, когда слышали, что потерпевшего забрала бригада «Скорой помощи», подумали, что рана несерьезная, и, как высказывался отделовский эксперт-криминалист, одним йодом вылечат. Обрадовались. Потом, видя безутешный плач Мальвины и услышав приговор врачей, что с такими ранами не живут, сникли. А тут еще, по-прежнему, одна неизвестность в вопросе: кто порезал?..

— Мальвина Васильевна, мы сочувствуем вашему горю, — вмешалась Подаркова. — Но вы, пожалуйста, соберитесь и ответьте на наши вопросы. Мы постараемся быстро. Но без некоторых уточнений нам этого не сделать. Поймите нас. Пожалуйста.

Повисла минута молчания. Мальвина Васильевна собирала силы и нервы в кулак, чтобы более толково ответить на вопросы.

— Спрашивайте, — тихо произнесла она.

— Значит, муж порезан не в квартире?

— Да.

— Что да? — вновь взял инициативу опер.

— Не в квартире.

— А ссора у вас была? — не отставал Фролов, несмотря на осуждающий взгляд Подарковой.

— Да не то, чтобы ссора, а... — женщина замялась подыскивая определение супружеской размолвки.

— Не обязательно ссора, может какой-нибудь конфликт, которому вы не придали значение, — смягчила Марина Юрьевна вопрос оперативника, заданный слишком резко и прямолинейно.

— Была, но еще вечером.

— И чем закончилась?

— Помирились.

— Вот и хорошо, — порадовалась за Смирнову Подаркова, одновременно вызывая у последней доверие к себе и подталкивая на продолжение беседы. — С соседями он не ссорился?

— Нет.

— Был трезв или пьян?

— Трезвый был, — после секундной заминки прозвучал неуверенный ответ.

— Так трезвый или нет? — нажала Марина Юрьевна, уловив заминку.

— Говорил, что немного выпил с какими-то ребятами возле подъезда, грамм пятьдесят. Те его угостили. Но это было еще в девятнадцать часов.

— Так, так... — подбадривала Подаркова.

— Я его за это отругала. Он извинился, попросил прощения, и я его простила. Так что, не думайте, никакого скандала не было.

Следователь поощрительно кивала головой, предлагая собеседнице продолжать разговор. Опер и участковый внимательно слушали, но когда дело дошло до просьб о

прощении, Фролов, хоть на секунду, но не удержался от неудовлетворительной, если, вообще, не презрительной гримасы. Не любил опер, когда мужчины просили прощения у женщин.

— Потом мы поужинали... Затем я пошла принимать ванну, а Артем, то есть, муж мой стал смотреть телевизор.

— И что дальше?

— Около двадцати двух часов он погнал наш автомобиль в гараж. И почему-то его долго не было. Я легла в постель. Жду его, а его все нет и нет. Опять разошлась. Время за двенадцать ночи, а его все нет! — всхлипнула она. Вдохнула коротко, надрывно. — Это я виновата. Я...

Опер насторожился. Как огромный черный мастифф сделал стойку, рассчитывая на признания.

— Это я виновата, — повторила Мальвина. — Я!.. Он так не хотел ехать, так не хотел отгонять автомобиль в гараж... Словно чувствовал! Все просил возле дома оставить на ночь... Говорил: «Ничего с ним, с автомобилем, не случится, если одну ночь на улице перед домом постоит!» А я его не слушала, все гнала и гнала, все поторапливала... Это я виновата! Я!

Опер расслабился, поняв, что речь идет совсем не о признаниях. Что это лишь очередной выплеск горя и эмоций.

— Потом, примерно в половину второго вдруг слышу, что будто кто-то скребется в нашу дверь. Сначала не придавала этому значения, но затем подумала, что Артем водки нажрался и не может дверь сам открыть...

Члены СОГ слушали, не перебивая. Женщина, увлекшись рассказом, перестала плакать, только похлопывала изредка носиком. Все боялись неосторожным вмешательством сбить ее с мысли и возвратит в омут горя и плача. Вопросы могут подождать.

— Встала, открыла дверь, — продолжала Мальвина. — Он лежит возле порога. Освещение у нас, сами, наверное, видели, тусклое, поэтому сразу не разобралась, что он ранен. В сердцах накричала на него, что такой, сякой, нажрался. А в ответ только какой-то хрип, да мычание...

Слезы вновь покатались из голубых, подернутых туманной пленкой, глаз на щечки с ямочками. Разгладившееся лицо женщины вновь сделалось скукоженным, плаксиво-некрасивым.

Подаркова стала успокаивать, поглаживая ладошкой Мальвину по плечу.

— Когда увидела, что ранен, закричала, разбудила соседей. Вышли Олег Нехороших с женой и сестрой... Правда, соседка Лилия сейчас же возвратилась домой и больше из квартиры не выглядывала. Еще вышел сосед Лухин Михаил... из двадцать второй квартиры. Кто-то еще... Затащили мужа в коридор, пытались остановить кровотечение. Тут и кровью все перемазались. Кто-то из соседей, кажется, Ира Нехороших в «скорую» позвонила. Быстро приехали, минут через пять. Забрали. Сказали, что не жилец... но они постараются, сделают все возможное. А там, как Бог даст...

Мальвина вновь зарыдала. Общими усилиями кое-как успокоили Смирнову.

— Александр Анатольевич, — обратилась Подаркова к участковому, — пригласите двух понятых. Приступим к осмотру места происшествия.

— А где я их возьму?

— Не знаю. Разбудите соседей. После такого шума многие, возможно, не спят.

— Попробую...

— Вы не пробуйте, а делайте, что говорят. И побыстрее! — проявила она жесткость.

Умела следователь Подаркова и улыбнуться, и шутку поддержать, и настойчивость проявить, когда это требовалось. Без крика, без шума, без матерщины, которой грешат некоторые начальствующие мужи.

Эксперт-криминалист, не дожидаясь команды, молча расчехлял фотоаппарат, раскрыл свой чемоданчик, вынимая оттуда пеналы с кисточками, баночки с дактилоскопическими порошками, марлевые тампоны для изъятия образцов бурого вещества.

— Готовься, — одобрила его действия Подаркова. — Сейчас Клыков доставит понятых, и приступим.

Тот кивнул, соглашаясь.

— А вы, Анатолий Александрович, — обратилась она к оперативнику, — потихонечку поподробней опросите Мальвину Васильевну и запишите ее показания на протокол допроса свидетеля, чтобы зря время не терять — я возбуждаю уголовное дело по статье 111 УК РФ. По факту причинения тяжкого вреда здоровью.

И, пресекая возможные вопросы оперуполномоченного о наличии оснований для возбуждения уголовного дела, добавила:

— Состав преступления налицо.

— Понятно, — ответил опер, который традиционно не любил никакой писанины, — однако я еще немного побеседую с Мальвиной Васильевной, а потом и решим что делать: ее допрашивать или другой работой заниматься... Хочу выяснить: имеются ли у Артема недоброжелатели — это раз; во-вторых, с кем он выпивал... да еще кое-что надо уточнить. Кстати, не садилась ли и она на стол, как некоторые, ища заднице место, а голове приключений, — не удержался опер от очередной шпильки. — Не возражаете, товарищ следователь? — И добавил только для Подарковой что-то из очередного анекдота: — Вообще-то, все нормальные баба садятся на... попку, и только Баба Яга садилась на метлу. Поэтому у нее и детей не было. Ха-ха-ха!

В голосе и убежденность в своей правоте и небольшой «шип» в адрес следователя.

— Уймись, — недовольно одернула опера Подаркова, — поймей совесть, хоть тут!

— А я что? Я ничего, — прошептал опер почти так, как у самого на допросе бывшие ээки. — Я не вслух, а между нами...

Разговор следователя и оперативника происходил в присутствии Мальвины, и та, услышав слова опера о недоброжелателях, вспомнила о Крюке и о Цыбине.

— Это его Крюк порезал, — сквозь всхлипы воскликнула она, обращая слова Фролову.

В колоритном и крупногабаритном опере чисто по-женски интуитивно чувствовала силу. Потому и обратилась к нему, слезно заглядывая в его холодные, подстать мартовскому дню, серые глаза. Для чего даже по-детски запрокинула взлохмаченную головку.

— Это он, Крюк проклятый, зарезал мужа! Да, он! Или Цыбин... — неуверенно окончила она, — больше некому... — И, опережая вопросы опера и следователя, добавила, поясняя: — Давно грозились «рассчитаться», вот и рассчитались!

— Кто такой этот Крюк? И кто Цыбин? — начал выяснять подробности опер, что-то помечая на листке бумаги.

Фролов с самого прибытия на место происшествия в свой список «подозреваемых» первым номер включил саму Мальвину. В силу привычки, а также и в связи с тем, что одежда и обувь Смирновой были в крови. Руки и лицо она могла вымыть. Сколько раз уж

такое бывало! Однако он не пропустил мимо ушей и слова Мальвины, указывающие, возможно, на новых подозреваемых.

В это время возвратился участковый Клыкков, который доставил понятых. Одним из понятых оказался Нехороших Олег. Вторым был, как и стоило того ожидать, Лухин Михаил. Оба не успели уснуть после поднятого Мальвиной шума и поднявшейся затем кутерьмой по оказанию помощи Артему. Оба были в спортивных костюмах, самом удобном виде одежды: и одеваться быстро, и одет прилично.

Подаркова в нескольких словах разъяснила понятым их права и обязанности, предусмотренные статьей 135 УПК РСФСР. (Страна изменилась, и давно уже не было РСФСР, но УПК оставался старый). И собралась приступить к производству осмотра места происшествия, подключив к этому действию присутствующих. Но к ней подошел опер.

— Надо пошептаться, — сказал он и стал что-то тихонько пояснять следователю.

— Хорошо, бери участкового, и поезжайте. Но сначала позвоните в дежурную часть и доложите ситуацию. Там теперь Кулинич весь, как на иголках сидит...

— Лишь бы не на игле, — сострил тихо опер.

Фролов, к слову сказать, квалифицировался на работе по борьбе с незаконным оборотом наркотиков. Отпустив очередную шутку, уже в полный голос спросил у Мальвины разрешение на звонок по телефону.

— Звоните, — кивнула та.

Опер подошел к телефону и стал звонить в отдел. А Марина Юрьевна, достав из папки бланк, приступила к осмотру места происшествия.

Докладывая обстановку дежурному, Фролов попросил последнего помочь с установлением адреса Крюка, личности довольно известной органам милиции, не раз подвергавшейся приводам в отдел за различные правонарушения, особенно после того, как он погорел с бизнесом.

Пока дежурный и оперативник обменивались информацией, помощник дежурного, пролистав журнал о лицах, доставленных в ОМ, нашел требуемую запись и сообщил адрес дежурному, а тот, соответственно, оперу.

С установлением места жительства другого возможного подозреваемого Цыбина, приходилось потерпеть до утра. Ночью адресное бюро не работало.

«На начало и двух подозреваемых достаточно, — решил про себя опер. — С третьим утром разберемся. Если потребуется...»

— Клыкков, за мной! — позвал участкового и выскочил из квартиры.

Участковый Клыкков молча последовал за ним, даже не спросив у следователя, как руководителя СОГ, разрешения. Отвертелся опер от нудной работы — допроса свидетеля. Точнее, не самого допроса, а ведения записи этого допроса в бланк протокола, писанины. Как говорится, богу — богово, кесарю — кесарево, а оперу — оперово! Соответственно, следователю — всю грязную работу и писанину!

Несмотря на тяжесть совершенного преступления, осмотр предполагаемого места происшествия много времени не занял. На кухне и в комнатах был порядок, так что осматривали только небольшой коридорчик, где с пола и со стен были изъяты мазки с веществом бурого цвета, похожим на кровь.

Эксперт-криминалист сделал несколько снимков, ослепляя всех на мгновение фотовспышкой.

— Марина Юрьевна, в квартире все заснято и все взято, а что не взято, то затоптано, —

полушутя, полусерьезно докладывал он свои действия следователю. — Полный ажур.

— Спасибо, — говорила следователь, не отрываясь от своих дел. — Большое спасибо. Без тебя я, как без рук...

То же самое выполнили в коридоре подъезда и перед подъездом, исходя из предположения, что основные события разворачивались именно в подъезде, на площадке перед дверью квартиры.

Когда Марина Юрьевна оканчивала зачитывание вслух протокола перед тем, как дать расписаться в нем понятым и остальным участникам осмотра, возвратились на дежурном автомобиле Фролов и Клыков. Фролов, уже не спрашивая повторно разрешения на пользование телефонным аппаратом, позвонил в дежурную часть и что-то быстро доложил дежурному. Потом подождал, когда Подаркова освободится, и, отозвав ее в сторонку, стал что-то тихо объяснять.

— Даже так? — воскликнула Подаркова. — Будем проверять. А пока помогите мне: вдвоем с участковым Клыковым вкратце допросите понятых в качестве свидетелей, пока я буду допрашивать Мальвину Васильевну. Водитель Игорек и эксперт тем временем постерегут Крюка, чтобы не сбежал. О, кей?

Примостившись, кто где смог, стали записывать показания.

На этот раз оперу от писанины отвертеться не удалось. Чем быстрее будут опрошены люди, тем быстрее следственная группа покинет место происшествия, а, значит, тем быстрее все, в том числе и опер, окажутся в родных пенатах. Стимул, как говорится, налицо.

Как не поторапливались, но в полчаса ели уложились.

— Стоило еще кого-нибудь допросить, — посетовала Подаркова, — да уж, ладно, не будем людей ночью булгачить.

И стала выписывать повестки на утро жене и сестре Нехороших Олега и супруге Лухина Михаила.

— Передайте своим. Пусть завтра, точнее, сегодня, — поправилась она, — подойдут в отдел для допроса.

— И вам, — обратилась она к притихшей Мальвине, — придти днем в отдел тоже не мешает. Надо будет показания поподробней записать. Может, что нового вспомните. Мало ли чего...

— Я утром придти в отдел милиции не смогу: поеду в больницу к мужу.

— Тогда в течение дня. Но обязательно подойдите.

— Хорошо.

Все были готовы к возвращению в отдел милиции. Ждали только команды следователя.

— Трогаемся, — поступила команда.

Нехороших Олега допрашивал Фролов. Тот пояснил, что ничего не видел, ничего не слышал, так как спал. Проснулся от крика Мальвины, которая что-то орала на мужа.

— Вообще, она часто на мужа орет. Неуравновешенная особа, — по собственной инициативе информировал оперативника Олег. — Вздорная баба. Такая на что угодно способна...

Как уяснил опер, Нехороших не исключал, что Мальвина сама порезала мужа. Мало того, он постоянно, хоть и в мягкой форме, заострял на этом внимание. Потом, мол, испугалась содеянного — вот и вызвала «Скорую» и милицию.

— Стерва она, что хочешь отмочит! — пряча глаза, повторял тихо, чтобы другим не

было слышно.

И нервно тянулся за пачкой сигарет. Пальцы его руки при этом слегка дрожали. Но вспоминал, что не у себя дома и что тут не покуришь, он прятал сигареты вновь в карман спортивной куртки.

«Э-э-э, брат, — увидев это, подумал опер, — мандражируешь, словно кур воровал! Наверное, впервые такого раненого видел. Кровица не водица, большинство нос воротят. Но зачем так нервничать, коли сам не виноват... Или виноват?.. — искрой блеснуло в крутой оперской голове. — Впрочем, — гася искру подозрения, внес поправку опер сам себе, — занервничаешь, когда полутруп с отрезанной головой узришь».

И дальнейшему развитию мысли о необычном поведении Нехороших опер не дал. Некогда было заниматься психоанализом. Время поджимало. К тому же другие вопросы интересовали. Стал спрашивать о Цыбине и Крючкове.

— Не знаю таких, — честно ответил Нехороших, теперь уже открыто глядя в лицо опера. — Не встречались. Сосед, возможно, и знал, и общался, а я нет.

— Не знаешь, так не знаешь... — поморщился Фролов. — Еще Козьма Прутков говорил, что нельзя объять необъятное и все знать. И на том спасибо. Но имей в виду, что, возможно, нам еще потребуешься... — добавил для проформы, не величая по имени-отчеству — привычка всех оперов. — Так что заранее постарайся вспомнить все обстоятельства... А если что знаешь, да тайшь, то пеняй тогда на себя.

ОПЕР И КРЮК

Фролов, выяснив у дежурного адрес Крючкова, прибыл к месту его жительства. На звонок к двери долго никто не подходил. Но настойчивость опера, не убиравшего палец с кнопки звонка, не пропала даром. И вот, матерясь, к двери подошел мужчина.

— Кто?

— Свои. Открывай!

— Кто «свои»?

— Свои, — опять повторил Фролов и стал лихорадочно вспоминать кого-нибудь из жуликов, проживающих в данном микрорайоне, чтобы представиться его кликухой.

— Перец! — наконец-то вспомнил он кличку недавно освободившегося воришки среднего пошиба.

— Какого черта? — упорствовал Крюк, не желая открывать дверь.

— Похмелиться притаранил!

— Точно?

— Как в аптеке на весах...

— Погоди, сейчас открою... — и завозился в замке.

Крюк слышал про Перца, и это в какой-то мере послужило паролем и толчком, чтобы открыть дверь квартиры. Но волшебным словом, своеобразным «Сим-сим, отворись!» явилось, конечно же, упоминание о спиртном. Эта «отмычка» все двери открывала! Не устоял перед ней и Крюк.

Когда Фролов и Клыкво вошли в освещенный коридор Крюковой квартиры, то Крюк предстал перед ними во всей своей красе. С разбитыми губами, на которых запеклась корочкой кровь, в порванной и, самое главное, со следами подсохшего бурого вещества, одежде.

— Не, вы не... Перец! — впрялился, как баран на новые ворота, Крюк мутным взором на форменную одежду участкового. — И... и валите отсюда. Я вас не вызывал.

— Это уже не важно, — спокойно ответил опер. — Слышал песню: «Вы нас не ждали, ну, а мы пришли... и нам достались тут тузы и короли!» Так вот, мы пришли, и тузы с королями у нас на руках.

А участковый в тон оперу добавил:

— Мы, точно, не перец, но проперчим так, что долго будешь чихать! И помни!

— Видишь, как хорошо получается, — усмехнулся опер, — тебе и одеваться не надо, уже одет. Пошли!

— Никуда я не пойду. Не имеете права забирать меня из собственной квартиры, — стал трезветь и дерзить Крюк. — Я буду прокурору жаловаться.

— Да ради бога, — оскалил клыки Фрол, так как передних зубов у него не было. Давно стали законной добычей стоматологов. — Сколько угодно. Только при этом не забудь сказать прокурору, за что человека угробил! Лады?

— Какого человека? — продолжал артачиться Крюк, даже головой своей закрутил в знак отрицания. — Что ты, мент, несешь? На понт берешь? Никого я не гробил. Кажется, с кем-то подрался... Было дело. Подрался, но не гробил. Так-то!

— Может, оно и так, а, может, и иначе, — ухмыльнулся опер, уже веря в удачу, — но трупешник на тебе висит... К отмщению взывает! Справедливости требует! И наилучшее

подтверждение этому твоя разбитая харя и окровавленная одежда. Зенки свои, Крючок поганый, протри и взгляни реально на жизнь. Пошли веселей. Не заставляй меня злиться...

Опер для острастки взял Крюка за шиворот и слегка встряхнул.

Крюк не был хлипким, но в руках скалообразного опера враз ощутил себя котенком в лапах волкодава. И к словам его поневоле прислушался. Огляделся. Действительно его одежда была порвана и в крови.

— Не трожь, я сам...

— Давай, пошевеливайся! — чуть повысил голос Фролов, которому уже стала надоедать пустая перепалка с возможным убийцей. — Мне некогда тут с тобой тары-бары растабаривать, да дискуссии устраивать! Не на диспуте в институте благородных девиц. Сам не пойдешь, под мышкой понесу, но тогда пеняй на себя. Словом, пошевеливайся и не зли меня. Опергруппа ждет...

Как бы ни был Крюк пьян, но до него дошло, что милиция не шутит и предъявляет ему счет по крупному.

«А черт его знает, — осоловело подумал он, — может и прибил в драке кого ненароком? Башка трещит, ничего не помню».

И перестал пререкаться и упираться. Сам, охая и матерясь, нашел свой паспорт и отдал его оперу. Сам пошел к выходу и замкнул квартиру. Сам, предварительно досмотренный участковым на предмет наличия колюще-режущих предметов и иной дребедени, без милицейской «помощи», забрался в задний отсек оперативной машины.

В оперативно-бытовой практике такое поведение, такие действия подозреваемого расценивались как его внутренний психологический надлом, после которого следует полный расклад. Словом, потек...

Обо всем этом Фролов вкратце полушепотом и поведал следователю, когда вернулся к месту происшествия с задержанным Крючковым. Важные сведения, кстати, и заставила следователя Подаркову обронить удивленно-радостное: «Даже так?»

— Считай, преступление уже раскрыли, — был оптимистически настроен опер. — Не всегда так везет, чтобы с первого захода — и в цвет!

— Повезло, — тихо радовался участковый. — Завтра сменимся быстро, без задержек. И одним засранцем на участке станет меньше...

«Не кажи «гоп», пока не перепрыгнул», — увидев оптимистический настрой коллег, подумал скептик-криминалист. — Я точно сменюсь, а вот как вы сменитесь, еще неизвестно...»

Эксперты-криминалисты подчинялись напрямую УВД города Курска. И их смена происходила независимо от оперативной обстановки в отделе и начальника отдела.

ДЕЖУРНАЯ ЧАСТЬ. ПРОДОЛЖЕНИЕ

Отправив следственно-оперативную группу на место происшествия, оперативный дежурный ОМ-7 Кулинич Александр Иванович решал дилемму: звонить или не звонить начальнику отдела. С одной стороны нужно было звонить, так как любой порез чреват последствиями, с другой — какой-либо более полной информации об инциденте не было. А начальник обязательно потребует подробности, и, не получив таковых, только взорвется нервным раздражением и разносом всему наряду. Это с одной стороны. А с другой — начальник только что отъехал из отдела и, возможно, еще не спит. Тогда не придется нарушать его сон. Вот такая дилемма...

Кулинич был опытным служакой, повидавшим на своем веку не одного начальника. Он успел «пережить» не только несколько начальников отдела, но и пять начальников УВД Курского облисполкома. И знал, что если будут «победные реляции», то и руководством воспримется это благосклонно хоть среди ночи, хоть к утру. Если просто будет отфиксирован факт тяжкого нераскрытого преступления, то тоже не имеет значения, когда его докладывать: в любом случае обеспечено недовольство и разнос. Однако разнос лучше оттянуть до утра. По крайней мере, начальство будет выспавшимся и сытым, а, значит, более снисходительным. Не зря же говорится, что «утро вечера мудренее!»

И Кулинич решил дожидаться результатов.

— Подождем, — высказал вслух он свое решение, скорее для самого себя, чем для своего помощника.

— Что ты говоришь? — сонно отозвался дремавший за своей частью пульта помощник.

— Говорю, что с докладом начальнику подождем...

— Правильно, — меланхолично отозвался помощник и опять замолчал, клюнув носом в панель пульта.

Разговор не клеился. К тому же обоим тянуло в сон. Сказывались ночное время, рефлекс организма с его биологическим хронометром, усталость, скопившаяся за день во всем теле.

Некоторое оживление вносили телефонные звонки. Каждый раз, снимая с пульта трубку телефонного аппарата, надеялись услышать Фролова. Однако приходилось разочаровываться: звонили то граждане, интересуясь судьбой своих родственников или знакомых, то коллеги из других отделов милиции, которым приходилось также бороться со сном.

Наконец в третьем часу ночи раздался долгожданный звонок от Фролова. Опер вкратце обрисовал сложившуюся ситуацию, дал исчерпывающую информацию о потерпевшем, то есть, фамилию, имя, отчество, дату и место рождения, место работы. Он также намекнул, что в совершении пореза он подозревает супругу потерпевшего и еще мужчину по кличке Крюк, и попросил оказать помощь в установлении адреса этого Крюка.

Оживившийся помощник довольно быстро установил требуемый адрес: Крюк совсем недавно «имел честь» посетить КАЗ — камеру административно задержанных. И запись с данными о его личности «дышала» оперативной свежестью.

— Даже чернила не успели высохнуть, — пошутил помощник.

Теперь кое-какая информация имелась, но была она настолько скудной, что будить ради нее начальника не стоило.

— Подождем, — рассудил Кулинич.

— Подождем, — флегматично согласился с ним помощник.

А чего не согласиться, когда ответственности за принятое решение с его стороны никакой.

Около четырех часов, прерывая затянувшиеся минуты тревожного ожидания, вновь позвонил Фролов. На этот раз сообщил, что Крюк задержан и скоро будет доставлен в отдел. Тяжелый камень, глыбой свалившийся на душу оперативного дежурного, стал спадать. Застоявшееся время в одно мгновение ускорило свой бег. В сон не клонило.

«Кажется, на этот раз пронесло... — облегченно вздохнул Кулинич. — Победителей, как известно, не судят...»

Не прошло и двадцати минут, как СОГ в полном составе прибыла в расположение, доставив подозреваемого. Крючков еще не отошел от алкогольного дурмана и по-прежнему пребывал в прострации.

— Принимайте голубчика, — грохотал в ночи бас оперативника. — Совсем свежий, как огурец с колхозной грядки.

— Анатолий, потише... оглушишь, — попросила Подаркова.

— Не Фролов, а иерихонская труба, — отметил участковый Клыков.

— Досмотри и сажай в камеру, — поморщившись от вида оборванного, в окровавленной одежде, с разбитым и опухшим лицом, Крюка, распорядился дежурный, обращаясь к помощнику.

— Его надо в медвытрезвитель. Там ему место, — отозвался тот.

— Уже не к чему, — взглянув на часы, парировал дежурный. — Сажай в камеру, туда, где народу поменьше...

Он знал, что лиц, подозреваемых в совершении преступления, в каком бы они состоянии алкогольного опьянения не находились, сотрудники медвытрезвителя в свои «пенаты» не брали. Инструкция запрещала. Но другая инструкция запрещала дежурному содержать пьяных в отделе. И все эти инструкции вышли из недр одного министерства. Россия же... Воистину говорится, что правая рука не знает того, что творит левая.

Вот и приходилось оперативному дежурному отдела решать очередную дилемму: какую инструкцию министерства внутренних дел исполнять, а какую нарушать.

Помощник спорить больше не стал и принялся досматривать Крюка. А Кулинич отошел с Фроловым в сторонку, чтобы их разговор не был слышен задержанному.

— Точно, что это он, а не кто-либо иной пытался «замочить» терпилу?

— Да у него на роже написано, что он, — заверил опер. — Разве не видишь?

— Мало ли у кого что на фейсе нацарапано? — не унимался дотошный дежурный. — Это еще не значит, что виноват. Всякое видали... У Козьмы Пруткова есть крылатое выражение: «Если на клетке слона прочтешь надпись «Буйвол», не верь глазам своим!»! Так-то!

— Он, точно он, — был тверд, как скала, сотрудник уголовного розыска. — Сам сознался, что дрался в гараже. Правда, не помнит с кем. Но это ничего. Протрезвеет к утру, вспомнит! А нет — так поможем...

— А вы в этот гараж не заглядывали? — не унимался дотошный старожил отдела.

— А когда? — вопросом на вопрос парировал опер. — Утром придут зональники (так на местном жаргоне называли оперов с зон) и начнут заглядывать... Им сам бог сие велит... Вот пусть и зырят...

— Ладно, поживем — увидим... — с какой-то неопределенностью высказался

дежурный. — Готовься за справкой в больницу ехать.

— А это обязательно? — Оперативнику явно никуда не хотелось ехать.

— Обязательно!

— А еще обязательно протокол личного обыска составьте, — напомнила Кулиничу следователь Подаркова, увидев, что тот окончил секретничать с опером.

— А у самой-то... руки отсохли? — выразил неудовольствие дежурный. — Или опять попе место срочно требуется...

— Половая несовместимость, — отрубил Марина Юрьевна, намекая на нормы УПК. — И не забудьте отметить состояние его одежды, тела...

— Учи ученых, — огрызнулся дежурный и тут же поручил составление этого протокола участковому Клыкову.

Игорек, водитель дежурного автомобиля, воспользовавшись местными внутренними разборками, мало касающимися его, направил свои стопы в комнату отдыха. Решил прикорнуть хоть на пару минут.

— Ты куда? — окликнул его Кулинич.

— Да хоть полчаса вздремнуть...

— Не выйдет. Поезжайте с Фроловым в областную больницу, куда доставлен потерпевший Смирнов, за медицинской справкой о телесных повреждениях.

— Может, утром... — принялся канючить Игорек. — А? Одни все своим задницам место искали — другим за их дурость теперь отдуваться...

— Прекрати. Это всего лишь дурная примета, — одернул его Кулинич. — Займись делом.

Водителю явно не хотелось садиться за баранку и опять ехать по ночным улочкам города, трясясь на выбоинах и колдобинах родных дорог. Куда заманчивей было бы прилечь на топчан, который казался мягче любой пуховой постели!

— Бензина осталось только до автозаправки доехать... и отдохнуть охота, ни на минуту сегодня не прилег.

— Лежать будем на том свете, — грубо пошутил Фролов. — Нечего ката за хвост тянуть. Отчаливайте!

— Вам бы все «отчаливайте»! — не сдавался водила. — Говорю же, что бензина нет. На чем ехать, не на мне же, в самом деле.

На дежурный УАЗик выдавали тридцать литров горючего. На все сутки. И, как правило, этого количества бензина никогда на дежурство не хватало. Приходилось оперативному дежурному звонить в УВД и решать вопрос о дозаправке из лимита следующего суточного дежурства. Кто придумал такие лимиты, неизвестно, но получалось порой, особенно под конец месяца, что оперативный транспорт в отделах милиции полностью останавливался, зато «Волги» начальников УВД никаких ограничений не знали.

Чертыхаясь, Кулинич принялся названивать в УВД. Там его просьбу восприняли без особого энтузиазма, но, в конце концов, дозаправку разрешили.

— Дуйте на заправку, а оттуда сразу в больницу за справкой. Не будет справки, Алелин спасибо не скажет... До вечера не сменимся.

— Это Подаркова во всем виновата, — съехидничал опер. — Это она нам ЧП подарила. Вот ее и надо послать...

— Кончай треп! Не теряйте время, гоните куда надо! — В сердцах повисил голос Кулинич. — Что теперь из пустого в порожнее переливать!

Фролов и водитель уехали. Следователь и криминалист ушли в свои кабинеты. Участковый Клыкков оканчивал составление протокола личного обыска доставленного в отдел Крючкова, тихонько диктуя себе под нос наличие выявленных на теле Крючкова телесных повреждений.

— Уже пять, — то ли констатировал, то ли пожаловался неизвестно кому помощник.

— Что? — не понял дежурный.

— Я говорю, что уже пять часов. Подремать не удалось.

— А-а-а! Да, быстро время пролетело... Сначала тянулось, потом — резко ускорилось.

Ну, иди, подремли с часок. У меня сон уже прошел. Сейчас зарегистрирую материалы, доложу дежурному по УВД, а потом позвоню начальнику.

— Звонить Алелину не торопись. В половине седьмого, когда он и так встает, позвонишь и доложишь. Пусть подремлет утречком — самый сладкий сон! — напутствовал помощник.

— Я и сам так думаю. Ладно, иди, дрыхни...

Помощник ушел, а Кулинич принялся названивать в дежурную часть городского УВД, чтобы доложить о происшествии и результатах разбирательства.

Участковый Клыкков, окончив писанину, подложил папку с бумагами себе под голову и примостился калачиком за злосчастным столом, на который так неосмотрительно несколько часов тому назад присела следователь Подаркова. Дремал в полглаза. Как заяц.

— Ты, смотри, не вздумай заснуть, — зыркнул из-под очков на него Кулинич, зевая и потягиваясь на своем кресле.

— Я не сплю. Я только маскируюсь под спящего, — невесело пошутил участковый, не открывая глаз.

Но шутка оценена не была.

АЛЕЛИН. ВОСПОМИНАНИЯ

Алелин Виктор Петрович уже встал и направлялся в ванну, чтобы почистить зубы, побриться и принять прохладный душ для бодрости, когда раздался телефонный звонок.

Супруга Люда, хлопотавшая на кухне, среагировала первой:

— Это тебя. Знать, соскучились за несколько часов. Не могут жить без тебя, как без отца родного. Я — могу, дети — могут, а на работе не могут!

— А, может, это тебе какая-нибудь подружка звонит, новым платьем похвалиться спешит, — пошутил он, отчетливо понимая, что звонок предназначается ему и что ничего хорошего он не предвещает. — Или хахаля завела, вот он и беспокоится...

— Мои подружки в такую рань не звонят. Сами отдыхают и другим отдыхать не мешают. И о хахалях думать некогда. Кто-то же должен воспитанием детей заниматься, если папе за работой все некогда и некогда!

Людмила была остра на язычок и за словом к соседям займы не ходила.

Алелин промолчал.

— Это только у тебя с твоей бешеной работой нет покоя ни днем, ни ночью...

— Покой нам только снится! — Пушкинской строкой отшутился Алелин и поднял трубку.

Как и ожидал, звонил оперативный дежурный Кулинич. Как и ожидал, сообщение дежурного не порадовало.

— А чего сразу не позвонили? — спросил он дежурного.

— Пожалели, — услышал он ответ.

— Ну-ну, жалельщики самозваные, — бросил неодобрительно в невидимое ухо чуткой мембраны. — Сейчас приеду и посмотрю: жалеть мне вас или не стоит!

И, наливаясь раздражением, как утренний небосвод зарей, бросил трубку.

— Что там еще стряслось? — поинтересовалась жена, осторожно, чтобы не разбудить детей, позвякивая посудой.

— Да так себе, очередной порез на бытовой почве, если верить дежурному. Очередное ЧП.

И скрылся в ванной комнате.

Когда-то, в уже далекий восьмидесятый год, он впервые пришел в милицию. Молодой, здоровый, задорный, полный сил и энергии. Казалось, жизненных сил столько, что можно горы свернуть. Никто из его родственников в милиции не работал. Отец и мать трудились в селе. От темна и до темна. Отец — агрономом, мать — рядовой колхозницей. Семья была большая, но дружная. Пока все жили с родителями. По окончании школы разлетелись, кто куда.

Он окончил техникум. Потом служил в Советской Армии. А после службы, под романтическими впечатлениями от популярного в то время сериала «Следствие ведут знатоки», решил и сам попробовать себя на поприще охраны правопорядка и закона.

Начинал рядовым оперативником уголовного розыска в Ленинском РОВД города Курска вместе с таким же молодым бойцом правопорядка Григорьевым Александром, попросту — Шуриком. Это позже Шурика станут не только в глаза, но и за глаза величать Александром с уважительным добавлением отчества Кузьмич. Впрочем, как и его, Петровичем. А тогда новички уголовного сыска звались просто Витек и Шурик или Санек. И

трудились они под началом старшего зоны капитана Василенко Вячеслава, человека родившегося, выросшего и проживавшего в гуще самой разнузданной шпаны Казацкой слободы.

Слово «слобода» со временем отмерло и осталось только слово Казацкая, перевоплотившееся из имени прилагательного в имя существительное. Время и Советская власть стерли многие сословно-условные грани, но, несмотря на это, некоторый дух казацкой вольности продолжал витать в праправнуках буйной силы. Больше всего это выражалось в частых загулах «казаков», в групповых драках, в умении поживиться за чужой счет. Кражи, даже грабежи среди казацких поселенцев не считались чем-то позорным и противным. Наоборот, все это считалось за ухарство. Так что, почти в каждом доме на Казацкой стороне имелся свой осужденный. Вот в этой среде и вырос Василенко Слава, а потому он знал всю подноготную своих «земляков». Везде у него были свои глаза и уши, свои люди, и бесконечная родня: кумовья, сватья, братья, начиная от двоюродных и кончая такими, о которых говорится, что они «седьмая вода на киселе». И «натаскивал» Василенко зеленых оперков, как матерый волкодав молодых щенков.

Работали сутками и без выходных, забывая о родных семьях, о малых детишках, оставленных на попечение жен, перебиваясь по комнатушкам в общежитиях или снимаемым уголком в частных домах. Но ноющих, скулящих, хныкающих не было. И через полгода он уже знал многих потенциальных «клиентов» уголовного розыска не только в лицо, но и по кличкам-погонялам, и по именам, и по фамилиям.

Сначала участвовал в групповых задержаниях и доставлениях в отдел. Потом, когда поднабрался опыту и сноровки, все это делал индивидуально или же в тандеме с Григорьевым.

Были засады и ночные погони. Были нарекания и поощрения. Были первые самостоятельно раскрытые преступления и задержанные преступники. Было все. Но больше всего было рутинной работы, о которой ни в тогдашних фильмах о милиции, ни в книгах никогда не показывалось и не писалось. И в девяноста процентах все это бумаготворчество, как секретное, так и несекретное, было пустой тратой времени. Никому не нужной, но обязательной. Плевались, чертыхались, матерились... и делали. Куда же денешься, если все спускалось с самого верха, являлось неотъемлемой частицей оперской деятельности.

Как всякий опер, он гордился своей работой, считал ее самой нужной и необходимой среди других структур и подразделений милиции. И, как всякий опер, слегка подтрунивал над своими коллегами участковыми, с которыми работал в тесном контакте, проводя вечера не в своем кабинете, а в опорном пункте.

В 1988 году, когда он и Григорьев были уже не только старшими лейтенантами, но и опытными сыскарями, случилось невозможное: обоих уволили из органов.

А дело было так.

В Первомайском парке, бывшем Дворянском, разместившемся в центре города, а потому, и самом известном, стали происходить серийные изнасилования девушек и молодых женщин. Сексуальный маньяк в темных, отдаленных уголках парка выслеживал одиноко прогуливавшуюся дамочку, нападал сзади, наносил каким-то тупым предметом удар по голове и полуоглушенную, с подавленной к сопротивлению волей, насиловал. Очень часто в извращенной форме. Ни рост жертв, ни из возраст, ни иные внешние данные никакой роли для насильника в выборе жертвы не играли. Пока обходилось без убийств, но гарантий того, что насильник не переступит незримую грань и не станет оставлять после себе трупы, никто

бы не дал.

Потерпевшие, перепуганные насилием, травмированные комплексом стыдливости, растерявшиеся, подавленные, не сразу обращались в милицию, а инстинктивно, в поисках укрытия и защиты, сначала бежали домой, и только через несколько часов после происшествия, а то и на следующие сутки, нарыдавшись вдоволь, шли в отдел. И естественно, примет насильника почти не помнили, а если и пытались назвать, то получалось что-то безликое, беспредметное, аморфное. И как не «бились» оперативники с потерпевшим в сборе примет, выходило вновь и вновь желеобразное существо мужского пола, без определенного роста и возраста, одетое во что-то серое, не запоминающееся. Такая же мазня, но уже с официальным определением — фоторобот подозреваемого, — получалась и у экспертов-криминалистов. Вот и выходило, что «иди туда, не знаю куда, и найди то, не знаю что!»

Преступления получили общественный резонанс. И руководство отдела, чтобы не испытывать судьбу на прочность, с проверкой по данным фактам не затягивало, а сразу же все материалы направляло в порядке статьи 109 УПК РСФСР в прокуратуру Ленинского района города для возбуждения уголовных дел по статье 131 УК РФ.

Уголовные дела расследовались прокуратурой, но спрос за раскрытие все равно был с сотрудников уголовного розыска. Потому руководство отдела рвало и метало, личный состав лихорадило, а опера центральной зоны не спали сутками. Ежедневно планировались и проводились рейды и засады, народ стаскивали в отдел десятками, но преступления не раскрывались.

Первомайский парк не входил в зону его непосредственного обслуживания. Зато он находился на территории оперативной деятельности оперуполномоченного Григорьева. И как было не помочь другу?

Алелил срочно провел внеочередные встречи со своими информаторами, как официально значащимися, на которых имелись дела агентов, так и нигде не отмеченными. Опытные опера такое практикуют. Он же, что ни говори, был опытным.

Среди таких, нигде не числящихся информаторов, был некто Барабанщиков Павел или просто Пашка Барабан. Ни разу не судимый, но вхожий как в высокие сферы, так и в самые злачные притоны-катраны, где опять же собирались и бандиты, и, если не «отцы» города, то их сыновья уж точно. Был он хитреньким, шустреньким, услужливеньким и умненьким. В любой компании слыл своим человеком. И не просто своим, а необходимым. Одним что-то дефицитное достанет, других с нужными людьми сведет, третьим совет даст. За кого-то похлопочет, кого-то предупредит... И все с шуточками, с прибауточками. Это был прирожденный игрок и авантюрист, который не мог спокойно жить. От спокойной жизни мог завянуть или покрыться плесенью. Ему требовалась ежеминутная доза адреналина в крови, как наркоману наркотик.

Пашка Барабан сам предложил свои услуги оперу Алелину, когда однажды тот защитил Пашку от «наезда» иногородних «катал». «Наезд» мог окончиться если не летальным исходом для Барабана, то значительными телесными повреждениями. Это — уж точно, стопроцентно.

Вот этот Барабанщиков и раздобыл неизвестно какими путями информацию, что насильником является сыночек третьего секретаря обкома партии, некто Козловский Эдуард, или Эдик Козел, студент четвертого курса медицинского института, с год как женатый на дочери одного из помощников прокурора области.

Тогда у высших чиновников областного значения было модно родниться через женитьбу или замужество своих чад. Впрочем, не только областного...

— Да, дела! — поскреб в затылке Григорьев, когда узнал, кто подозревается в изнасилованиях.

— Не позавидую тебе, — только и сказал Василенко Вячеслав, исполнявший обязанности начальника уголовного розыска, оперуполномоченному Григорьеву Александру Кузьмичу, — если информация подтвердится. Не позавидую...

— Волков бояться — в лес не ходить! — пословицей отшутился Кузьмич, не желая терять оперского куража в глазах своих товарищей.

Василенко дальше докладывать по инстанциям не пошел, а предложил тихонько, без лишнего шума, без огласки, позаниматься проверкой информации и разработкой появившегося фигуранта.

— Поможешь? — спросил Григорьев, когда они остались вдвоем в кабинете, недостижимые ни для лишних глаз, ни для лишних ушей. Да так спросил, что отказ бы прозвучал предательством.

— Помогу, — по-простому, без лишнего пафоса ответил он тогда товарищу.

И стали разрабатывать план несанкционированных свыше оперативно-розыскных мероприятий.

Не раскрывая сути, втянули в дело молодого, только что аттестованного, инспектора по делам несовершеннолетних, Журавликову Анастасию Семеновну или просто Настю, Настю Журавлика, выпускницу Курского Государственного педагогического института. Журавликову, по-девичьи долговязую, с застенчивой улыбкой темно-карих глаз из-за больших линз очков, то ли от природы, то ли оттого, что носит очки, то ли оттого, что все никак не привыкнет к форменной одежде с лейтенантскими погонами на плечах, опера отдела и замечали, и привечали. За скромность и исполнительность. Вот и решили использовать ее в предстоящей операции в качестве приманки.

В качестве «живца» Настенька, несмотря на малый срок работы в органах, выступала не впервые. В розыске маньяка по последней серии преступлений ей уже не раз приходилось участвовать с оперативной группой. Но то было санкционировано и на удачу: вдруг, да клюнет... Теперь же речь шла о «подставе» под конкретного подозреваемого. И никаких санкций от руководства. Все на свой страх и риск.

Поэтому инструктировали ее, особенно в вопросе личной безопасности, не для проформы, как делалось это обычно, а на совесть.

— Так куда должна удар наносить ногой в случае нападения? — в десятый раз спрашивал ее Григорьев.

— В места с пониженным болевым порогом, — заученно отвечала Настя.

— А именно? — не отставал опер.

— По голени и... — краснела Анастасия.

— В промежность, в промежность надо бить, что есть силы и дури, — наставлял, повышая голос Кузьмич, — чтобы с одного удара отключить хоть на несколько секунд, пока мы не подоспеем... Поняла?

— Поняла.

— Хорошо. А руками?

— В лицо... — вновь смущалась Анастасия.

Она никак не могла преодолеть психологический барьер, что ей придется бить человека

по лицу. И не просто бить, а умышленно причинять ему жесткую, доводящую до потери сознания, боль. И в школе, и в институте учили не этому, а совсем противоположному. Учили, как оказывать помощь, а не как причинять боль.

— Конкретней, — не оставлял ее в покое оперативник.

— Пальцами в глаза... — мямлила инспектор ПДН.

— Молодец! — подбадривал Александр Кузьмич. И снова спрашивал: — А если нападающий будет закрывать тебе рот своей рукой или ладонью, чтобы не кричала, что должна делать?

Настя Журавлик поднимала на опера свои большие, подернутые поволокой невинности глаза и неуверенно говорила, что должна кричать.

— Но он тебе рот рукой зажал, какой тут крик... — горячился Кузьмич.

— Тогда я должна сначала его укусить за руку, — смущалась Настенька, — а когда он свою руку уберет, надо кричать.

— Ну, вот, — вздыхал с облегчением Григорьев.

Потом долго мозговали, как предохранить голову «живца» от удара. Если бы дело было осенью или зимой, то проблем бы не было: подложили что-нибудь под шапку, и иди с богом. А тут лето! Все гуляют без головных уборов.

— Хоть бери и голову в гипс упаковывай да бинтами обматывай, — злился Кузьмич, — «коси» под раненого.

— Под раненую, — мягко поправляла Настя.

— Одно и то же, — отмахивался с раздражением Григорьев.

— Да вряд ли насильник на болезненную позарится, — улыбнулся он, Алелин, отмечая этот план. — Это только в сказках «бит небитого несет»! В жизни... сложнее.

— Я и сам понимаю, — сердился Григорьев, — но ничего путного на ум не идет. — Я уже и про зонтик, и про косынку, и про беретик думал... Не подходят...

Выход нашли по подсказке самой Анастасии, которая вспомнила, что ее мама в молодости носила вуалетку, то есть декоративную бархатную шапочку с легкой черной вуалью.

— Это будет немного необычно, чуть пикантно, — с долей сомнения в голосе пояснила Настя, — но и странным, чужеродным не будет казаться. Я так думаю... Ведь когда-то модным было в вуалетках в «свет» показываться... Даже свой шик имелся...

— А что, дело говорит! — загорелись они идеей инспектора ПДН. — Какая-то изюминка в этом есть. Недаром говорят, что все новое — это хорошо забытое старое! А устами младенца сама истина глаголет.

Съездили домой к Анастасии. Нашли вуалетку. Примерили. Прикинули, как будет все выглядеть в ночное время в парке. Получалось, что немного эффектно и загадочно.

— Пойдет! — обрадовался Кузьмич. — Подложим кусочек фанеры — и никакой кулак, никакая палка страшны не будут!

— А если еще двойную фанерку, да с вбитыми в нее гвоздиками острием вверх... — добавил он небольшой штрих к идее Кузьмича, — то при ударе кулаком об острие гвоздиков, насильник не то, что про жертву забудет, но и вззоет на весь парк. Да так, что любую музыку заглушит! Надо только длину гвоздиков рассчитать. На всякий случай...

— Сапожные, думаю, подойдут! Или те, со шляпками, которыми мебельщики пользуются...

Идея понравилась Кузьмичу. И к вечеру не только была готова Настя, но и ее теперь уже

многослойная, как торт «Наполеон», вуалетка.

С неделю, изо дня в день, они втроем ходили в парк. Подозреваемый, на которого через паспортный стол они раздобыли фотографическую карточку, там не появлялся.

И вот седьмого июня, когда они в очередной раз после своей основной работы, вышли на «охоту» в Первомайский парк, насильник обозначился.

Был он довольно крупный, в серой, как и стоило того ожидать, ничем не приметной одежде.

— Посмотри, кулачищи-то какие, — шепнул Кузьмич ему, когда они издали стали аккуратно наблюдать за фигурантом.

— Такому, черт его побери, никакой палки не надо, — согласился он. — Махнет — и мало не покажется! Не только хрупкой девушке, но и матерому мужику...

— Это и хорошо, — помнил о «шипях» под вуалеткой Григорьев. — Все доказательства для суда оставит на руке!

Стали тихонько подводить к нему «живца». У Насти от волнения коленки тряслись. Но как бы там не тряслись колени, и не пыталось вырваться из груди сердечко, раза три она уже продефилировала перед подозреваемым. Один раз даже задела его, как бы невзначай. И извинилась. Это было уже сверх плана и по личной инициативе инспектора ПДН.

«Получит трепку после операции», — рассердился про себя он, не одобряя излишнюю рьяность Насти. Но тут же подумал: «Молодец девчонка, с соображением»!

Но Козловский Эдуард, казалось, не реагировал. Все с тем же лениво-отсутствующим взглядом прогуливался по аллеям парка. Порой присаживался то на одну, то на другую скамью, делая вид, что беззаботно отдыхает. Со стороны — добропорядочный интеллигентный горожанин, решивший сделать вечерний моцион перед сном.

— Наверно, гад, сегодня не клюнет, — был весьма озабочен, возможно, обескуражен таким поведением фигуранта Кузьмич. — И все старания наши коту под хвост! Не хотелось бы...

— Не исключено... — вынужден был согласиться с Кузьмичом он.

Но Козел клюнул. Совсем неожиданно.

Настя в очередной раз, продефилировав по центральной аллее в своей кокетливо-вызывающей вуалетке, единственной на весь прекрасный пол, удалилась из освещенного центра на окраину парка. Почти неразличимыми тенями, поодиночке, метрах в тридцати позади Насти и на параллельных с ней курсах, они оба неспешно двигались за ней к крутому склону, которым оканчивался парк с юго-восточной стороны. Подозреваемый, вроде бы оставался в центре. Там они его, по крайней мере, видели в последний раз.

Бдительность оперов за несколько часов хождения по парку под постоянным напряжением притупилась. Немного расслабились.

Резкий крик боли, раздавшийся с самой окраины парка, заставил оперов вздрогнуть и стремглав броситься вперед, напрямую, через кусты. Надо было торопиться спасти Настю и задерживать Козла.

Девушка лежала на траве. Очертание ее тела не было видно, но светлая блузка, специально одетая на этот случай, чтобы в темноте было лучше следить за ней, подсказала операм место падения тела. Обездвиженная поза лучше любых слов говорила операм, что Козел нанес довольно сильный удар. Амортизировать его не смогли ни вуалетка, ни фанерные кружки, ни тампоны из ваты и марли, подложенные между головой и фанерками.

Над Анастасией стоял и орал благим матом не так от боли, как от испуга Эдик Козел.

На его кулаке висела Настина вуалетка, на которую Эдик взирал с недоумением и испугом, словно на вцепившуюся в него змею.

Ствол Григорьевского ПМ, уткнувшегося в грудь Эдика, и грозный окрик: «Стоять! Милиция!» — были для насильника в эту минуту испуга и недоумения слаще бальзама. Хоть и неприятная, но реальность. А до этого сразу же после удара кулаком, непонятно откуда взявшаяся адская боль и женский головной убор, будто оживший и вцепившийся стальными зубами в руку. Словно Господь, видя вопиющую несправедливость, действительно решил наказать насильника. Мистика, да и только...

Козел затих и с детской доверчивостью и надеждой на собственное спасение протянул в сторону опера раненую руку.

— Обе! Обе давай! — не крикнул, а гаркнул Кузьмич.

И Эдик послушно протянул вторую руку.

Григорьев достал наручники и застегнул их на обеих запястьях насильника. Потом резким движением сорвал наколовшуюся на кулак правой руки вуалетку.

— Вот так-то, козлик! Отпрыгался, дорогой! И моли Бога, чтобы с нашей сотрудницей ничего не случилось! Иначе тебе конец. Прямо здесь...

Пока Григорьев занимался с Козловским, он, Алелин, возился с Журавликовой, ощупывая пальцами поверх сбившихся волос её голову. Вроде бы никаких травм и кровотечений не было.

«Потеря сознания, — подсказал опыт. — Оглушил гад!»

Но вот Анастасия тихонько, почти неслышно, застонала и попыталась встать.

«Слава Богу, жива, — обрадовался искренне, чувствуя, как спадает груз ответственности с души и сердца, — с остальным разберемся»..

— Полежи, полежи чуток, — попросил мягко, как просят ребенка, — пусть стресс пройдет. Голова, наверное, кружится? Нет? Это хорошо. А остальное до свадьбы заживет.

— Он напал неожиданно... Извините меня... — почему-то стала оправдываться Настя. — Я не успела защититься...

И заплакала. Тихо-тихо, словно освобождаясь вместе со слезами от нервного напряжения и тупой боли в затылке.

— Все хорошо, все хорошо, Журавлик, — поглаживал он ее по головке. — Видишь, мы его взяли!

И это «мы», не «я», ни «Григорьев», а именно, «мы», соединяющее в себе общие усилия и крутых оперов, и слабого инспектора по делам несовершеннолетних, как волшебное заклинание, повлияло на Анастасию. Она перестала плакать и с его помощью встала с земли.

— Мы тебя взяли! — сказала тихо и твердо, стараясь посмотреть в испуганные глаза насильника. — Ты понял, подонок, мы тебя взяли!

И тот отозвался:

— Я понял...

— Так-то! — констатировала Анастасия и стала прихорашиваться, приводить в порядок свою прическу и одежду.

Непостижима женская логика: только что плакала от боли и испуга — и вот, уже прихорашивается, наводит марафет, словно сейчас это среди ночного парка самое важное и нужное. Да!..

Как не оглушающе громко орал Козловский, однако на его крик никто не отреагировал.

То ли из-за музыки не расслышали, то ли расслышали, но сочли за чью-то неумную шутку. Мало ли дураков гуляет по парку? Как бы там не было, но никто не подошел к операм, чтобы узнать, в чем тут дело.

— Да, мы его взяли, — подхватил Григорьев слова Журавликовой, — и теперь он будет петь, как соловей, обо всех своих преступлениях! Ты меня слышишь, Козел? Или хочешь «скакнуть» с обрыва и сломать себе шею? Тогда — ради Бога! Могу даже помочь...

Он, схватив рукой рубашку Эдика, да так, что довольно болезненно царапнул кончиками пальцев по коже спины негодяя, и слегка подтолкнул к обрыву.

Конечно, никто бы Эдика с обрыва не сталкивал. Это был чисто психологический ход, оперский трюк, «чистой воды» прессинг. Надо было «ковать железо, пока оно горячо», пока Эдик разбит и подавлен, пока он не опомнился и не отошел от страха и боли. И Григорьев «ковал»!

— Слышу, — жалобно отозвался Козловский. — Я все расскажу, только окажите мне помощь. Я боюсь, как бы не случилось заражение крови. Надо укол от столбняка.

Как-никак, а Эдик был без году врач. Подонок с хорошим инстинктом самосохранения.

— В отделе мы тебе укол сделаем. И от столбняка, и от провалов памяти, если вдруг такие возникнут, — жестко и со значением сказал оперативник.

Эдик промолчал. Но дрожал всем телом. Такой озноб бывает после глубокого испуга, при смертельной опасности.

— Ты не думай, Козел, что мы тебе случайно взяли. Мы за тобой давно охотимся, козлиная морда и неуважаемый студент четвертого курса мединститута! — продолжал давить своей «осведомленностью» Григорьев, умышленно, раз за разом повторяя в различных вариациях кличку Эдика, чтобы подозреваемый уже сам себя убедил в том, что милиция о нем все знает и запирается тут не только бесполезно, но и вредно. — Так что и «сыворотки правды», о которой ты, надеюсь, слышал, не понадобится — нагнетал страсти опер. — Слышал о такой?

— Слышал.

— Змечательно, Следовательно, понимаешь, что выбор у тебя невелик. Или правдивые показания, возможность явки с повинной, черт с тобой, учитывая твою молодость, и укол от столбняка. Или тоже укол, но с «сывороткой правды» — и опять твое признание и неизвестные последствия, так как после таких уколов многие в дурдом попадают, в поселок «Искра». Надеюсь, тоже слышал о таком?

В пригороде Курска, в поселке с многозначным названием «Искра», прозываемом в народе Сапогово или еще ироничнее «Сапожок», располагалась областная психиатрическая клиническая больница, где наряду с отделениями общего режима имелись и закрытые отделения.

— Слышал...

«Молодец, Кузьмич! Вон как «разогревает... — хлопоча над инспектором ПДН, думал с одобрением он, уже поднаторевший в таких делах опер. — Вмешиваться пока не стоит, ну, если самую малость... В отделе продолжим игру. Чувствуется, в этот раз роль «хорошего полицейского» предстоит играть мне».

— Товарищ старший лейтенант, — подыгрывая, официально обратился он к Григорьеву, — пойдём-ка в отдел. Гвозди действительно были ржавые, как бы заражение крови на самом деле не произошло. Хоть он и преступник, но все-таки человек. И к тому же раскаивается. Ведь раскаиваешься?

— Раскаиваюсь, — стелился травой-муравой Козел. — Раскаиваюсь! Я все расскажу.

— А мы сейчас проверим, — не спешил Григорьев — «плохой полицейский». — Пусть-ка он скажет, сколько женщин изнасиловал! А?

— Восемь, — почти сразу ответил Козловский.

В отделе зафиксировано было только пять случаев. На горизонте маячили неизвестные эпизоды. Удивляться этому не стоило: не каждая потерпевшая решится выставить на общее обозрение свой стыд. Оперативники, работая над раскрытием известных фактов преступной деятельности насильника, предполагали что-то подобное. И вот оно, подтверждение.

— Точно? — с нотой недоверия и по-прежнему грозно спросил Григорьев.

Козловский немного подумал, пошевелил губами, словно подсчитывая про себя количество совершенных им изнасилований, и уточнил:

— Девять... Да, девять. Я всех изнасилованных помню. Всех в лицо опознаю.

— Ну что ж, пошли, — проявил «милость» «плохой полицейский» и пропел нещадно фальшивя: «Жил-был у бабушки серенький козлик, серенький козлик, серый козел...».

«...Остались от козлика рожки и ножки», — мысленно окончил детскую песенку он, Алелин, и добавил уже от себя: — Сядет надолго Эдик Козел».

Нагнав страху на подозреваемого, пешком направились в отдел, до которого было не более трехсот метров. Но это, если по прямой... Только прямой дорогой опера никогда не ходили. Да и прямых дорог не было... Пришлось кружить.

Доставив подозреваемого Козловского Эдуарда Иосифовича в отдел, попросили помощника дежурного, так как сам дежурный уже «притух» в комнате отдыха, поместить его временно в КАЗ.

— Надо хоть «червячка» заморить. С самого вечера ни «маковой росинки» во рту не было.

Помдеж был парень свойский. Он без лишних слов, по мимике оперов поняв, кто такой потенциальный клиент. И поместил Козловского в одну их камер, предварительно досмотрев его и заставив вынуть шнурки из туфель.

— У него рука правая слегка поранена... о шипы, когда Журавлика нашего хотел пустить в «отключку». Ты уж посмотри, — поведал Григорьев небрежно, — может йодом прижечь?

При ярком электрическом свете серьезных повреждений на ладони Козловского видно не было. Так, припухлость и небольшое покраснение с серым пятнышком запекшейся в корочку крови на нижней части ребра ладони. Да неглубокая царапина рядом.

— Пустяки! — отреагировал помощник дежурного. — От такого не умирают. Сейчас йодом на всякий пожарный прижжем — и готово! По мне, так таким козлам не только руки лечить, а отрубать их надо... Вместе с мужскими причиндалами!

— Посиди, Эдик, подумай, почувствуй прелесть камерной жизни, пока мы кабинет к допросу твоей персоны подготовим, — наставлял Григорьев Козловского.

В это время помощник дежурного достал аптечку и густо, не жалея йода, смазал царапины на ладони подозреваемого.

— Заживет, как на собаке...

— Мне бы врача, — попросил Козловский заискивающим голосом. — Ведь обещали...

— Обещанного три года ждут, — отрубил помдеж. — К тому же первая медпомощь уже оказана.

— Будет необходимость — предоставим и врача, — смягчил категоричность

помощника Григорьев.

— Ладно, Александр Кузьмич, идите, я тут сам разберусь, — отреагировал помощник.

Не любил помдеж, когда другие вмешиваются в его дела, пусть и опера.

— Иди, гнус, отдохни, — водворяя Козловскому в камеру, дал на прощание он легкого тумака в спину. — А то, насилуя женщин, наверное, очень устал. Говорят, что один половой акт мужчине обходится в такое количество энергетических затрат, как разгрузка вагона угля. А тут выходит, что ты не один вагон разгрузил. Целый эшелон...

С этими словами втокнул в слабо освещенное тускловатой и почти невидимой из-за углубления в стене и защитных металлических сеток лампочкой помещение. Новое обиталище Козла представляло собой бетонный параллелепипед полтора метра шириной, два метра длиной и два с половиной метра высотой. Вдоль шершавых стен, без единого окошка в них, располагались деревянные нары.

Камера уже до отказа была набита разношерстными нарушителями, полулежащими и полусидящими как на нарах, так и на бетонном полу. Свежеиспеченному обывателю тут же в нос ударила плотная, едва не до прямой осязаемости, волна, насыщенная неистребимым запахом спиртного перегара и пота множества давно немых мужских тел. На милицейском жаргоне такой «букет» был окрещен емким словом «духман». Почувствовав крутой духман, каждый человек непроизвольно испытывает позывы тошноты и рвоты. Козловскому стало дурно, и он заколотил в захлопнувшуюся за ним металлическую дверь:

— Выпустите, пожалуйста... Помру, задохнусь...

— Ничего, цел будешь, — вяло отреагировал помдеж. — Таким козлам тут только и место. Может, потеряешь охоту баб насиловать...

Чутко дремавшие обитатели камеры, как только помдеж начал возиться с замками на двери камеры, заволновались, возмущаясь предстоящим пополнением.

— И так дышать нечем!

Но когда услышали, что новым обитателем узилища будет насильник, чуть ли не хором завопили:

— Давай, давай его сюда, начальник! Счас поговорим по-свойски! Поинтересуемся, как это он, падла, наших жен и дочерей насильничал...

Поаккуратней, однако... — предостерег помдеж особо ретивых. — Не стоит искать на свои задницы новых приключений.

Не беспокойся. Все будет тип-топ... Мы только малость помнем его, бить не станем...

В России испокон веков не любили насильников, ни в обществе, ни в местах заключения, и Козловский об этом узнал на собственной шкуре. Еще как узнал!

Сбыв помдежу подозреваемого, Григорьев, Журавликова Анастасия и он, Алелин, поднялись на второй этаж, в свой родной кабинет, обставленный по-спартански, самым необходимым. Два однотумбовых стола из ДСП коричневого цвета напротив оконного проема. Со столешницами, прикрытыми квадратиками оргстекла, под которыми цветные календарики и разные нескретные бумажки. Два сейфа по углам. Пяток расхлябанных разномастных стульев у правой со стороны входа стены, да еще два, поновей и покрепче, за столами, для самих хозяев кабинета. Желто-коричневый, под паркет, линолеум на полу, обклеенные блеклыми обоями стены, давно не стиранные гардины, сдвинутые на края оконного проема, да небольшой, исполненный путем выжигания по дереву, портрет Дзержинского над столом Григорьева. Вот и все. Да, еще был старый двухстворчатый платяной шкаф, стоявший рядом с дверью, одна половина которого использовалась по

прямому назначению: для одежды, а вторая была забита всяким хламом: старыми журналами, амбарными книгами, пустыми бланками, мятыми милицейскими фуражками без кокард, устаревшими кодексами и иным ненужным мусором. Все никак руки не доходили, чтобы провести генеральную уборку и очистить шкаф от хлама. Хотя ежегодно в обязательном порядке проводилось по два коммунистических субботника: весной, перед Первым маем, и осенью, перед празднованием очередной даты Октябрьской революции.

— По такому случаю и по сто грамм не грех пропустить, — хлопнул в ладоши Григорьев. — Кстати, у меня в сейфе, помнится, полбутылочки прохлаждается, и пара бутербродиков с колбаской от обеда.... Как считаешь, Петрович?

— Я — за! А как наша дама?

— А это обязательно? — зарделась дама.

— Как же! Да за первое боевое крещение сам Бог велел! — постарался развеять сомнения молодого инспектора ПДН Александр Кузьмич. — Верно, Петрович?

— Анастасия, чисто символически! — пришлось поддержать Кузьмича. — Ради соблюдения традиции, а не ради «пьянства окаянного» и дури в голове. Дури у нас и без водки хватает...

— Ну, если символически, — согласилась, смущенно улыбнувшись, Настя.

Григорьев достал из сейфа пол-литровую бутылку «Столичной», в которой оставалось примерно треть прозрачной, как слеза ребенка, жидкости. Из ящичков стола вынул три стакана. Разлил экономно, по глотку.

Выпили.

Григорьев и он — залпом, чисто по старой офицерской традиции. Журавликова — маленькими глоточками, давясь и поперхиваясь так, что выступили слезы.

— Ну, подруга, ты и даешь? — удивился Григорьев. — Будто сроду не выпивала, а водку в первый раз видишь?

— А я и не выпивала... Ну, если только шампанское... и то на Новый год... немножко.

Пока двигались пешком в отдел, боль, испуг и напряжение последних часов прошли, и Анастасия успокоилась, почувствовала себя куда уверенней, чем это было сразу после нападения на нее.

— Извини, шампанского не имеем! — пошутил Кузьмич. — Чем богаты, тем и рады!

— И куда только наша молодежь идет? — поддержал коллегу с шутливым сожалением на лице, откладывая в сторонку полбутерброда.

За первой порцией могла последовать вторая, а закуси, как всегда, было маловато.

— В милиции так нельзя, — принялся наставлять молодую сотрудницу Григорьев. Причем так же горячо и напористо, как совсем недавно наставлял ее по правилам личной безопасности. — Сама жизнь заставляет выпивать. Не пить, а именно: выпивать. Ибо без этого можно с ума сойти, с катушек слететь, крышей тронуться... Так, Анастасия, дело не пойдет... — весело метал лапшу на уши. — Придется нам с Петровичем шефство над тобой брать, чтобы не потерять боевого товарища раньше срока. Верно, Петрович?

— А что? Я не прочь взять шефство над Анастасией. Так как все красивые дамочки — моя слабость. А красивые инспектора ПДН — само собой!

В эту минуту его глаза лукаво и испытующе встретились со взглядом Анастасии. Та покраснела и опустила глазки долу. Еще не научилась, как ее более опытные подруги из ПДН, и водку пить, и в карман за словом не лезть.

Шутка шуткой, но и тонкий намек на некоторые интимные обстоятельства тоже был.

Однако игру хоть и поняли, но не приняли.

— Анастасия, хочешь анекдот о пьющих послушать? — продолжил он, меняя тему.

— Да вы, наверное, как всегда, с «клубничкой»? — то ли согласилась, то ли возразила Анастасия.

— Нет. Без всякой клубники, земляники, — заверил он и, не дожидаясь согласия, продолжил: — Так вот, пьющие делятся на три категории: малопьющие, застенчивые и выносливые.

К его словам прислушались.

— Малопьющие — это те, которые пьют, пьют, и им все мало!

— Ха-ха-ха! — оскалился Григорьев, словно впервые услышал этот «бородатый» анекдот.

— Застенчивые, — продолжал он рассказывать анекдот, — это те, кто, набравшись, идет, держась за стену или за стены.

Улыбнулась и Анастасия. И тут же спросила:

— Если хотите, я угадаю, кто такие выносливые?

— Угадывай, — согласился, не задумываясь, он. — С трех нот...

— Выносливые — это те, кого, когда они напьются пьяными, выносят на руках. Верно?

И засмеялась.

— Верно!

— Иногда выносят не только на руках, но и на ногах, — не удержался от своих комментариев Григорьев.

— Ну что, по второй? — беря бутылку, спросил Кузьмич, ни к кому конкретно не обращаясь. — Между первой и второй — промежуток небольшой, чтобы пуля не успела пролететь... — И плеснул в стаканы по глотку. — За что выпьем?

— За Анастасию, нашу боевую подругу и красивую... — замялся слегка он, подбирая определение, — девушку!

— Согласен! — зыркнул на него лукавыми глазами Григорьев и залпом опрокинул в рот содержимое стакана.

Выпил свою долю и он. Анастасия только пригубила краешек стакана, но пить теплую и отдающую спиртом водку не стала. От первой порции к голове подкатывало снизу, от живота, что-то горячее-горячее, и в ней бежали веселые карусели.

Закусив, Григорьев разлил в два стакана оставшуюся водку.

— Закончим приятное, и примемся за необходимое, — вместо тоста сказал Кузьмич, опоражнивая свой стакан.

— А Настя — молодец! Ты видел, как она умело провоцировала Козла обратить на нее внимание?

— Видел. И хотел подойти к ней и по попке наплевать за ненужную активность и инициативу. Но теперь, как говорится, победителей не судят. Я только не пойму, как он к ней подкрался? Ведь мы держали ситуацию под контролем!

Как известно, выпитое спиртное, даже не в больших количествах, всегда способствовало разговорчивости. Опера не были исключением из этих правил.

— Мне тоже непонятно. А ты что скажешь? — обратился Григорьев к Журавликовой.

— Я... Я даже не поняла, откуда он взялся. Словно из мрака материализовался. Только удар почувствовала. Даже крикнуть не успела — и уже на земле лежу. Хорошо, что мы с вуалеткой придумали. Она и ватные тампоны смягчили удар. А без этого мог и прибить.

Наверное...

— Прибить, не прибил бы, а было бы куда хреновей, чем стало, — согласились с доводами инспектора ПДН.

— В Харькове подобное было, — стал рассказывать Григорьев. — Поводился какой-то маньяк женщин в одном парке насилловать. Как вот у нас Эдик Козел. Только там парки, не нашему чета. Чуть ли не лес! Да... А менты — они и в Африке менты! Ничего иного не придумали, как взять на «живца».

— Как мы, — самокритично поддакнул он.

— Да, как мы... живые люди, — не стал отрицать Кузьмич. — Пустили по парку несколько девушек из ПДН и ну их «пасти». День «пасут», другой «пасут» — тишина. Неделю «пасут» — опять ничего не происходит. И все — потеряли бдительность! Стали с маршрутов на «секунду» отлучаться, пивком баловаться... Словом, пока однажды оперативники «хлебрезками» своими щелкали, насильник и налетел на «подставу». И не просто налетел, но и изнасиловать успел... Нашли бедную дивчину под кустами со связанными за спиной руками и с кляпом во рту, с задранной на голову платьем и порванными трусами. Слава Всевышнему, хоть жива осталась!

— И чем все закончилось? — поинтересовался он, как не странно, но впервые слыша эту притчу, то ли правду, то ли очередную милицейскую байку.

— А ты как думаешь?

— Оперов уж точно разогнали... — не стал уточнять он, куда разогнали оперов.

— ЧП постарались замять, загасить, чтобы не стать посмешищем всему городу, — продолжил Григорьев, — поэтому всех оперативников тихонько понизили в звании и рассовали по другим службам, а инспектора ПДН перевели в какой-то райцентр, от греха и позора подальше. Так-то, братцы!..

— Представляю, что творилось после этого в душе у бедного инспектора ПДН. Но мь свою Настеньку никому в обиду не дадим, — сделал вид, что собирается ее обнять. — Да мы за ее спиной всей грудью!

Анастасия легонько отстранилась от возможных объятий, но шутке улыбнулась.

От выпитой водки, от слов оперативников Настя пуще прежнего залилась румянцем. Только теперь до нее стало доходить, какой опасности она подвергалась.

— Спасибо, ребята, что не бросили меня. Я бы позора не пережила!

— Насть, да ты что? Мы б его урыли там, если бы что... — поняли они состояние девушки, враз посерьезнев. — Не бери в голову. Иди отдыхай в кабинет ПДН. Утром до дома проводим. Нам сейчас надо заняться козликом.

— Да, пора... — потянулся за бутылкой, чтобы убрать ее со стола, Григорьев.

— Я бы хотела присутствовать, — заикнулась Анастасия.

— Нет, это мероприятие не для девичьих ушей и глаз! — чуть ли не в один голос отказали они в просьбе коллеги. — Тут будет мужской разговор! Возможно, совсем не лицеприятный!

И выпроводили инспектора ПДН в ее кабинет. А минут через десять, убрав со стола следы ночного «пиршества», привели или, на жаргоне сыщиков, «подняли» из камеры Козловского.

Эдик был изрядно помят и, казалось, еще больше перепуган, чем в парке. Затравленно озирался по сторонам, вздрагивая от каждого движения оперов.

— Присаживайся, — указав на колченогий стул, бросил Григорьев и уставил свой

немигающий взгляд куда-то в переносицу Козловскому. — Надеюсь, разговор состоится?

— Конечно, конечно, — поспешил с заверениями Эдик, задирая вверх голову, чтобы увидеть глаза стоявшего над ним Григорьева. — Я все расскажу. Только, прошу Вас, не отправляйте меня назад в камеру, к зэкам!

— А чем же тебе не пришились по душе сокамерники? — насмешливо и зло усмехнулся Кузьмич.

— Грозилась «опустить» там же, в камере. Неужели такое может быть... тут, в милиции?

— Может! Не в милиции, а в камере, гусь ты наш лапчатый, взламыватель бабьих «сейфов»! В камере все может... Однако, достаточно лирики на отвлеченные темы, возвратимся к нашим делам. Слушаем внимательно.

И впился в Козловского своими немигающими колючими глазами.

Часа полтора Эдик Козел рассказывал о своих «подвигах», с подробным описанием потерпевших, мест и способов совершения преступлений, дат и времени. Если с состоянием психики у него возможно и имелись какие-нибудь отклонения, то с памятью было все нормально. Рассказывал он подробно и обстоятельно, то и дело возвращаясь к той или иной пропущенной детали, или уточняя какое-то обстоятельство.

Он, Алелин, взявшийся записывать его показания в бланк протокола допроса свидетеля, едва успевал. Иногда приходилось останавливать «соловья-разбойника» и просить повторить эпизод или отдельные детали. Эдик охотно соглашался. И вновь «пел и пел». Нужды в каком-либо прессинге не было абсолютно. Только успевай, пиши.

В качестве поощрения не ограничивали в куреве. И когда у Эдика кончились свои сигареты, пришлось делиться тем, чем располагал Григорьев. У него, Алелина, как некурящего, сигарет не было. Вообще-то, как опытный оперативник, он иногда покупал пачку «Примы» и что-нибудь с фильтром. На всякий случай. Но в этот раз, как назло, запасы кончились. Пришлось отдуваться одному Кузьмичу.

Часам к четверем утра допрос был окончен. Эдик внимательно прочитал протокол, и внес некоторые уточнения, которые пришлось вписать. После чего в конце протокола написал собственноручно, что с его слов с учетом уточнений, записано все верно и им прочитано. И расписался на каждой странице под текстом.

— Ну, все! — с облегчением констатировал Григорьев, которому так хотелось подремать хоть часок.

— Как все? — осмелел Эдик. — А явку с повинной? Вы же мне обещали...

Явка с повинной, хоть и сокращала срок наказания, однако, всегда принималась судом во внимание, как одно из доказательств виновности лица, ее давшего.

— Раз обещали, то пиши! — сказал без особого энтузиазма Григорьев и добавил уже для него, Алелина: — Побудь с ним. Я пойду умоюсь, а то, чувствую, прямо за столом усну.

Пришлось дать несколько чистых листов писчей бумаги и ручку и ждать, пока Козловский изложит свои криминально-сексуальные похождения. Эдику отправляться в камеру не хотелось, и он, с присущей ему педантичностью, неспешно излагал их. Явно не торопился в общество сокамерников.

Чтобы не заснуть, он и Григорьев принялись поочередно ходить в туалетную комнату и освежать лицо и голову струей холодной воды из крана. Взбодрившись, писать на имя начальника рапорта с изложением обстоятельств задержания гражданина Козловского, подозреваемого во множественных изнасилованиях.

Когда в восемь часов в отдел прибыл начальник отдела Фокин Антон Павлович, то материалы о задержании подозреваемого, его явка с повинной и показания на бланке протокола допроса свидетеля о совершении им девяти изнасилований, уже лежали в полной готовности в папке дежурного, в ожидании доклада. Там же лежала и пояснительная записка, что по пяти эпизодам ранее были возбуждены уголовные дела, находившиеся в производстве следователей Ленинской прокуратуры.

Подполковник милиции Фокин на должность начальника отдела милиции был назначен недавно, после выхода на пенсию прежнего начальника, всеми уважаемого полковника Воробьева Михаила Егоровича. Потому он только притирался к коллективу и нуждался в исчерпывающей информации.

— Молодцы! — было первой реакцией подполковника Фокина, когда ему доложили о задержании подозреваемого. — Молодцы! Всех к поощрению! Весь дежурный наряд!

— Да мы, вроде бы и не при чем! — за себя и за помощника заикнулся любящий справедливость и порядок оперативный дежурный Маслов Егор Афанасьевич, майор милиции и старый служака.

— Все — при чем! — поспешил успокоить совесть дежурного Фокин. — Зря, что ли, день и ночь бегали, как гончие, всем личным составом по парку и его окрестностям в поисках этого насильника? Зря, что ли, нагоняи каждый день получали из УВД и прокуратуры? Нет, не зря!

Потом быстренько рассмотрел накопившиеся за прошедшие сутки материалы, мелких нарушителей, и чуть ли не вприпрыжку побежал по лестнице наверх, к себе в кабинет. Как же, не терпелось доложить высокому областному начальству о том, что под его чутким и умелым руководством раскрыт ряд тяжких преступлений и задержан насильник, который дал полнейший расклад не только по тем преступлениям, что были уже зарегистрированы, но и по еще неизвестным. Знал бы Фокин, что гражданин Козловский не просто Эдик Козел, но и родственник крупных шишек, прыти бы поубавил. Однако опера о данном обстоятельстве предпочли не распространяться, потому, не зная этого, подполковник милиции и пребывал в радужном настроении.

В девять часов, как только на работу пришли сотрудники прокуратуры, подозреваемого Козловского, под конвоем отправили в прокуратуру для выполнения с ним необходимых следственных действий. А «молодцы» — два оперативника и инспектор ПДН Журавликова — со спокойной душой и чистой совестью от сделанного дела, поехали отдыхать.

Все были в приподнятом настроении. Да и как не быть, если сразу столько тяжких преступлений раскрыли!

Но когда пришли в отдел на следующий день, то узнали, что Козловский не то что не арестован, но даже не задержан в порядке статьи 122 УПК РСФСР, как подозреваемый!

— Это как понимать? — спрашивали друг друга опера в полном недоумении.

— Это надо понимать так, как я и предполагал... — мрачнел Василенко Слава. — Наверное, задницами о столы облакачивались, когда козла Козловского кололи, — пошутил он мрачно. — А это, говорят, дурная примета: удачи не будет!

— Да не сядились мы на столы, и задницами о них не облакачивались, не опирались! — не скрывали негодования они.

Впрочем, понимали, что Славик тут ни при чем, как ни при чем и всевозможные приметы. Совсем другие дурные причины начали просматриваться во всей этой возне и кутерьме.

— Да я это к слову...

И не было уже энтузиазма и охотничьего азарта в глазах начальника отдела. Да и глаза он старался отвести в сторону, чтобы не смотреть в удивленно-напряженные лица оперов.

— Эх, ребятки, подставили вы меня крепко...

— Чем же, товарищ полковник? — горячились они. — Мы же кучу преступлений раскрыли!

— Говорят, что перестарались... Мол, пытали... Шилом в ладонь кололи... в камеру к экамам подсаживали... Козловский заявляет, что оговорил себя под пытками...

— Но это же чушь! Чушь собачья! Мы его и пальцем не тронули.

— Не знаю. Может быть...

— А его явка с повинной?

— Оговор...

— А нападение на Журавликову?

— Оперские штучки...

— А опознания потерпевшими, очные ставки с ними?

— Потерпевшие не опознают... Твердят, как попки, что нападение происходило сзади, и они не могли разглядеть и запомнить лицо нападавшего.

— Даже те, которых он имел в позе буквы «зю» в ональное отверстие?

— Даже эти!

— И те, которым он чистил зубы своей кожаной «зубочисткой»?

— И эти тоже!

— Да что же они, все враз куриной слепотой заболели?!!

— Может быть...

— Ну, и дела!

— Некоторые уже встречные заявления написали... или пишут, что никто их не насиловал, а они сами по собственной воле вступили в половой контакт с Эдиком, — долбил оперов начальник отдела.

— Так все-таки вступили?

— Добровольно и без насилия...

— А вещдоки: все эти изорванные трусики, платица? Мазки спермы и крови?..

— Да никто ничего и не рвал...

— А заключения экспертиз? В том числе и о наличии телесных повреждений?

— А никаких экспертиз и не было...

— Это как не было?

— Да так: не было, и все!

— Но были же акты СМЭ! Сами видели!

— Были да сплыли... к тому же акты судебно-медицинских исследований еще не являются экспертизами...

— А уголовная ответственность потерпевших за заведомо ложный донос, на основании которого были возбуждены уголовные дела; за дачу заведомо ложных показаний... Это как?

— Да так: добросовестно заблуждались... А теперь раскаиваются! И уже прощены.

— Связи и деньги?

— Не знаю...

— Превосходно! Получается, что мы ни с того, ни с сего схватили в парке мирно гулявшего Козла, искололи его шилом и заставили оговорить себя по девяти эпизодам, из

которых о четырех мы — ни слухом, ни духом... А?

— Отвратительно! В отношении вас самих возбуждено дисциплинарное преследование. А там — и уголовное не за горами!

От начальника отдела кинулись к следователю прокуратуры, которому были переданы все дела по изнасилованию в парке.

— Почему не задержал, не арестовал? Ведь Козел дал полный расклад!

— Если бы вы видели, что вчера творилось в прокуратуре... — кивал головой на потолок и разводил руками.

— Прокурор?

— И он тоже. Но, вообще-то, команда шла с самой верхотуры... Се ля ви, парни! Сочувствую, но помочь ничем не могу... И запомните: я вам ничего не говорил.

Понимая, что в отделе никакой помощи им не будет, кроме сочувствия товарищей, решили обратиться напрямую к начальнику УВД. Уж кто-то, а начальник УВД должен помочь своим оперативникам.

Но начальником УВД уже был не генерал-майор Панкин Вячеслав Кириллович который за оперативников всегда стоял горой, а совсем другой человек. Совсем другой, с другом душком... И, кстати, плохо кончил. Застрелился в собственном кабинете. Но это позже, а пока он отмахнулся от оперов как от надоедливых мух.

ЭКСКУРС В ИСТОРИЮ УВД КУРСКОЙ ОБЛАСТИ

Каков был начальник УВД Курского облисполкома Панкин, говорил такой случай. Однажды Первый секретарь Курского обкома партии Гудков Александр Федорович и Председатель облисполкома, а, значит, самый главный представитель советской власти на территории Курской области, некто Шкуркин Алексей Иванович, будучи в изрядном подпитии, среди ночи возвращались в город с охоты. И надо же было такому случиться, что в районе Льговского поворота у них сломался автомобиль.

Как водится, первым делом отчитали с матерком водилу. Что-что, а материться первые лица области умели виртуозно. Они могли не знать работы основоположников марксизма-ленинизма и кодекс коммуниста, но матом владели в совершенстве.

Воздав в полной мере водиле, стадии размышлять, куда им было податься среди сонного безмятежья. Ведь ни общественного транспорта, ни такси, ни частных машин. Хоть и под «мухой», но доперли (а то и водитель подсказал), что следует обратиться в Промышленный отдел милиции. Благо, что тот был рядом.

В отделе в ту злополучную ночь оперативным дежурным был майор милиции Литвинов Виктор Михайлович. Личность в милицейских кругах известная — жесткая, справедливая и бескомпромиссная. Его иногда еще Железным Феликсом в шутку величали, сравнивая с Дзержинским. В том числе и за аскетический образ жизни. Впрочем, он и внешне чем-то напоминал первого чекиста страны, такой же худощавый, остроглазый, подвижный как ртуть, с жилистыми ладонями рук.

На тот момент вся группа была на выезде — разбирались с очередным происшествием: пьяный муж порезал жену. И в отделе находился только оперативный дежурный Литвинов и его помощник, старшина Афанасьев. Входная дверь в здание отдела была, как того требовала инструкция, закрыта изнутри на засов.

Шкуркин, привыкший за годы своего высокого положения, что ему всегда и всюду открыты любые двери, с разгону рванул дверь, но та не открылась. Тогда он, обозлившись, стал бить в нее что есть мочи ногами.

Тут уж обозлились Литвинов и Афанасьев, так как такой неслыханной дерзости отродясь в Промышленном РОВД не было. И на мат, доносившийся снаружи, ответили таким же ядреным матом изнутри, так как были истинно русскими мужиками.

Когда же Литвинов открыл дверь, то Шкуркин, ворвавшись в коридор, чуть не сбил майора с ног, и сразу заорал, что он все уволит, выгонит, разжалует. А также потребовал немедленно предоставить им автомобиль и отвезти их домой.

Майора Литвинова не так-то просто было запугать, и выдержку он имел железную. Не один год работал в органах и состоял в партии. Поняв, кто перед ним, он попытался объяснить власть предрежащим «товарищам», что дежурный автомобиль находится на выезде, а потому он не может его немедленно предоставить. И что гражданам СССР, какой бы они пост не занимали, подлежит вести себя подобающе, а не буянить и не орать, как сумасшедшие или хулиганы.

Гудков, который был потрезвее, в «бутылку» не лез. Наоборот, он успокаивал не в меру разошедшегося товарища. Но тот не реагировал и продолжал буянить. А когда попробовал сорвать майорские погоны, то был скручен Литвиновым и Афанасьевым на глазах у Первого

секретаря обкома и водворен в «аквариум» со связанными брючным ремнем (Афанасьев своего ремня на такое дело не пожалел) за спиной руками.

Разбуженные криками Шкуркина обитатели «аквариума» угостили его пинками, чтобы не будил добрых людей по ночам и не нарушал их покой. Когда же Шкуркин заявил и им, что он Председатель облисполкома, то завсегдатай «аквариума» неоднократно судимый Ершов Валера по прозвищу Ёрш, ответил, что в таком случае он — Генеральный секретарь Коммунистической партии Советского Союза, и посоветовал «притухнуть» до утра.

Да мог ли Ерш и другие обитатели «аквариума» даже и помыслить, что Председатель облисполкома вот так запросто — и к ним в компанию. Да ни в жизнь!

Отправив Шкуркина в «аквариум», Литвинов позвонил в УВД и доложил дежурному о происшествии. Как и положено по инструкции. Потом позвонил домой своему начальнику отдела полковнику Воробьеву и ему доложил о произошедшем ЧП. И пока высокие начальники разгоняли дремоту и думали, что делать, вместе с Афанасьевым написал пространные рапорта с объективным изложением событий.

Через полчаса прибыли один из заместителей Панкина и начальник отдела Воробьев Михаил Егорович. С извинениями перед Гудковым, который оставался сидеть в коридоре на деревянной скамье до их прибытия, вызволили из «узилища» матерящегося на чем свет стоит Председателя Курского облисполкома и повезли домой.

Дело было неслыханное! Шкуркин был не только Председатель облисполкома, которому подчинялась вся милиция, но и депутат Верховного Совета СССР, а значит, лицо неприкасаемое, обладающее иммунитетом. Все ждали расправы над Литвиновым. И тогда действительно рано утром вызвал к себе генерал Панкин. Но не для того, чтобы наказать, а для того, чтобы принять извинения от Шкуркина.

«Пусть все знают, — сказал генерал майору, — что милиционера оскорблять никому не позволено, тем более при исполнении им служебных обязанностей»!

И Шкуркин, Председатель Курского облисполкома, имеющий в случае военных действий статус генерала, руководитель всей исполнительной властью на территории Курской области, находясь в кабинете Первого секретаря обкома партии, в присутствии Панкина и Гудкова принес свои извинения майору милиции. А некоторые старые служаки говорили, что они тогда распили не одну бутылку коньяку в знак примирения! Вот то был генерал так генерал! За такими шли в огонь и в воду, не задумываясь!.. С такими побеждали. Такие не предавали!

АЛЕЛИН. ПРОДОЛЖЕНИЕ ВОСПОМИНАНИЙ

Новый начальник УВД не был Панкиным и не имел такого авторитета у сотрудников милиции, как Панкин. Он даже не принял их. В назначенное время приема куда-то срочно выехал, как пояснила его секретарша, полногрудая Павлина Федоровна.

А между тем инспекция по личному составу, получив команду «Фас!», уже рыла землю.

— Алелин и Григорьев! Сдайте служебные удостоверения. Вам они уже больше не понадобятся. И молитесь Господа Бога, даже если вы и атеисты, что так все обошлось! — говорил с напыщенной важностью теперь уже бывший для них замполит Глухов Иван Семенович, восседая в кожаном кресле своего кабинета, как раз под большим цветным портретом Горбачева.

Восседал вальяжно, подобно восточным шахам или султанам, в расстегнутой чуть ли до пупа форменной рубашке с майорскими погонами.

В кабинете, несмотря на раскрытое настежь окно, было жарко, и Глухов то и дело доставал из кармана брюк измятый и влажный носовой платок и обтирал им потное лицо. По-видимому, обильному потовыделению способствовала не только жара, но и вчерашнее не менее обильное «пододеяльное» возлияние спиртного. Как не скрывал новый замполит свой тайный порок, но в отделе уже знали о его слабости к спиртному.

Если в кабинетах оперов все больше можно было увидеть портреты железного Феликса, то замполит предпочитал портрет Генсека. Держал нос по ветру.

Был он пухл, краснолиц и лысоват. С маленькими карими глазками, почти терявшимися среди щек и складок жирного лица. Когда был зол, то его глаза маленькими буравчиками «сверлили» собеседника. Отменный «трудовой мозоль» или брюхо, на котором никогда не сходилась форменная одежда, короткие ножки, делали фигуру Глухова довольно комичной, напоминающей карикатуры на буржуев из школьного учебника истории. И кто-то из оперов или из участковых дал ему прозвище «Глухой колобок», которому он полностью соответствовал. Умом не блистал, но отличался злопамятностью. И почти всегда был глух к мнению и просьбам подчиненных. Приклеенное ему с легкой руки прозвище подходило как нельзя лучше и к его фамилии, и его «глухоте» по отношению к подчиненным.

Он пришел в отдел вместе с новым начальником и был его протеже. В коллективе его не любили, но терпели: куда же деться — начальство. Был он в меру нахрапист, нагловат. На подчиненных покрикивал, перед вышестоящими чинами лебезил. Жил по принципу: «Я начальник — ты дурак, ты начальник — я дурак»!

И вот они стоят перед «Глухим колобком». Опустошенные и разбитые. Система выжила из них все, что смогла, и выплюнула.

Все слова в свою защиту давно сказаны, все доводы приведены. Изменить что-либо в своей судьбе было уже невыносимо и бесполезно. И они, теперь, считай, бывшие опера, это понимали, хотя и не хотели принимать и признавать эту величайшую несправедливость. Видно, потому, на душе у них было так скверно и противно, что даже не хотелось сказать что-либо дерзкое и грубое в жирное лицо замполита.

Еще вчера они работали в обычном режиме, по двенадцать часов, и где-то в глубине души еще надеялись, что справедливость восторжествует, что собравшиеся над ними тучи развеются, что инспекция по личному составу (там же работают нормальные люди) разберется. Вот и разобралась!..

На утреннем совещании при начальнике отдела был зачитан приказ начальника УВД об их увольнении из органов милиции за действия, дискредитирующие высокое звание сотрудника советской милиции.

Григорьев тяжелую весть принял с угрюмой молчаливостью, а он, Алелин, попытался еще раз сказать, что тут ошибка, «подстава», недоразумение, что их просто-напросто «спалили» за Эдика Козла, которого они изобличили в совершении преступлений, но у которого нашлись «высокие» покровители в прокуратуре и обкоме партии. Но все было напрасно.

Коллеги в зале все понимали, им сочувствовали, но помочь чем-либо в данной ситуации были бессильны. Поэтому стыдливо опускали головы, словно что-то внимательно рассматривали между рядами кресел на деревянном полу. А замполит, «Глухой колобок», «не снес нападок на партию»:

— Это вы бросьте, гражданин Алелин! При чем тут обком и прокуратура? Надо не фальсификацией заниматься и руководство отдела подставлять, а дело делать! — И уставился оловянными глазами.

— Как вы? — не стерпел он. — Языком болтать! Да?

«Глухой колобок» покраснел, как рак. Жирные щеки его затряслись от возмущения. Маленькие, словно свинячьи, глазки налились злобой.

— Да я... Да ты... Да мы...

— Что, «я» — головка от... рукава, — выкрикнул на весь зал, так как терять было уже нечего. — Только якать и умеете. Командовать и ни за что не отвечать — всякий дурак сможет. Вы вот опером поработайте, тогда и якайте! Но кишка тонка...

Хотелось обложить всех ядреным матом и уйти, хлопнув дверью.

В зале недовольно зашумели, возмущенные поведением замполита. Но вмешался начальник отдела и призвал всех к тишине и порядку. И шум стих.

«Еще вчера я был с вами в единой связке, — подумал с горечью тогда он, — а теперь отломанный ломоть!»!

Что выперли из милиции, не страшило. Кругом работы, хоть отбавляй. Тем более, с его техническим образованием. И платили побольше, чем в милиции, и отношение не такое наплевательское... Было обидно. Ни на кого конкретно, а на всех и всё сразу. В том числе и на себя самого.

Работал, как даже писали в официальных характеристиках и представлениях, не считаясь ни с личным временем, ни с личными нуждами, ни с близкими и родными, ни с собственной семьей. Порою, по 12–14 часов в сутки. Числился на хорошем счету у прежнего руководства отдела. Досрочно званий не получал — это была привилегия штабных работников из управления — но премий и почетных грамот, особенно почетных грамот, довольно заработал много. И не за красивые глаза, а за конкретные раскрытые преступления. И вот благодарность! И вот цена трудам праведным!

После совещания пошли с Григорьевым на конспиративную квартиру, чтобы с горя «оттянуться» по полной программе. Набрали водки. Позвонили агентессам, что были помоложе и посмазливей.

— Кутнем, друг Виктор?

— Кутнем, друг Шурик.

— Чтоб небу было жарко?

— Чтоб небу было жарко!

- И чхать мы хотели на Глухих колобков...
- И не только на Глухих, но и на всех остальных!
- Говорят, что Виктор — это победитель? — вдруг как бы невпопад спросил Кузьмич.
- Точно. Виктория — на латыни победа.
- Но почему ни ты, ни мы оба не победили? А? Почему? Ты мне можешь сказать?!!
- Еще успеем, победим! Придет время, друг мой Шурик, и победим!
- Придет ли, когда вокруг «колобки»? Без глаз, без ушей, без совести...
- Придет!
- Точно?
- Точно!

Пока эти мысли роем пронесли в голове, Алелин, окончив процедуры с бритьем и умыванием, переместился из ванной комнаты на кухню. Люда уже успела приготовить завтрак.

Завтракал, как обычно, быстро. И почти молча. Лишь изредка перебрасывался короткими репликами с супругой.

— Сегодня опять на весь день?

— Скорее всего...

— Не надоело?

— А тебе?

— Другие, вон, в управления устроились, в штабы... Подальше от преступлений и преступников... поближе к хорошим зарплатам, к деньгам...

— Пусть. Каждому свое...

— Вот-вот!

— Ну, я пошел...

— Да уж иди...

Подобные диалоги происходили довольно часто и были чем-то традиционным при утреннем приеме пищи. Как музыка классиков для гурманов.

Впрочем, вечерами также происходили подобные диалоги, но немного в иной плоскости и с иными вариациями.

Во дворе, перед подъездом уже стоял служебный автомобиль. Сел рядом с водителем. На переднем сиденье. Садиться на заднее сиденье, как стало это модно в последнее время для больших чиновников и «новых русских», опасующихся за свою жизнь из-за частых «разборок» с автоматной стрельбой, считал барством и снобизмом.

— Привет! — ответил на приветствие водителя. — В отдел...

И опять погрузился в волну воспоминаний.

Ни он, ни Григорьев с увольнением их из органов не смирились. Чуть ли не год они ходили и писали в различные инстанции и добились, в конце концов, своего: Козловский был осужден, а они реабилитированы и восстановлены в органах. Возвращаться в Ленинский РОВД ни он, ни Кузьмич не захотели. Слишком памятливы были события их незаслуженной обиды и трусливого поведения руководства отдела...

Он стал работать простым участковым в Промышленном РОВД, на поселке КТК, с старшим участковым Астаховым Михаилом Ивановичем. Вроде и понижение, но все равно привычное, родное.

Коллектив на ОПОП КТК подобрался дружный. Если нужно было, то работали сутками не прячась за спинами товарищей. А если приходилось отдыхать, то и отдыхали всем коллективом. Шумно, весело. И уже через неделю он почувствовал себя так, как будто и не увольнялся, и не было перерыва сроком в год. Родная стихия вновь захватила всецело.

Кузьмич трудился в Кировском РОВД. Ему вообще повезло: назначили на должность оперуполномоченного уголовного розыска. Теперь они встречались редко, но все равно оставались друзьями.

Не успел он проработать участковым и год, как перевели вновь в розыск. Сначала

рядовым оперуполномоченным, затем в заместители начальника ОУР.

В 1994 году, когда три городских районных отделов милиции были расформированы и преобразованы в 10 территориальных отделов при вновь созданном УВД города Курска, он был уже в должности заместителя начальника по оперативной работе ОМ-9. А после выхода на пенсию начальника, руководить данным отделом было поручено ему, Алелину Виктору Петровичу, майору милиции.

Служебный «жигуль» быстро катил по улицам проснувшегося и уже входившего в рабочий ритм города. Проскочили Красноармейскую, выскочили на улицу Энгельса. Вот и территория его бывшего отдела, перенумерованного в шестой. Быстро летел автомобиль по широкому и ровному полотну дороги, но еще быстрее катились воспоминания на волнах памяти.

— Вот и хорошо, Виктор Петрович, — крепким рукопожатием напутствовал его начальник УВД Курской области генерал-майор Пронин Владимир Васильевич на должность начальника девятого отдела милиции, обслуживающего территории поселка КЗТЗ.

— Надеюсь, что вы с большим объемом работы справитесь, а мы узрим на ваших плечах полковничьи погоны!

— Постараюсь, товарищ генерал...

— Считаю, что справится, — поддержал его начальник городского УВД полковник Калаев Михаил Николаевич, по представлению которого и решался вопрос о назначении его на эту должность. — Иначе бы мы его не рекомендовали...

Беседа происходила в кабинете начальника областного УВД.

На новичка огромный кабинет с высоким потолком, большими арочными окнами, надраенным до зеркального блеска паркетным полом, с широченной ковровой дорожкой, начинавшейся прямо от входной двери, действовал подавляюще. Своей необъемностью, продуманной строгостью, массивностью мебели, и, вообще, значительностью. Актовый зал был побольше, и лепнины алебастровой на стенах и на потолке хватало, и оконные проемы, и высота потолка были такими же, но он был привычнее и демократичнее. По меньшей мере, никого не подавлял. Однако, на него, уже не раз побывавшего здесь, кабинет особого впечатления не производил. Доводилось видеть и побольше, и поофициозней!

Шел 1996 год, год президентских выборов и засилья плакатов и лозунгов: «Голосуй, а то проиграешь!», год, когда по пять месяцев кряду не платили зарплату, в том числе и сотрудникам милиции, год, когда он стал руководителем ОМ-9.

Назначивший его на эту должность генерал-майор Пронин вскоре отбыл в столицу в распоряжение МВД РФ, уступив свой пост вновь прибывшему начальнику УВД Волкову.

Начальником городского УВД стал полковник милиции Окель Вадим Фридрихович, сменив Калаева, который был переведен в областное УВД на не менее ответственный участок борьбы с преступностью. Первым заместителем начальника УВД города Курска и одновременно начальником криминальной милиции был назначен Григорьев Александр Кузьмич, старый друг и товарищ.

В начале марта 1998 года его, уже подполковника милиции, назначили на должность начальника ОМ-7.

Несмотря на то, что все городские отделы милиции имели равный статус, седьмой отдел считался базовым, так как располагался в здании бывшего Промышленного РОВД

имел большую территорию обслуживания, большее количество населения и находился в центре Сеймского округа, где размещались основные общественные и государственные учреждения: администрация округа, прокуратура, суд. Впрочем, не только по количеству населения и территории ОМ-7 считался базовым, но и по уже сформировавшимся и передаваемым от одних сотрудников к другим традициям.

Во вновь образованных отделах милиции и традиций еще не сложилось. Они, безусловно, появятся, но попозже, по прошествии какого-то времени.

И опять был огромный кабинет. Рукопожатие и напутственные слова начальника УВД области, теперь уже генерал-майора Волкова Алексея Николаевича.

— Надеюсь, что мы в вас не ошибаемся?!!

— Постараюсь, товарищ генерал...

— Тогда — с Богом! Да помните, что спрашивать будем строго...

Слова генерала были не пустыми словами, сказанными ради случая. Новый начальник УВД тряс курскую милицию так, что стон стоял.

И ни слова о полковничьих погонах.

Впрочем, бес с ними, с погонами. Ведь не из-за погон служим... Если начинали из-за романтики, тянули ляжку по идейным соображениям, то чего же не продолжить за спасибо и за символическую плату?..

Вновь пошли рабочие дни, делящиеся сутками. И если при работе опером и участковым еще были выходные, то с переходом на руководящие должности о выходных пришлось забыть. Напрочь! Это было и не ново, но и не старо. Работа... Хождение по одним и тем же кругам ада... Даже фамилии сотрудников, и те, как ни странно, повторяются...

Если раньше, когда он только начинал «зеленым» оперком, у него был наставник по фамилии Василенко, Славик, Вячеслав, то и теперь у него также имеется сотрудник с такой же фамилией Василенко. И не просто сотрудник, а его первый заместитель, но уже Гена, или Геннадий Георгиевич, как уважительно величают его работники отдела, когда-то, как и он, начинавший рядовым опером. Только в Промышленном отделе милиции...

Раньше его все стращали красным трактором, теперь он, уважаемы Геннадий Георгиевич, предлагает нерадивым сотрудникам сменить стул в кабинете на кресло все в том же красном тракторе, — усмехнулся про себя Алелин. — Работа... Традиция...»

— Вот и прибыли.

Слова водителя Николая, будничные и бесцветные заставили отбросить в сторону зыбкий мир грустных и радостных воспоминаний и вернуться к действительности, жесткой и безжалостной, не терпящей сантиментов и лирики.

Собрался и молодежато выскочил из салона.

«Есть еще порох в пороховницах, — подумал озорно, почти так как в дни далекой уже юности. — Прорвемся, не сорок первый!» — Поговоркой не раз слышанной от Крутикова Леонарда Григорьевича, легендарного начальника следственного отделения Промышленного РОВД, подбодрил он себя.

Крутикова он знал, но работать вместе не довелось, однако о его любви к своей профессии наслышался от Астахова, пока вместе с ним трудился участковым на КТК. Впрочем, не только от Астахова. Другие не меньше говорили.

11 МАРТА. СТАРШИЙ СЛЕДОВАТЕЛЬ ПАРОМОВ

Майор юстиции Паромов оканчивал находившееся у него в производстве уголовное дело по обвинению некоего гражданина Грузии Шаватава Зифрида Карловича, 1969 года рождения, уроженца Абхазской Автономной республики Грузинской ССР, женатого, не судимого, вынужденного мигранта, проживающего на территории Российской Федерации без регистрации и прописки. Шаватава обвинялся по статье 147 ч. 3 УК РСФСР или по статье 159 ч. 3 УК РФ, то есть, в совершении мошенничества.

Данное дело было возбуждено еще в 1995 году по факту мошеннического завладения имуществом ТОО «Снабженец» в крупных размерах неизвестными лицами.

Паромов в то время еще работал старшим следователем в ОМ-6, зоной обслуживания которого был производственно-жилой массив микрорайона Магистральный. И расследование мошенничества было поручено ему. За предусмотренные УПК два месяца расследования удалось установить, что данное преступление и аналогичное ему было совершено выходцами из Абхазии, в том числе и уже названным выше Шаватава Зифридом.

«Можно подумать, что местных жуликов не хватает, — с сарказмом размышлял тогда Паромов, — грузин и абхазцев нам еще не достаёт для полного счастья. Ну, и мошенничали бы себе на здоровье у себя в стране, в своих горах. Нет же, к нам лезут! Все дерьмо к нашему берегу прибывает...».

Мошенничать у себя в Грузии в тот период было не с руки. Шла война. Грузины стреляли в абхазцев, абхазцы — в грузин. И те, и другие убегали от войны в Россию. Но жить и трудиться спокойно не хотели, искали легкой наживы. Даже о вражде между собой забыли, когда за мошенничество взялись. Вот одна из таких кодел и «умыла» ТОО «Снабженец» на десятки миллионов рублей.

Однако тогда задержать Зифрида не представилось возможным, вместе с другими собратями скрылся на просторах России. Следствие по делу было приостановлено на основании пункта первой статьи 195 УПК РСФСР, в связи с розыском обвиняемого. Но вот с полмесяца, как Зифрид был задержан в Пензе и этапирован в Курск; соответственно следствие по делу возобновлено и вновь досталось старшему следователю Паромову, уже перебравшемуся в следственное отделение седьмого отдела милиции в связи с новой реорганизацией УВД города и сокращением ОМ-6.

Паромов планировал с утра поехать в СИЗО, о чем договорился с адвокатом Промышленной юридической консультации Рашкевичем Дмитрием Станиславовичем, поэтому утром 11 марта в отделе не появился, а прибыл туда только после обеда. И не успел он войти в свой служебный кабинет, как был вызван по селекторной связи к начальнику отдела милиции.

— Где был? — прямо с порога встретил его вопрос Алелина. — С утра ищем...

— В СИЗО, — удивился такому обороту следователь. — Знакомил с материалами дела обвиняемого Шаватаву. Я еще вчера Александра Петровича Глебова предупредил, что меня утром в отделе не будет.

— Ладно, не оправдывайся, — примирительно сказал Алелин. — Присаживайся. Разговор имеется...

В кабинете начальника отдела за большим «совещательным» столом у глухой,

противоположной окнам, стены, с массивной, полированной столешницей темно-вишневого цвета, сидели его заместители: подполковник Василенко Геннадий Георгиевич — по оперативной работе и майор Калмыков Владимир Александрович — по службе милиции общественной безопасности, или сокращенно МОБ. Тут же присутствовали начальник уголовного розыска майор Коршунов, его заместитель капитан Захватов и начальник следственного отделения подполковник Глебов Александр Петрович.

Почти все были в гражданской одежде, и только Калмыков — в милицейской.

В связи с экономическими трудностями в стране, с недофинансированием органов МВД, форменную одежду выдавали редко. Не то, что в восьмидесятые годы, когда выдавалось каждому сотруднику по два-три комплекта формы в год.

Ныне же форму берегли и старались ежедневно не носить. Одевали только по большим праздникам да на строевой смотр. Сказывалось, как общее потепление в строевом Уставе, так и демократические дуновения времени. Кроме того, сотрудники милиции, если и не стеснялись «мышинной формы», то уж точно не дорожили ею. В восьмидесятые годы такого «вольнодумства» не потерпели бы ни в отделе милиции, ни в УВД. Все ходили в униформе. Даже дежурный опер — и тот во время дежурства в оперативной группе был в форменной одежде. Пустяк, скажете вы. Возможно. Но и он играл на сторону закона и порядка, и он вносил свой вклад в борьбу с преступностью и криминалом.

Но пришли другие времена и другие порядки. Стало не до формы. Тут бы хоть содержание сохранить — ведь стоит вопрос о строительстве правового государства. А это не хрен собачий!..

«Весь Олимп в сборе... Значит, что-то случилось, — рассеянно подумал Паромов, присаживаясь на свободный стул, ближний к двери, — но я тут при чем? Вроде ничего такого не натворил. Дела в порядке. Сроки не нарушены...»

— Ты, верно, уже в курсе, что у нас ЧП?

— Нет. Когда проходил мимо дежурки, поздоровался с дежурным. Тот ни слова, ни полслова.

— Да нашим дежурным лишь бы день отбыть, да ночь проспять, — съязвил Василенко. — Как в сказке Аркадия Гайдара про Мальчиша-Кибальчиша. А там, хоть травушка не расти!

Дежурная часть: оперативные дежурные, их помощники, водители — все они находились в подчинении начальника МОБ Калмыкова. И брошенный Василенко «камешек» упал в «огород» последнего.

— А я что постоянно говорю? — подхватил Алелин. — Самое бардачное подразделение в отделе!

— Кулинич сменился, а новый мог и не придать значения: материалы дела давно уже в следствии, — стал «обелять» оперативного дежурного Калмыков.

— Владимир Александрович, вечно вы защищаете нерадивых подчиненных. С них надо спрашивать, а не защищать, — с недовольной миной на лице прервал его Алелин.

— Наверное, на полставки адвокатом работает... — опять не удержался от подначки начальник КМ.

— Ты лучше на своих оперов посмотри, — вспыхнул Калмыков, — твои хваленые опера чудят еще похлестче...

— А что опера? — вмешался молчавший до этого момента начальник ОУР.

— Все! — оборвал спор Алелин, грохнув ладонью по крышке стола. — К делу. Шутить

хорошо, когда все хорошо. А про наш отдел этого не скажешь. По крайней мере, сегодня...

Притихли.

— Так вот, у нас ЧП, — продолжил Алелин, вводя в курс событий Паромова. — Некому гражданину Смирнову чуть голову не отрезали на пороге собственной квартиры. И, если верить членам СОГ, даже непонятно, на чем она ныне держится... Выживет он или нет — еще вопрос! И если даже выживет, то когда сможет заговорить, если, вообще, заговорит когда-либо, или написать об обстоятельствах учиненного над ним насилия, опять неизвестно! Вот такой объективный расклад на данный момент... Есть и кое-что положительное... Задержан один подозреваемый, ранее судимый Крючков Дмитрий, 1959 года рождения, по кличке Крюк, который, со слов жены потерпевшего, находился в неприязненных отношениях с их семьей и не раз грозился расквитаться. На теле и на одежде Крюка обнаружены следы драки: на одежде — пятна крови, на теле, в том числе и на лице — следы побоев...

Не только старший следователь Паромов, но и все остальные молча слушали информацию начальника отдела, хотя уже не раз материалы по данному происшествию изучали, и не раз обсуждали. Правда, Коршунов было съязвил, что во всем виновата следователь Подаркова, усевшаяся на стол в тот вечер, но Алелин взглянул на него так, что он вмиг прикусил язык.

— Крюк допрошен, — говорил между тем Алелин. — Он признает, что испытывает к Смирнову неприязненные чувства из-за какого-то гаража, который должен был достаться Крюку, но оказался в распоряжении потерпевшего. Крюк не отрицает, что вечером 10 марта дрался, даже участников драки вспоминает: случайных собутыльников, с которыми пил в своем гараже... кстати, расположенном рядом с гаражом потерпевшего... В одном ГСК. Но отрицает свое участие в причинении Смирнову телесных повреждений. Даже не отрицает, а говорит, что не помнит. Это первое... Кстати, Геннадий Георгиевич, — обратился он к начальнику криминальной милиции, — еще не установили тех лиц, на которых ссылается Крюк?

— Каких? — словно не поняв вопроса, переспросил хитрющий Василенко.

— Да тех самых, — в голосе начальника отдела, если не раздражение, то неудовольствие — это уж точно, — с которыми Крюк будто бы пил вместе?

— Пока нет. Но установим... тот час.

— Ускорьте! — коротко и гневно сказал, как отрезал, Алелин, внутренне сердясь на нерасторопность оперативников.

— Товарищ Коршунов, сразу после совещания... — переброешил Василенко исполнение на начальника уголовного розыска.

— Есть! — отозвался Коршунов без особого энтузиазма.

Он был последний в цепочке на данном совещании. И ему дальше перепоручать исполнение указания начальника было некому. Ничего не оставалось, как не сказать «Есть!». Это потом он поручит своим оперативникам исполнение данного указания и, возможно, сам вместе с ними будет его исполнять, а пока только предстояло соглашаться, да «Есть!» в соответствии с Уставом тарабанить.

— Второе, — возвратился к основной теме Алелин, — это то, что из числа подозреваемых нельзя исключить жену потерпевшего. Свидетели, в частности сосед Смирновых, — Алелин быстро скользнул глазами по записям лежащего перед ним на столе в раскрытом виде ежедневника, — некто Нехороших Олег показывают, что в тот вечер

слышали скандал в их квартире. В том числе незадолго до того, как увидели Артема с перерезанным горлом. В своих показаниях Нехороших прямо намекает, что Смирнова Артема могла порезать собственная супруга. Что, впрочем, не исключали и члены СОГ: Подаркова, Фролов, Клыкков.

Алелин прервался и посмотрел сначала на начальника ОУР, потом на его заместителя, но остановился на Василенко.

— Геннадий Георгиевич, — обратился он опять к Василенко, — параллельно с расследованием провести оперустановку на нее: работа... родственники... связи...

— Обязательно, — ответил начальник КМ и тут же переадресовал указание Алелина начальнику ОУР:

— Товарищ Коршунов...

— Есть! — привычно отчеканил последний, даже не дожидаясь окончания всей фразы своего непосредственного шефа.

— Кроме того, — продолжил Алелин, неодобрительно поморщившись от происходящего на его глазах «пинг-понга» между начальниками КМ и ОУР, — из тех материалов, которыми располагаем на данный момент, следует, что у Смирнова был враг и по месту работы, на пивзаводе. Некто Цыбин... Это три.

Он опять посмотрел на Василенко, причем так, что без слов было понятно, что сейчас спросит своего заместителя о Цыбине. Тот это понял и не стал дожидаться вопроса.

— Еще не успели...

— Когда же будем успевать? — послышалось откровенное раздражение в голосе начальника отдела.

— Да, то одно, то другое... И народу не хватает...

— Людей всегда не хватает. Шевелиться надо!

— Виктор Петрович, — в нарушение субординации вмешался начальник ОУР, — сейчас придет машина, и пошлем... сам, в конце концов, съезжу.

Начальник ОУР помогал своему непосредственному начальнику выбраться из-под удара, подставляясь сам.

— А без машины не можете?

— Можно и без машины... но с машиной надежней! Вдруг задерживать кого придется...

— Что ж, соизвольте, — с явным сарказмом ответил Алелин на реплику начальника ОУР.

«Всегда так, — скептически подумал Паромов. — Всегда так. Полдня «живут» только на том, что «раздобыла» во время дежурства следственно-оперативная группа. Как всегда, что-то планировали, что-то поручали друг другу, вроде бы что-то делали, спорили, суетились, но «воз» и на йоту не сдвинулся с места».

А начальник отдела продолжал:

— Не исключено, что в процессе расследования появятся и другие фигуранты, и другие версии...

— К примеру: месть со стороны чеченцев, если участвовал в боевых действиях, — съязвил Коршунов. Но его скепсис не нашел поддержки. Чечня и связанные с ней события были постоянной занозой у всех сотрудников милиции. У тех, кто уже побывал там, и у тех, кому, возможно, это предстояло в недалеком будущем. Это была и боль, и позор России, каждого честного россиянина. Алелин не был исключением. Он, как истинный русак, остро переживал за бездарную, продажную политику больших руководителей в чеченском вопросе.

И политических, и ведомственных. Сначала кричавших: «Хватайте свободы, сколько проглотите!», а потом втянувшихся в чеченскую бойню и смешивших весь мир «тридцатью восемью снайперами».

— Не исключено, — отреагировал Алелин на реплику начальника уголовного розыска. — Проверьте, не участвовал ли Смирнов в боевых действиях на Кавказе, — приказал он, а Коршунов уже пожалел про себя, что, брякнув не по делу, нашел себе дополнительную работу. Кроме того, Василенко Геннадий Георгиевич так посмотрел в сторону своего начальника уголовного розыска, что и без слов было понятно: «Кто тебя за язык тянул?!»

Впрочем, Алелин заострять внимания на этом эпизоде больше не стал, а возвратился к основной теме.

— Все это я говорю к тому, — посмотрел он в сторону притихшего старшего следователя, — чтобы ввести в курс дела тебя, Паромов, так как мы пришли к мнению, чтобы это дело поручить тебе... как самому опытному следователю. И, заодно, скоординировать наши действия. Что скажешь?

Вопрос относился к Паромову. И все присутствующие вслед за начальником обратили свои взоры на следователя, словно, можно было подумать, что от его ответа что-то зависит.

— Да у меня и так на руках около десятка дел с лицами, — попытался отбиться тот от нового дела, — из которых пять планирую окончить в этом месяце. Мне не управиться...

— Александр Петрович, как вы считаете, можно разгрузить Паромова, передав от него несколько дел другим следователям? — спросил Алелин у начальника следственного отделения, видно, уже заранее готовый к такому ответу следователя.

— Не вопрос! — мгновенно отреагировал Глебов, до этого молча наблюдавший за ходом оперативного совещания.

— Можно подумать, что кроме Паромова, — отозвался о себе в третьем лице Паромов, — в отделе других следователей нет!

У него действительно было в производстве не менее пятнадцати дел. И все «горячие», и все «тугие», и все «крученые», взять хотя бы дело по обвинению Шаватава — мошенничество в крупном размере.

Принимать новое дело, а, значит, как минимум на пять дней откладывать в сторону старые, чтобы наработать необходимый массив доказательств и «закрепиться» в новом деле, которое и не имеет перспективы окончания, так как уже в данный момент явственно просматривался факт передачи дела в прокуратуру по подследственности, не очень хотелось. Кроме того, из личного опыта, приобретенного не только на следствии, но и, вообще, на работе в милиции, не очень-то верилось в «разгрузку» и иную помощь. Скажут — и забудут. Сколько раз уж такое бывало!

И, словно прочтя мысли старшего следователя, начальник КМ Василенко, поддерживая Глебова, добавил:

— Следователей у нас достаточно, но ты, более опытный, один! А мы со своей стороны окажем любую помощь. Не сомневайся!

— Спасибо, что высокого мнения о моих небольших профессиональных способностях. И за обещанную помощь спасибо. Но нельзя ли данное дело с явными признаками на убийство направить в прокуратуру? Это их подследственность, и чего «кусочек хлеба» у них отбирать?

— Думаешь, ты один тут умник? — иронично, почти одними уголками губ, усмехнулся

Алелин. — Пытались. И получили ответ: нет! Не любит наша прокуратура брать в свое производство дела с «душком»... им чистые подавай. Да еще на блюдечке с голубой каемочкой.

— Надо установить лицо или лиц, совершивших порез, выяснить мотив, умысел, конечную цель данного деяния, — вмешался явно на стороне начальника отдела Глебов, но уже больше с практической и процессуальной стороной дела, чем с теоретической, — провести экспертизы, то есть, сделать дело, вот тогда они и будут «посмотреть».

Начальник следственного отделения ОМ-7, подполковник юстиции Глебов Александр Петрович был человек «тертый», не один год «варившийся» в следственном котле, повидавший на своем веку не одного прокурора и не один десяток следователей, как способных, так и не очень. Для Паромова он был авторитетом, последней точкой в любых сомнениях. Это именно по его настоянию в июле 1993 года, когда область лихорадило от нехватки следователей, Паромова из старших участковых инспекторов милиции перевели в следователи. Поэтому старший следователь Паромов, поняв, что «отвертеться» от «пореза» не удастся, перестал упираться. Пустая трата времени... Только себе нервы портишь, да людей раздражаешь.

— Хорошо. Принимаю дело к производству, — прекратил сопротивляться он. — Кто в оперативном сопровождении?

Вопрос относился непосредственно к начальнику ОУР Коршунову.

От того, кто из оперативников и как будет осуществлять оперативное сопровождение, от того, как сложится практическое взаимодействие между следователем и опером, не бумажное для проверяющих, а настоящее — зависело расследование преступления.

Паромов любил, когда все работают дружно, с огоньком, а не по необходимости, так сказать, из-под палки.

— Да все опера с данной зоны. И мы с моим заместителем на подхвате, если что...

— Нет, это не ответ. Все — это никто! — ошетинился Паромов, понимая, что может остаться без оперативного сопровождения, а, значит, и без помощников. — Кто конкретно будет работать?

— Вот так хватка, — улыбнулся лукаво Алелин. — Сразу видно, старший следователь! Враз — быка за рога! Впрочем, не расстраивайся, будут конкретные люди. Коршунов, кто?

— Капитан Аверин и лейтенант Студеникин, — вынужден был уточнить Коршунов.

Аверина Паромов знал еще по совместной работе в почившем в бозе ОМ-6. Студеникина знал плохо. Новенький... Слышал, что старательный и въедливый оперок.

— Думаю, что поработаем дружно.

— Иначе и быть не может, — вмешался Василенко. — Это когда мы работали не дружно? Что-то такого не помнится!

— Подозреваемый... Крючков еще здесь или уже отправили в ИВС? — поинтересовался Паромов.

— В ИВС. А что? — спросил начальник ОУР.

— Хотел сам с ним побеседовать. Посмотреть собственными глазами, прощупать на «вшивость»: кто такой...

— С ним уже в ИВС работают опера. Часам к семнадцати они подъедут. Возможно, с первыми результатами.

— Дай-то бог!..

— Я просил Подаркову задержаться, чтобы назначить экспертизы, — вновь вмешался

начальник СО. — Впрочем, — уточнил он, — биологическую и судебно-медицинскую по подозреваемому она уже назначила.

Глебов пролистывал материалы уголовного дела — еще тоненькую стопочку листков, не прошитых, а только скрепленных в уголке канцелярской скрепкой.

— Копии постановлений о назначении экспертиз имеются. Но отвезли ли сами постановления в бюро экспертиз, не видно... Просил поручить это операм... — доложил он начальнику отдела о проделанной работе, так необходимой для установления виновности подозреваемого.

Производство СМЭ, то есть, судебно-медицинских экспертиз можно было ускорить, переговорив с судебными медиками, попросив их отложить иные дела в сторону и заняться только этими экспертизами. Если упирались, следовало прибегнуть к радикальному средству: «подмазать» их бутылочкой водочки. «Смазка» действовала безотказно. А вот ускорить до двух дней выполнение судебно-биологической экспертизы было невозможно. Никакие подмазки, личные контакты, просьбы высоких руководителей не помогали. Виной тому — технология. А ее, требующее длительного временного процесса, не ускорить!

— Отвезли? — спросил Алелин начальника ОУР.

— Должны были отвезти, — неопределенно ответил тот, но тут же добавил, извиняясь: — Не проконтролировал... со своей работой закрутился...

— Так отвезли, или должны отвезти? — повысил голос начальник отдела: его начала не на шутку раздражать бестолковость оперативных работников, сплошная неопределенность, отсутствие конкретных данных. — А то следователя просите, взаимодействие обещаете, но сами — ни с места!

Чувствовалось, что Коршунов не в курсе, но он, как истинный опер, «выкрутился»:

— Товарищ полковник, проверю и доложу!

— Всегда так! Когда только научитесь делать все как надо и быть в курсе? Ведь знаете, что спрошу! — посетовал Алелин и окончил с категоричностью, не терпящей любого возражения: — Проверить и доложить! Если не отправлены — немедленно отправить!

— Есть! — отчеканил Коршунов.

— Еще какие вопросы, пожелания? — вновь обратился он к старшему следователю.

— Я, как сами понимаете, дело не изучал, но думаю, что дополнительно допросить жену потерпевшего не мешает. Здесь она или отпущена домой?

— Еще дома, — пояснил Алелин. — Фролов утром докладывал, что вызвана в следственное отделение на послеобеденное время.

— Еще не приходила, — среагировал немедленно Глебов.

— Доставим, нет проблемы, — поторопился предусмотреть последующее распоряжение начальника отдела Василенко. — Самим интересно посмотреть, что за дама?

— Вот-вот! — согласился со своим заместителем Алелин и потянулся к пульта связи, чтобы отдать распоряжение оперативному дежурному. Но дежурный опередил. На пульте загорелся красный огонек внутренней связи и мелодично запел зуммер.

Алелин поднял трубку аппарата.

— Слушаю.

О чем докладывал ему дежурный слышно не было — громкоговорящая связь была отключена. Но докладывал быстро, так как Алелин положил трубку на пульт и сказал:

— Легка на помине. — И пояснил для присутствующих более полно: — Пришла Смирнова и требует встречи со следователем. Но сначала я сам с ней побеседую. Прощупаю,

чем «начинена», как только что выразился Паромов. Не возражаешь, старший следователь? — усмехнулся он опять одними уголками губ.

— Только вспомни черта — он тут как тут, — не удержался от саркастического замечания Василенко.

— Это обо мне? — иронически спросил начальник отдела своего первого заместителя.

— Нет! Что вы? — слегка смутился тот. — Я о женщине. Это они всегда являются, как чертик из табакерки. Неожиданно.

— Ну-ну!

Все промолчали, не отреагировав на шутку начальника КМ. Было не до игривого настроения.

— Закругляемся, — стал подводить итог совещанию Алелин. — В двадцать часов в этом же составе плюс опера и участковый с этой зоны с результатами и планами милости прошу.

Все встали и потянулись к выходу из кабинета.

— На, держи, — протянул Глебов материалы уголовного дела Паромову. — Быстренько изучи, составь план и приступай к расследованию.

Паромов молча взял дело. Он и сам знал, что надо изучать, составлять, расследовать. И никто это кроме него самого делать не будет. Так к чему пустые слова.

В маленьком вестибюле, возле кабинета начальника увидел миниатюрную дамочку в расстегнутой меховой шубке, с заплаканным лицом.

«Вот и жена потерпевшего, — отметил машинально. — Симпатичненькая... Интересно, кем она станет через несколько часов: свидетелем, потерпевшей или подозреваемой?»

В практике старшего следователя уже было несколько дел, когда сын причинял отцу телесные повреждения, повлекшие смерть последнего, когда жена отправляла на тот свет мужа, когда муж отправлял к праотцам супругу, когда сосед — соседа. Часть этих дел он довел до логического конца и направил в суд, если в них оставался состав преступления, предусмотренного статьей 108 частью 2 УК РСФСР.

В новом УК РФ, вступившем в силу с 1 июля 1997 года, данные преступные деяния были отнесены к компетенции прокуратуры, как и убийство.

Разница в квалификации убийства и умышленных тяжких телесных повреждений, повлекших смерть потерпевшего, по сути такого же убийства, заключалась лишь в моменте наступления смерти.

Если смерть наступала непосредственно в ходе совершения преступного деяния — это было убийство, то есть статья 103 или статья 102 УК РСФСР, с санкциями наказания от 3 до 10 лет лишения свободы по статье 103, и от 8 до 15 лет лишения свободы либо смертная казнь — по статье 102.

Если же смерть наступала через несколько часов или минут после того, как преступные действия были окончены, то это квалифицировалось как умышленные телесные повреждения, повлекшие смерть, то есть, статья 108 часть 2 УК РСФСР. И санкции по ней были соответственно от 5 до 12 лет лишения свободы.

В УК РФ данные деяния квалифицировались немного иначе, чем в УК РСФСР, и част четвертая статьи 111 звучала так: умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего.

В первом случае речь шла о тяжких телесных повреждениях, во втором — о тяжком вреде здоровью, и в обоих неотъемлемым признаком являлось влечение за собой таких последствий, как смерть человека. Причем, новый УК еще и оговаривал причину смерти «пс

неосторожности», то есть, не умышленную, а по неосторожности! Видно, законодатель этим словом еще раз хотел подчеркнуть разницу в статьях. Хотя какая тут, к чертям собачьим, неосторожность! Возможно, в целях компенсации за неосторожное наступление смерти, он, законодатель, увеличивал санкцию наказания до 15 лет лишения свободы.

Кроме УК и статей в нем, квалифицирующих убийство или же умышленные тяжкие телесные повреждения, была еще статистика. Статистика не охватывалась уголовным или уголовно-процессуальными кодексами, но имела большое значение, особенно, если ею умело манипулировать. Манипулировать умели все: и в милиции, и в прокуратуре, и в судах. Но так как статут прокуратуры был выше, то последнее слово тут оставалось за прокуратурой, которой не нужен был высокий процент убийств. Не будет же прокурор сам себя наказывать, куда проще «драть» милицейских за рост тяжких телесных, повлекших смерть.

Политика!

А, как известно, политика — дело тонкое. Тоньше комариного носика. Или усика, или еще чего-то... Но все равно тоньше... К тому же, не только тонкое, но и грязное...

Не успел Паромов изучить материалы принятого дела, не успел вынести постановление о принятии дела к своему производству, как того неукоснительно требовал УПК, как в кабинет постучали.

— Войдите.

Дверь кабинета открылась, и на пороге возникла женщина, та самая, которую он видел возле кабинета начальника.

— Вы следователь Паромов?

— Я.

— Тогда я к вам...

— Если ко мне, то проходите и присаживайтесь.

Он указал кивком головы на ближайший к рабочему столу стул, специально поставленный тут для потенциальных потерпевших, свидетелей, подозреваемых и обвиняемых, то есть, тех лиц, которые подвергались допросу.

Женщина села на указанный стул, по-мужски заведя ногу за ногу, и молча уставилась покрасневшими от слез глазами на Паромова.

Оба молчали, внимательно изучая друг друга.

— Осмелюсь предположить, — первым нарушил молчание Паромов и заглянул в одну из страничек только что полученного дела, — вы — супруга потерпевшего... Смирнова Мальвина Васильевна.

— Можно просто Мальвина.

— Можно, но не во время следствия, Мальвина Васильевна. У нас организация официальная, и отношения в ней только официальные.

Смирнова на слова следователя не прореагировала. По крайней мере. Внешне. Молча открыла дамскую сумочку и стала вынимать из нее листок бумаги.

— Я с заявлением...

— Да я уже обратил внимание, знакомясь с делом, что заявление о розыске лиц, причинивших гражданину Смирнову телесные повреждения, и привлечении их к уголовной ответственности, отсутствует... Дело возбуждено по факту причинения телесных повреждений, без заявления.

— Какие телесные! — выслушав следователя, вспыхнула Мальвина Васильевна. — Мужа убили! Слышите вы, убили!!!

Даже на расстоянии чувствовалось, как напряжена она, и каким усилием воли ей удастся сдерживать свою боль, обиду, слезы и раздражение.

— Извините, я не знал, что он умер, — принес извинения следователь, предположив, что Смирнов скончался, а в отдел об этом факте не сообщили. — Вы, по всей видимости, только из больницы. И в курсе... А нам еще не сообщили.

— Пока еще жив, — понизила она голос до нормального звучания. — Но все равно не жилец... — машинально вытерла свободной ладошкой выкатившуюся на щеку слезу. — С перерезанным горлом не живут... Врачи пытаются, делают все возможное и невозможное, но и сами не верят, что выкарабкается. А вы все, как сговорились: телесные да телесные... Его убили! Вот и говорите, что убили! И не мямлите...

Того и гляди, Мальвина Васильевна могла сорваться до истерики. Паромов, привстав, из стеклянного графина, стоявшего на подоконнике, налил полстакана воды.

— Выпейте и успокойтесь. Нам с вами предстоит еще о многом поговорить... И давайте, пока не будем друг друга ни в чем обвинять. Хорошо? — протянул он стакан женщине. — Поверьте, я вам очень и очень сочувствую... И сожалею... Но я — лицо официальное, кроме обыкновенной человеческой жалости, еще обязан вести расследование, задавать десятки разных вопросов, в том числе довольно жестких и малоприятных.

Как ни странно, она безропотно взяла стакан с водой и сделала несколько судорожных глотков.

— Хорошо.

— Передайте ваше заявление. Я приобшчу его к материалам дела. Хотя, как я уже сказал, уголовное дело уже возбуждено и без заявления.

— Это заявление не по факту убийства, или пусть будет по-вашему, причинения телесных повреждений мужу, а по факту кражи нашей машины из гаража, — пояснила с раздражением.

— Не понял? — искренне удивился Паромов. — Вас еще и обворовали сегодня?

— Когда обворовали, не знаю, но машины в гараже нет. Понимаете, нет!

Мальвина заплакала. Долго держалась, но, видно, нервы, сжавшиеся, словно пружина, не вынесли нагрузки беды и треснули.

Новая информация значительно вносила коррективы в расклад дела. Если раньше предполагалось, хоть и нигде об этом речь не шла, что Смирнов сначала отогнал и поставил автомобиль в гараж, а потом, возле дома на него кто-то напал и порезал, то при наличии информации нельзя было исключить и разбой с целью завладения автомобилем.

«Да, дела! Час от часу не легче!» — пронеслось в голове следователя.

Смирнова плакала, и Паромов принялся успокаивать молодую женщину, нежно поглаживая рукой ее опущенные плечи, точнее мех шубки в районе плеч.

В иной обстановке жест следователя казался бы вульгарным и фривольным: вдруг ни с того ни с сего взять и начать поглаживать чужую, незнакомую женщину. Но в данный момент простое человеческое участие более сильного к слабому стало не только уместно, но и необходимо.

Как ни мелко любые слова в горе женщины, но их надо было говорить. И он говорил.

Человеческое участие следователя принесло плоды. Постепенно плечи Мальвины перестали вздрагивать. Она вновь взяла себя в руки. Еще немного отпила воды из стакана.

— Я готова... пояснять... — дрожащим голосом проговорила она. — Спрашивайте.

— Вот и ладненько... Вы рассказываете, а я буду слушать. Если что не пойму, то

переспрошу. Начнем с самого начала. Хорошо?

Смирнова кивнула головой в знак согласия и стала рассказывать о злополучном вечере 10 марта. Почти слово в слово с тем, что уже было зафиксировано следователем Подарковой. Только сообщение о пропаже автомобиля были новым звеном в ее повествовании.

— Так, когда вы обнаружили пропажу автомобиля? — спросил Паромов, когда она окончила рассказ.

— Примерно полчаса назад. Собралась после больницы на работу съездить, чтобы там официально отпроситься, зашла в гараж — а автомобиля-то и нет!..

— Гараж был замкнут? Не обратили внимания?

— Как же, не обратила? Обратила! Своими ключами открывала.

— И что, в гараже порядок?

— Порядок, а машины моей нет!

— А, может быть, муж не успел поставить вчера?

— Не знаю. Может, и не успел... Не знаю я! Ничего не знаю...

Отвечая на вопросы, Мальвина Васильевна немного отошла от своих мрачных дум. Расслабилась. Поспокойнела.

— Вы в гараже очень наследили? — задал он вопрос, уже переносясь мысленно на новый объект осмотра места происшествия.

По опыту знал, что в такие минуты люди теряются и долго топчутся на месте происшествия, затаптывая возможные следы, хватаясь за все, что подвернется под руки.

— Не помню. Возможно, не очень... А что, это важно?..

— Да как вам сказать... — пожал следак плечами.

— Я только с краешку... Вы уж извините. Столько раз видела в фильмах, что нельзя топтаться на месте происшествия, и, вот, забыла.

— Давайте поступим таким образом, — словно советовался следователь, — заявление отдадим в дежурную часть на регистрацию, и пока дежурный будет его докладывать начальнику, регистрировать в книге учета преступлений, давать ориентировку по городу и области на обнаружение и задержание автомобиля, я ваши показания запишу в протокол. Кстати, на кого оформлен автомобиль: на вас или на супруга?

— На меня.

— Вот и признаем вас потерпевшей, по крайней мере, по факту хищения автомобиля.

Следователь этим хотел сказать, что по факту причинения тяжкого вреда здоровью пусть будет потерпевшим сам Смирнов, что означало его выздоровление до суда. Только при смерти пострадавшего от преступных деяний, потерпевшим признается его родственник. Но Смирнова расценила слова следователя по-своему.

— А вы что, в деле с мужем считаете меня подозреваемой? Меня, у которой столько несчастья?!!

Лицо Мальвины покрылось краской гнева.

— Я такого не говорил. И, вообще, имел в виду другое...

Старший следователь хотел объяснить, но она перебила, не желая слушать объяснений.

— Не говорили, но думаете, — стала заводить себя Мальвина. — Все вы тут только и видите во всех людях подозреваемых да обвиняемых! А я не подозреваемая! Я — потерпевшая! Вы не думайте, я законы знаю!!!

— Это не важно, кто что думает... Важно, что делает. Возможно, я сейчас думаю, какая вы красивая, — сыграл Паромов на женском самолюбии, — но этого не скажу (все уже было

сказано), а стану допрашивать вас в качестве свидетеля или же потерпевшей, и буду записывать ваши показания.

Как не было горько и муторно на душе Мальвины Васильевны, но, услышав, что она красивая, она произвольно стала поправлять волосы и выпрямила стан. Такова уж женская психология.

Женщины! Ах, женщины! Они и на смертном одре не забудут прихорашиваться, стоит лишь им напомнить, что они красивые...

Паромов поднял трубку телефона внутренней связи.

— Дежурный?

— Он самый. Что надо?

— У меня заявление гражданки о краже ее автомобиля. Подошли кого-нибудь забрать его для регистрации в КУП... Чуть позже мне понадобится дежурный автомобиль и следственная группа для выезда на осмотр места происшествия.

Оперативному дежурному не хотелось брать на себя обязанности ставить начальника отдела в курс о новом неочевидном преступлении, и он сказал, что Паромов мог бы и сам доложить о заявлении.

— Начальнику доложить? — возмутился беспардонностью дежурного старший следователь. — Вот ты и доложи! И зарегистрируй, как положено!

В сердцах резко положил трубку.

«Опять скулеж: начальнику неохота докладывать, транспорта нет... А мне какое дело! Я же не прошу следствие вместо меня проводить! — с неприязнью подумал о дежурной части Паромов. — Вечная песнь дежурного и помощника...»

Потом достал бланки допроса свидетеля и стал подробно записывать показания Мальвины Васильевны, задавая время от времени уточняющие вопросы.

С помощью уточняющих вопросов удалось выяснить, что между ней и ее соседом Нехороших Олегом давно существовали неприязненные отношения. Из-за отклоненных ею сексуальных домогательств последнего.

— Даже так?

— Даже так! — в тон следователю ответила Смирнова.

— А как вы сами оцениваете показания Олега о том, что он слышал ваш скандал?

— Формально, вроде бы, и верно... — постаралась быть объективной к соседу Мальвина. — Да, шумела, да, кричала... Но по существу — оговор! Преподнесено так, гражданин следователь, что это я в ходе ссоры убила мужа. Но это, видит Бог, не так!

— Какой я вам гражданин, — перебил ее Паромов, — мы с вами по одну сторону баррикады. Наверное, товарищ... По старинке. До господ не доросли... по крайней мере — я. Так что, Мальвина Васильевна, товарищ!

— А по имени-отчеству можно?

— Не возражаю. Продолжим?

— Продолжим.

— На ваш взгляд, что заставляет Нехороших исподволь оговаривать вас? Не прямо, а именно, исподволь...

— Не знаю. Возможно, так хочет сделать мне больно из-за того, что отказала ему в его сексуальных притязаниях? Возможно, искренне считает, что это дело моих рук?

— А сам он не мог? — на всякий случай задал прямой вопрос Паромов.

— Вряд ли. — Не задумываясь, ответила Мальвина, поправив сползавшую полу шубки

на коленях.

— Это почему же?

— А когда я закричала в коридоре, то он из своей квартиры чуть ли не в трусах выскочил. И очень перепугался, когда увидел кровь. Правда, потом успокоился и помогал вносить Артема, мужа моего, в коридор квартиры. Кажется, «скорую» вызывал, или говорил, чтобы вызвали... Впрочем, товарищ следователь, мне не до того было, чтобы за реакцией его лица и мимики следить...

— Да уж верю...

— Так что, не думаю. Скорее всего, мужа порезал Крючков, наш сосед по гаражу, как и ваши, что приезжали ночью, — пояснила на всякий случай она, — его подозревают...

— Это почему же? — высказал заинтересованность следователь.

— Давно грозился.

— Да у нас на каждом шагу грозятся... Я тоже собственной жене грожу руку повыдергивать, когда стряпает как зря... на мой взгляд... Но это не значит, что убивают, режут... Не все то золото, что блестит...

— Это вы к тому, что не все то дерьмо, что не тонет! — подыграла Мальвина. И грустно улынулась.

Паромов пропустил ее реплику о дерьме без ответа.

— Вы еще про Цыбина говорили. По-вашему, он тоже мог?

— Может, и мог бы, но не знает, где мы живем...

— Ну, это не такое уж трудное дело. Спросил одного, другого — и, пожалуйста, адресок готов...

— Не знаю... Не знаю я ничего!

— А еще какие-либо враги у вас имелись? — допытывался следователь, стараясь «очертить» круг возможных подозреваемых.

— Да, нет, не было. Муж у меня тихий. Пьет в меру, с кем зря не водится...

— А что это за ребята, с которыми супруг ваш немного спиртного выпил вечером, из-за чего ссора возникла между вами?

— Вы уж скажете, ссора! Так, пустяшный конфликт...

— А все же?

— Да я не спрашивала его...

— Лучше бы вы расспросили, — посетовал старший следователь. — А мы бы их вычислили и, в свою очередь, расспросили... или допросили.

— Возможно, я их и сама видела... — слегка задумалась Мальвина и пояснила: — Когда вчера шла домой после работы, то возле подъезда группу молодых парней и двух девушек видела...

— Знакомых среди них не было?

— Да один был... вроде бы, дружок моей соседки Ирины. Сестры Олега, — уточнила она. — Раньше несколько раз их вместе видела... Но, вот, в последнее время... Ирины на улице не вижу, ни с ним, ни одной.

— А как его зовут, не знаете?

— Чего не знаю, того не знаю... Знаете, товарищ следователь, не интересовалась...

— Оно и понятно: подросток. Какой тут интерес. Вот, если бы накрученный «новый» русский, то возможно бы... и задержали свой взгляд.

Он посмотрел в глаза Мальвины.

— А глаза-то у вас, глаза! Колдовские. Вы случайно не ве... ведунья? — подобрал он более мягкое слово, чем ведьма. — В ваших глазах можно утонуть, как в синем озере!

Мальвина улыбнулась.

— Возможно...

— Вот, видите, кое-что мы новенького и выяснили. — Вновь стал серьезным следователь. — А вы заверяли, что все уже давно рассказали... Память, она, брат Горацио, штука хитрая. Тонкая.

— Тогда уж точно, не брат Гораций, а сестра или мать Тереза... Как никак, я женщина... сами соизволили только что заметить. — Остра была на язычок Мальвина, ох, остра. Даже в горе, за словом в карман не лезла.

— Не спорю: симпатичная женщина. А о Горацио я к слову. Знаете, бывает, хочешь не хочешь, а слово само на язык вскочит... Прыг, и вылетело, как воробей. А вылетело — уже не поймаешь!

— Да знаю, как у вас в милиции, слова просто так вылетают! Все-то тут с подтекстом, с подковыркой!.. Скажете — и следите за реакцией: как, мол, реагирует. Заглотала или только собирается заглотать крючок... Как пауки, из слов паутину вяжете, чтобы несчастную душу опутать и запутать! Наслышана...

— Ну и скажете. Сплошное преувеличение!

Но переубедить Мальвину Васильевну в том, что не всегда в милиции слова бывают со «смыслом», было не так-то просто.

— Слышала. Знаю!

По-видимому, все эти знания были почерпнуты из кинофильмов, где «мудрый» опер или следователь задают подозреваемому каверзные вопросы, а потом «ловят» его на противоречиях в ответе.

Но времена меняются. На противоречиях уже многого не добьешься! Нужна система доказательств, чтобы кого-то в чем-то уличить. Кроме того, кто лишил права следователя задавать и простые вопросы, без подтекста? Никто.

— Хорошо, не будем спорить. Лучше возвратимся к основной теме. Вы у мужа, ночью, когда оказывали помощь и ждали врачей, ключи от гаража нашли?

— Не наша. Хоть мне и было не до ключей, но их, точно, не было... как и ключей от квартиры! Да...

— Придется, на всякий пожарный, и замок в квартире поменять.

— Придется. Понимаю... Но кому?.. Муж убит... Может, вы?

— Ну, уж нет. Выбивать приходилось, не скрою. И то, давным-давно, когда был участковым... Но вставлять... Я — все же следователь, а не слесарь из ЖКО.

— Вот так вы помощь бедной вдове оказываете?

Что было больше в этой фразе: истинного сожаления, что следователь не может сменить замок или женского кокетства — Бог её поймет!

— Не хороните живого. Грех! А что касается помощи, то в пределах нашей компетенции, как принято говорить! В пределах компетенции...

Дежурный доложил начальнику отдела о заявлении Смирновой. И к его удивлению никакой негативной реакции не последовало: он не знал, что Смирнова уже побывала в кабинете Алелина. Зарегистрировал. Можно было выезжать на осмотр места происшествия, благо, что освободился дежурный автомобиль.

Осмотр гаража дал немного: несколько наслоенных друг на друга, затоптанных,

фрагментов следов обуви, по которым можно было только предположительно установить размер. Говорить о возможной идентификации — не приходилось. Слишком все было смазано, обрывочно. Эти следы могли быть оставлены как самим хозяином, так и посторонними лицами.

С полной уверенностью можно было только констатировать факт отсутствия взлома.

Успел Смирнов поставить автомобиль прошлым вечером, не успел — оставалось по-прежнему нерешенной задачей.

После осмотра места происшествия, гаража, заехали к Смирновым домой: следователь решил вызвать на дополнительный допрос Нехороших Олега, чтобы допросить его по вновь открывшимся обстоятельствам, а, заодно, и его сестру Ирину.

Олега дома не было.

— Еще на работе, — пояснила его жена. — Придет, передам, что вызывали. Только повестку оставьте.

Пришлось выписывать повестку на утро следующего дня, так как было неизвестно, когда он появится дома.

Сама Лилия, жена Олега, пояснить по факту нападения на ее соседа ничего не могла. Она даже из квартиры не выходила прошлой ночью, и о беде соседей слышала со слов мужа и его сестры.

На вопрос, кто мог так поступить с Артемом, ответила тихо:

— Не знаю! Артем тихий... хороший сосед. Не то, что его боевитая жена...

Больше повезло с Нехороших Ириной. Та и шум соседский слышала, и ночью на площадку выскакивала, и соседа Артема с перерезанным горлом видела, и ребят, толпившихся вечером возле подъезда назвать смогла, хотя заранее всех их охарактеризовала с положительной стороны, особенно своего бывшего кавалера Злобина Ивана и его друга Апыхтина Толика.

— Иван, он хороший, не как некоторые другие, которые стараются девчонку обмануть!

— Если такой хороший, то почему дружить перестали? — задал следователь беспардонный вопрос. — Наверно, разлюбил? Или вы его?

— Это все брат... Он нас разлучил. Ему чем-то Иван не нравится. Хотя раньше и нравился...

— Да Бог с ним, с Иваном. Вы мне их адреса дайте. Нужно побеседовать.

— А зачем адреса? Вы их подозреваете? — насторожилась Ирина. — Они не могли. Хорошие ребята.

— Почему вы решили, что я их в чем-то подозреваю? Не подозреваю. Но они могли что-то видеть, что-то слышать...

— Но вы такие вопросы задаете.

— Работа у меня такая, что без вопросов никак нельзя.

Ирина назвала адрес Ивана, а также адреса других ребят и девчат, в том числе и Апыхтинский.

В девятнадцать часов в кабинете старшего участкового собрались опера с зоны Магистрального поселка и участковый, чтобы обменяться информацией и набросить план следующих действий. Шеф ждал с докладом в двадцать часов.

— Так, что мы имеем? — спросил Паромов Аверина, как старшего группы оперативного сопровождения, когда поделился своими наработками.

— Не густо, — без большого оптимизма стал докладывать опер. — Крюк колотья не

собирается. По-прежнему стоит на том, что подрался с собутыльниками. А Смирнова вчера и в глаза не видел. Будем и дальше разрабатывать. Может, что появится.

— Разрабатывать — это хорошее дело. Только время нас поджимает, — перебил оперативника Паромов. — Кто-нибудь пытался проверить его версию?

— Я и мои ребята, а точнее, Студеникин Данила, так как нас осталось на зоне всего двое, были с самого утра в ИВС. Никого больше не проверяли. Я завтра опять в ИВС, а уж Данила, если его еще куда-нибудь не пошлют, займется проверкой версии Крюка.

— Разрешите, — вмешался участковый инспектор Силин Евгений. — Я частично проверил... Опросил двух человек, распивавших спиртное в гараже Крюка, некоего Салова Михаила по прозвищу Сало и Табакова Григория по прозвищу...

— Махра или Махорка! — перебил участкового Аверин. — Ну и погонялы — сплошная закуска!

— Да, Махра, — продолжил доклад Силин. — Они подтверждают показания Крючкова.

— Оба — судимые. Вот и дают алиби друг другу, так сказать, на почве зэковской солидарности. — Вновь вмешался Аверин. — Вот возьмем их в оборот, неизвестно, что они тогда запоют...

— Пока вы возьмете — время уйдет, — с неудовольствием высказался следователь. — Время! Время! А его-то и нет! И пока у Крюка алиби... А мы ни на шаг не продвинулись...

— А где они: Сало и Махра? — спросил старший опер участкового. — В отделе?

— Нет. Дома.

— Почему дома, а не в отделе? — повысил он голос на Силина.

— А никто и не говорил, чтобы доставлять в отдел. Сказали, проверь, я и проверил.

— А если бы тебе сказали прыгнуть с моста в Сейм, ты бы прыгнул? Думать, хоть иногда, но надо! — Взъярился Аверин.

И как тут не взъяриться, если придется, считай, по-новому, гоняться за Салом и Махрой, чтобы их отработать, как положено, в условиях отдела милиции или, еще лучше, через ИВС.

— Можно подумать, что сам всегда думаешь! — обиделся участковый. — Чего сам за них не взялся, если такой умник? А то умничать, да давать ЦУ — все мастера, а побегать по участку, поискать по притонам — ни одного умника и нет. Только участковый...

Деловое обсуждение могло перерасти в пустой треп и взаимную перебранку. Надо было это дело пресекать, пока не наговорили друг другу гадостей с три короба.

— Прекращайте балаган! — остановил их Паромов. — Это делу не поможет.

Но они еще какое-то время что-то пытались доказать друг другу. Но уже в более сдержанных тонах, без оскорблений и обид.

Молодой оперативник Студеникин в перебранку своего непосредственного начальника и участкового тактично не вмешивался, словно все происходящее его не касалось. Еще не успел заматереть и особачиться. Но это дело наживное. Со временем успеет...

— Я ездил за Цыбиным на работу, — сказал он, воспользовавшись небольшой паузой в споре своих коллег, — там его нет. Сказали, что утром звонил откуда-то и сообщил, что заболел. Съезжу попозже к нему домой. Адрес в отделе кадров узнал.

— Вот, видите, — обрадовался участковый, — и у вас, господа опера, не все получается. Только на участкового и умеете лаяться...

— Чему ты радуешься? — вскипел Аверин. — И не путай божий дар с яичницей! Одно дело не найти человека и совсем другое: найти, но не привести в отдел! Чувствуешь разницу? Или совсем нюх потерял?

Ссора опять могла набрать обороты.

— Прекращайте, прекращайте! Лучше, давайте, подведем итоги, — выслушав Студеникина, стал опять успокаивать спорщиков следователь.

Притихли.

— С Крюком у нас ноль? — как бы спросил следователь себя и остальных и тут же ответил. — Ноль!

— Это еще посмотрим... — буркнул себе под нос Аверин.

— И смотреть нечего. Ноль. С Цыбиным — тоже ноль!

— Завтра... — заикнулся Студеникин.

— Завтра — это будет завтра, а пока что — ноль! — продолжил подбивать дебет с кредитом следователь, не обращая внимания на реплики оперов. — Думаю, что и подозрения в отношении жены Смирнова — лишены смысла, а, значит, еще один ноль не в нашу пользу.

Ребята молчали. И им было понятно, что хвалиться нечем.

— Кругом одни нули. День на одних нулях... — подвел он горький итог работы по раскрытию преступления. — Шеф нас не похвалит и по головке не погладит...

— Порвет, как Тузик грелку, — согласился Аверин, уже испытавший крутой нрав нового начальника отдела.

— Вот, пока не порваны, спланируем работу на завтра, — продолжил Паромов. — Кто-то один едет в ИВС... продолжать работать с Крюком.

— Я, — вызвался Аверин.

— Хорошо. Тогда Студеникин хоть с раннего утра, хоть сегодня на ночь доставляет в отдел всю молодежную бригаду, что вчера толпилась возле Смирновского подъезда. Адреса у меня есть. Вот отдельное поручение, в нем все и указано. — Он протянул Студеникину исписанный полностью лист бумаги. — Держи! И не говори, что не получал.

— А Цыбина, — второй лист бумаги направился в сторону Силина, — поручается допросить вам, уважаемый товарищ участковый. — Да поподробнее...

— Пусть еще Сало с Табаком в отдел доставит, — подсказал с ехидцей в голосе Аверин, — чтобы в следующий раз знал, что головой надо хоть изредка думать, а не только фуражку на ней носить.

— Верно, и Сало с Махрой доставить в отдел, — согласился с ним следователь. — Потому что их надо было не опрашивать, а допрашивать! Усек?

— Усек. Но можно подумать, что у меня одна проблема, как ваше преступление раскрыть... — начал было Силин.

— Это вы, уважаемый, Алелину скажите, — перебил его Паромов с неприязнью. — Вы не мне делаете одолжение. Вы, как любой сотрудник милиции, обязаны предотвращать преступления, а если уж не удалось предотвратить, то должны принять все меры к его раскрытию. И в кратчайшие сроки! Вот так-то, дорогой...

— А их, — имелись ввиду участковые инспектора, — сейчас действительно за раскрываемость не очень-то спрашивают, — внес пояснения Аверин. — У них общественный порядок во главе угла.

— Откуда такое? Всю жизнь с участковых три шкуры снимали, если на обслуживаемом участке остается нераскрытым хоть одно преступление. Сам в участковых десять лет лямку тянул. Знаю!

— Ну, уж нет! — не согласился со следователем оперативник. — Теперь другие веяния.

Теперь раскрытие преступления у них не первоочередная задача, а так, побочное явление. Раскрыл — никто спасибо не скажет, и не раскрыл — особо не печалются... С тех самых пор, когда милицию поделили на федеральную и местную, муниципальную, так называемый МОБ, или милиция общественной безопасности. Отстаем от жизни, товарищ следователь, — оскалился в ехидной улыбке опер.

— Думаю, что Алелин, милиционер старой закалки, это недоразумение устранил и заставит все службы работать на раскрытие преступления, — не сдавался следователь, — а не прохлаждаться в качестве сторонних наблюдателей!

Участковый промолчал, а Аверин голосом, полным скепсиса и недоверия, буркнул:

— Плохому и учить не надо, само приживается в сжатые сроки, как у нас любят говорить; хорошее — надо годами вбивать...

В двадцать часов, как и было приказано, собрались в кабинете начальника отдела. Тот молча, не перебивая, выслушал членов СОГ и руководителей подразделений и пришел к выводу, что полдня ничего существенного по делу не сделано. Раскрытие преступления ни на йоту не продвинулось вперед.

— Полдня еще отдано коту под хвост! — дождавшись последнего доклада подчиненных, взъярился он. — Так продолжаться не может! С меня спрашивают: и из городского УВД, и из УВД области, а у нас ни преступник не установлен, ни автомобиль не разыскан. Чтс прикажете докладывать мне на «верх»? Может быть, такой вот детский лепет, как вы мне?.. Позориться не буду! Руководству я буду докладывать положительные результаты. Понятно всем? А раз понятно, то продолжаем работать над раскрытием этого, нет, — поправил себя, — этих преступлений. Теперь до двадцати четырех часов. Всё, все свободны!

Молча проглотили разнос. Что можно возразить, если в раскрытие преступления особых подвижек не добыто...

Когда покинули кабинет начальника отдела, у многих, возможно, в головах крутились не очень лестные эпитеты на стиль руководства Алелина. Но Паромов воспринял это как само собой разумеющееся: в восьмидесятые годы над раскрытием особо тяжких преступлений работали сутками, и никто не хныкал, не кричал, что тяжело, что это не мои функции. Иначе зачем шли в милицию?.. Ведь понимали, что спокойной жизни не будет.

Следователь Паромов, хоть теперь и жил во времена рыночных отношений, как вся страна, но оставался с понятиями и принципами той, еще советской, эпохи. А потому продолжал наивно верить в необходимость бескорыстного труда на благо общества и его отдельного члена — человека.

Время от времени его коробило от вида того, как растаскивали страну, как грабили население, как цинично называли белое черным и, наоборот, черное — белым. Но что мог поделать он, маленький человек, букашка, если на массовые выступления шахтеров никто внимания не обращал.

Он видел, как скудеет нравственно и морально не только так называемая «элита» общества, но и простое население. С элитой было понятно: она во все времена, как блистательная куртизанка, подкладывалась под любую власть и идеологию, свою отечественную, доморощенную, или внешнюю, импортную. Она всегда готова любому богу молиться, лишь бы оставаться «приближенной» к телу или тельцу. Она первой предавала и продавала в годину тяжких лихолетий и испытаний. Клялась в верности монголо-татарским ханам, приводила поляков, присягала Лжедмитрию, стелилась под Наполеона. И только народ, почти всегда нищий и бесправный, вновь и вновь поднимался на защиту родного

Отечества, грудью вставал на пути его врагов. У народа, по крайней мере, у его подавляющего большинства, был низкий порог самосохранения, по крайней мере, с самосохранением элиты не сравнить, но очень развито, на уровне подсознания, чувство долга перед Родиной.

И вот стал нравственно скудеть народ, обманутый, оболваненный в очередной раз своей «элитой». Стал гибнуть от внутреннего раздрая и безысходности. Ушел в беспробудное пьянство. А кто не запил, тот, обнищав духом, бросился в поиск легкой наживы. По приметам все той же «элиты».

Сменились ориентиры. Честный и добросовестный труд стал не только непочтен, но и никому не нужен. Героями все больше и больше являлись спекулянты, проститутки, мошенники, сутенеры и откровенные бандиты.

Но что позволено богу, то не позволено быку... поэтому пошел народ по криминальной дорожке. И если в годы советской власти разбой или убийство были чрезвычайным происшествием не только областного масштаба, но и союзного значения, то во времена рыночных отношений и псевдодемократии они стали вполне обычным явлением.

Видя все это, решил Паромов, что не будет менять своего отношения к избранной профессии, что самое правильное в данной ситуации — это строго следовать букве закона, и работать честно, как и прежде. Пока хватит сил... И не присягать на верность новой власти и новому строю!

Разгон, учиненный начальником отдела, подстегнул всех. Опера и участковые перестали ссылаться друг на друга, заработали если не на совесть, то из-за страха наказания. Но заработали.

К двадцати двум часам в отдел были доставлены и тут же допрошены обе девушки, что находились в прошлый вечер возле злополучного подъезда. Вместе с ними умтановлен и допрошен их друг и кавалер Никитин Витя. Они уже были в курсе пореза Смирнова — дурные вести быстро разносятся, это хорошие черепахой ползут... И не только подтвердили слова Нехороших Ирины, что были вечером возле подъезда дома, но и то, что Злобин Иван действительно «угощал» Смирнова спиртным.

— Это с каких таких побуждений такая щедрость? — спросил Паромов Никитина.

— А кто его знает, — последовал лаконичный ответ.

— И часто?

— Что — часто? — не понял подросток.

— Часто Злобин угощает первых встречных? Хотя бы и Смирнова?

— Первый раз видел. Вообще-то Иван не очень склонен к спиртному. А тут что-то нашло. Ни с того, ни с сего нас начал угощать... потом этого Смирнова...

Но самым важным из их показаний было то, что они все видели, как Злобин и Апыхтин, друг Злобина, вместе со Смирновым, на автомобиле Смирнова, отъезжали поздно вечером от дома.

— Это верно? — уточнял следователь у каждого из допрашиваемых свидетелей.

— Точно. — Отвечали допрашиваемые.

— Без дураков?

— Без дураков, так оно и было, — недоумевали они над такой скрупулезностью следователя.

— А вы почему с ними не поехали?

— Нас никто и не приглашал. Да и зачем? Чтобы пешком потом от гаража тащиться...

Очень нужно! — почти слово в слово отвечали на данный вопрос девушки и их кавалер.

— И когда же они возвратились? — звучал очередной вопрос следователя.

Причем слово «они» в вопросе не просто звучало, а с определенным подтекстом. Под «они» можно было предполагать как Злобина с Апыхтиным, так и Злобина, Апыхтина и Смирнова.

— А я их уже больше не видела, — отвечала спокойно Оксана, одна из двоих девушек-свидетелей, в которой больше было развито чувство индивидуализма.

— Кого их? — требовал уточнения персоналий следователь.

— Ребят и этого... вашего Смирнова...

— И куда же они все делись?

— А я откуда знаю, — хмурилась и капризничала Оксана. — Я сразу домой ушла. Вместе с Виктором и Снежаной, если вам так важно.

— Важно. Все важно! — был терпелив следователь.

Он не кривил душой: в уголовном деле нет мелочей. Там все важно...

— Да не видели мы их больше, — подтверждала и ее подруга Снежана, в которой больше было заложено коллективных начал развития личности.

Такие девчата в школе во время учебы были старостами классов, потом вожатыми у малышей; в институтах они активные участники всех общественных и спортивных мероприятий, иногда лидеры.

— Они уехали, а мы вскоре разошлись по домам.

— Точно?

— Точно.

— А почему вы за всех говорите?

— А потому, — в тон следователю отвечала круглолицая и черноглазая Снежана, — что мы сначала проводили до своего дома Оксану, а затем меня до моего дома проводил Витя Никитин.

— Хорошо, убедили, — соглашался следователь. — Но вы же не могли видеть, куда от вас пошел Никитин, и чем он дальше занимался? Согласитесь, что это так...

— Смешно! — пожимала плечами девушка. — Куда же ему было идти, если не домой?

— Да мало ли куда? — поддразнивал допрашиваемую Паромов.

Девушка стусевалась, но тут же упрямо заявила:

— Домой он пошел! Можете у него спросить, если мне не верите.

Чувствовалось, что Снежане Виктор не безразличен, и она уже имеет на него свои девичьи виды.

В ходе допроса этих свидетелей было уточнено время «убытия» Смирнова на автомобиле от дома, что в свою очередь подтверждало показания Мальвины Васильевны, а, значит, в определенной мере снимало с нее ощутимую часть подозрений, которые оставались не только у оперативников, но и у следователя. И самое главное, вырисовывались фигуры лиц, которые могли пояснить о более поздних минутах жизни и деятельности потерпевшего. Появление среди фигурантов дела Злобина и Апыхтина могло быть, как лишь одним из очередных эпизодов в раскрытии преступления, так и серьезной зацепкой.

Дальнейший свет могли пролить Злобин и Апыхтин, но как назло, их оперативники не нашли, хотя по указанию Паромова и пытались «выщарапать» их из указанных адресов. Но дома их не было. А соседи об их местонахождении ничего подсказать, как всегда, не могли. По большому счету отсутствие парней ничего не значило: они могли где-то просто гулять.

Но ведь могли уже и скрываться от милиции...

И когда вновь собрались у начальника отдела в двадцать четыре часа, следовательно так и заявил:

— Срочно нужны Злобин и Апыхтин! Возможно, в цвет попадем...

— Опять — возможно, — остался неудовлетворенным Алелин.

Ему требовалась конкретика, а ее, конкретики, по-прежнему, не было.

— Не потянем ли мы вновь «пустышку»? — посетовал он на слова следователя.

— Не исключено, — не стал утверждать обратное Паромов. — Я всего лишь следователь, а не прорицатель или ясновидящий, которых в последнее время, сами знаете, расплодилось, как поганок после дождя. Но в любом случае считаю отработку этих хлопцев делом важным и первостепенным.

— «Пустышку» потянем, — вмешался начальник уголовного розыска Коршунов, откровенно подыгрывая Алелину, даже его словечко повторил. — Пустая трата времени и сил... Я настаиваю, что у нас уже есть подозреваемый, Крюк. Вот его и надо дожимать. И дождем!

Начальник отдела не перебивал, давая возможность высказаться всем желающим. И анализировал все «за» и «против» в каждой версии.

Аверин и Студеникин, пообщавшись за последние часы с многими лицами, в той или иной степени, причастными к событиям прошлой ночи, находились в сомнении, и помалкивали.

— Крюк — Крюком, а Злобин — Злобиным, — вроде бы соглашался с доводами начальника ОУР и в то же время настаивал на своем Паромов. — По-прежнему считаю, что одно другому не мешает.

— Верно! — Наконец прямо поддержал его Алелин. — Тем более что доставленные в отдел участковым Силиным и оформленные «по мелкому» за вчерашние художества в ГСК друзья Крючкова клянутся мамой, что Смирнова с ними не было, и что Крюк в гараже дрался только с ними. Может, и врут, а может, и правду говорят... Так что, отрабатывать надо обе эти версии. Аверин и Студеникин сейчас идут домой и отдыхают до 6 часов, а утречком доставляют в отдел Злобина и Апыхтина. И не просто доставляют, но и работают с ними до прихода следователя. Понятно? — обратился он непосредственно к Аверину.

— Понятно, товарищ подполковник.

А что еще мог ответить опер начальнику!

— Раз понятно, тогда по домам. И, как говорится, утро вечера мудренее!

Все встали и, друг за дружкой, потянулись к выходу из кабинета.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

«Хорошо говорить начальнику «по домам», — подумал, направляясь к своему кабинету, чтобы одеться, Паромов, — если дом, как мой, рядом с отделом. А как быть ребятам? Не каждый так близко живет, как я: перешел через дорогу — и дома».

Но тревожные размышления следователя о судьбе товарищей разрешились быстро: Студеникин решил заночевать в отделе, в служебном кабинете, на сдвинутых в один ряд стульях, чтобы утром, не теряя времени, отправиться на дежурном автомобиле за Злобиным и Апыхтиным, остальных развез по домам сам Алелин на своем автомобиле. Было около часа ночи...

— Что-то, папа, опять ты запозднил, — вышла дочь из своей комнаты, в длинном темном, разноцветном халатике, перетянутом в талии пояском. — Опять, что ли, работы

было много?

— Много. А мама где?

— Еще со второй смены не вернулась. Я ужин тебе подогрею... наверно есть хочешь...

И принялась хлопотать на кухне, позвякивая тарелками и кастрюльками.

— Спасибо. — Снял верхнюю одежду и прошел на кухню. — А чего самой не спится? В институте все нормально?

— Телек смотрела. Детектив показывали, — пояснила, не выходя с кухни. — Про следователя прокуратуры... Чушь конечно, но смотреть можно... А в институте порядок, — ответила запоздало на последний вопрос.

— Западный? — теперь невпопад переспросил Паромов, имея ввиду детектив.

— Западный. У нас жизнь сама — сплошной детектив...

— Это точно, — невесело усмехнулся Паромов. — Сплошной детектив!

— А как самому сегодня работалось? — поинтересовалась дочь, когда Паромов прошел на кухню.

— Как обычно.

— Оно и видно, — мягко улыбнулась дочь, и на ее личике обозначились две привлекательные ямочки, — вижу, опять устал.

На следующий день, когда Паромов около восьми часов утра пришел в отдел, его возле дежурной части встретили Аверин и Студеникин.

— Доставили? — поздоровавшись, поинтересовался Паромов исполнением приказа начальника отдела.

— Доставили. Вместе с документами... с паспортами...

— Что с паспортами, это хорошо. И?..

— Пока не «колются», — мрачновато ответил не выспавшийся старший оперуполномоченный, направляясь вслед за следователем на третий этаж, в кабинет. — Да мы и не работали с ними, если по правде сказать. Так задали один-два вопроса, больше для разминки памяти, чем для серьезного базара... Ведь только что доставили...

— Не колются, но «менжуют», как неопытные проститутки в групповухе. Оба — на полной измене, хотя и молчат... пока молчат! — Сыпанул на блатной манер жаргоном Студеникин, поддерживая своего непосредственного начальника. — Нажмем — и посыпятся, как прошлогодняя труха из старого пня. В смысле — расколются! — уточнил на всякий случай.

Студеникин был хоть и молодой, но уже лирически настроенный опер. Пел, что твой соловей. Возможно, он по натуре был такой словоохотливый, возможно, в нем уже проснулся охотничий азарт.

— Как там с ИВС? — задал он вопрос следователю. — Сто двадцать вторая позарез нужна!

— Основания? — открывая кабинет, спросил Паромов. Потом, когда вошли в кабинет, предложил оперативникам присесть на стулья, а когда те плюхнулись на ближайшие стулья, вновь спросил: — Основания?

Дело в том, что статья 122 УПК РСФСР, регламентирующая задержание подозреваемого в совершении преступления, гласила: «Орган дознания (следователь) вправе задержать лицо, подозреваемое в совершении преступления, за которое может быть назначено наказание в виде лишения свободы, только при наличии одного из следующих оснований:.

1) когда это лицо застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения;

2) когда очевидцы, в том числе и потерпевшие, прямо укажут на данное лицо, как на совершившее преступление;

3) Когда на подозреваемом или на его одежде, при нем или в его жилище будут обнаружены явные следы преступления».

Был еще один пункт, не пронумерованный цифрой четыре, и специально оговоренный данной статьей: «При наличии иных данных, дающих основания подозревать лицо в совершении преступления, оно может быть задержано лишь в том случае, если это лицо покушалось на побег, или когда оно не имеет постоянного места жительства, или когда не установлена личность подозреваемого».

Вот и все основания. Причем последнее, с его допусками «если» и «когда», по сложившейся практике прокуратурой не одобрялось и не принималось всерьез.

— Так какие у нас основания, — еще раз переспросил следователь, так как два первых вопроса провисли без ответа, — чтобы Злобина и Апыхтина задержать по 122 статье?

Студеникин сразу набылся, а Аверин лишь с интересом посмотрел на следователя: куда, мол, он гнет?

— Да по всему видно, что у обоих рыльце в пушку! — прервал затянувшуюся паузу Студеникин.

— Не спорю, — согласился следователь, — но наши предположения, наши чувства, даже наши предвидения — еще не основания для задержания. Вот лежит УПК, — показал он на тоненькую книжицу в мягкой зеленой обложке, — возьмите и освежите в памяти все основания, на которые можно сослаться при задержании.

— Я их и так помню, — самоуверенно отозвался Студеникин.

— Это хорошо, что помнишь. И где у нас первое основание: кто их застиг на месте совершения преступления или сразу же после такового? Нет?

— Нет, — вынужден был согласиться опер.

— Посмотрим, что со вторым, — продолжил следователь. — Есть ли у нас очевидцы, в том числе и потерпевшие, которые бы указали на них?

— Нет, — согласились вновь Студеникин.

А Аверин неуверенно предположил, что есть же показания двух девушек и Никитина о том, что Злобин и Апыхтин — это последние лица, с которыми видели потерпевшего в полном здравии.

— Верно, Шурик, видели. Но кто из них сказал при этом, что видел, как эти самые Злобин и Апыхтин перерезали, как душманы, горло Смирнову? Никто. Согласен?

— Согласен.

— И последнее: на них, у них дома какие-нибудь следы обнаружили?

— Как-то не обратили внимания, — смутился Аверин. — Спешили обоих дома застать. Ни одежду, ни обувь не посмотрели...

— А надо было обратить, Александр! Возможно, и основания появились бы.

— Наверстаем, — ступевался Аверин. — Слава богу, они теперь под рукой!

— Что-нибудь об их личностях выяснили?

— В общих чертах, — без большого энтузиазма ответил Студеникин. Чувствовалось, что переживал свои упущения с досмотром претендентов в подозреваемые.

— И?..

— Оба совершеннолетние, только что исполнилось по восемнадцать лет, сироты, воспитывались в детдоме, не судимы, не привлекались, не женаты. Учатся на шоферов в ПУ-27. Это, что в елках, на поселке КЗТЗ, — пояснил он о местонахождении ПУ.

— Доставляли как: поодиночке или обоих вместе, скопом? — продолжал «доставать» следователь коллег из уголовного розыска.

— Ты что, вообще, за придурков нас держишь? — обиделся Аверин. — Доставили, как положено, отдельно друг от друга. Рассадили в разные камеры. И беседовали с каждым по отдельности.

— Ты не обижайся, но я знаю, как наши водилы не любят туда-сюда мотаться. И не охота, и вечная проблема с бензином.

— А он и сегодня «бычился, но уломали, — уже спокойным тоном пояснил оперативник.

Беседуя с оперативниками, Паромов приготавливался к допросу: подровнял на столе стопку книг — кодексов, вынул из сейфа и положил на столе перед собой уже подшитое уголовное дело, из ящиков стола достал бланки протоколов допроса свидетелей, тут же

разложил стопочку чистых листов.

— Ну, что? Приступим, помолясь на уголовно-процессуальный кодекс, — произнес он будничным тоном, окончив приготовления к допросу.

— Тогда уж лучше на УК, — усмехнулся Аверин. — Он увесистей!

— На УК, так на УК, — согласился Паромов. — Тащите первого.

— Кого? — решил уточнить Аверин.

— Вообще-то, принято начинать с того, кто «пожиже» духом. Но мы ведь еще не знаем, кто у них «ведущий», а кто — «ведомый»? Так?

— Не совсем так, — вмешался Студеникин. — «Потверже» будет, на мой взгляд, все-таки Злобин.

— И мне так кажется... — поддержал не очень уверенно своего подчиненного Аверин. — Вообще-то трудно ориентироваться, когда видишь человека впервые... А почему допрос их в качестве свидетелей? — указав на бланки протоколов, перешел он на другую тему. — Почему не в качестве подозреваемых?

Молодой опер не просек, а старший тут как тут со своими замечаниями. И в бланках успел разобраться, и ситуацию проанализировать.

— А потому, — начал заводиться, повышая голос, Паромов, так как не любил, когда в его компетенцию вмешивались, — что чтобы допросить человека в качестве подозреваемого необходимо соблюсти три фактора, два из которых обязательны! Первый — это официально задержать лицо, то есть оформить протокол задержания подозреваемого в соответствии со статьей 122 УПК РСФСР. Верно?

— Верно.

— Второе — это избрать меру пресечения в соответствии со статьями восемьдесят девятой и девяносто шестой УПК... Верно?

— Не знаю, — стал валять дурака Аверин, — это ты у нас процессуалист, а не мы с Данилой... Верно, Даниил? — И не дожидаясь ответа товарища, продолжил: — Наше дело маленькое: ловить и не «пускать», как по телевизору любят отдельные журналисты изгаляться...

— Кончай ерничать, — остановил его Паромов. — Это не я так хочу, это статья 52 УПК так гласит, что подозреваемым признается:

А) лицо, задержанное по подозрению в совершении преступления.

Но у нас, как мы уже только что обсудили, нет оснований для официального задержания и официального составления протокола задержания.

Б) лицо, к которому применена мера пресечения.

И меру пресечения, туже самую подписку о невыезде, мы применить не можем, — менторским тоном говорил следователь. — Потому, что после нее мы не сможем уже задержать их и поместить в ИВС для отработки по полной программе. А помещать их в ИВС необходимо, я это очень хорошо понимаю, так как иных путей отработать их из-за лимита времени, у нас попросту нет. Верно?

Оба оперативника промолчали, так как крыть доводы следователя было нечем.

— Молчание — знак согласия, — продолжил следователь. — С арестом, то есть, заключением под стражу, то же самое, что и с задержанием по статье 122 УПК — пустой номер.

Кроме того, все та же 52 статья УПК РСФСР гласит, что подозреваемый с момента задержания имеет право на защиту, то есть на адвоката, который не известно еще, что ему

посоветует: ваньку валять, или молчать, как в рот воды набравши! А нам и то, и другое ни к чему. Верно?

— Верно. — Согласились опера.

— А еще, если помните, есть статья 51 Конституции РФ, которая гласит, что...

— ...Что никто не обязан свидетельствовать против самого себя, — подхватил Студеникин.

— Верно! — усмехнулся следователь. — Только нельзя перебивать старших.

— И что же нам прикажете делать, процессуалист вы наш великий, — вновь съерничал Аверин, — в задницу их целовать?

— Если нравится, то дело хозяйское, — в тон ему довольно грубо пошутил Паромов, — хочешь в задницу, хочешь — в передницу... но я, не нарушая УПК и обходя уже оговоренные процессуальные препоны, допрошу их в качестве свидетелей и выясню не меньше того, что они пожелали бы рассказать, будучи допрошенными как подозреваемые. Понятно?

УПК — дело тонкое, а работать с ним — вообще ювелирный процесс! Так что, не лезьте поперед бабки в пекло, а занимайтесь делом, да почаще в УПК заглядывайте. Нечего время впустую переводить. Тащите сюда Апыхтина.

Прошло две-три минуты, и Студеникин привел в кабинет худощавого, остролицего и прыщавого паренька, лет семнадцати-восемнадцати, с давно немытыми русыми волосами, карими, испуганно бегающими глазами. В короткой кожаной курточке, спортивного стиля, на «молниях» и кнопочках. Любимой верхней одежде молодежи. В потертых от длительного ношения джинсах и зимних полусапожках на высокой платформе, модными среди подростков и именуемыми в их же среде «гавнодавами». Шнурки на полусапожках отсутствовали, как и брючной ремень. Дежурный наряд свое дело знал туго. В его остроносом личике и бегающих глазках было что-то звериное, крысячье. Отталкивающее.

«Гм, кажется, и вся одежда прибыла вместе с подозреваемым, — подумал Паромов, глядя на паренька. — У таких ребят гардероб не очень-то богат. Живут по пословице: «С тыну — да на спину»! Посмотрим... может, что и обнаружим. Пятнышки разные, царапинки незаметные... На одежде и на теле... Потерпевший, конечно же сопротивлялся, а значит, мог своих насильников оцарапать, укусить... Да и кровь из перерезанного горла теперь хлестала во все стороны, не приведи Господи! По личному примеру знаю...»

Когда-то, давным-давно, на заре юности, Паромова направили после окончания Рыльского педагогического училища работать учителем младших классов в Коробкинскую школу-интернат. Там местные парни, «обожравшись» самодельного «коньяка — три бурака», «прописали» его, «благословив» кастетом по голове. Голова выдержала удар, черепушка не развалилась перезрелым арбузом, но кровь из ран хлестала тонкой струйкой метра на два, а то и больше.

«Слава, Богу, все обошлось тогда, — мелькнуло в голове следователя, — сам поправился, и в тюрьму, благодаря девочкам, подружкам учительницам и воспитательницам, отобравшим у меня топор, не сел. Если бы не девочки, то точно бы кого-нибудь из тех козлов топориком попотчевал... Да, пришлось бы мне не на этом месте сидеть, а совсем в другом...»

— Здравствуйте, — выдавил из себя на всякий случай паренек, видя новое лицо.

— Здравствуй и ты, коли не шутишь, — отреагировал следователь полусуто, полусерьезно.

— Апыхтин Анатолий, собственной персоной, — представил паренька Студеникин. —

Как и требовали. А я пошел к себе. Другого «клиента» опрошу.

Паромов понял, о ком речь.

— Его надо не опрашивать, а допрашивать. Чтобы время не терять. Сейчас отдельное поручение в порядке статьи 127 УПК напишу.

Придвинул лист бумаги и собрался писать.

— Поручение уже есть, — остановил его Студеникин. — Еще вчерашнее. Там указано не только установить и доставить, но и допросить.

— Тем лучше. Но сначала побудь тут, послушай.

— Да я уже слышал бред сивой кобылы, — отозвался недовольно опер, но остался.

— Присаживайтесь, Анатолий, — указывая кивком головы на стул, стоявший напротив стола следователя, — сказал Паромов. — Будем знакомиться.

Он представился сам, официально назвав свою должность и звание, потом, задавая вопросы, записал данные о личности допрашиваемого в протокол.

Апыхтин, был напряжен и напуган, что не укрылось от глаз следователя и оперативников, но старался держаться как можно тверже. На вопросы, касающиеся его личности, отвечал коротко и правдиво. Даже признался, что его матерью была известная Паромову еще по временам работы участковым, Апыхтина Анна Дмитриевна, проживавшая в печально знаменитом доме номер тридцать по улице Обоянской, да, да, та самая хромоножка, имевшая кучу детей от разных мужчин, воспитывающихся в детских домах.

— Знавал, знавал я твою мамашу, — подбирая психологический ключик, говорил Паромов, — шустрая была дамочка, хоть и инвалид. Как она поживает?

— С месяц, как похоронили.

— Извини, не знал. Приношу свои соболезнования...

— Да ладно, особо не соболезнуйте, — проявил снисхождение к извинениям следователя Апыхтин, — еще та была мамашка. Нарожала девять человек и рассовала по разным детским домам. Мы ее почти и не знали... как и друг друга. Я только сейчас стал жить с двумя старшими сестрами вместе.

— И кто же у вас старше: ты или сестры?

— Одна, Елизавета, постарше, а Вероника — помоложе. А что?

— Квартира, я смотрю, адрес изменился, двух — трехкомнатная?

— Четырехкомнатная! — прозвучали горделивые нотки в монотонном голосе допрашиваемого. — А что?

— Вот как!

— Да, хоть в этом мамашка позаботилась о нас. Впрочем, не мать, а государство о нас побеспокоилось, — поправил он себя для объективности.

В ходе беседы о родственниках, Апыхтин заметно размягчался, внутреннее напряжение, страх и настороженность постепенно проходили. Не покидали его, нет, но и не цементировались его волей.

«Этот долго не продержится, если замешан. Не пройдет и суток, как «расколется» до самой попы, — размышлял про себя следователь, следя за реакцией допрашиваемого. — А если с умом «попрессуют» опера, то и к обеду «созреет»!

К этому моменту опера разделились. Аверин остался в кабинете у следователя, но сидел молча, не вмешиваясь в ход допроса, а Студеникин ушел, чтобы «поднять» в свой кабинет Злобина и «поработать» с ним перед допросом следователя.

Выяснив необходимые моменты о личности допрашиваемого, в том числе и не

предусмотренные в графах и пунктиках протокола, Паромов перешел к основной сути допроса, к изложению событий происшествия, предупредив свидетеля Апыхтина об уголовной ответственности по статьям 307 и 308 УК РФ за заведомо ложные показания и отказ от показаний. Не обошел стороной и статью 51 Конституции. Ознакомил с ней и дал Апыхтину об этом факте, а также о том, что он желает давать показания по делу, расписаться.

Тот не «корячился», не кочевряжился, расписался спокойно, проставив на протоколе в нужных местах свою подпись.

— Анатолий, ты уже, надеюсь, знаешь, по какому поводу тебя вызвали в милицию, — начал следователь, приступая к сути дела. — Кстати, не возражаешь, что на «ты»? Я в отцы тебе гожусь, думаю, что можно... Но если возражаешь, тогда будем официально: на «вы» — и точка!

— Не возражаю, а что? — стал отвечать со второй части вопроса Апыхтин. — И догадываюсь, что по подрезу соседа Иры Нехороших. Вчера только об этом все и говорили. А, может, и по иному поводу? — малюсенькая искра надежды промелькнула в голосе допрашиваемого.

— Именно по делу Смирнова, — не стал его разубеждать в обратном следователь. — Что вам, как свидетелю, — подчеркнул он слово «свидетель», — известно?

— Слышал от кого-то, но ничего конкретного я не знаю... — стал замыкаться в себя и осторожничать в ответах на вопросы Апыхтин. — А что?!!

Опять испуганно и тревожно заметались его карие глазки, как бы ища место в кабинете следователя, куда бы им спрятаться. Опять зачастило вопросительное словосочетание-паразит «А что?».

— А ты расскажи нам то, что знаешь, — мягко нажимал следователь. — Что не видел и не знаешь, мы и спрашивать не будем.

— Да ничего я не знаю, — попробовал он подпустить «слезу» в голосе, старый и испытанный прием всех детдомовских ребятишек: мол, сироту легко обидеть кому не лень, в том числе и власти...

— Не спеши так категорически заявлять: ничего не видел, ничего не знаю. А то это будет похоже на вранье и заpiresательство, если выяснится, что ты знаешь Ирину Нехороших, ее брата, ее друзей. Верно? — мягко жал Паромов, вызывая на дискуссию оппонента.

— Верно, — нехотя согласился Апыхтин, — Ирину я знаю, немного знаком и с ее братом Олегом... Но с ним я никаких общих дел не имею, так как он намного старше меня. Поэтому, какие могут быть у меня с ним общие дела? Никаких! А что?..

Толик не отрицал своего знакомства с Нехороших Олегом. Но всеми силами старался дать понять, что знакомство это беглое, поверхностное, не имеющее никакого отношения к нему. И это не укрылось от следователя.

«К чему бы это резкое отгораживание от Олега? — подумал он. — И эти бесконечные, к делу и без дела, повторения полувопросов, полудетских отговорок «А что?» — Но заговорил совсем о другом, решив не обращать внимание на эти «А что?».

— Вот, видишь, а то заставлял меня усомниться в твоей искренности, а там и до более серьезных подозрений один шаг! Думаю, что и Иркиного кавалера, Ивана, ты знаешь? Вы ведь с ним были вечером 10 марта возле подъезда потерпевшего вместе с другими ребятами, — стал он демонстративно листать листы дела, — вот, Оксаной, Виктором? Были? — Голос следователя сделался глуше, но жестче.

И давил, давил на допрашиваемого, как невидимый пресс. Апыхтин и прижимался к стулу, и головку втягивал в плечи, стараясь казаться меньше, чем был на самом деле. И взгляда следователя старался избежать. Но не мог. И приходилось отвечать.

— Да, были, но потом мы ушли.

— Мы — это кто?

— Ну, я и Иван Злобин.

— А остальные?

— Те тоже ушли, — по-прежнему, однотонно и коротко отвечал Апыхтин.

— И кто же раньше ушел: вы с Иваном, или остальные? Кстати, ты не назвал остальных, — вновь мягко спрашивал и напоминал следователь.

— Остальные — это Оксана, Виктор и Снежана. Но я их плохо знаю. Совсем недавно познакомились... Иван и познакомил. А раньше ушли мы с Иваном. Они еще оставались возле подъезда. А что?

— Ты ничего не пугаешь? Правдиво рассказываешь?

— Не пугаю. Так оно и было. Мы с Иваном пошли домой, а они еще оставались. А что?..

— Хорошо, — не стал опровергать Паромов показания Апыхтина, чтобы дать ему возможность вновь расслабиться. — Значит, вы ушли домой, а остальные ребята остались? Так?

— Так. А что?

— И как же вы домой добирались? Пешком или на каком-нибудь транспорте.

— Сначала пешком, а потом на троллейбусе немного. И снова пешком. А что?..

— Да какие же ночью троллейбусы?

— Наверное, дежурный...

В логике Апыхтину было не отказать.

— Ну, вам повезло...

— Иногда и нам везет, — согласился Толик.

— Так ты говоришь, что не знаешь, кто порезал Смирнова, то есть, соседа Иры?

— Не знаю! — почти не задумываясь, ответил Апыхтин, стараясь не смотреть следователю в лицо.

— И ты не участвовал в нападении на Смирнова? Или участвовал?

— Не участвовал, — все также, не поднимая на следователя глаз, поспешил ответить Апыхтин и добавил свое неизменное: — А что?

— А то, — как бы отвечая на это «А что?», отделяя слова друг от друга, медленно начал следователь, повысив до металлического звучания голос, — что у нас есть основания считать тебя, Анатолий, соучастником тяжкого преступления. Со-у-част-ни-ком! Понимаешь ты это?! Скорее всего, — перешел он на сожалеющий тон, — пока не понимаешь... Ты еще хорохоришься, тешишь себя надеждой выкрутиться, обмануть! Ты же такой умный, ушлый, опытный, что выше всех ментов на голову! И друзья тебя уверяли, что никто ничего не узнает, что никто из них не «расколется» и не сдаст тебя и других! Уверяли? — спросил он и тут же ответил. — Уверяли! Еще как уверяли! И мамой клялись, и на «пидора», извини за грубость!

С каждым новым словом следователя Апыхтин все ниже и ниже опускал голову. Как ему сейчас хотелось испариться из этого кабинета, улетучиться, рассыпаться на атомы, стать незримым и неосязаемым!..

— Только все напрасно. Ты не первый и не последний в этом кабинете. И все поначалу

говорят «нет», бьют себя в грудь... Но проходят сутки, другие — и уже иная картина... Торгуются за каждый фактик, чтобы скостить себе срок. Хоть на полгода, но скостить... В тюрьме и один день — год!

Апыхтин гнулся, но молчал.

— Следствию все давно ясно. Просто хочу убедиться: кто организатор преступления: ты или твой друг? Вы думали, что убили Смирнова, что он никому ничего не скажет... Но ошиблись, кое-что он успел сказать! Ты думаешь, что тебя просто так из койки ни свет, ни заря оперативники подняли? Ты считаешь, что им больше делать нечего, как там всяких молокососов из коек по утрам вытаскивать и в отдел на экскурсии возить? Ошибаешься, дружок! Будешь дурью торговать, Апыхтин-Пыхтин, — нарочно исковеркал следователь фамилию подозреваемого, — придется и паровозиком тогда «пыхтеть»!

И не дав Апыхтину возможности ответить на вопросы, словно в них, в ответах, не было никакой нужды, гаркнул, да так, что допрашиваемый вздрогнул и потом еще больше съежился:

— А ну, руки на стол!

Апыхтин чисто автоматически положил на стол обе ладони, но затем попытался правую ладонь спрятать.

— Куда? — вмешался опер.

И обе ладони остались на столе.

На правой, между большим и указательным пальцами, был виден свежий порез. Небольшой, однако же заметный.

— Что и требовалось доказать! — не скрывал радостного возбуждения оперативник.

— Откуда это у вас? — вновь спокойным тоном, но с ноткой издевки в голосе, поинтересовался следователь, переходя на официальное «Вы». И тут же добавил: — Можете не придумывать. Я сам скажу: окровавленный ножик, когда вы пытались добить Смирнова, из рук выскользнул, кровь — она скользкая, — вот и образовался маленький порез.

Апыхтин молчал, только судорожно подрагивала его согнутая спина.

— Молчишь... Ну, молчи, молчи...

Допрашиваемый молчал.

— Порез хоть и маленький, но мне уже достаточно, чтобы вас задержать, как подозреваемого. А там уж и разговор будет не как со свидетелем, в доверительной дружеской обстановке, а жестко, как с нераскаявшимся преступником, — дожимал следователь.

— Ну же! — не вытерпел опер.

— Ну же! — подтолкнул вновь следователь.

Задав последний вопрос, Паромов надеялся, что Апыхтин уже не выдержит, и расколется, поэтому молча ждал ответ. То же самое происходило и с Авериним.

Пауза затянулась. Апыхтин выдюжил. Видно, сказалась детдомовская закалка: отпираться до последнего, даже, когда и смысла не будет отпираться, все равно отпираться...

— Это я позавчера случайно о стекло порезался, когда мебель переставлял. Можете проверить... — ответил он тихо и по-прежнему не поднимая головы, чтобы не встречаться взглядом со следвателем или оперативником.

— Ложь! — сказал спокойно следователь. — Ложь! Ну что ж? Дело хозяйское. Ты можешь молчать, врать, изворачиваться, но эти ты себе судьбу уже не облегчишь. Все твои

увертки выплывут в суде и будут оценены судьей по достоинству. Облегчить участь может только чистосердечное раскаяние, явка с повинной и помощь следствию. Вот, сам посмотри, статья 61 уголовного кодекса, — достал из стопки книг УК, раскрыл на нужной странице, протянул допрашиваемому, — читай!

Тот начал водить глазами по строкам.

— Вслух читай, чтобы лучше запомнилось! И знай, что это твой последний шанс. И отпускается этот шанс буквально до вечера. Потом сам будешь просить — не услышу!

Апыхтин стал вслух читать статью, в которой речь шла об обстоятельствах, смягчающих наказание, а Паромов, пододвинув поближе к себе принесенную им из дома портативную пишущую механическую машинку, принялся печатать бланк протокола задержания Апыхтина в качестве подозреваемого. И хоть для этого формальных оснований, по-прежнему, не было, так как подживающий порез на ладони не мог быть тем следом, о котором шла речь в пункте третьем статьи 122 УПК РСФСР, вопрос его задержания для Паромова уже был внутренне решен. И не имело значения: будет раскаиваться и сознаваться в содеянных преступлениях Апыхтин, или же будет упорствовать в этом и кричать во весь голос о своей невиновности!

Видя такой расклад, Аверин одобрительно крякнул и принялся комментировать пока что свидетелю Апыхтину Анатолию тот или иной пункт изучаемой статьи, не скупясь на количество лет, сбрасываемых из срока наказания тем или иным пунктом. Из его комментариев выходило так, что и сидеть не придется, а все дело закончится условным сроком и отсрочкой исполнения приговора.

«Не опер — соловей! — отметил про себя Паромов. — Вон как поет»!

Кончив печатать протокол, и, не вынимая его из каретки, спросил Апыхтина:

— Ознакомился?

— Ознакомился, — ответил тихо тот и добавил свое неизменное: — А что?

— А то, что хочу выяснить: расклад сейчас дашь или попозже?

— Мне нечего рассказывать, — остался верен избранной тактике Апыхтин.

— Хорошо, — не стал уговаривать следователь, — тогда протокол допроса вас в качестве свидетеля мы заканчиваем. Нечего из пустого в порожнее воду переливать. Читаем и подписываем. Читай опять вслух и внимательно. Мой почерк довольно сносный и разборчивый, а если какое слово не поймешь, то разберем его вдвоем, или втроем, опер, надеюсь не откажется.

— А что, — сразу включился в игру Аверин, — хорошему делу всегда рады поспособствовать.

Апыхтин читал протокол довольно быстро, а, окончив чтение, по собственной инициативе взялся за ручку, чтобы поставить свою подпись, так как в протоколе все соответствовало тому, как было им изложено. Ни одного слова о его участии в преступлении.

— Не спеши, — охладил его пыл следователь. — Все верно изложено?

— Все. А что?

— А то, что своей рукой под последней строчкой показаний пиши: «Протокол допроса меня в качестве свидетеля окончен, — Паромов бросил взгляд на часы, а потом показал их Апыхтину, — в девять часов пятнадцать минут». Время верно указано?

— Верно.

— Раз верно, то пишем дальше: «Мною прочитан вслух». Ты же вслух читал?

— Вслух.

— С твоих слов верно записано?

— Верно.

— Если верно, то пиши дальше: «С моих слов записано верно».

Подождал, когда Апыхтин напишет полностью фразу. Потом продолжил:

— Уточнения, дополнения, замечания есть? Может, что-то непонятно, может, что-то ты желаешь уточнить, разъяснить? Может, имеешь замечания по ходу допроса, например: некорректное поведение следователя, оперативных работников? Такого нет?

— Нет.

— Тогда пиши, что уточнений, дополнений и замечаний не имеешь.

— Записал.

— Хорошо, что записал, а не записал, — изменил ударение Паромов во втором слове. — Бывает, что и описываются... некоторые. Особенно, когда с ними одни опера поработают... Но это так, к слову... или информация к размышлению... А теперь подписывайся.

Расписался.

— Молодец! — одобрил Паромов Апыхтина.

— Александр Иванович, — как бы приглашая оперативника в свидетели, продолжил он, — вы посмотрите, какой молодец, грамотный парень. Быстро читает, быстро пишет...

— И быстро преступления совершает... Только упрям, как ослик. Но это знакомо, так сказать, болезнь роста... — прокомментировал опер. — Но когда получит хороший подзатыльник, так не только грамотно читать начнет, а и с памятью подружит. Все вспомнит и расскажет. А если его еще по башке уголовным кодексом, да с комментариями, пригладить, — тут он для наглядности приподнял со стола следователя стопку книг, — то не только хорошо и грамотно подписываться будет, но и рассказывать начнет. Вспомнит даже, как его мама рожала, в каких муках... Это вы тут, товарищ следователь, с ним миндальничаете, юридически просвещаете! Мои ребята миндальничать не будут! У них, что не так, то сразу... — играл Аверин роль «плохого полицейского».

— Да он, мне так кажется, через пару часиков без подзатыльников все вспомнит... и расскажет! А пока, Анатолий, подпись свою оставьте на каждой страничке протокола под текстом допроса. Понятно?

— Понятно, — сникшим голосом ответил Апыхтин. И когда передавал следователю подписанные на всех страничках листы протокола, то не удержался от наивного вопроса:

— Я свободен?

— Как муха в полете! — отреагировал со смешком опер. — Можешь жужжать и кверху брюхом лежать... на нарах.

— Нет, Анатолий, вы не свободны, — обрубил тоненькую нить надежды следователь. — Не свободны!

— Но вы же меня допросили, как свидетеля...

— Допросил, — согласился следователь. — И еще допрошу как подозреваемого и обвиняемого, но чуть позже... Сначала только задержу вас, как подозреваемого... На семьдесят два часа. Не возражаете?..

И он вынул из каретки печатной машинки бланки протокола задержания.

— Ознакомьтесь и распишитесь, что ознакомились, — раскладывая бланки перед Апыхтиным, — продолжил следователь. — Теперь, когда вы знаете, что являетесь подозреваемым и в чем подозреваетесь, я обязан вам разъяснить права и обязанности,

которыми владеет подозреваемый. Они, кстати, изложены в протоколе задержания. Так что, читайте их повнимательнее. А если что будет непонятно, я разъясню. И имейте в виду, что с данного момента вы имеете право на защитника. Вам защитник, или, проще говоря, адвокат нужен? Если нужен, то будем, не тратя понапрасну время, приглашать из юридической конторы, так как своего у вас, конечно, нет. Или уже есть? — пошутил он. — Если же не нужен, то вы совершеннолетний, а потому вправе и такое решение принять. Так что, соображайте побыстрее.

— А где меня будут держать? — спросил Апыхтин, когда ознакомился с протоколом задержания и расписался в нем.

— В ИВС, — пояснил следователь, и расшифровал: — в изоляторе временного содержания. На Ленина, пять. Там подвалы глубокие, камеры тесные, зэки злые. Такая благодать, что, не дай Бог, туда попадать!

— А адвокат?

— Что адвокат? — вопросом на вопрос ответил следователь. — Он вместо тебя на нары что ли сядет? Придет, спросит, посоветует раскаяться, чтобы у него для суда были «kozyри» на руках, чтоб разжалобить судью и тем самым скостить тебе несколько лет. А если ты будешь играть в молчанку, то и он будет молча подписывать протоколы, то есть, будет фиксировать, что в его присутствии каких-либо противоправных действий в отношении тебя не применялось, что допрос происходил в соответствии с нормами УПК. Вот и все. Тем паче, что платить ему, как я понимаю, ты не собираешься.

— А с чего?

— Вот именно: с чего! Так что у тебя только один реальный путь снисхождения к твоей участи — это явка с повинной, раскаяние и сотрудничество со следствием. А что ты участвовал в покушении на убийство, — сгустил краски следователь, — лично у меня сомнений не вызывает. И доказательства тому мы найдем, можешь даже не сомневаться. Ты у нас только час, а одно прямо тут уже нашли, — напомнил Паромов о порезе на ладони. — Сейчас поищем и другие... Кстати, ты в какой одежде был в тот вечер?

— В этой. А что?

— Вот мы и посмотрим, что на ней имеется. Встань-ка поближе к свету.

Подвели Апыхтина к окну и стали рассматривать одежду и обувь.

На манжетах рукавов, в швах обнаружили какие-то пятнышки. Такие же пятнышки нашлись и на материале «молнии», в стежках. Эти пятна могли быть как остатками крови, так и иного вещества.

Не исключено, что куртка замывалась, но что-то должно было остаться в швах и стежках. И уж очень хотелось, чтобы это «что-то» было следами крови, и не просто крови, а крови по групповой принадлежности аналогичной крови потерпевшего.

— Вот, видишь, — показывая на обнаруженные пятнышки, заявил опер, — и кровь потерпевшего осталась, а ты все упираешься. Упирайся, упирайся... Все зачтется...

— Правильно мыслите, товарищ капитан, — поддержал его следователь. — Очень правильно! И совсем правильно будет, если вы пригласите сюда понятых, чтобы в соответствии с законом провести освидетельствование подозреваемого и его личный обыск и изыщем обнаруженные следы.

Оперативник пошел искать понятых, а Паромов принялся заполнять бланки о производстве личного обыска и освидетельствования.

— Так нужен тебе адвокат или не нужен на данном этапе следствия? — еще раз спросил

он, оторвавшись от вынесения постановления.

— Не нужен. Я ничего не совершал...

— Хозяин — барин!

Вскоре возвратился Аверин, сопровождая двух парней и отделовского эксперта-криминалиста Андреева Владимира Давыдовича, принятого на работу в органы в 1991 году, аттестованного в звании старшего прапорщика милиции и уже прошедшего Чеченскую кампанию 1995–1996 годов в составе оперативно-следственной бригады МВД РФ в качестве эксперта-криминалиста.

— Вот по дороге эксперта прихватил. Нужен?

— Отлично, что догадался. Специалист нам всегда нужен.

— Я и сам уже шел, — не согласился с оперским «прихватом» Андреев, как всегда неразлучный со своим криминалистическим чемоданом и как всегда обвешанный фотоаппаратурой. — Это вы, старшие следователи да старшие опера по совещаниям не ходите, а мы, смертные, ходим. Вот шеф мне и приказал на совещании, чтобы было полнейшее взаимодействие со следственной группой. Что прикажете делать?

И не дожидаясь указаний следователя, стал раскладывать свой чемоданчик на одном из стульев.

— Выполнять следственные действия, — нейтрально ответил следователь на вопрос криминалиста.

— Понятые подойдут? — спросил следователя Аверин, дав выговориться эксперту. — На улице первых проходящих пригласил...

— Подойдут, — лаконично ответил следователь, выяснив у потенциальных понятых, что они совершеннолетние и не лишены дееспособности. И стал объяснять парням как причину их приглашения, так и права и обязанности понятых, предусмотренные статьей 135 УПК РСФСР. Объяснив, выяснил их данные о личности, вписал в протокол личного обыска и освидетельствования подозреваемого Апыхтина.

— Пожалуйста, распишитесь, что обязанности понятых вам разъяснены, — дал он расписаться понятым в бланках протоколов. — Вот здесь и здесь.

— А вы, Владимир Давыдович, надеюсь, уже поняли, какие следственные действия мы с вами будем выполнять?..

— Не первый раз замужем...

— Тогда за разъяснение обязанностей специалиста, предусмотренных статьей 133 со значком 1 УПК прошу расписаться, и как специалисту флаг вам в руки и вперед!

Андреев вынул из чемоданчика большую лупу и с ее помощью стал исследовать одежду подозреваемого, комментируя то и дело:

— Вот здесь пятно..., и здесь маленькое..., а вот тут побольше... надо же, в корочку превратилась... это уж точно кровь...

Каждое обнаруженное пятнышко он обводил мелком, для наглядности.

Понятые кивали в знак согласия, опер удовлетворенно крякал, следователь еле успевал за ним вносить в протокол обыска их местонахождение на одежде и локализацию. Только Апыхтин оставался безучастным ко всему, словно все манипуляции происходили не с ним, а с кем-то другим.

Испещрив куртку и брюки подозреваемого Апыхтина белыми овалами, отчего одежда стала походить на шкуру белого ягуара, Андреев все это с нескольких ракурсов сфотографировал, а потом с помощью ватных и марлевых тампонов сделал несколько

смыслов из отмеченных мест. Каждый смысл упаковал в отдельный бумажный конверт, «чтобы не протухло», указав на конверте с какого объекта, с какого места изъят этот смысл. Конверты пронумеровали, внесли в протокол. На каждом конверте все участники обыска, в том числе и подозреваемый расписались.

Кроме обнаруженных пятен на одежде и на поверхности ботинок, больше ничего у подозреваемого не было.

Следователь вслух зачитал протокол. Выяснил, все ли верно записано, нет ли каких замечаний.

Все, за исключением Апыхтина, дружно заверили, что записано верно и замечаний нет.

— Тогда расписываемся, — предложил следователь. — На каждой страничке под текстом.

Расписались.

— Теперь приступим к освидетельствованию.

Приступили и покончили с этим следственным действием достаточно быстро: был обнаружен и зафиксирован только один свежий шрам на правой ладони, между большим и указательным пальцами, то самый, о котором говорилось выше.

Чтобы избежать всевозможных недоразумений с освидетельствованием, в протоколе отметили, что осматривались только руки и ладони, остальные части тела осмотру не подвергались.

— Спасибо за помощь, — поблагодарил понятых следователь, когда все необходимые процессуальные вопросы были решены. — Прошу извинения за причиненные неудобства в личном аспекте. Надеюсь, что не очень помешали вашим планам. Те заверили, что нет, и поторопились поскорее покинуть это гостеприимное заведение.

— Так, Александр Иванович, — распорядился Паромов, — Апыхтина пока в КАЗ, чтобы подумал в тиши и нам не мешался. Попозже допрошу в качестве подозреваемого. Может, одумается и раскается... Потом — в ИВС. Там уж, точно, времени подумать над собой и над судьбой будет предостаточно. И тишина...

— Гробовая тишина, — хмыкнул опер.

— А пока надо вынести постановления на проведение судебно-биологической экспертизы и судебно-медицинской. В дополнение к ранее назначенным.

— Хорошо, — согласился Аверин. — Отведу — и в ИВС.

Было видно, что он по-прежнему считал перспективной версией разработку Крюка. Да и новым подозреваемым места надо было «подготовить», но об этом вслух при посторонних не говорят.

— Поезжай! Я тут справлюсь один. А если что, то Студеникин поможет, и Давыдыч, думаю, не откажется. Не откажешься помочь, Давыдыч?

— В полном распоряжении! — бодро заверил Андреев.

Он, вообще, казалось, никогда не терял бодрости духа. Ни в какой ситуации.

Аверин повел Апыхтина вниз, по пути разъясняя ему право сотрудников милиции применять по нему оружие, если ему вдруг вздумается убежать.

— Все, ты уже не свободный человек... Теперь за тебя решать и думать будут другие...

Было около 10 часов. Как не поспешал следователь, как не поторапливался, время неумолимо убегало.

— Перекурить даже некогда, — доставая пачку «Родопи» и прикуривая от одноразовой газовой зажигалки японского производства, — посетовал он. — С одним еще не закончил, а

там уже ждет второй. И постановления печатать надо...

Не прекращая курить, придвинул к себе печатную машинку, вложил бланки постановлений, стал печатать.

— Здоровее будешь, — ответил на это некурящий эксперт. — Капля никотина убивает лошадь...

— Если та не курит... а если курит, то только сил придает, — невесело пошутил следователь, не прекращая печатания.

Когда-то, давным-давно, заходя в кабинет начальника следственного отделения Промышленного РОВД, Крутикова Леонарда Григорьевича, видел на столе пепельницу порой не одну, а две, вечно заполненную окурками. Крутиков курил папиросы «Беломор» почти без передыху, одну за другой — и это поражало молодого сотрудника милиции Паромова. Теперь и он курил так, что пачки на день не хватало. Правда, курил не папиросы, а сигареты с фильтром, полегче, но кто знает, от чего больше дерьма поступает в организм...

— Ты как считаешь, — посерьезнел эксперт, — Крюк или эти акселераты прибили Смирнова?

Как бы не соблюдали режим секретности и тайну следствия, информация по отделу просачивалась и просачивалась. Поэтому эксперт-криминалист уже был в курсе событий. Впрочем, как всегда. Проньера, одним словом.

— Толкач муку покажет, — не стал вдаваться в конкретику следователь. — Пока с уверенностью можно сказать лишь одно: все версии имеют право быть.

— Что-то ты, товарищ старший следователь, завернул, — усмехнулся Андреев. — Как в киношке о «знатоках».

— Не поверишь, но так оно и есть на самом деле, так что ты держи порох сухим. В смысле видеокамеру. Чтобы не получилось так, что надо заснять на видео показания, а у тебя вдруг подсели блоки питания, или свободной кассеты не оказалось. Знаю я вас, экспертов-криминалистов...

— Обижает, начальник, — отшутился эксперт, — шьешь статью, не подумав о последствиях...

— Ладно, Володь, перекурили, попечатали, пора и за второго приниматься, — сказал следователь, отставляя подальше стеклянную пепельницу с загашенным в ней окурком сигареты, и доставая бланки протокола задержания подозреваемого. — Будем задерживать Злобина. Ты можешь пока не уходить, опять предстоят процедуры личного обыска и освидетельствования. Снял трубку телефона прямой связи с дежурным и попросил привести Злобина.

— Он у оперов, в двадцатом кабинете, — ответил дежурный.

— Соедини.

Оперативный дежурный соединил с кабинетом Студеникина.

— У вас?

— У нас.

— Как?

— Да никак.

— Веди.

— Веду. Кстати, протокол его допроса в качестве свидетеля брать?

— Бери. Почитаем, что он там сочиняет.

— Да дурь всякую: не был, не видел, не знаю...

— Все равно, неси.

Через минуту Студеникин ввел в кабинет следователя Злобина, крепенького парня лет восемнадцати, широкоплечего качка в неизменной кожаной куртке и джинсах. На ногах были сапоги, наверное, сорок пятого размера. Смуглолицего, крупноголового, короткошеего. Черные, глубоко посаженные глаза смотрели исподлобья с угрюмой тоской и злостью.

«Полная противоположность Апыхтину, — решил следователь. — Этот будет покрепче. Но ИВС и не таких ломает... Посмотрим. По крайней мере, тратить на него время в надежде, что сразу «расколется», не стоит».

— Что же вы, молодой человек, не здороваются, — встретил он Злобина. — Пришли в серьезное учреждение, к серьезным людям, и не здороваются. Где это вас такому учили?

— Здравсьте! — набычился Злобин. — Я не сам пришел, меня сюда привели.

— Здравствуй и ты, коли сможешь. И поясни нам, непонятливым, за что же тебя сюда привели?

— А не знаю. Говорят, что я кого-то убил.

— А ты убил?

— Не убил.

— Не убил — это в смысле хотел убить, но не смог, не довел дело до конца, не дострелил, не дорезал, не доколел, не додушил, или действительно не убивал и не резал?

— Не убивал. Наговаривают на меня...

— Ну, раз не убивал, то присаживайся на этот вот стул, — указал, на какой стул надо присаживаться. — А мы посмотрим, что ты нам показываешь как свидетель.

И стал читать протокол допроса, состоящий из полстраницы рукописного текста.

— Да, не густо...

Злобин уселся на стул, не на краешек, как перед ним Апыхтин, а плотненько так, почти как дома.

— Вынужден огорчить вас до невозможности, гражданин Злобин, Иван Иванович, как говаривал капитан Жеглов. Слышал о таком?

— Фильм видел, — буркнул Злобин.

— Так вот, — продолжил следователь, — должен огорчить вас: будете задержаны по подозрению в совершении особо тяжкого преступления. И, соответственно, отправлены в ИВС. Как я понял, каяться вы не собираетесь, показания давать — то же... Поэтому, выполним необходимые формальности — и в ИВС.

Он пододвинул Злобину бланки протоколов задержания в порядке статьи 122 УПК.

— Читайте, знакомьтесь, потом будете подписывать, что ознакомились. Если что непонятно, разьясню. Если пожелаете дать показания при адвокате, скажите, пригласим.

— Мне адвоката Лунева. Только его хочу.

— Хорошо, но откуда вы, еще не судимый, знаете о Луневе?

— От ребят слышал, что надежный адвокат.

Адвокат Промышленной юридической консультации Лунев Леопольд Георгиевич наряду с Берманом Матвеем Иосифовичем и Куликом Михаилом Юрьевичем был одним из известнейших адвокатов в городе Курске. И не только в городе, но и в области. Он, один из немногих, кто брался за бандитские дела. И потому, кто в шутку, а кто и всерьез тихонько за глаза называл его адвокатом Терразини в честь знаменитого персонала из телесериала «Спрут».

Пговаривали, что его гонорары были больше годовой зарплаты не только следователя

Паромова, но и всего следственного подразделения седьмого отдела милиции. О нем ходила легенда, что однажды, воспользовавшись доверчивостью молодого следователя прокуратуры, в СИЗО, при ознакомлении с уголовным делом, он вместе со своим подзащитным половину уголовного дела съел в буквальном смысле этого слова... и практически развалил дело. Так как самыми «лакомыми кусочками» оказались те документы, восстановить которые было уже невозможно. А сколько выкрадывал отдельных документов из дела — и счету не было. И все следователи при выполнении статьи 201 УПК РСФСР, то есть, при ознакомлении обвиняемого и его защитника с материалами дела, если там участвовал Лунев, все листочки дела тщательно прошивали и нумеровали, вписывали в опись, о чем в обязательном порядке предупреждали Леопольда Георгиевича. Адвокат ухмылялся, как мартовский кот, и заверял, что и полстранички из дела не стащит, не то, что целый лист. Но следаки все равно ни на минуту не оставляли его одного с делом. От греха подальше!

Лунев знал себе цену, и защищать всякую шелупонь было не в его принципах.

— Да, отличный адвокат, но бесплатно не работает.

— А ему заплатят! — с намеком на что-то, известное только ему, уверенно обронил фразу Иван.

— Не ты ли?

В принципе, Паромова не должен был интересоваться источник средств, из которых предстоит оплатить услуги адвоката. Но здесь шел вопрос о недееспособном клиенте, а уж его финансовые возможности не могли не интересоваться следствие. Не раз бывало, что источник «спонсирования» выводил следователя на соучастников преступления. Вот Паромов и провоцировал Злобина «подраскрыться» при ответах как бы на невинные вопросы.

— Не я, — не стал выпендриваться Злобин. — Другие.

— Тогда кто?

— Да есть кому... Например, моя невеста.

— Это-то Ирина Нехороших?.. Да она сама на иждивении брата живет. Откуда у нее деньги?

— Вот брат ее и даст! — усмехнулся Злобин. — Никуда не денется...

Разговор, как бы на отвлеченную тему, делал Ивана словоохотливым. Но полученная от него информация в совокупности с той, что уже имелась, вновь натолкнула следователя на мысль, что в этом деле с соседом потерпевшего, Нехорошим Олегом, нечисто. То он тень бросал на Мальвину, так исподтишка, осторожненько, как бы невзначай, то вот должен оплатить труды «праведные» гонораристого адвоката. Если, конечно, Злобин не рисуется. Но, судя по той уверенности, с которой Иван говорил, он не рисовался.

«Надо будет разобраться...», — решил следователь. И стал звонить в юридическую контору.

Лунева на месте не оказалось — волка ноги кормят, а адвоката — клиенты. Трубочку взял дежурный адвокат, Кулик.

— Михаил Юрьевич, требуется ваше участие. Необходимо допросить подозреваемого. Извини, опять по сорок девятой.

На юридическом жаргоне «сорок девятой» обозначали бесплатное участие адвоката в деле. А этого любой адвокат, не говоря уж о Кулике, который по праву считался ведущим юристом в городе, не любил, как черт ладана.

— Вечно у тебя такое. Хотя бы одно платное дело подбросил, а еще друг называется.

Может, этому клиенту адвокат вообще не нужен? Он взрослый?

— Совершеннолетний. И особо не настаивает. Я настаиваю, чтобы потом кто-нибудь из ваших коллег в нарушении прав подозреваемого меня не обвинил. Дело серьезное, статья 111 часть третья! И 162 не исключается... Кстати, где там наш крученный адвокат с итальянской фамилией или прозвищем, одним словом Лунев? Тут его один клиент требует. Никого не желает видеть, кроме Лунева.

«Подайте мне Лунева, — кричит, — только самого Лунева и никого иного!»!

— Бегаешь где-то по судам. Недавно звонил, обещался вскоре быть в конторе. А он не по тому же делу, что и меня сватаешь?

— Да, по тому же самому, — не стал скрывать следователь.

— Знаешь, мне совсем расхотелось участвовать в этом деле. У нас разные подходы к тактике защиты. Только как дежурный адвокат на одно следственное действие и в надежде, что когда-нибудь предоставишь мне платного клиента... Сейчас буду.

От юридической консультации, располагавшейся на улице Резиновой, до отдела было чуть более квартала. Это с учетом конфигурации улиц. А если напрямую, через детский сад, то, вообще, сто метров.

— Записку Луневу оставь, — на всякий случай напомнил ему Паромов, перед тем, как закончить разговор и положить трубку на рычажок телефонного аппарата. А Злобину сказал, что его адвоката пока нет.

— А без Лунева я вообще говорить не буду. Там мне что-то полагается по Конституции. Так я и воспользуюсь Конституцией.

— Во, как! — усмехнулся Студеникин. — Еще один знаток и толкователь Конституции нашелся. И что с ним прикажете делать?

— Пока в КАЗ, а если через час не подойдет Лунев, то в ИВС. Пусть там ждет своего адвоката. Но сначала понятых для освидетельствования.

— Понятно. Здесь будем проводить освидетельствование или вниз, в дежурке? — решил уточнить на всякий случай опер.

— Проводите в дежурке и без меня. У меня других хлопот хватает. Только постановления возьмите. И бланки протоколов.

— Отведу вниз и вернусь за бумагами, — ответил Студеникин и повел Злобина в камеру.

— Не стоит возвращаться. Владимир Давыдович возьмет, — ответил Паромов, копаясь в ящике стола в поисках нужного бланка. — Как, Давыдович, не возражаешь?

— Помочь всегда рады, — подмигнул тот. — И, вообще, чтобы вы все тут делали без экспертов?

— Отлично, а я пока постановления подготовлю, — произнес как о решенном Паромов, найдя нужную бумагу и не реагируя на последнюю реплику криминалиста.

Некогда было болтовней заниматься.

Положил на стол и стал быстро строчить своим довольно корявым почерком. Написав, протянул постановление и бланки протоколов эксперту.

— Держи!

Тот взял листочки и аккуратно свернул в трубочку, чтобы не разлетелись дорогой и не помялись, а следователь, замкнув кабинет, пошел докладывать о результатах следствия начальнику СО Глебову Александру Петровичу. И не только о результатах следствия, но и о том, что он на рабочем месте, а не прохлаждается на Канарах.

Глебова в кабинете не оказалось. Возможно, отбыл в городское или областное управление, куда начальника следственного отделения вызывали довольно часто: то по каким-нибудь делам итоги расследования доложить, то просто очередное «ценное указание» получить.

«Придется идти к начальнику отдела», — решил Паромов.

— Разрешите? — постучавшись во внутреннюю дверь кабинета, так как в кабинете начальника были двойные двери — дань моде и режиму секретности, спросил он.

— Входи. Рассказывай, какие трудности? — улыбнулся Алелин, откладывая в сторонку толстую папку с бумагами.

— Да, вот хочу поделиться своими соображениями...

— Это по подрезу Смирнова? — опережая следователя, догадался начальник отдела.

— Да.

— Давай, присаживайся и делись...

Паромов сел на стул, стоявший напротив стола начальника.

— Во-первых, как вы знаете, сегодня с утра пораньше в отдел доставлены Злобин и Апыхтин.

— Знаю, опера докладывали. Это только ты на совещания не ходишь, игнорируешь. Остальные, слава Богу, посещают...

— Причина уважительная, Виктор Петрович. Лучше раз на совещание не сходить, чем время потерять!

— Да я не в укор, я об этом к слову. Давай о сути.

— Я и шел к вам, чтобы о сути доложить. Мной они задержаны в порядке статьи 122 УПК. Но пока не допрошены в качестве подозреваемых — адвокатов жду. Надо думать что-то с ИВС.

— Ну, это не твои заботы. Ты лучше скажи, что они показывают.

— Допрошены в качестве свидетелей. И, конечно, ничего не признают.

— Понятно. А сам как считаешь, есть толк с ними заниматься? Может, как советуют оперативники, больше времени уделить Крючкову?..

— Их разработку на данный момент считаю самой перспективной. Чувствую, что в цвет попали. Немного надо дожать — и пойдет расклад.

— Ты, прямо как опер, говоришь, — усмехнулся Алелин, — «в цвет», «расклад». А Крюк? Мои опера мне все уши прожужжали, что подрез — это дело рук Крюка. И мотив налицо, и место его пребывания и время совпадают, и следы драки... Что еще нужно?..

— И мотивы, и следы кое-какие есть, и возможность, но я считаю, что не он. Крюка придется выпускать из ИВС.

— Что ж, тебе виднее. Только смотри, не поторопись, не ошибись.

Как всякий начальник, Алелин не любил, чтобы задержанных по подозрению отпускали, не доказав вины и не предъявив обвинения. А тут столько всего указывало на виновность Крюка — и на тебе, иди на свободу. Может, перед ним еще и извиниться...

— Думаю, что не ошибусь. У новых подозреваемых на теле и на одежде тоже кое-какие следы обнаружены. Не исключаю, что это и есть следы крови потерпевшего. Это пока интуиция, и, конечно, все точки расставит биологическая экспертиза. Но вы и сами знаете, что в нашей работе интуиция — не последнее дело.

— Интуиция — это хорошо, но желательно что-нибудь посущественней. Ни твою, ни мою интуицию к делу не пришьешь, прокурору не покажешь!

— Тут и кое-что кроме интуиции имеется, — не стал спорить Паромов. — В противном случае я не стал бы задерживать их. Не люблю перед прокурором на ковре стоять и оправдываться по факту незаконного задержания.

— А кто любит? — посочувствовал начальник отдела. — Что будем с Крюком делать? Не извиняться же, в самом деле, перед ним за необоснованное задержание...

— Извиняться не придется. Факт драки был? Был. Общественный порядок нарушался? Нарушался. Так что хулиганство тут налицо. Выделим для отдела дознания по данному факту материалы в отдельное производство, чтобы основное дело не засорять, и, считай, новое уголовное дело по статье 213 УК РФ готово. Даже свидетелей допрашивать не надо. Все уже допрошены. Так что, статистику не только не испортим, но и улучшим.

— Насчет статистики не твои заботы. У нас есть кому о ней беспокоиться.

В отделе за статистику и учетно-регистрационную дисциплину отвечала майор милиции Степанова Валентина Григорьевна. Не только одна из самых опытных сотрудниц, но и одна из красивых представительниц женского пола. Редчайший случай, когда природа соединила в одной женщине и женственность, и такт, и ум.

Ангел-хранитель отдела и палочка-выручалочка в статистических дебрях. За ней, чего греха таить, начальник отдела был как за каменной стеной. Если все другие в случае каких-либо невзгод прятались за широкую спину Алелина и чувствовали там себя относительно защищенными, то сам он уверенно чувствовал себя, когда Валентина Григорьевна Степанова без лишних встрясок и метаний из стороны в сторону вела корабль отдела между подводных скал и рифов в море статистики.

Умел Алелин подбирать себе кадры. Ничего не скажешь. С таким хоть в бой, хоть в ресторан. На зависть друзьям и врагам. В бою спину надежно прикроют, в ресторане зависть у многих вызовут.

Сама Степанова о своей бурной милицейской молодости не особо не распространялась. Все сводила к тому. Что в отдел перешла из областного УВД, где трудилась в подразделении ИЦ — информационного центра. Но старослужащие знали, что до ИЦ несколько лет потрудились в уголовном розыске. Возможно, в одном из самых засекреченных его подразделений — «нарушке». Рядовым топтуном наружного наблюдения. Служба, прямо скажем, не из легких. Попробуйте хотя бы день по городу на ногах повести — волком взвоете. А ей иногда приходилось не только днем километры вдоль кварталов отсчитывать, но и ночной порой. И не только летом, но и зимой... оставаясь при своей яркой внешности неприметной. Помогали твердый, почти мужской характер и необыкновенная коммуникабельность. С любым познакомится, любого разговойт.

— Я не столько о статистике, как о деле, — поправил себя следователь.

— Раз так, то действуй, — повеселел Алелин, с которого за каждую «палочку» спрашивали. Кроме того, выявленное по инициативе хулиганство руководством УВД приветствовалось, так как считалось, что таким образом осуществляется профилактика более тяжелых составов преступлений, в том числе — убийств.

— А на счет ИВС не беспокойся: оперативники сделают все в лучшем виде. И не стесняйся, с любым вопросом обращайся, за любой помощью. Все, что в наших силах, сделаем. Нужны будут люди — поможем людьми, нужно будет ускорить проведение экспертиз — и тут помощь окажем. Ты, наверно в курсе, что за отделом еще двойное убийство нераскрытым висит. Еще до моего прихода сюда, да и до твоего тоже.

— Слышал кое-что... Громкий резонанс тогда по округу был.

В марте 1996 года обнаружили двух подружек-студенток из политехнического института с телесными повреждениями в виде черепно-мозговых ранений и травм, повлекших смерть. Совершенное в условиях неочевидности, особо тяжкое преступление оставалось нераскрытым. Уголовное дело, как и оперативно-поисковое, пухло, а преступник оставался на свободе.

— Да что там по округу — на всю страну прогремели: как же, сразу два трупа молодых девушек в фонтане, на открытой площади, рядом со зданием администрации округа! — констатировал Алелин, с которого уже стали спрашивать за раскрытие этого преступления. Без скидки на малый срок руководства отделом. — Это было хоть и не при мне, но как сам понимаешь, с меня за раскрытие этого преступления спрашивают ежедневно. А тут вот еще и покушение на убийство...

Он заметил, что Паромов хотел возразить: мол, возбуждено пока как причинение тяжкого вреда здоровью, и опережая следователя с его возражением, добавил:

— Сам знаю, по какой статье возбуждено дело. Но суть остается сутью — было покушение на убийство. Было. Да еще в совокупности с кражей или с разбоем. Автомобиля потерпевших до сих пор еще не нашли. Злобин и Апыхтин по данному поводу пока ничего не говорят?

— Пока молчат.

— Если о порезе заговорят, то и про машину скажут, никуда не денутся. Оба преступления в одну цепь связаны. Ты как считаешь?

— Я так же считаю. И пойду. Должен адвокат подойти.

— Один?

— Пока один. Для Апыхтина... Кулик...

— Кулик — мужик правильный.

— В адвокатуре все правильные. Там за деньги работают, а не за мизерную зарплату, как мы. Да еще и радуемся, что задержки в ее выдаче прекратились.

— Ну, это кто на что учился... — отреагировал Алелин на рассуждения об адвокатах и зарплатах, — тот так и получает. Сейчас модно говорить, что никто никого нигде не держит.

— Раньше модно было говорить, что у нас в стране всякий труд почетен, теперь — что никто никого не держит...

Тут зазвонил городской телефон, и диалог прервался. Алелин снял трубку с разноцветного от множества цветных лампочек пульта и стал с кем-то негромко разговаривать. Паромов понял, что беседа окончена и вышел из кабинета начальника отдела.

— Привет, дед Паром! — приветствовал его поджидавший у кабинета адвокат.

Так уж получилось, что за годы совместной работы стал адвокат величать старшего следователя дедом. Было в этом слове и уважение, и дань профессиональной подготовки следователя, и своеобразный адвокатский юмор. Так что обижаться на это не приходилось. Тем более что Паромов в ответ частенько называл Кулика стариком. Хотя оба были далеко не стариками и дедами.

— Вызвал, а сам сбежал куда-то.

— Да у шефа был, — ответил Паромов, пожимая протянутую руку адвоката. — Давно стоишь, плечом стену подпираешь?

— Нет. Только что подошел.

— Тогда милости прошу, — открыв дверь кабинета, пригласил Паромов Кулика.

Вошли. Уселись. Паромов за своим столом, на своем привычном месте. Кулик,

пододвинув стул, напротив.

— В чем непосредственно подозревается мой? — задал вопрос адвокат, словно и не было недавнего телефонного разговора.

— Я уже по телефону сказал, что в причинении тяжкого вреда здоровью и в хищении автомобиля потерпевшего, недовольно отозвался Паромов. — Все ума пытаешь, господин адвокат?

— Признается? — отставил Кулик последнюю реплику следователя без внимания.

— А ты часто встречал признающихся с первого момента, с первого допроса?

— Бывало и такое.

— Что бывало — согласен. Но наш клиент пока в раздумьях. Ты бы на него повлиял что ли? Помог бы смягчить неотвратимое наказание, — пошутил Паромов, зная, как болезненно реагируют адвокаты на такие просьбы следователей.

— В соответствии с адвокатской этикой поступлю, — враз посерьезнел Кулик. — Сам понимаешь. Какой бы гад не сидел перед тобой, но приходится защищать. Профессия уж такая — людей защищать. Кстати, доказательств его вины много?

«Это мы людей защищаем, причем бесплатно, — вяло подумал Паромов, — а вы, к сожалению, в основном — подонков ...и за деньги».

Впрочем, надо было ответить на последний вопрос адвоката, на вопрос по своей «невинности» из того же разряда, что только был задан следователем.

— А кто признается? — улыбнулся Паромов. — Тут как говорится, дружба дружбой, а табачок врозь!

Засмеялись оба.

— Ну, что? Один — один? — поинтересовался сквозь смех адвокат.

— Согласен, — не стал оспаривать счет интеллектуальной разминки следователь.

Поднял трубку телефона внутренней связи и попросил оперативного дежурного доставить в кабинет подозреваемого Апыхтина.

— Сейчас приведут.

— Хорошо. Я перед допросом переговорю с ним. Хоть и не собираюсь в дальнейшем его защищать, но соблюсти закон следует. Ты как на это смотришь?

— Не возражаю, только будьте добры, побыстрее. Время поджимает.

— Что, не терпится отправить в ИВС? — усмехнулся всепонимающе адвокат. Когда-то давным-давно, после окончания юридического университета, он работал в прокуратуре и все оперские заморочки, связанные с ИВС, знал не хуже самих оперов.

— А что их тут голодными держать, — нейтрально отозвался следователь, — там хоть покормят.

— И покормят, и уложат, и подложат, — засмеялся коротким смешком адвокат, намекая на «наседку».

Следователь игру адвоката не принял. Тут открылась дверь кабинета: помощник оперативного дежурного привел Апыхтина.

— Доставлен в целостности и сохранности, — молодежато отрапортовал помощник больше для адвоката, чем для следователя. — Можно идти?

— Спасибо, пусть садится вон на тот стул, и идите.

Помощник, усадив Апыхтина на указанный следователем стул, удалился, а адвокат стал знакомится со своим клиентом.

Какими бы данными о клиенте Кулик не располагал предварительно, он никогда не

игнорировал личного опроса своего клиента, пусть и временного, как в данном моменте. Обязательно выяснял, с кем тот живет, какие отношения с родителями, с супругой, если клиент был женат, какие отношения с товарищами по работе, с соседями, с потерпевшим или потерпевшими. И обязательно интересовался о материальной базе клиента. Но так исподволь, ненавязчиво, в шутливой форме, так, что не всякий клиент и понимал, для чего адвокату понадобились сведения о его материальном положении.

Кое-кто из собратьев-адвокатов подшучивал по этому поводу над Михаилом Юрьевичем, но он на такие шутки-подколки и внимания не обращал, руководствуясь все тем же подходом: дифференцированный подбор клиентов и такой же дифференцированный способ оплаты его услуг. Кто победнее — платил меньше, кто побогаче — соответственно покрывал издержки бедных клиентов.

Некоторые следователи завидовали адвокатам, что имеют приличный заработок, некоторые возмущались адвокатской «обдираловкой» клиентов. Паромов и не завидовал и не возмущался. Он радовался тому, что мягкость судебных решений, особенно по делам несовершеннолетних обвиняемых, в значительной мере компенсировал Кулик, налагая на родителей или родственников, или на самого обвиняемого — это как кому повезет — денежные расходы в виде адвокатских гонораров. В стране, где с моралью стал большой дефицит, только подстегивание рубликом и ощущалось. Остальное уже давно не действовало. Ни мораль, ни совесть, ни общественное мнение.

— Мы минуты две-три, как договаривались, побеседуем наедине, — попросил адвокат после того, как записал к себе в тетрадь данные нового клиента.

— Хорошо, — ответил Паромов и пошел из кабинета. — Только смотрите, чтобы он тут чего-нибудь не отмочил. Хоть я и спрятал в сейф все колюще-режущие предметы, но для того, кто ищет, то всегда что-нибудь да найдется...

В отделе уже был случай, когда один обвиняемый с неуравновешенной психикой, во время подобного собеседования со своим адвокатом тет-а-тет, выпрыгнул, разбив окно, из кабинета следователя с третьего этажа. Тогда все обошлось: упал по касательной на крышу автомобиля и отделался только ушибами. Повезло! Повезло обвиняемому: остался жив-здоров, повезло адвокату — отделался легким испугом, повезло и следодеку — не сбежал, не скрылся главный фигурант дела, не нарушил график окончания дел и срок следствия. Замяли потихоньку. Поматерились немного: следователь на адвоката, адвокат на своего подзащитного, и оба на судьбу злодейку. На том и разошлись. А то было бы вони на всю область.

— Не волнуйся, товарищ следователь, мы дурных мыслей в голове не имеем, верно, Анатолий? — отреагировал Кулик, заверяя следователя о собственной бдительности и одновременно призывая своего клиента к благоразумию.

Клиент недоуменно промолчал.

— Надеюсь, — закрывая за собой дверь, сказал Паромов.

Когда Паромов через три минуты возвратился в свой кабинет, то увидел, что адвокат Кулик и подозреваемый Апыхтин уже успели обсудить необходимые вопросы и молча сидят на своих местах.

— Мой клиент решил пока воспользоваться статьей 51 Конституции, — прервал паузу Кулик. — Он желает еще немного подумать, прежде чем начать давать показания.

— Дело хозяйское, — ответил Паромов, скрывая досаду на такой оборот дела, так как где-то в самой глубине души рассчитывал, что после беседы с адвокатом Апыхтин пожелает

дать признательные показания, и стал оформлять протокол допроса подозреваемого. — Однако я все же задам пяток вопросов. Вдруг Апыхтин да передумает играть в молчанку. А то не раз уже было, что сначала статьей 51 Конституции пользуются, а потом в суде еще жалуются, что, дескать, они хотели дать показания, но следователь, «такой сякой и нехороший», не захотел их записывать.

Старший следователь не зря обозначил эту тему. Из Промышленного райсуда уже не раз поступали нарекания в адрес следователей, что они не дают возможности подозреваемым и обвиняемым давать показания, которые последние хотели бы дать, злоупотребляя применением статьи 51 Конституции. Особенно в этом усердствовала заместитель председателя суда — Бессонова Елена Александровна — эталон судебной этики и непререкаемый авторитет.

Но на заданные вопросы был получен один и тот же ответ: «Отвечать не желаю, воспользовавшись статьей 51 Конституции РФ».

Когда протокол допроса подозреваемого Апыхтина был оформлен и подписан всеми присутствующими, следователь вызвал вновь помощника оперативного дежурного, и тот повел подозреваемого в камеру, предварительно спросив, можно ли его отправлять в ИВС.

— Можно, — ответил Паромов. — Пусть там посидит, подумает.

— Хорошо, что мое участие в данном деле на этом и заканчивается, — не скрывал своего удовлетворения принятым решением адвокат Кулик. — Что бы там о нас, адвокатах не судачили, но я не люблю защищать всяких мерзавцев даже за большие деньги. Хоть и говорят, что деньги не пахнут, но они пахнут, еще как пахнут! И я не желаю, чтобы мои деньги пахли человеческой кровью.

— А что, обещал большие деньги за свою защиту? — простодушно поинтересовался следователь.

Однако адвокат маневр следователя разгадал и хитровато улыбнулся.

Обычно такие вопросы адвокатам не задают, соблюдая этические нормы и неписанные законы приличия. Но Паромов и Кулик были знакомы сто лет, поэтому были уже не столь щепетильны в вопросах этики. К тому же, как было видно из предыдущего повествования, между ними была постоянная игра.

— Большие, не большие, но обещал... — последовал неопределенный ответ.

— Откуда у него деньги?

— Я и сам так считаю, но говорит, что знакомые позаботятся.

— Случайно, это не Олег Нехороших?

— Не знаю, я не уточнял. Ну, будь здоров! Пойду к себе. — Кулик встал, пожал следователю руку и покинул кабинет.

— Если увидишь Лунева, поторопи его, — бросил вдогонку Паромов.

— Увижу — потороплю! — отозвался уже из-за двери адвокат.

Кулик ушел, а Паромов принялся накручивать диск телефонного аппарата в поисках адвоката Лунева, одновременно с этим анализируя полученную информацию.

Ничего не было сказано, но то, что Кулик не пожелал защищать Апыхтина, даже при обещании оплаты адвокатских хлопот, говорило о многом. В том числе и о том, что адвокат убедился, что Апыхтин по уши увяз в инкриминируемом ему преступлении и раскаиваться не собирается. В противном случае, даже бесплатно, он бы стал защищать его. Раскаявшийся подозреваемый или обвиняемый всегда вызывает сочувствие. И не только у адвоката, но и у

следователя, и у потерпевшего.

За те годы, в течение которых Паромову приходилось сотрудничать-соперничать со своим вечным оппонентом Куликом, он уяснил одну истину, что Кулик любил осуществлять защиту искренне раскаявшегося подследственного или подсудимого, так как это давало широченное поле действий. В ход шли и ходатайства коллектива, и ходатайства соседей, и общественный защитник, и обработка потерпевшего, да такая, что тот чуть ли сам себя виновным в инциденте не считал. И, как правило, такой способ защиты всегда имел успех. Подзащитные искренне благодарили, слава опытного адвоката катилась по пятам Кулика. Недостатка в клиентах он не испытывал. На хлеб с маслом всегда хватало. Поэтому и позволял себе роскошь в выборе клиентов.

Размышления старшего следователя вскоре были прерваны появлением Лунева, шумно ворвавшегося в кабинет со своим неизменным «дипломатом», в котором порой, кроме бумаг, могла находиться и бутылочка водочки или коньяка.

— Слышал, что искал меня? Не врут? — бросив на этот раз, по-видимому, пустой дипломат на ближайший стул, даже не здороваясь и не присаживаясь, начал прямо от порога своим громогласным голосом адвокат с итальянским прозвищем.

— Не врут. Один молодой подозреваемый только тебя требует. Но сначала приличные люди все-таки здороваются, а потом уж вопросы задают. Привет!

— Привет! И извини — совсем задержали. То в один суд, то в другой. Лунев — сюда, Лунев — туда, а Лунев всего один. Так что, извини.

— Извиняю.

— Что требует, это хорошо, — возвратился Лунев к началу разговора, — значит, не забывают меня.

— Да кто же тебя забыть посмеет? Бандитов все больше и больше, — усмехнулся Паромов, — и не каждый адвокат соглашается такую мразь защищать. Только на тебя они и уповают... Да на заезжих время от времени москвичей, — подначил заводного адвоката следователь.

— Все кричат: бандиты, бандиты. А как дело доходит до судебного разбирательства, так ни 209, ни 210 статьи УК, — парировал Лунев выпад следователя. — Или скажешь — не так? — И прищурил хитро один глаз.

— Так, — развел руками следователь. — Все верно. Суд наш, хоть уже и не советский, а российский, но как был самый гуманный в мире, так и остался. Для бандитов.

— Это ты брось: суд... Суд — он и есть суд. Просто предварительное следствие, привыкшее завышать объем фактического обвинения, в целях перестраховки, на всякий случай, и лепит больше, чем следует! Что, скажешь, не так?

— Воспользуюсь статьей 51 Конституции, — отшутился Паромов, так как в словах адвоката доля истины имела место быть, следователи подстраховывались перед судом и завышали объем обвинения. — Хоть раз в жизни воспользуюсь. А то все ты, да твои клиенты и пользуетесь...

— Сплюнь через плечо и не зови лихо, — враз посерьезнел Лунев. — Честное слово, не хотел бы, чтобы ты или кто-нибудь из твоих коллег стал моим клиентом. Хоть на день. Лучше мы, по-прежнему, будем лаяться друг на друга, но по разные стороны баррикады.

Лунев, конечно, был своеобразный адвокат, и бандитов защищать не гнушался, и с многими следователями ругался до хрипоты в голосе, и ходатайства по делам на трех-четыре листах писал, но с Паромовым находился в нормальных отношениях, и тут душой не

кривил, не желая видеть следователя в числе своих клиентов.

— Впрочем, достаточно о погоде. Пора и к делам приступать. Что там у нас?

— Что у вас, не знаю, но у нас имеется подозреваемый по статьям 111 и 162 УК. Некто Злобин Иван Иванович, восемнадцати лет. Ордерок на стол — станет и у вас, — пошутил Паромов.

Лунев достал из дипломата ордерскую книжку и выписал очередной ордер на осуществление защиты Злобина.

— Опять, по-видимому, подстраховка, перебор, — намекая на тяжесть статей, не удержался он от очередной колкости.

— Если честно, — отозвался Паромов, принимая выписанный адвокатом ордер, — то скорее недобор. Клиенту твоему, как пить дать, париться по 105 через тридцатую. Так что, тут полный недобор.

— Это мы еще посмотрим... Где протокол задержания?

— В деле.

— Дай-ка взглянуть.

— Без вопросов. — Паромов вынул из дела протокол задержания подозреваемого Злобина в порядке статьи 122 УПК РСФСР.

— Смотри. Твой подзащитный с ним ознакомился.

— Наверно, не только ознакомлен, но уже допрошен? — усмехнулся иронично Лунев. — Только прошу иметь ввиду, что я буду обжаловать этот протокол допроса, как доказательство. Предупреждаю заранее.

— Какой же ты проницательный, даже страшно! Как догадался? — Оскалился в ответной усмешке и Паромов.

— Да я вас, торопыг, всех как облупленных знаю. Все спешите, все закон нарушаете... А потом на нас обижаются, что дела ваши разваливаем в судах. Нарушать закон не надо, тогда и развалиться не будут!

— Это не мы виноваты, это жизнь виновата. Она нас торопиться заставляет. И закон у нас странный: живем в новом государстве — так называемой Российской Федерации, с новой Конституцией, а руководствуемся, по-старому, уголовно-процессуальным кодексом несуществующей страны. Это, значит, нормально? А твой Злобин в качестве подозреваемого не допрашивался. В качестве свидетеля он показания давать не пожелал, воспользовавшись пресловутой пятьдесят первой статьей Конституции... Так, что Закон мы не нарушаем!

— Не нормально. Это я об УПК. Но неизбежно и безысходно. Впрочем, достаточно языком трепать, как деревенские бабы бельем на речке при полоскании, приступим-ка к делу. Тащи сюда Злобина. Посмотрим, что за гусь. А то за него не один следователь меня беспокоил, другие некоторые тоже ходатайствовали.

— Не бандиты ли? — пошутил с дальним прицелом Паромов: вдруг да скажет адвокат, кто так сильно беспокоится о сироте.

— Тебе все бандиты, да бандиты. Словно обыкновенных людей на белом свете мало, — слегка обиделся Лунев.

— Ладно, старик, не дуйся. Просто интересно: Злобин сирота, и вроде бы некому за него перед знаменитым адвокатом ходатайствовать. Неужели подружка?

— Не, не подружка. Друг какой-то, — вновь не пожелал уточнить имя и фамилию друга адвокат.

— Не Олег ли Нехороших, брат подружки? — не отставал следователь, связавшись по

внутренней связи с дежурным и попросив привести в кабинет для допроса подозреваемого Злобина.

— Олег, не Олег — тебе-то какая разница, — замялся адвокат. Врать не хотелось, но и признаваться было не с руки: Нехороших просил его свою фамилию не упоминать в милиции.

— Раз не хочешь говорить, не говори. Дело хозяйское, — с напускным безразличием обронил следователь. — Кстати, вот и клиента доставили, — окончил он, когда помощник оперативного дежурного ввел в кабинет Злобина Ивана. Из его полусапожек были вынуты шнурки, и голенища, разинув пасть, расползлись в сторону, обнажив языки, прикрывавшие голень ног от шнурков. Лицо Злобина было заспанное, помятое.

«Вот, нервы, так нервы, — невольно подумал следователь, — считай, до смерти прирезал человека, находится под следствием — и спит, как младенец»!

Лунев быстро переговорил с подозреваемым, прямо в присутствии следователя и конвоира-помощника дежурного, заявил, что клиент воспользуется статьей 51 Конституции РФ и показания давать не желает.

— Пока не желает, — уточнил он. — Нам нужно подумать. Время еще имеется.

— Хорошо, — согласился Паромов, ожидавший такой ход адвоката Лунева и его подзащитного. И добавил, уже обращаясь к помощнику дежурного.

— Если минутку подождешь, то и заберешь Ивана Ивановича, чтобы туда-сюда попусту не ходить, ног не бить.

— Подождем, — согласился помощник, говоря о себе во множественном числе, — хотя мы к ходьбе привычные.

Он почему-то всегда говорил о себе в подобных ситуациях во множественном числе: мы. То ли из повышенного чувства коллективизма, то ли по укоренившейся привычке сотрудников дежурной части отвечать за все и за всех во множественном числе.

Помощник оперативного дежурного присел на крайний, ближний к двери, стул, а Паромов, разъяснив права и обязанности подозреваемого, предусмотренные УПК, и, задав для проформы пяток вопросов, стал быстро заполнять бланк протокола допроса подозреваемого, помечая после каждого вопроса, что Злобин воспользовался статьей 51 Конституции РФ и отвечать на вопрос не пожелал. Окончив, пододвинул бланк к подозреваемому.

— Читайте, расписывайтесь. Везде, где «галочками» обозначено.

— Не желаю расписываться, — оттолкнул от себя протокол Злобин.

— Как хочешь, — отреагировал следователь. — Никто вас, уважаемый Иван Иванович, упрашивать тут не собирается. Сделаем пометку, что от подписи отказались, и пусть суд нас рассудит...

— Не дури, — встрепенулся Лунев, обращаясь к своему клиенту. — Подписывай! Тут ничего нет. Да скажи мне, не били ли тебя в милиции? Это был любимый вопрос Лунева, и Паромов его ждал. Злобин подтянул протокол поближе к себе и стал подписывать в местах, где стояли «галочки».

— Не били, — прекратив подписывать протокол ответил он. И добавил, подумав: — Пока не били...

— Уже хорошо, — констатировал адвокат. — А если станут бить, то мне тогда немедленно сообщай. Понял?

— Понял, — ухмыльнулся, чуть повеселев, Злобин.

Пока они вели диалог, Паромов взял протокол допроса подозреваемого Злобина и дописал: «На вопрос защитника: били ли тебя в милиции, последовал ответ подозреваемого, что никто его не бил».

— Что ты делаешь? — подхватился адвокат, увидев, что следователь что-то дописывает в протоколе.

— Как что? Я записал ваш вопрос, господин адвокат, не били ли вашего подзащитного в милиции, и его ответ, что не били, — простодушно поведал следователь.

— Но мы же об этом не просили, — взъерепенился Лунев.

— Но вы вопрос задали, не спросив у меня, как у следователя, разрешения его задать? — в пику адвокату ответил Паромов. — Причем, в то время, когда допрос еще не был окончен.

— Ладно, — сдался Лунев, — давай расписываться и на этом сегодня допрос будем считать оконченным.

— Не возражаю. Ставьте свои автографы, — возвратил Паромов протокол подозреваемому и его защитнику.

Оба подписали.

Лунев ушел, а Злобина увел вниз помощник дежурного.

Можно было немного передохнуть. Точнее перекурить в спокойной обстановке.

Скомкав о край стеклянной пепельницы, доверху забитой окурками, очередной «бычок», то есть, не до конца скуренный окурок, Паромов стал готовить письменные уведомления прокурору округа и родственникам подозреваемых о их задержании. Впрочем, у Злобина родственников не было, и лишнее уведомление настукивать двумя пальцами на портативной машинке не пришлось.

Как не поспешал Паромов, но время неумолимо двигалось вперед. Подаренные ему руководством шестого отдела милиции наручные часы, с изображением двуглавого орла — герба России на черном циферблате, показывали 14 часов с копейками.

«Опять остался без обеда, — подумал Паромов, вынимая из каретки печатной машинки очередное напечатанное уведомление. — В который раз... И еще надо требование об отдельной рассадки подозреваемых в ИВС направить, чтобы там сдуру их в одну камеру не поместили... чуть не забыл! Когда тут уж о еде вспоминать, если думки все о работе и о работе».

Так уж сложилось, что работа следователей считалась привилегированной, и те, кто не соприкасался напрямую с ней, откровенно завидовали следователям. В том числе и тому, что их меньше привлекали к другим видам служебной деятельности, например: к охране общественного порядка, к патрулированию улиц. Кроме того, следователи обладали, как казалось многим сослуживцам, процессуальной независимостью.

На самом деле это было не всегда так. Процессуальная независимость следователя была ограничена не только прокурором, как это вытекало из УПК и Закона о прокуратуре, но и еще десятком, если не больше, обстоятельств и нюансов милицейской действительности. Да, цвет просветов на погонах, цвет околыша на форменной фуражке, цвет лампас на брюках, узкой канвы, был изменен с алого — скажем так — на васильковый, так как слово «голубой» следователи не долюбливали, ибо оно вызывало двусмысленные ассоциации. Во всем остальном все осталось без изменений. Так что над следователем как было десятка полтора разных начальников как с красными, так и с васильковыми погонами, так и осталось.

Конечно, следователей старались не ставить в ночные рейды, в дневные патрули, не

привлекали к охране порядка на незначительные мероприятия местного значения, но они, как и остальные сотрудники во время бесконечных операций «Вихрь — Антитеррор» находились на рабочем месте до 22 часов. Впрочем, и без этих операций ежедневно приходилось оставаться на работе до 20 часов, как минимум. И выходные дни прихватывали, и без обедов оставались довольно часто.

Нагрузка по уголовным делам, когда в производстве каждого следователя одновременно находилось до двух десятков дел, расслабляться не позволяла. А кроме немислимой нагрузки, не влезающей ни в какие ворота, была еще огромная персональная ответственность. Если другие милицейские подразделения подразумевали коллективную работу, а, значит, и коллективную ответственность, то следственная работа была индивидуальной, штучной, персональной. И следователю приходилось отдуваться всегда одному и на всех уровнях. Прятаться было не за кого.

Так что зря коллеги им завидовали.

Паромов, конечно, не был «суперследователем», звезд с неба не рвал, но к работе относился со всей ответственностью. За годы работы в милиции чуть ли не на генетическом уровне выработалось правило, что работа — это основное, а все остальное — это остальное и не существенное. Паромов, хоть и жил в новой стране, при новом общественном строе, в новом социуме, где «я и мое» были на первом месте, но оставался со старым мышлением и отношением к работе.

Перекурив в очередной раз, старший следователь вновь принялся ожесточенно стучать на машинке, подготавливая необходимые постановления, справки, запросы, требования.

«Повезут подозреваемых в ИВС, — размышлял он, — заодно и запросы в диспансеры забросят, и требования о судимости в ИЦ оставят. Надо только их попросить, чтобы перед исполнителями походатайствовали о срочном исполнении».

Изучение личности подозреваемых, обвиняемых входило в обязанности следователя, и справки из наркологического, психоневрологического диспансера, сведения о судимостях являлись одним из видов, характеризующих личность, и были необходимы, как и характеристики с места жительства и работы. В стране возродилась безработица, но характеристики с работы требовались, так как по-прежнему человека судили не за совершенное им деяние, а за то, какой личностью совершено это деяние. Положительной или отрицательной.

Можно подумать, что это обстоятельство очень интересовало потерпевших, которые одинаково страдали как от негодяя с положительной характеристикой, так и от негодяя с отрицательной характеристикой. Впрочем, как показывала практика, отрицательных характеристик уже не было. Даже в отношении лиц, по пять раз побывавших в местах не столь отдаленных, не занятых общественно-полезным трудом, злоупотребляющих алкоголем, характеристики писались если не положительные, то уж нейтральные — факт!

Забегал на секунду Студеникин. Оставил на столе заполненные постановления и протоколы освидетельствования подозреваемого Злобина, бумажные конвертики с пробами обнаруженного на одежде и на обуви вещества.

Пояснил на бегу:

— Отправляем...

— Обоих?

— Обоих.

— Хорошо.

Опер убежал.

Паромов автоматически взглянул на часы. Было далеко за пятнадцать.

«Сегодня в ИВС, по-видимому, работать не придется, — подумал он. — Оперативники не успеют довести Апыхтина и Злобина до необходимой кондиции, когда те, осознав бедственность своего положения, сами потребуют встречи со следователем. А Крюка надо освободить... — переключились мысли на новый объект. — Освободить, выделять материалы и направлять в отделение дознания. Легко сказать — выделять, если кучу копий необходимо снять с протоколов допроса свидетелей, а копировального аппарата в отделе нет. Точнее, он имеется, но не работает».

Старенький, давно изношенный «Ксерокс», на который уже не только запчасти, но и расходные материалы не выпускались, стоял в качестве архаического экспоната в 33 кабинете.

«Опять придется ехать в городской следственный отдел и просить начальника СО Озерова Юрия Владимировича дать разрешение на использование их копировальной техники. Вот даем: космические корабли запускаем, а простейшими компьютерами, копировальными аппаратами, даже печатными машинками милицию снабдить не могут. По-видимому, милиция, как была не нужна социалистическому государству, так и продолжает быть пасынком и у демократического. Вот и приходится свою собственную машинку из дома на работу приносить. — Паромов машинально погладил пластиковый корпус своей портативной машинки, изготовленной еще по ГДРовской технологии. ГДР, то есть, Германской Демократической Республики, давно уже не было на политической карте мира, а машинка работала. — Выручай, старушка!»

И «старушка» выручала.

Аркашка Сапин, по кличке «Сапа» был секретным сотрудником уголовного розыска и давно состоял на связи у Алелина. Алелин переходил из службы в службу, из рядовых работников — в начальники, из одного отдела в другой. У него увеличивалось количество маленьких звездочек на погонах, потом появилась одна крупная звезда на двухпросветном погоне, а затем — и две крупные звезды.

У Аркашки никаких звезд отродясь не было. Он даже в армии не служил. Когда его сверстники, в том числе и Алелин, пошли в Советскую армию, Аркашка уже спал на нарах рядом с парашей — результат неудачного «гоп-стопа». И ничего у него расти не могло, конечно, если не считать число ходок к «хозяину» и количества лет, проведенных за колючей проволокой, на «киче». У него даже оплата его секретного труда почти не менялась, как была чисто символической и мизерной, так таковой и оставалась. Но после того, как их связала оперативная работа, он, словно нитка за иглой, повсюду следовал за своим куратором.

К этому времени он уже имел три ходки и слыл авторитетом среди бывших зэков, хотя и старался на «ведущие» роли в своей среде не высываться. Было опасно. Все мало-мальски известные лидеры были под пристальным вниманием не только со стороны милиции, но и в собственной среде со стороны менее успешных сотоварищей. В данном случае риск расшифровки был куда вероятней, чем тот, с которым постоянно находился рядовой зэк, постукивающий на «контору».

«Я — честный вор! — стучал он себе в тощую грудь, расписанную замысловатыми татуировками, черным жилистым кулаком и сверкая фиксатым ртом — своих зубов давно лишился, и теперь вместо них красовались «золотые» — в кругу таких же забулдыг, — но я не лидер. Чего не дано, того не дано».

И при каждом случае, рисуясь перед друзьями-собутыльниками, лез на рожон то к участковому, то к сотрудникам ППС. Последние не церемонились — и хорошо, если просто составляли протокол о мелком хулиганстве и доставляли в дежурную часть, чтобы утром следующего дня представить его судье, но довольно часто, что было хуже, награждали увесистым подзатыльником, или знакомили с «демократизатором» — резиновой палкой. Да так, что на его спине, худой и ребристой, сплошь покрытой татуировками, впрочем, как и все остальное тело, вмиг образовывались синюшные полосы, в своем немислимом сочетании создававшие замысловатые геометрические фигуры, напоминавшие картины художников-абстракционистов.

Сапа терпел, а авторитет его, как «непримиримого борца за воровские традиции и воровское братство», рос. Он не был идейным борцом с преступностью и преступниками. Нет, не был. Он, даже работая на органы, все равно оставался потенциальным преступником. Но он был авантюристом и игроком. И играл, словно в карты под «дурачка», с жизнью и с судьбой, только чтоб адреналин, как наркотик, повышал жизненный тонус.

Постепенно из наружного «шныря» он переквалифицировался в агента-внутрикамерника, и там «расколол» не один десяток как бывших, так и предстоящих зэков.

Жалел ли он доверившихся ему лохов? Испытывал ли угрызения совести, что «сдает» вчерашних товарищей? Вряд ли. Он чувствовал себя охотником, причем, охотником из самых азартных видов охоты — охоты за людьми, за человеческими душами. Если он долго не

находился в камере и не «колол» очередного «клиента», то тогда он скучал, хандрил, мог уйти в запой.

Семьи у Аркашки не было, хотя он после первой отсидки и пытался жениться. Но его вспыльчивый характер, скорые на расправу руки, быстренько приводили в чувство очередную претендентку на супружеское ложе — и остался он без жены и без детей. Да это и к лучшему. Какой из Аркашки семьянин. Отца он не помнил — мать развелась с ним, когда Сапе едва исполнилось два года. Жил с матерью, которая и белье стирала, и ужин готовила. При этом у него была своя комната, в которую он время от времени, приводил то одну, то другую подругу. Ненадолго, на одну-другую ночь, но приводил. Мать не скандалила, понимала его мужскую потребность. А, может, и надеялась в глубине души, что хоть под старость, но ее Аркашка, наконец-то возьмется за ум и женится.

«Умру, — невесело рассуждала она сама с собой, — ни покормить, ни постирать будет некому...»

Еще позавчера Аркашка скучал дома. Зеленая таска подкатывала к самому сердцу. Чуть в очередной запой не ушел.

Но перед обедом позвонил Алелин, и к вечеру он, Аркашка, в соответствии с очередной легендой и состряпанными под нее документами, уже лежал на нарах, по зэковской привычке кутаясь в полу пиджака. Можно было обойтись и без пиджака, так как в камере было не то что тепло, но даже жарко. Однако пиджак был неотъемлемым атрибутом его работы. В него можно было укутаться с головой, и тогда никто не поймет, спит или бодрствует его владелец. Его можно было, свернув несколько раз, подложить под голову. В нем можно было и сигареты держать, чтобы не мялись, и для «солидности» одеть, если в камере попадался жулик-интеллигент.

Камера была небольшой, на четверо задержанных, но пока в ней находилось только трое: он и еще пара хмырей, одним из которых был Крюк, давнишний приятель Сапы. Его-то и предстояло «раскручивать».

— Крюк, так Крюк, — сказал он оперу, осуществлявшему непосредственное внедрение его в камеру, — без разницы. Даже интересно посмотреть, как дружок будет колотиться.

И усмехнулся ехидной зэковской усмешкой-ухмылкой. Но тут же усмешку и погасил. В камеру входил отрешенно и напряженно, как всякий человек, лишенный свободы. Играл.

Сдержанно поздоровался с Крюком — в таких местах не принято бурно изливать свою радость даже от встречи со знакомым. Какая может быть радость, когда свободы лишились, и, возможно, не на один год.

Обматерил вполголоса всю ментуру снизу доверху и сверху донизу, уделив побольше внимания своему участковому-козлу, состряпавшему хулиганку из обыкновенной пьяной разборки возле пивнушки, и следователю-придурку, применившему «рубль двадцать два», что означало на местном жаргоне 122 статью УПК.

— Подумаешь, одному хмырю в «пятак» дал, да «перышком» возле его хари поганой повертел, чтобы прыти у него, петуха недоделанного, поубавилось. Видите ли, ему кружку пива для товарища жалко стало, — искренне возмущался Аркашка, действительно так и поступивший с каким-то любителем пива возле пивнушки на улице Черняховского, что рядом с судом и в ста метрах от отдела, откуда и был, как злостный хулиган, изрядно помятый участковым, доставлен в седьмой отдел милиции.

О том, что потерпевший от его хулиганства мужчина уже написал заявление о нежелании привлекать Сапина к уголовной ответственности за мат и толчок в грудь, а не

удар по носу, как он тут втирал сокамерником, в связи с примирением с ним, Аркашка конечно не поведал. Не к чему корешку такие подробности знать! А то рано состарится.

Повозмущавшись милицейским беспределом, Сапа улегся на нары.

— Вздремнуть, что ли, — зевнул он, потягиваясь.

Не дожидаясь ответной реакции на реплику, укутался в свой пиджак и вскоре захрапел.

— Вот дает, так дает! — позавидовал молчавший до этого времени третий обитатель камеры, безропотно уступивший Сапе нижний ярус нар, до этого момента им занимаемый.

— Посидишь с наше, и ты научишься, — буркнул Крюк без особого энтузиазма.

— Извините за нескромный вопрос, — вновь заговорил третий обитатель, — сколько раз вам побывать на зоне довелось?

— Вообще-то, у нас не принято много вопросов задавать. За это можно и язычок укоротить, — принялся воспитывать «молодого» Крюк, — да, ладно, отвечу: по три-четыре ходки к «хозяину» имеем.

— Не дай Бог! — испугался собеседник Крюка.

— Бог, Юрок, может и не дает, он не фраер, — назвал Крюк своего сокамерника по имени, так как они еще до появления в камере Сапы успели познакомиться, — да прокурор с судьей дают, мать их ети, на всю катушку! Ты, вот, за что тут чалишься?

Вообще-то, малознакомые люди, попав в камеру, бывают не очень общительны. Во-первых, у каждого свои мысли череп ломают, во-вторых, боятся подсадных стукачей, да скрытых микрофончиков. Но со временем даже самые неразговорчивые от камерной тоски и неведения заговаривают. Особенно те, кто впервые попадает в ИВС. Им интересно знать, как там, по ту сторону, в другой, отличной от свободы, жизни. Вот и пытаются пройти ликбез. Так и с Юрой было: молчал-молчал, пока другие молчали, а подвернулся случай, сущий пустяк, он и заговорил.

— По подозрению в мошенничестве. Говорят, что я одну фирму кинул...

— Говорят, или кинул?

Сказавший «а» скажет и «б». Стоит начать говорить, потом не удержаться. Слова, как понос, летят без удержу.

— Так уж получилось, что кинул. Я не хотел, да уж так сильно были деньги нужны, что не удержался, пяток тысяч позаимствовал... А что, моя статья на зоне не котируется? — спросил заискивающе Юрок.

— Да статья, как статья. Человеком надо быть... везде. Хоть в зоне, хоть на свободе. Не бойсь, там тоже люди живут... Если, конечно, себя правильно ведут. Не стучат куму, за себя могут постоять. Ты как, в раскладе, или в завязке?

— Не понял.

— Я спрашиваю, сознался или ничего не признаешь?

— А-а-а, понял. Я сознался. А что, не стоило?

— Правильные парни с ментами никогда не сотрудничают. За падло это, и чего им жизнь облегчать.

— Говорят, что раскаяние, содействие следствию принимается во внимание. Так даже адвокат мне говорил. А?

— Сказки все! Адвокатам не очень-то доверяй, они со следователем в одну дуду дудят. Нас им не жалко. Обдерут, как липку, и на зону отправят. Не им же там париться. Других дурачков найдут, любителей уши распускать. Впрочем, дело хозяйское.

— А ты сознаешься? — робко спросил Юрок после паузы.

— А мне и сознаваться не в чем. Горбатого лепят в наглык. Пытаются мокруху на меня повесить. И, кажется, повесят. Все складывается, Юрок, так что мне не отвертеться, хотя я этого козла и не резал. Но не раз грозил прибить его за захват гаража. Потом кровь на мне нашли — с друзьями подрался по пьяному делу. А менты считают, что это кровь того козла, Смирнова Артема. Вот такие-то дела. А я этого Артема в тот день и в глаза не видел. Понимаешь, не видел! — чуть ли не закричал Крюк.

— Чего базлаешь, людям спать не даешь, — не убирая с лица пиджак, недовольно пробурчал Сапа.

Он действительно, в силу годами выработанной привычки, как сказал, так и сделал: задремал, но спал в пол-уха и с первыми словами сокамерников уже про сон забыл, но вида не подавал, что не спит, маскируясь пиджаком и безмятежно посапывая и похрапывая.

— Тут не то, что базлат, тут волком впору выть, — огрызнулся Крюк на замечание друга. — В нагрянку мокруху мне шьют.

— Менты — они такие... — посочувствовал Сапа другу, выбираясь на свет божий из своего пиджака и усаживаясь на нары. — Полнейший беспредел.

— Не то слово.

— Кстати, ты тут давно?

— Считаю, с самого утра душой и телом маюсь.

— Следак был?

— У меня следачка, век бы ее не видать. Глазом не моргнула — «рупь двадцать два» вломила. Да еще и улыбается... Но красивая, стерва... и вежливая: все на «Вы» да на «Вы». Закон все разъясняла, право на говоруна-адвоката, будто я сам не в курсах...

— Седьмой отдел, — с интонацией знатока протянул Сапа, — зверье, а не менты. Что участковые, что опера, что следователи. Приходила? — вновь аккуратненько вернул он Крюка к прошлому вопросу.

— Нет. Пока опера прессуют: «сознайся да сознайся»... А в чем сознаваться, если я ни ухом, ни рылом...

— Извините, — вклинился Юрок, — «прессуют» — это как понимать? Бьют?!!

— А вот, как начнут тебя прессовать, так сразу и поймешь, и узнаешь, — отмахнулся от него, как от паршивой собачонки, Сапа. — Нечего в разговор старших вмешиваться. Или ты тут в «стукачи» подвязался: все выпрашиваешь да выпытываешь?

— Что Вы! Что Вы! — не на шутку перепугался мошенник Юрок.

— Оставь, Сапа, никакой он не «стукач», — вступился Крюк за нового знакомого, — ему по 159 корячиться предстоит, в первый раз на зону идет. Боязно, вот и интересуется: что да как! «Стукачей» ментовских я за сто верст чувствую — у меня на них нюх особый.

— Слышал, слышал, — засмеялся зловещим смешком Сапа, — о твоих необычных способностях выявлять «дятлов» среди братвы. Мне ни разу такое не удалось. Все больше порядочные люди вокруг попадают. И на зоне, и на свободе.

Разговор свернул в другую сторону с интересующей Сапы темы. Но форсировать возврат опытный агент не спешил. Чего спешить, если времени — хоть отбавляй! Сам все изложит, никуда не денется.

Утром следующего дня камеру покинул Юрок. Ему было предъявлено обвинение по одному эпизоду мошенничества, и следователь, принимая во внимание его раскаяние, особенности его личности, наличие постоянного места жизни, избрал в качестве меры пресечения подписку о невыезде.

— Меня освобождают, — шепнул он радостно сокамерникам, косясь на выводящего и забирая личные вещи, — на подписку о невыезде.

То обстоятельство, что впереди его ждет суд и приговор, если и не забылись совсем, то отступили далеко-далеко под напором радостного известия об освобождении из ИВС. Что значит — свобода! Это волшебное слово свобода!

— Разговорчики! — прикрикнул выводящий на Юрика. — Пошевеливайся!

— Привет знакомым на свободе передавай, — отозвался Сапа демонстративно, как бы назло вертухаю.

Крюк же почему-то промолчал. Как лежал, подложив обе руки под голову и глядя в потолок камеры, так и остался лежать. И только через полчаса после ухода Юрка произнес вслух:

— Наверное, зря я от адвоката отказался. Все понты проклятые!

— Ну, это ты брось, — отозвался Сапа со своих нар. — Жили по понятиям, и жить будем! Или ты за своим бизнесом и сладкой жизнью и о понятиях забыл?

— Не забыл. Но умные люди говорят, что это все сказки для дураков... Вроде ушедшего Юрика.

— Так говорят те, кто законов наших воровских не признает. Но мне на их слова — тьфу, и растереть!

Помолчали. Каждый думал о своем.

Посторонних ушей не было, и они могли говорить друг другу все, что заблаговолится, без какой-либо рисовки. Поэтому Крюк так был откровенен с Сапой.

— Что-то следак не идет? — вновь первым заговорил Крюк.

— А по мне — век бы его не видеть! Любой его приход — одни неприятности. И нервное волнение. А нервные клетки, как известно, не восстанавливаются...

— Хоть какая-то была бы определенность, не согласился с корешем Крюк. — А то, словно за яйца, подвешен. Ни в одну, ни в другую сторону. Хуже нет неопределенности!

— Ну, придет, и что ты ему скажешь? Не виноват! А он ответит, что у тебя было три ходки — и ни разу ты не был виноват, однако суд вину находил и срок назначал.

— Согласен. Но тогда хоть было не обидно: наказывали за то, что делал. А тут — клянусь на пидора — не резал я эту скотину Смирнова. Не резал. И в глаза не видел. Да, раньше грозил, что прибью. Грозил. Но не делал. Я об этом и следователю сказал, и операм говорил — не верят. Я рассказал, поверишь ли, с кем был и с кем пил, а потом и подрался. И они, кореша мои, знаю, это подтвердят... если уже подтвердили... А меня тут держат.

Сапа молчал, не прерывая монолога. Пусть дружок выговаривается, облегчает душу.

— Если бы меня обвинили в хулиганстве, в драке, то было бы понятно. Я этого и не отрицаю. А меня подозревают в покушении на убийство. Это же голимый червонец с учетом моей прежней трудовой деятельности. Червонец! — произнес он слово по слогам. И еще раз повторил: — Червонец!

Опять помолчали.

Исповедь кореша без всякой блатной шелухи, как исповедь любого обыкновенного человека, подействовала на Сапу.

«По-видимому, не врет. Какой смысл ему мне врать. Столько водяры вместе выпито, столько баб одних и тех же оттрахано! Так и изложим операм: не он. Не причастен. Но, может, знает: кто? Надо аккуратненько поспрашивать».

— Слушай, Крюк, не трави душу. Ни свою, ни мою. Может, все и обойдется. Сейчас не

те времена, чтобы мокрое дело в нагляк шить. Ну, поволынят день-другой и отпустят.

— Сказал тоже: не те времена. Времена может и не те, но менты те же самые. И судьи — тоже...

— Может, результатов экспертизы ожидают. А получают, убедятся, что не ты, и отпустят. С тебя следы крови чужой брали?

— Брали. И с куртки, и с брюк, и окровавленную рубашку забрали... Ну и что? Им экспертизу подстроить, что два пальца обмочить. Своих-то, небось покрывают... Слышал о двух телках, задушенных или зарезанных м найденных в фонтане возле ДК?

— Да что-то такое слышал, — без особого интереса отозвался Сапа, но внутренне напрягся до предела, интуитивно почувствовав, что может услышать что-то сенсационное.

— Так вот, ребята поговаривают, что это дело рук мента. То ли участкового, то ли опера. Точно не помню... по пьяной лавочке базар был...

Поведав о пьяном базаре, Крюк задумался, по-видимому, стараясь вспомнить подробности.

Сапа, хоть и наострил ушки, но решил тоже молчать. Информация наклеивалась интересная. Алелин, работая еще в шестом отделе, нацеливал его на раскрытие этого двойного убийства. Он, Аркашка, пытался, но информации об этом факте не было. Одни вопросы стояли. И вот, когда уже и не ждал, и даже думать об этом забыл, что-то наметилось. Это мог быть и пустой треп кого-нибудь из подвыпившей «братвы», или просто злой оговор самого Крюка, как бывшего зэка и бывшего «бизнесмена», ненавидящего всю милицию.

«Сообщать или не сообщать куратору, — возникла дилемма перед Сапой, даже грамма заинтересованности не проявившего внешне к сенсационному сообщению Крюка. — Может быть пустышка, но может и премия. Впрочем, Алелин всегда говорил, что важна любая информация, даже самая что ни на есть фантастическая. Сообщу, — решил он для себя, — там, что хотят, то пусть и делают».

— Сами творят беспредел, а на нормальных мужиков пытаются свалить, — после паузы продолжил Крюк. — Полный беспредел. Кто-то козлу горло чиркнул, а Крюк отдувайся. Как же, не один раз судимый. Сволочи, красноперые!

— Не говори, — вроде бы согласился Сапа с доводами дружка. — Слушай, а тебя не подставляют? Не подстава ли тут со стороны твоих друзей-бизнесменов?

Это был новый разворот событий. Крюк задумался: «А что? Друг говорит вполне резонно».

— Не знаю, не знаю... Как-то не подумал, — с долей заинтересованности и сомнения в голосе заговорил Крюк.

— А ты подумай. Может, кто-то из тех, кому ты деньги задолжал, или из тех, с кем ты водку хлестал, в том числе и в тот вечер или в ту ночь, — уклонился от уточнения даты Сапа, — сам сделал, а тебя подставил? А? Разве мало такого было?

— Наверно, не мало. Но я так поднабрался, что даже сейчас не помню из-за чего со своими в гараже подрался.

— Вот-вот! Может, это кто-то и принял во внимание. Пока ты водяру жрал, кто-то на время отлучился и пришил этого, как его...

— Да Артема Смирнова.

— Во-во, Артема этого самого. Ишь ты, гад, имя на мое смахивает: я — Аркашка, он — Артемка...

Крюк задумался. Даже заворочался на нарах.

— Слушай, а ты верно базаришь. Я только сейчас, благодаря тебе, вспомнил, что видел ночью возле гаража Артема каких-то молодых качков. Просто этому обстоятельству никакого внимания не предавал. Точно, двух молодых козлов видел. — Начал потихоньку вспоминать Крюк. — Один был покрепче, а второй тебе под стать — худощавый... Неужели это они Артема замочили?

Он опять стал молча размышлять. Молчал и Сапа, умело подведший друга к нужной теме.

— Слушай, — вновь начал разговор Крюк, — если я об этих парнях следователю скажу, меня не отпустят?

— Не знаю. Может, и отпустят... Впрочем, у тебя остается хулиганка...

— Ха, хулиганка. Это по фигу. Если на следствии не помирюсь с ребятами, во что не верю, то уж в суде точно. И никакой хулиганки не будет. Подумаешь, друзья между собой поссорились. Тут будет не 213, а 115 статья, неприязненные отношения, — блеснул юридической эрудированностью Крюк. — А она подлежит прекращению за примирением. Верно?

— Верно, — не стал разубеждать Крюка Сапа.

— А запахло тут не будет? — вдруг засомневался Крюк.

— Да какое тут, к свиньям собачьим, — смешал Сапа в кучу домашних животных, — запахло? Тут полный резон валить на неизвестных. Любой правильный корешок такое скажет. Свой зад дороже чужого, к тому же неизвестного. Их, может, и в природе нет? И, вообще, лоха вломить не то, что запахло, но и необходимо. Надо же дураков учить! Не нам же одним баланду тюремную хлебать, пусть и другие пробуют.

— Не, есть, — поспешил опровергнуть сомнения Сапы Крюк. — Есть. Только мне одно непонятно: я не видел с ними самого Артема.

— Может, видел, да значения не придал.

— Может быть...

Зашуршал ключ в замке — механизм замка густо смазывался, чтобы можно было без особого шума открывать камеру — дверь камеры открылась и крепенький выводящий громыхнул баском:

— Крючков, на выход, без вещей!

Крюк вскочил с нар и направился на выход, на ходу поправляя одежду.

— Вот и дождался, — прокомментировал Сапа это обстоятельство. — Меня когда вызовут? — спросил он выводящего, пока тот возился с замком двери. — Или бросили в клетку и забыли, так что ли?

Слова Сапы вроде бы и обыкновенные, даже задиристые. Но это для тех, кто их не понимает. Для выводного они были сигналом, что, мол, пора и ему идти на встречу с опером.

— Не спеши в камыши, — грубо пошутил выводящий, или вертухай на жаргоне зэков, — придут к тебе — и тебя выведем... А пока сиди смирно, не ищи на свою задницу приключений...

И пошел, сопровождая, Крюка и покручивая на пальце связку ключей.

— Вам бы только людей мучить! — крикнул вдогонку Сапа.

Но его крик, если и услышали, то только в соседних камерах. Впрочем, он никому и не предназначался...

Когда через полчаса Крюк возвратился в камеру, то Сапа, с накинутым на голову пиджаком, тихонько похрапывал, свернувшись в калачик.

— Опять дрыхнешь, — беззлобно констатировал Крюк, толкая Сапу в плечо, — и судьба друга тебе не интересна?

— Если нужно, сам скажешь. Я не из числа любопытствующих. Любопытной Варваре на базаре нос оторвали, слышал? — из-под пиджака отозвался Сапа, тем самым демонстрируя свое безразличие к тому, что было между подозреваемым дружкой и ментами.

— Слышал, — не обиделся Крюк. — У меня новости...

— Что, следачка обвинение предъявила? — наконец вынул Сапа голову из под пиджака. — И грозитя арестовать...

— Не, не предъявила. Опер сказал, что теперь у меня следак.

— А, значит, опять опер, — протянул равнодушно Сапа. — Все тянут, на измор берут... Пусть, нас не возьмешь. Давай подремлем. — И сделал вид, что собирается опять спрятаться под пиджак, как черепаха в свой панцирь.

— Опер, опер, — подтвердил Крюк, — но прессингует куда как меньше, чем раньше. Особенно после того, как я упомянул о двух парнях. Знаешь, не отверг мою версию, как я думал, а начал расспрашивать, что да как, да какие приметы у этих ребят...

— Значит, попался на крючок оперок. Не все ему нас ловить, рыбаком быть. И мы умеем леску потихоньку стравливать... и мы умеем, если надо, по дну поводить... — подзадорил Сапа Крюка.

— Что это мы все обо мне да обо мне, — осклабился Крюк, оживившийся после последней встречи с опером. — Тебя еще не вызывали?

— Пока не вызывали. Да я и не спешу...

Не успел Сапа сказать последнюю фразу, как вновь зашуршал ключ в замке.

— Сапин, на выход, — пробасил тот же самый выводящий, приоткрыв дверь. — Без вещей.

Ушные зэки уже знали, что если выкликают без вещей, то это или на допрос или на свидание с адвокатом, или на беседу с опером. Если же выкликивали с вещами, то или освобождают, или переводят в другую камеру.

— Держись, — напутствовал Крюк.

— Не скучно? — улыбнулся курирующий опер, когда остались вдвоем в специальной комнатухе областного управления. — Подкрепись пока.

На столе лежали сигареты, пакеты с молоком, свежие булочки и бутерброды с колбасой. На тумбочке, в уголке, вскипал самовар, чтобы «побаловаться» чайком.

— А что мне скучать... Дело-то привычное, — ухмыльнулся и Аркашка, выкурив сигарету с фильтром и принимаясь за еду. — Крюка расколоть, что два пальца обсосать, — смягчил он известную поговорку, — трус и хвостун. Только корчит из себя крутого. Чуть прижали — мать родную готов заложить. Еще и спрашивает: запахло или не запахло? Ты присоединяйся, — взглянул он на опера, — не стесняйся. Наверное, с утра ничего во рту не было. Или брезгуешь?

Курирующий внутрикамерные разработки опер — это не опер с земли. С них и спрашивают меньше, и свободного времени у него больше. Он успел пообедать, был сыт, поэтому с чистым сердцем и, не кривя душой, ответил, что недавно плотненько покушал, и попросил подшефного не обижаться за отказ.

— Ну, как знаешь, — сказал Сапа, откладывая в сторону пустой пакет. — Чифирьчик готов?

— Какой чифирь, — поправил куратор, — чаек. Крепенький чаек...

— Чаек, так чаек! Нам без разницы. Лишь бы покрепче, да погорячей.

— Сам видишь, только что вскипел, — показал опер на электрический чайник «Тэфаль».

Чайком побаловались напару. Что старые зэки, что старые опера любили крепкий чай как прелюдию к серьезной беседе.

— Ух, хорош! — отставил чашку опер.

— Терпимо, — остался верен себе агент.

— Ну, что? Начнем? — убрав посуду и очистив стол, произнес опер.

— Начнем, — прикурив сигарету, с напускной ленцой отозвался Аркашка.

И обстоятельно поведал об информации, почерпнутой из беседы с сокамерниками. Не забыл упомянуть и об убийстве подружек-студенток неизвестным ментом.

— Про мента, может, не стоит, — неуверенно произнес куратор. — Какая-то чушь...

— Мое дело маленькое, — пожав плечами, не стал оспаривать правоту Сапа, — я сообщил, а там — дело ваше...

— А как ты считаешь, — спросил опер, анализируя полученную информацию, — причастен Крюк к подрезу Смирнова или нет? Только честно, как на духу!

Агентам строго-настрого запрещалось в своих сообщениях что-то домысливать, фантазировать или делать собственные выводы, чтобы не нарушать объективное значение информации, поэтому Сапа всю информацию изложил так, как услышал. Но раз вопрос был задан, то теперь, отвечая на него, он высказывал личную, субъективную точку зрения.

— Не при делах, — уверенно изрек Сапа. — Как мне кажется, не при делах. Но там, кто его знает: чужая голова — потемки... — слегка отошел от прежней категоричности суждения. — Тут за себя порой не уверен, так как можно заверять за другого...

— Да, в этом ты, дружище, прав. Абсолютно прав! — согласился с ним куратор.

— Вообще, прав тот, у кого больше прав, — усмехнулся Аркашка. И добавил: — Ну, что, можно и манатки собирать?

Он посчитал свою работу выполненной. И дальнейшее протирание собственных брюк на казенных нарах за двадцать рублей суточных видел бессмысленным и никчемным делом.

— Нет. Придется с этим подождать, — развеял его ожидания опер. — По подрезу еще люди задержаны, надо будет с ним поработать. Так что, не расслабляйся, а настраивайся на боевой лад. Да помоги своим «подшефным» незаметно, аккуратненько так сознаться, явочку оформить...

— Постараемся, не впервые... — вновь загорелся охотничьим азартом Сапа.

— Вот и я говорю, что ученого учить, только портить! — улыбнулся покровительственно опер.

— А с Крюком что? — насторожился опытный агент, всегда помнящий о недопустимости расшифровки.

Вопрос был не праздный. Куратор обязан был побеспокоиться о безопасности внутрикамерника. Зря что ли им такие легенды придумывались, чтобы и комар носа не подточил?..

— Пока с вещичками переведем в другую камеру, где народу побольше да поразнопестрее, чтобы знакомств и впечатлений побольше да позапутаннее было, —

усмехнулся опер. — А потом, что следователь решит. Лады?

— Лады. Вызывай вертухая. Пора в камеру.

Опер стал звонить дежурному наряду, а Сапа закурил очередную сигарету.

Вскоре гулкие коридоры ИВС огласились хриплым с откровенной гнусавинкой голосом:

«По тундре, по широкой дороге...»

ДУРНАЯ ПРИМЕТА. ПРОДОЛЖЕНИЕ

Воспользовавшись свободной минуткой, Паромов стал подшивать к уголовному делу собранные за первую половину дня документы: протоколы задержания подозреваемых, протоколы допросов, копии постановлений, уведомлений, запросов. Дело пухло на глазах. Еще вчера была тонюсенькая папочка из десятка листочков, а теперь уже просматривались контуры дела.

Будучи участковым Паромов привык как к аккуратному оформлению документов, так и к аккуратному делопроизводству и не любил, чтобы были разбросаны, не подшиты. А когда стал следователем, то по несколько раз на день мог перешивать дело, чтобы, не дай Бог, какой-нибудь документ случайно не затерялся. Даже пословицу: «Семь раз отмерь — один раз отрежь» он переделал по-своему: «Семь раз подшей, чтобы потом ни разу не дергаться!»

Вот за этим занятием и застал его старший оперуполномоченный Аверин, возвратившийся из ИВС.

— И охота тебе то и дело подшивать белыми нитками дело, — скаламбурил он.

— Охота — пуще неволи, — отозвался Паромов, снимая с нитки «цыганскую» иголку и стягивая и завязывая концы капроновой нитки. — Лучше я буду сто раз подшивать чужое, чем кто хоть раз мое. Что, не раскололся Крюк? — перевел он разговор в нужной русло.

— Нет, не раскололся. На прежних показаниях стоит. Правда, про каких-то ребят стал говорить, которых он будто бы видел в ту ночь возле Смирновского гаража. Может, придумал, а, может, и действительно вспомнил. Но по описанию смахивают на наших Злобина и Апыхтина.

— А что по низу? — поинтересовался следователь, пряча подшитое дело в сейф, стоявший справа от него — только руку протянуть.

— Да то же самое. По-видимому, Крюк все же не при делах... — нескрываемое разочарование слышалось в голосе оперативника.

— А я что вам говорил? — не без некоторого ехидства подколот старший следователь своего коллегу. — Но вам, операм, все заговоры да интриги везде чудятся... Сами себе уже не доверяете!

— Ну, ты и скажешь! Лучше ответь, что с Крюком будем делать?

— А что делать? Освободим, принесем официальные извинения за беспокойство, да в дознание и передадим. Ведь хулиганство имело место. И никуда он от хулиганства не денется. Еще вам спасибо скажет, что разобрались в его деле как следует и поступили с ним по закону.

— Ты и скажешь — благодарить! Да он жалобу скорее накатает на нас, — не согласился со следователем оперативник.

— Не думаю. Впрочем, хватит о Крюке. Надо думать о Злобине и его сотоварищах.

— Почему о сотоварищах? — хитровато-непонимающе прижмурил один глаз старший опер. — О сотоварище... Об Апыхтине...

— Я все больше и больше склоняюсь к мысли, что кроме этих ребят был еще кто-то. Возможно, он в деле прямо и не участвовал, не бил и не резал потерпевшего, но постоянно незримо там присутствовал. И знаешь, как бы этим третьим не был сосед потерпевших Нехороших Олег... Как бы не он был там подстрекателем и наводчиком... — пояснил Паромов.

— В наше время ничего исключать нельзя, — как бы соглашаясь с доводами следователя, высказался опер, убрав хитровато-непонимающий прищур. — Тут столько случаев, когда сын убивает отца, а дочь — мать родную! Что тут говорить о чужих людях, о соседях, когда родная кровь не является преградой для негодяев!

— Вот я и думаю: пока суть да дело, пока мы будем возиться с подозреваемыми, не занялся бы кто-нибудь из твоих подчиненных плотненько Олегом? — взглянул вопрошающе следователь на собеседника.

Тот согласно кивнул.

— Тем паче, что у него от родителей остался гаражик... — продолжил Паромов развивать мысль. — И не стоит ли в том гаражике похищенная у Смирновых «девятка»? Или ты уже сам все это без подсказки следователя проделал? Тогда поделись результатами. Хотя, какие тут результаты, если все твои хлопцы на Крюке повисли, — скаламбурил старший следователь, знавший что на зоне Аверина осталось только два оперативника: сам Аверин, да Студеникин.

— Собирался, да все руки не доходят, — не ударил лицом в грязь Аверин.

Поди узнай: собирался он или не собирался...

— Вот сегодня и выкрой пару часиков, — посоветовал без особого энтузиазма Паромов, так как понимал, что вряд ли сегодня опера что-либо смогут сделать в этом плане.

— Да я бы рад, но надо опять в ИВС... поработать с нашими подозреваемыми. Всей зоной едем, чтобы своеобразный конвейер устроить.

— Ну что ж, раз надо, значит надо. Тогда уж, по случаю, захватите постановление об освобождении Крючкова из ИВС и повестку ему, о явке завтра к ... допустим, к 10 часам в отдел. Думаю, что я к этому времени успею отксерокопировать необходимые материалы и вместе с ним передать их в отделение дознания. Сделаем подарок Александру Васильевичу Винокурову. Пусть себе палочку поставит!

— Какой подарочек, — засмеялся старший опер, — от такого подарочка он плевать будет. Не любит Васильевич со шпаной возиться.

— Ничего, полюбит. Ему, считай, готовое дело передается. Только собрать характеризующие документы да обвинение предъявить!.. Мне бы такие дела расследовать, когда все готово...

— Постановление давай, но с освобождением спешить не будем. У него срок завтра истекает?

— Да, завтра утром, — уточнил следователь.

— Вот завтра утром и доставим его без лишних заморочек в отдел. Чтобы никому никакой головной боли...

— Ну, что ж, резонно, — согласился следователь. — А то вдруг Крюку вздумается в бега удариться — и гоняйся тогда за ним!

— А я что говорю? — обрадовался Аверин.

— Толк ты говоришь. Бери постановление и дуй в ИВС. Да будьте повнимательней. Мозгами шевелите больше, а не руками!

— Обижает, начальник! — сдохмил Аверин. — Мы только мозгами...или по мозгам. Но тоже аккуратно, как в лучших домах Лондона и Парижа, — коротко хихикнул он.

— Кстати, на чем будете добираться? — спросил следователь, не принимая оперской шутки.

— Вроде бы на служебной, — неуверенно произнес опер, обрывая хихиканье. — А там,

кто его знает, не исключено, что придется в общественном транспорте толкаться.

— Если на отделовской, то меня до Центрального рынка прихватите. У нас ксерокса нет, придется у городского следствия покланчить, — пояснил Паромов свою просьбу.

— Без проблем.

Следственный отдел при УВД города Курска располагался в старом двухэтажном здании в конце Центрального рынка на Верхней Луговой улице. Вместе с дежурной частью УВД города. То есть, по пути при поездке в областное управление внутренних дел.

— Какой разговор, — согласился опер. — Если машину дают, то подбросим. Звякну.

Он взял постановление на освобождение Крючкова из ИВС и покинул кабинет старшего следователя. Не успел Аверин покинуть кабинет, как пришла Подаркова.

— Привет, а то с утра не виделись, — поздоровалась она, прикуривая сигарету при помощи одноразовой зажигалки, взятой ею со стола Паромова. В ее тонких пальчиках сигарета смотрелась чуть ли не сигарой.

— Привет, — ответил вполне дружелюбно Паромов, однако от насмешливой подначки не удержался. — Когда же теперь с утра увидеться, если ты мне такую бяку подсурила. Не ожидал, Мариночка, от тебя такой каверзы. Не ожидал.

— И ты туда же, — театрально обиделась Подаркова. — Дежурный Кулинич обвинил в том, что нарушила местное табу — присела на краешек стола — а это, оказывается, дурная примета, а потому и случилось, по моей вине, тяжкое преступление. Опера меня в том же обвиняют. Теперь, вот, и ты.

Она уселась на стул, жадно затягиваясь и выпуская через рот клубы дыма.

— Что, через нос слабо дым пускать? — подметил Паромов. И добавил: — Я в приметы не верю. Ни в хорошие, ни в плохие...

— Женщине не слабо, а некрасиво, — парировала она. — Представить даже страшно, как дым через нос пускаю. Фу, гадость какая! — сморщила симпатичное личико. — Лучше скажи, как дело продвигается? Крюка еще не «раскололи»?

— Не раскололи. И, думаю, не расколют... — ответил Паромов.

— Это почему же? — не поверила она.

— Да примета такая...

— Какая? — усмехнулась Подаркова, только что слышавшая от Паромова, что он ни во что не верит.

— Не при делах! — По слогам, нараспев произнес Паромов.

— Как, не при делах, — усомнилась она, — а кровь, а побои, а следы драки? Я же сама к нему в гараж на осмотр места происшествия вчера утром выезжала! Видела.

— Бывает. Но не все то золото, что блестит. И не всегда к истине ведет то, что на поверхности лежит. А ты в курсе, что у Смирновых еще и автомобиль пропал?

— На самом деле? — округлились миндалевидные глазки Марины Юрьевны. — Вот так посидела попой на краешке стола... — посетовала она на себя.

— Брось, твоя попа тут не при чем. Хотя, конечно, такой попе, — Паромов сделал вид, что собирается погладить данную часть тела Подарковой, — место не на столе, а в кровати...

— Голодной куме одно на уме, — улыбнулась, отстраняясь, она. — И что, висун будет?

— Не обязательно — висун. Есть и другие подозреваемые.

— Все-таки есть?

— Работаем, — поскромничал Паромов. — Вот собираюсь съездить в городской

следотдел, кое-какие материалы отксерокопировать.

— Тогда мешать не буду, — встала со стула Марина Юрьевна, машинально, чисто по-женски, оправляя рукой юбку. Загасила в пепельнице окурок, резко, почти по-мужски, раздавив его до самого фильтра.

— Удачи тебе.

— И тебе.

Уж такие они, следователи. Своей работы не впроворот, но и товарище не забывают. А участие, оно никогда и не кому не мешало, обузой не было. Не только опера славны своей взаимовыручкой. Отделовские следователи им в том не уступят. А если желают удачи, то знают, что в следственной работе без удачи никак нельзя. Удача нужна всем. И операм, и участковым, и следователям.

НА КОВРЕ У НАЧАЛЬСТВА

— Разрешите? — постучавшись, вошел Паромов в кабинет начальника городского следственного отдела подполковника юстиции Озерова Юрия Владимировича.

— Проходи, присаживайся, — привстав со своего кресла, протянул руку для рукопожатия Озеров.

Поздоровались. Паромов присел на один их мягких и крепких стульев — не то, что в отделе, где все давно обветшало, обтерлось и потускнело.

— Рассказывай, что привело?

— Да, вот, за вашим разрешением пришел, чтобы на ксероксе снять несколько копий — необходимо выделить материалы из уголовного дела по причинению тяжкого вреда здоровью Смирнову в дознание... — объяснил Паромов причину своего «визита» и пояснил: — В отношении Крючкова, задержанного как подозреваемый. Подозрения в отношении его не подтверждаются, зато хулиганство налицо. — Постарался вкратце, но в полной мере доложить начальнику СО Паромов суть проблемы.

— Я в курсе этого дела, — остановил подчиненного Озеров, — но раз пришел, то давай уж докладывай поподробнее. Как продвигается расследование, какие версии отрабатываются, как осуществляется взаимодействие, какие, наконец, перспективы? Отксерокопировать несколько страниц всегда успеешь.

Паромову ничего не оставалось делать, как обстоятельно доложить ход следствия по данному делу. Слушая следователя, Озеров пролистывал материалы данного дела, читая текст бегло, по диагонали. Раза два или три он потянулся к подставке с перекидным календарем, карандашами и шариковыми авторучками, взял оттуда листки для заметок и заложил между страниц.

«Наверное, увидел погрешности в оформлении документов, — отметил про себя Паромов, не прерывая доклада, — а я ведь просматривал, и вроде все было нормально».

Озеров Юрий Владимирович был выходцем из Промышленного РОВД, точнее из следственного отделения этого отдела. О нем и о его товарище Михалеве Владимире Викторовиче, также работавшем следователем в Промышленном отделе милиции в восьмидесятые годы и бывшем одно время даже начальником следственного отделения (сменил Крутикова, когда тот перешел в областное УВД), о их скрупулезном и педантичном отношении к работе ходили легенды. Чего греха таить, следователям приходится много писать, и порой, торопясь, допускали и они какие-нибудь погрешности. Вот эти погрешности приходилось убирать. Хорошо, если во время чтения документа обнаруживался тот или иной казус, к примеру: попутал следователь имена подозреваемого и потерпевшего, или их фамилии в тексте, — обнаружили, сделали сносочку, уточнили вместе с допрашиваемым. А если это выявилось без фигуранта дела или в каком-нибудь печатном тексте? Тут уж сносочку не сделаешь, уточнение не внесешь! Тут только подтирать да подчищать надо. Все эту операцию делали кое-как, лишь бы — лишь бы, первыми подручными средствами. Михалев и Озеров на такой случай имели целый набор инструментов: тут и хирургический скальпель, и пинцетик, и несколько бритвенных лезвий, и набор эластиков, и десяток авторучек и стержней, чтобы даже цвет красителя не отличался от оригинала.

Паромову, еще, когда был участковым инспектором милиции, как-то довелось

участвовать во время проведения обыска в частном доме. Искали орудие преступления — финский нож. Обычно следователь вынесет постановление о проведении обыска, получит у прокурора санкции и в порядке статьи 127 УПК поручит его производство участковым или операм, и те проводят. А Озеров в тот раз присутствовал сам, впрочем, не только присутствовал, но и руководил.

Нож искали добросовестно, все перерыли, только в печь не заглянули. Не нашли. А он не поленился, заглянул в печь. Там и обнаружил под слоем золы финский нож с разноцветной наборной пластмассовой рукоятью. И оперу и участковым — всем нос утер!

Вот такой был начальник городского следственного отдела Озеров Юрий Владимирович. Впрочем, не только профессионал высшей марки, но и требовательный руководитель. Причем, требовательный не только к подчиненным следователям, но и к себе. И заместителя он подобрал под стать: Крюкова Александра Николаевича, следователя от бога. Немного насмешливого, но тактичного и знающего личный состав и каждого следователя в отдельности.

Следователи, особенно молодые, чуть побаивались суровости и строгости руководителей городского следственного аппарата за их, казалось бы, излишнюю придирчивость, но зато в вопросах разрешения процессуальных или следственных коллизий всегда чувствовали себя защищенными. Если Крюков или Озеров сказали, что необходимо сделать так, а не иначе, то, значит, так оно и должно было быть. И не нужно было бежать за консультациями в УВД области или в прокуратуру.

— Ну, что? Вижу, поработал должным образом. И план составил, и версии правильно выдвинуты... и обоснованы, и отрабатываются... Хотя, если постараться, то можно бы и побольше сделать, — закрыл Озеров дело и поднял взгляд серых пронзительных глаз на следователя. — Судя по наработанным материалам, это дело подлежит передаче в прокуратуру. Здесь стопроцентное покушение на убийство. Что, прокурор не желает портить статистику? — спросил, утверждая.

— Говорит, что надо сначала обвиняемых установить, закрепить, умысел на убийство доказать, а потом и передавать им дело по подследственности, — ответил Паромов на прямой вопрос.

— Понятно, — чуть заметная усмешка тронула губы начальника следственного отдела. — С готовым проще работать. — Но вот улыбка сбежала с лица, и серые, стального цвета глаза, стали вновь серьезны. — Там я, как видишь, — хлопнул он ладонью по делу, — закладки вложил: время окончания следственного действия не отмечено. Не халтурь, устрани и впредь не допускай подобной халтуры. Знаешь, почему дела из суда на доследование возвращаются? — задал он вопрос. И тут же ответил на него сам: — Не потому, что доказательств мало, а потому, что халтурим. Там подотрем, в другом месте что-то не допишем, где-то время проставить забудем — вот и ползет дело в очередной раз на «дос».

— Виноват! — смутился Паромов, но тут же спросил: — Могу я сказать секретарю, что вы разрешили воспользоваться отделовским копировальным аппаратом?

— Скажи. Но после того, как снимешь копии, не уходи... Еще один разговор предстоит.

— Разрешите узнать, какой разговор? — поинтересовался Паромов.

— Узнаешь. Все свое время, а пока иди, занимайся делом...

Не успел Паромов отксерокопировать необходимые документы, как в кабинет Озерова проследовал заместитель СУ при УВД Курской области подполковник юстиции Киршенман

Валентин Робертович. А вскоре на столе секретаря Татьяны Ивановны зазвонил телефон.

— Хорошо, — кому-то ответила Татьяна Ивановна и положила трубку.

— Товарищ Паромов! — окликнула она следователя, возившегося с копировальным аппаратом, из-за своего барьерчика, не вставая.

— Да, — отозвался тот.

— Юрий Владимирович просил вас, как окончите копировать, к нему зайти, — не отрываясь от своих бумаг, бархатистым голосом пропела она.

— Хорошо. Последний листик остался. Сейчас одолею его и зайду, — сказал Паромов, возясь с делом возле копировального аппарата.

Кабинет Озерова представлял собой квадратное помещение размером пять на пять метров, с черным массивным столом, занимающим большую часть помещения, самодельной «стенкой», пристроенной к стене с входной дверь. В «стенке» стояла видеодвойка средних размеров фирмы «Панасоник», несколько десятков книг по юриспруденции, кодексы простые и комментированные. У противоположной от входной двери стены размещалось массивное кресло с вращающейся платформой, черное и кожаное. Справа по отношению к креслу находилось окно средних размеров. Свет из окна падал на стол справа, в разрез методических рекомендаций. Но иначе было нельзя. Не мог же сидеть начальник городского следствия спиной к входящим.

Войдя в кабинет, Паромов официально приветствовал первого заместителя начальника следственного управления и также официально представился.

Озеров, сидевший на своем рабочем месте, и Киршенман, пристроившийся возле окна на одном из стульев, друг за другом предложили Паромову присаживаться.

В глаза следователя, как только он вошел в кабинет, сразу же бросилась тактичность в поведении нового первого заместителя начальника СУ: не занял кресло Озерова, как поступают некоторые начальники, чтобы сразу показать подчиненным «место» или кто тут главный, а удовлетворился обыкновенным стулом.

Впрочем, и на стуле Киршенман смотрелся солидно и уверенно. Спокойный взгляд темно-коричневых глаз цепко пробежал по следователю, словно сканируя его, и остановился на Озерове.

— Есть разговор, — начал Озеров, дождавшись, когда присел на стул. — Серьезный. Валентин Робертович не просто так присутствует при нашей беседе...

Паромов молчал.

— Я рекомендовал вашу кандидатуру на более ответственный участок работы. Как вы на это смотрите? — без лишней околесицы подошел Озеров к сути дела.

— Товарищ подполковник, если честно, то перспектива заманчива... но я бы хотел остаться на своем месте, — ответил Паромов, догадавшийся, что сейчас речь пойдет о должности начальника следственного отделения.

Освободалась такая в третьем отделе милиции в связи с переводом Михайловой Галины в областной следственный аппарат. Паромов об этом слышал и не только слышал, но некоторые коллеги ему уже намекали, что на освобождающуюся вакансию будут «сватать» его. Но он слухам особо не верил и до последнего момента считал пустой болтовней досужих сослуживцев.

— Знаете, знакомый коллектив... — мотивировал он свое решение, — знакомый отдел и дом рядом: через улицу перешел — и дома...

— Чего же так категорично? — улыбнулся ободряюще, приглашая к откровенному

разговору, Киршенман. — Не успели и пяти слов сказать, а вы уже — нет! Как-то даже не серьезно. А Юрий Владимирович вас рекомендовал как серьезного и дисциплинированного сотрудника. И, вообще, я хотел с вами поближе познакомиться. В любом случае работать придется вместе, — тактично окончил он. — Ведь верно?

Последняя фраза заместителя начальника СУ прозвучала как вопрос, требующий ответа.

— Товарищ подполковник, — обращаясь непосредственно к Киршенману, начал Паромов, — я к работе своей всегда старался относиться серьезно. И к служебной дисциплине тоже. Но я доволен своей работой, — чуть пафосно продолжил он, — и другой не хочется. К тому же, должен вам сообщить, у меня нет юридического образования... только педагогическое...

— Даже так... — после небольшой паузы произнес Киршенман и посмотрел вопросительно на Озерова: что, мол, вы на это скажете?

Паромову показалось, что Киршенман потерял к нему интерес. Он даже обрадовался про себя: «Кажется, отстанут». Уходить в другой, чужой отдел, расположенный у черта на куличках, добровольно сажать к себе на шею пяток подчиненных, чтобы потом с ними нервы рвать, не хотелось.

— Ничего, — немедленно вмешался Озеров, — пошлем заочно учиться, и юридическое образование появится. Не зря же у нас филиал Орловского юридического института уже пару лет функционирует.

На улице Народной, на бывшем участке обслуживания старшего участкового Паромова, в зданиях Курского автокомбината с сентября 1996 года, благодаря стараниям Главы администрации Курской области Шутеева и тогдашнего начальника УВД Курской области генерал-майора Пронина был создан и благополучно функционировал Курский филиал Орловского юридического института МВД РФ.

— Думаю, что мне уже поздно учиться, товарищ подполковник, — отреагировал Паромов, — да и не охота. Лучше за себя отвечать, чем за других. Я считаю, что лучше быть ответственным исполнителем, чем неудачным руководителем.

Он еще надеялся, что Киршенман «зарубит» его кандидатуру.

Подполковник Киршенман Валентин Робертович совсем недавно был назначен на данную должность. Перевелся издалека и местные кадры только начинал изучать. И как любому начальнику более высокого управленческого звена, ему хотелось, чтобы среднее начальствующее звено было прочным, профессиональным и надежным — тогда можно было бы на кого-то опираться для пользы дела. И прерогатива выбора подчиненных оставалась — тут и ежу понятно — за ним, чем и хотел воспользоваться старший следователь седьмого отдела милиции.

«Кота» в мешке брать не станет, — посчитал самонадеянно Паромов, — сейчас скажет: «Спасибо. Беседа окончена. Продолжайте работать по своему профилю».

Но не успел он это подумать, как услышал:

— Валентин Робертович, я думаю, что это он от скромности. Вот назначим на новую должность, поможем на первых порах, где нужно — подскажем, где собьется — поправим, а не справится, так никогда не поздно отыграть назад. Верно я говорю? — призвал Озеров себе в «союзники» Киршенмана. — Но я уверен, — продолжил он, — справится. Еще как справится. Хитрит, Валентин Робертович, хитрит! Вы, мол, воз тащите, товарищи начальнички, надрывайтесь, потом обливайтесь, нервы свои портите, а я буду со стороны наблюдать, да поощрения принимать. Такой номер не пройдет. Вместе с нами в воз

впряжется, вместе тащить будем! Он еще нам следствие третьего отдела в передовые по городу и по области выведет! Ишь ты, сироту казанскую из себя представить хочет! Лапшу нам на уши мечет.

Начальник городского следственного подразделения был большим дипломатом, его не так просто было вывести из себя, но тут стал гневаться. Видно Паромов и его достал своей несговорчивостью. И перед вышестоящим начальством в неловкое положение ставил.

— Валентин Робертович, вы спросите его, сколько он имел поощрений за прошлый год, — вновь перешел на деловой тон Озеров.

А действительно, сколько? — спросил заинтригованный такой просьбой начальника городского следственного отдела Киршенман, которому на самом же деле стало интересно знать, сколько поощрений имел старший следователь.

— Четыре или пять, — вынужден был сознаться Паромов.

— Вот, вот: пять! — подхватил дипломатично Озеров. — А за что? За что, я спрашиваю?

— За работу, — кратко ответил Паромов.

— Не просто за работу, а за расследование уголовных дел. За вдумчивое расследование уголовных дел. За низкий процент доследования и прекращения. За практическое расследование преступлений, отнесенных к подследственности прокуратуры. И опять у него в производстве явное покушение на убийство. Доведет до ума — и прокурор с радостью заберет дело.

Озеров, вроде бы и хвалил, но Паромову все больше и больше становилось не по себе от такой похвалы. Даже вспотел. Впрочем, капли пота на лице следователя, возможно, выступили и от жары в кабинете Озерова. Возможно...

— Скажите, — обратился к Паромову Киршенман, — какой состав преступлений довелось расследовать? Или на чем-либо конкретном специализируетесь?

Но Паромов не успел и рта открыть, как за него уже отвечал Юрий Владимирович.

— Практически весь спектр состава преступлений, отнесенных к нашей подследственности. Универсал, словом. Я же говорю, что хитрит. Но ничего, впряжется в воз — потянет!

Это в той или иной степени соответствовало действительности. Однако всего спектра уголовно наказуемых деяний, отнесенных к компетенции предварительного следствия органов внутренних дел, Паромов уж точно не мог охватить. Ну, никак!

— Юрий Владимирович, — размеренно проговорил Киршенман, по-видимому, давая понять всем, что время беседы окончено, — давайте дадим товарищу Паромову денька два-три на раздумывание, да сами еще подумаем, время нас не гонит, и решим, что да как...

— Хорошо, — согласился Озеров и, обращаясь опять к Паромову, добавил с излишней строгостью, по-видимому, досадуя на его несговорчивость: — Можете быть свободны. Думайте.

«Уф! — вздохнул с облегчением Паромов, оказавшись в коридоре, — даже вспотел...».

Проходивший по коридору зональный следователь Чумичев Николай Анатольевич, старший лейтенант юстиции, когда-то трудившийся в седьмом отделе милиции и в настоящее время курировавший следственное подразделение этого отдела, возможно, ужу находившийся в курсе событий, связанных с назначением Паромова на должность начальника СО ОМ-3, увидев «запаренного» старшего следователя, поинтересовался:

— Сватает?

— Сватает.

— А ты?

— Что-то не хочется...

— Оно и видно. Как из бани... Но с отказом — это несерьезно! Знаешь, в «обойму» руководителей среднего звена попадешь, потом из нее не так-то просто вышибить. Совсем иной колленкор, чем сейчас. Так что, не мудри!

— Тут уж не до мудрости.

— Ну, ладно, я побежал. А ты смотри... не боги горшки обжигают.

— Буду смотреть.

Не успел Паромов окончить разговор с Чумичевым и дойти до конца коридора, как столкнулся с Крюковым Александром Николаевичем, подполковником юстиции и первым заместителем Озерова.

— Что-то ты в последнее время мой кабинет избегаешь? — иронично начал Крюков. — Зайдем, разговор есть...

— Так то по старой солдатской привычке действую: от начальства подальше, к кухне поближе, — попытался отшутиться Паромов, но возвращаться пришлось: не скажешь же начальнику: не хочу.

— Тут некоторые виды на тебя имеются, — начал Крюков, когда оба уселись на стульях в его кабинете, значительно уступавшем Озеровскому в размерах и материальной оснащённости.

— Только что Озеров и Киршенман об этом говорили, — невольно поморщился Паромов.

— И что?

— Считаю, что мне и на своем месте пока неплохо. Хлопот меньше. Одно дело за себя отвечать, другое — за группу следователей...

— Мыслишь политически неверно, — снисходительно усмехнулся Крюков. — Профессиональный рост должен рука об руку идти со служебным.

— Александр Николаевич, — остался при своем мнении Паромов, зная, что с Крюковым можно всегда говорить открыто и откровенно, — я же не слепой, чтобы не видеть, как так называемых начальников следственных отделений «дрючат». Причем, не за себя, а за нерадивых подчиненных. Так на хрена попу баян, когда кадило имеется...

— Молодец, что фольклор не забываешь, — вновь усмехнулся Крюков, доставая пачку любимых им сигарет «Родопи», — но ты же мужик и не должен бояться ответственности. Потом же престиж, более высокий оклад... Возможный рос в звании и вообще по службе...

— Я и не боюсь. Однако разница в окладе между старшим следователем и начальником следственного отделения столь мала, что ни в коей мере не сможет компенсировать тягот обязанностей и ответственности!

— Не знал, что ты такой пессимист, — уже серьезно отметил Крюков, и в его светло-серых глазах погасли веселые бесенята. — Не знал...

— Возможно, я и пессимист, но дурнем быть не очень-то охота, добровольно надевая на себя ярмо лишней ответственности.

— Ладно, ступай, — разрешил Крюков. — Что-то разговор у нас не ладится... Ступай, но имей в виду, что мы с Озеровым от тебя не отстанем... От мысли сделать тебя начальником не отступимся...

В отделе, когда Паромов туда возвратился из следственной части, его ждала новость: оба подозреваемых срочно желают видеть своего следователя.

«Быстро же они созрели», — отметил про себя Паромов и пошел к начальнику следственного отделения, во-первых, чтобы доложить о разговоре с руководством следственного аппарата, и, во-вторых, посоветоваться о дальнейших действиях с подозреваемыми: стоит ли к ним ехать, когда стукнуло 18 часов и уже ни одного адвоката не найдешь.

— Ну, что тебе сказать, — выслушав Паромова, произнес Глебов, — тебе решать. Если желаешь услышать мой совет, то слушай: не каждому предлагают быть руководителем, поэтому соглашайся. Конечно, это другой уровень и работы, и взаимоотношений с руководством, и ответственности. Считаю, что справишься. Но, помни, тебе решать!

Что же касается просьбы подозреваемых и возникших с этим осложнений, то мы, конечно, не обязаны немедленно реагировать на каждый чих. Много чести... Однако не стоит забывать и о возможном психологическом контакте. Он способен на любые кульбиты: также быстро пропасть, как и неожиданно возник. Понятно?

— Понятно-то, понятно, но как быть с адвокатами? Вдруг будут давать признательные показания, а затем их защитники поставят эти показания под сомнение? Апыхтин, может, и не откажется, а Злобин по подсказке Лунева точно «назад пятками» пойдет! Не зря уважаемого Леопольда Георгиевича адвокатом Терразини зовут...

— Поезжай, на месте разберешься. Возможно, и адвокаты не понадобятся. Если будут настаивать, то официальную часть следственных действий на завтра перенеси.

— Я тогда криминалиста Андреева с видеокамерой возьму. Пригодится. Хоть и говорится, что написанного пером не вырубить и топором, но лучше подстраховаться и на видео записать. Так оно надежней будет!

— Вот это правильно, — согласился с доводами старшего следователя Глебов. — И мой служебный автомобиль возьми — быстрее доберетесь. И опять же — техника. Я сейчас водителя предупрежу.

Он поднял трубку телефонного аппарата прямой связи с дежурной частью.

— Разыщите водителя с моего автомобиля и предупредите его, что поступает в распоряжение старшего следователя Паромова, — дал он указание дежурному наряду.

— Действуй!

Последнее слово относилось уже к Паромову.

Андреева Владимира Давыдовича уговаривать не пришлось — сам рвался в бой.

— Только видеокамеру подготовлю — и можно в путь! — ответил он на просьбу Паромова и стал собираться.

— Смотри, видеокассету не забудь, — пошутил старший следователь. — А то у меня был один знакомый. Еще по работе на заводе РТИ. Охотник. Специализировался на охоте по волкам. Так, по крайней мере, он нам всем объяснял, когда собирались в курилке перекурить... — пояснил Паромов. — Так тот, идя на охоту, дома ружье забывал. Представляешь, приходит в лес, видит волка, хватить себя за плечо, а ружья-то и нет!

— И что же он тогда делал? — засмеялся Андреев, не переставая, однако, проверять и собирать свою аппаратуру.

— А убежал от волка, — улыбался Паромов, — так как сам тут превращался в дичь, а волк — в охотника.

— Странный у тебя знакомый, — посерьезнел Андреев. — Признайся, наверное, сочинил все?..

— Да куда уж мне. Seriously, был такой упаковщик в пятом цехе РТИ, Иван Телегин. Вечно с ним происшествия происходили. Вот однажды взял с собой на рыбалку дочь, та еще маленькой была. Так чтобы она случайно не упала в реку и не утопилась, он ее к дереву на веревке привязал. Подстраховался, значит...

— И что? — спросил криминалист, уже готовый следовать к машине.

— А то, — направляясь по коридору на выход, продолжал рассказывать следователь, — что, собрав улов, удочки, Иван вышел на трассу. Тут тормознул попутную машину и добрался до города. И только в трамвае, подъезжая к своему дому, вспомнил, что забыл в лесу, возле реки, дочь. Пришлось за ней возвращаться.

— Ну, и артист! — вновь засмеялся Андреев.

— Нет слов! — согласился Паромов. — Лицедей! Комик!

В машине Андрееву пришлось объяснять недовольному водителю — тот уже домой лыжи наострил: рабочий день-то закончился — причину веселого настроения.

— Представляешь, — заливался смехом Андреев, — удочки собрал, кулан с рыбой забрал, рюкзак не забыл, а родную дочь забыл! Кому-нибудь расскажи — не поверят.

— Не поверят, — повеселел и водитель. — Чисто склероз второй степени, — добавил он, не отрываясь от слежения за дорогой.

— Что-что? — не понял Андреев, сидевший на заднем сиденье и не расслышавший водителя.

— Я говорю: вторая степень склероза, — полуобернулся водитель, произнося слова погромче.

— А это еще почему? — стал выяснять любознательный эксперт-криминалист.

Паромова тоже заинтересовало это высказывание шофера.

— А потому, — принялся пояснять водитель, — что существует три степени склероза.

И, не отрываясь от контроля за дорожной обстановкой, стал рассказывать анекдот.

— Первая — это когда мужчина пришел в туалет по нужде, но там вдруг забыл, зачем пришел.

Вторая — когда пришел, и помнил, зачем пришел, и нужду справил, но смыть дерьмо забыл.

— А у нас всегда так, — встрял Андреев, — одни срут, а другие за ними смывают, дерьмо убирают! А первые даже и не замечают, что накакали, нагадили, словно так и должно быть! Козлы!

В словах эксперта-криминалиста была правда: большинство курян, несмотря на всевозможные призывы о соблюдении чистоты и порядка, относились к этому наплевательски. Гадили бесцеремонно, где только могли. И потому город, особенно его окраины, круглый год были завалены бытовым мусором: окурками, клочками бумаги, обертками, отслужившими свою службу целлофановыми пакетами, пластиковыми и стеклянными бутылками. А в последнее время и того хлестче — одноразовыми шприцами и использованными презервативами. Это уж наркомолодежь старалась...

— Не перебивай, если желаешь услышать про третью степень склероза, — обиделся невниманием водитель.

— Молчу, молчу! — извинился Владимир Давыдович. — Давай, рассказывай.

— Третья степень, — стал досказывать анекдот водила, не забывая следить за дорогой, — это когда и нужду справил, не забыл, и воду из бачка в унитаз слил, чтобы дерьмо смыть, но при этом забыл штаны с себя снять! Ха-ха-ха!

— Ха-ха-ха, — залился смехом Андреев, да так, что слезы в уголках глаз выступили. — Ха-ха-ха!

Заулыбался и Паромов, когда-то, давным-давно, еще в студенческую пору слышавший этот анекдот.

Рассказанный водителем анекдот о склерозе вызвал в голове старшего следователя ассоциации с другими смешными случаями человеческой забывчивости, в том числе и с подобными явлениями в милицейской среде.

Когда он еще работал на Магистральном, в шестом отделе милиции, о котором теперь лишь воспоминания остались, аналогичный случай произошел с дознавателем Куликовым Василием Павловичем. Однажды Кулик, как звали его все для краткости, выехав ночью на осмотр места происшествия. После осмотра и составления протокола, то ли спросонья, то ли от природной рассеянности, забыл на месте происшествия свой дипломат. Когда же возвратился в отдел, то долго искал его в служебном кабинете и в помещении дежурной части. Все грешил на коллег — мол, подшутили, спрятав. А те божились, что ни сном, ни духом... Хорошо, что оперативный дежурный Соколов Валерий Львович догадался отправить его на «дополнительный» осмотр того же места происшествия. Прибыв, Куликов благополучно и нашел свою пропажу.

Вспомнил, но рассказывать не стал, чтобы не сочли за очередную милицейскую байку.

До здания областного УВД, в подвалах которого располагался ИВС долетели за несколько минут.

— Вас ждать, — спросил без особого энтузиазма водитель, — быстро отделаетесь?

— Вряд ли, — ответил Паромов. — Поезжай на базу. Отсюда мы как-нибудь сами доберемся.

— Да, доберемся, — поддержал следователя Андреев, которому предстояло тащить на себе чемодан с видеокамерой «Сони».

— Тогда, до завтра! — обрадовался водитель, берясь за рычаг переключения передач.

— До завтра.

«Жигуленок», доставивший следователя и криминалиста в УВД, развернулся и покатиł восвояси, радостно посигналив в нарушении правил дорожного движения, строго-настрого запрещавших беспричинную подачу звукового сигнала в черте города.

САПА ПРОДОЛЖАЕТ ДЕЙСТВОВАТЬ

От курирующего опера секретный сотрудник уголовного розыска по прозвищу Сапа в «обжитую» камеру возвратился тогда, когда там Крюка уже не было — перевели в другую вместе с вещами. Зато в камере появился новый «жилец» — молодой парень. Худощавый и прыщеватый.

«По-видимому, новый «подопечный», — догадался Сапа. — Что ж, посмотрим, на сколько его хватит, чтобы полностью расколотся и подпасть под мое влияние?»

— Ты кто?

— Толик. Апыхтин Толик, — уточнил Апыхтин дрожащим голосом, увидев сплошь разрисованного замысловатыми татуировками нового, а точнее, старого обитателя камеры, только что горланившего на весь коридор песню про тундру.

— Ну, привет, Толик, кролик... алкоголик... По какой статье чалишься?

— Не понял...

— Первый раз, что ли, раз такой непонятливый?

— Первый...

— Спрашиваю, по какой статье тебя сюда забросили? В чем следак подозревает?

— В убийстве, — для солидности статьи приврал Апыхтин. — И в разбое.

— Круто! Хотя, бля буду, на убийцу ты не похож! Скорей, на сморчка огородного смахиваешь. Меня Аркадием зовут. Три ходки за плечами. Попробуются четвертую пришить, но хрен им на рыло, — продемонстрировал он общепонятный жест.

— А за убийство много дают? — поинтересовался у «знатока» Толик.

— Если без явки с повинной, да в отказе, то по полной программе — червонец, а если явка, да раскаяние, то поменьше. Тут уж как адвокат подсуетится...

«Значит, следователь и опера не ввали, — смекнул Апыхтин. — А доказательства они точно найдут, не зря следы крови на экспертизу взяли. Докажут».

Уже через полчаса Апыхтин, а это был именно он новым «клиентом» Сапы, ужу изливал душу «криминальному авторитету» и просил совета.

Сапа напрямую советы не давал, но «приводил» примеры из своей богатой криминальной жизни, рассказывая то про одного братка, написавшего явку с повинной, то про другого, которым зачлось «чистосердечное раскаяние» и срок наказания был скощен чуть ли не на половину.

— Или вот другой случай, — рассказывал Сапа, раздевшись чуть ли не до гола и красуясь всевозможными татуировками перед новичком, — один кореш решил идти в несознанку, думал, что менты ему ничего доказать не смогут. А те взяли и доказали. Дело было пустяшное, рядовая кражонка, а срок получил на всю катушку. Вот и подумай тут, когда слезу раскаяния подпустить, а когда в несознанку упереться... Раз на раз не приходится.

«Видно следователь и опера не ввали мне, говоря о явке с повинной, что срок можно значительно сократить, если даже воровской авторитет (Сапа для Апыхтина был настоящим «авторитетом», если, вообще, не паханом), по сути дела, то же самое талдычит, — размышлял Апыхтин, жадно ловя каждое слово Сапы. — Он не мент, ему верить можно. Так что, нечего с несознанкой тянуть, надо побыстрее явку с повинной писать, да не забыть указать, что он только помогал Злобину и не был инициатором нападения на Смирнова. Тут,

как говорится, своя рубашка ближе к телу».

А тут и случай представился: старший оперуполномоченный Аверин Александр Иванович — Апыхтин еще утром запомнил его фамилию и имя-отчество — «поднял» его на беседу.

Час с небольшим потребовался Сапе, чтобы и Злобина «расколоть до самой попы»! Настоящий виртуоз внутрикамерной разработки был Сапа, профессионал своего дела.

Так что Злобин даже очень обрадовался, когда выводящий, заглянув в камеру, выкликнул его фамилию и добавил: «На выход».

12 МАРТА. ОПЕРА И ПОДОЗРЕВАЕМЫЕ

Аверин, как истинный оперативник, обладал корявым почерком, о котором говорят: курица лапой нацарапала, писать бумаги не любил, — это отдадим следователям: им сам Бог велел заниматься писаниной, — только внимательно слушал собеседника, да иногда что-то помечал в своей записной книжке ему лишь одному понятными каракулями. Впрочем, он, как опытный опер, ненавязчиво предложил подозреваемым вызвать следователя, чтобы официально написать явку с повинной.

— Да не пойдет следователь, — чуть ли ни слово в слово повторяли с недоверием и дрожью отчаяния в голосе Апыхтин и Злобин, — не пойдет. Он еще в отделе сказал, что раз сразу шансом написать явку с повинной не воспользовались, то другого он не предоставит. Может, вы бы посодействовали?..

— Я бы рад посодействовать, но следователь мне не подчиняется, — плел «кружева» Аверин. — Вам надо вызвать следователя через администрацию ИВС. Письменное обращение на имя начальника ИВС, тот передаст его в отдел милиции, а там следователя найдут, никуда он не денется. Из дома вытащат, если он дома, от любовницы заберут, если он будет у любовницы. Таков закон. Как говорится, суров закон, но он — закон.

— А где взять бумагу и авторучку, — ухватился за «подсказку» Апыхтин.

— Найдем, — заверил Александр Иванович, ставший чуть ли не другом для каждого из подозреваемых. И посылал своего подчиненного Студеникина, прибывшего на помощь к своему старшему:

— Сходи, поищи пару листиков бумаги, надо помочь человеку.

Студеникин ушел за бумагой, а Аверин стал угощать собеседника очередной сигаретой. Специально новую пачку купил.

— А что писать, — заискивающе спрашивал Злобин, заглядывая в глаза опера, в надежде что-нибудь там увидеть для себя интересное, когда Студеникин принес несколько листов писчей бумаги.

— Пиши, что желаешь сознаться в совершенном преступлении и для этого просишь прибытия следователя, — с самым серьезным видом говорил Аверин.

— А мне это на суду зачтется?

— Обязательно.

— Вы не обманываете?

— А какой мне резон тебя обманывать? Так в статье шестьдесят первой УК написано. Следователь ведь зачитывал.

— Да мало что написано, — сомневался подозреваемый, находясь в состоянии, когда и хочется, и колется, и мама не велит...

— Тогда не пиши. На всю катушку получишь, — делал вид, что забирает листы бумаги, опер.

— Ладно, напишу.

— Да уж сделай одолжение. Себе. Не нам... — словно холодной водой из ушата обдавал словами подозреваемого, Аверин. — Нам это уже ни к чему... А тебе, друг мой, ой, как нужно!

Так что, к приезду следователя Паромова и криминалиста Андреева письменные заявления подозреваемых Злобина и Апыхтина с просьбой вызвать следователя для дачи

признательных показаний уже лежали на столе начальника ИВС, с наложенными на них его резолюциями, при соответствующей регистрацией в журнале. А опера поочередно «обрывали» телефон, то докладывая многочисленному руководству о сдвиге в деле Смирнова, то разыскивая куда-то запропастившегося следака, надумавшего в такой момент отбыть в следственный отдел УВД города.

— Тоже нашел время!

— Работайте, — поздоровавшись со следователем и Андреевым, добродушно басил грузный капитан — начальник ИВС. — Кабинеты все свободные, выбирайте любые.

В середине рабочего дня получить следственный кабинет для работы — было большой проблемой. За кабинетами очередь выстраивалась из следователей и оперативных работников. Можно было полдня просидеть, прежде чем получить кабинет в свое распоряжение.

«Нет худа без добра, — отметил про себя Паромов, — хоть с кабинетом заморочек нет»!

Паромов выбрал тот, что был попросторней и посветлей. По крайней мере, для восприятия: светлые стены, светлый линолеум, белый потолок и отсутствие металлической клетки. Не то, что в других кабинетах-камерах.

— Хорошо, — одобрил выбор начальник ИВС, — просторная «хата», не так остро чувствуется гнетущее чувство лишения свободы. Да и с аппаратурой лучше разместиться...

По-видимому, таким образом, он отреагировал на действия эксперта-криминалиста, возившегося с проводами видеокамеры.

Как и прежде, Паромов начал со слабого звена — Апыхтина.

— Мне передали, что требовал встречи со следователем? — спросил он, когда разводящий привел в кабинет подозреваемого. — Это так?

— Так, — ответил Апыхтин.

— И что же случилось? — продолжал спрашивать без особого интереса следователь, делая вид, что общение с подозреваемым ему никакой радости не доставляет. — Может, тебя кто тут обидел? И ты желаешь мне пожаловаться?.. Возможно, это и правильно, то с этим можно было и до завтра потерпеть...

Ни одного намека на то, что ждет признания в совершении преступления.

— Я хочу сделать признательные показания, — начал торопливо Апыхтин, явно опасаясь, что следователь вот-вот развернется и уйдет, не выслушав его до конца.

— Это одолжение следствию или действительное раскаяние? — холодно перебил его Паромов.

— Раскаяние, раскаяние, — заторопился подозреваемый. — Хочу написать явку с повинной.

— Я же говорил, — напомнил следователь утренний разговор, по-прежнему, делая вид, что запоздалые признания его не очень интересуют.

— Я помню, — жалобным тоном заговорил подозреваемый, — но прошу меня простить. Дурак был, что сразу не последовал вашему совету. Уж извините.

— Хорошо, — смягчил тон следователь, сейчас увидим, как вы раскаиваетесь. Против записи допроса на видео возражению имеются?

— Нет, нет. Не имеются.

— Вижу, — решил слегка подыграть следователь, — что действительно чувство раскаяния в вас заговорило. Однако, как нам быть с участием адвоката. Я не смогу его сейчас найти.

Он еще хотел добавить, что адвокаты — это свободные люди, не связанные не служебным долгом, ни милицейской этикой, чтящие гарантированные Конституцией права и свободы, не признающие ненормированный рабочий день, но Апыхтин сам вмешался:

— Да не нужен мне никакой адвокат. Я — взрослый, и сам решаю: нужен мне или не нужен адвокат.

— Слова не мальчика, а мужа! — приободрил его Андреев, до сих пор молча наблюдавший за беседой.

— А то! — поддакнул опер Студеникин.

— Владимир Давыдович, — обратился следователь к Андрееву, — приготовьтесь к видеозаписи допроса. Да назовите, пусть и за кадром, точное наименование используемой техники, кассеты и иной атрибутики, необходимой в таких делах. Я тут профан: вдруг запнусь или что-то попутая... А это не желательно.

— Все готово, — отозвался криминалист, взгромоздив здоровенную видеокамеру японского производства на плечо. — Все, что нужно назовем, не беспокойся. Нам это не впервые. Ну, что? Поехали?

— Минутку. Приготовлю протоколы, — придержал криминалиста Паромов, вынимая из «дипломата» бланки протоколов и раскладывая их перед собой на столе.

Наконец последовало ожидаемое: «Готов».

— Поехали! — произнес сакраментальное слово Андреев и включил видеокамеру.

— «Старший следователь, — начал Паромов перечислять в соответствии с УПК данные о своей должности и своем специальном звании, — рассмотрев материалы уголовного дела номер 7025, возбужденного 10 марта 1998 года по признакам статьи ... сего числа, во столько-то времени, — уточнил он дату и время, — в соответствии со статьями 141, 141-1 УПК РСФСР, руководствуясь статьями, — перечислил необходимые статьи УПК, — на основании письменного заявления подозреваемого Апыхтина Анатолия производит следственное действие.

Товарищ оператор, — протараторив скороговоркой ритуальные фразы, не сделав и паузы, попросил он эксперта, — крупным планом заявление...

— Есть! — без лишних слов немедленно выполнил тот указание следователя, направив объектив на нужный документ.

— ...В присутствии... — Паромов назвал должности, звания и фамилии сотрудников уголовного розыска, а Андреев пробежался объективом камеры по их лицам.

— ... В помещении следственного кабинета ИВС УВД Курской области, с участием специалиста Андреева, который представится и назовет используемую при проведении следственного действия аппарату...

Андреев за кадром назвал свои полные данные, должность и звание, а также точное наименование видеоаппаратуры.

— ...Произвел, — после небольшой вынужденной паузы повторился Паромов, — дополнительный допрос подозреваемого Апыхтина».

Объектив видеокамеры метнулся со следователя на подозреваемого.

— Представьтесь, — предложил Паромов Апыхтину.

И тот под видеокамеру назвал свои данные, дату и место рождения, место жительства.

Параллельно с видеозаписью Паромов строчил и обыкновенный протокол, задавая необходимые вопросы, предусмотренные УПК, в целях выяснения личности подозреваемого, разъясняя его права и обязанности, в том числе и в соответствии с Конституцией РФ — статью 51.

Апыхтин заявил, что в услугах адвоката он не нуждается, что статья 51 Конституции РФ ему разъяснена и понятна, но он желает дать показания, так как раскаивается в содеянном. И

своим раскаянием желает облегчить свою участь.

— У меня есть друг, — начал он, чуть заикаясь и напряженно вглядываясь, словно боясь моргнуть, в объектив видеокамеры, — еще по детскому дому, Злобин Иван, мой ровесник. Этот друг как-то познакомился с девушкой Ирой, фамилия ее Нехороших, — уточнил глуховато, — проживает в одном доме и на одной площадке со Смирновым. У Иры есть брат Олег. Вот этот Олег и подговорил Ивана похитить у Смирновых автомобиль. Девятку. Иван отказывался, но Олег тогда запретил своей сестре Ире встречаться с ним... то есть, с Иваном... И Иван был вынужден согласиться на хищение автомобиля...

Тугой ком подкатил к горлу, мешая говорить. Дернув кадыком, Апыхтин сглотнул его вместе со слюной и продолжил:

— После этого, в начале марта Иван Злобин предложил и мне принять участие в краже девятки. Я согласился...

Как ни медленно рассказывал Апыхтин о своем участии в преступлении, старший следователь еле успевал записывать его показания в протокол.

Оперативники, затаив дыхание, молча слушали показания, не вмешиваясь в процесс допроса, лишь иногда делая короткие пометки в своих записных книжках. Чем они хуже знаменитого сыщика Эркюля Пуаро?

Криминалист Андреев, перевоплотившись в оператора видеосъемки, также молча и сосредоточенно работал камерой с плеча, без штатива. Камера давила на него, щупленького и дробненького, терявшегося под такой громадиной. И он время от времени аккуратно переносил ее с одного плеча на другое и также аккуратно разминал ноги, чтобы не затекали, перенося тяжесть тела с одной на другую, и чуть пошевеливая освободившейся от тяжести.

Когда подозреваемый дошел до того места в своих показаниях, где сказал о своем согласии на участие в преступлении — краже автомобиля, Паромов решил внести некоторую ясность о причинах, побудивших Апыхтина пойти на это, и задал вопрос.

— Пожалуйста, уточните, почему вы согласились?

Апыхтин замаялся. По-видимому, ему не очень-то хотелось уточнять причину согласия. Но деваться было уже некуда.

— А мы до этого опять же по подсказке Олега, так, по крайней мере, мне тогда пояснял Злобин, на поселке КТК похитили автомобиль, «ВАЗ-2106» красного цвета, — нехотя выдавил он. — Злобин пригрозил, что «сдаст» меня милиции, если откажусь...

«Вот те на! — подумал Паромов, — еще одно преступление проклевывается... Конечно, тут призадуматься, прежде чем сказать что-то...»

Но вслух ничего подобного не произнес. Не нужно эмоций и раскрытие карт перед противником. Пусть считает, что следователь уже давно знал этот факт преступной деятельности и Апыхтина, и Злобина, и Нехороших. Лишняя эмоциональность в работе милиции недопустима. А в работе следствия — тем более.

— Уточните дату и место угона автомобиля, — не отрываясь ни на секунду от протокола, работая авторучкой, словно автомат, не поднимая головы, потребовал Паромов.

Торопился записать новые обстоятельства преступной деятельности Апыхтина и его друзей-сотоварищей.

Напряглись и оперативники, как коты перед броском на мышь.

— Дату точно уже не помню, но это было в конце января или начале февраля... Угнали автомобиль от дома с молочным магазином. Угнали ночью, — вспоминал, наморщив лоб, Апыхтин.

— И что же дальше случилось с этим автомобилем? — спросил Паромов, желая уточнить и детализировать обстоятельства нового преступления, которые будут так необходимы при доказывании этого эпизода преступной деятельности Апыхтина и его сообщников.

— Пригнали в гараж Олега и там поставили. Потом вместе с Олегом его на запчасти разобрали и продали. Что-то ненужное выбросили на свалку, а что-то до сих пор в его гараже валяется... — пояснял довольно-таки обстоятельно подозреваемый.

— Хорошо, Анатолий, будем считать, что с этим эпизодом мы разобрались... Пока... Возвратимся к эпизоду со Смирновым. Поясни нам: Олег, тоже что ли с вами был, раз после угона вы так быстро автомобиль спрятали в его гараже? — вновь задал вопрос Паромов, записав прежний ответ.

— Не, не с нами, — поспешил заверить Апыхтин.

— Тогда как же?

— А Злобин ночью бегал к нему домой за ключами от гаража.

— Вот оно как... — протянул Паромов. — Так может, Олег и в сговоре с вами не был? Как считаешь?

— Со мной он точно в сговоре не был, — не задумываясь, ответил Апыхтин, — но был в сговоре (по всей видимости, ему понравилось выражение «быть в сговоре», так как он стал часто вслед за следователем употреблять его в своей речи) с Иваном. Да мне сам Иван об этом говорил. Не верите?

— Почему же? — стал разубеждать его в обратном следователь. — Мы вам, Анатолий, верим. Просто необходимо уточнить некоторые детали. Впрочем, пора возвратиться к основному моменту. Значит, говоришь, что согласился участвовать в хищении автомобиля?

— Да. А что? — вновь вспомнил он о своем слове-паразите.

До этого момента он этот слоган как-то не употреблял в своей речи. Возможно, от стресса.

— И что произошло дальше? Рассказывайте сами и, желательно, поподробнее, с указанием имен, фамилий участников, времени и места, действий каждого участника событий. Хорошо?

«Чем меньше будет вопросов со стороны следствия, — решил следователь, — чем больше будет собственного рассказа подозреваемого, тем лучше для суда. Меньше будет придинок у адвокатов к «наводящим» вопросам».

Паромов не первый день работал в следствии и знал, как в суде фигуранты, особенно подсудимые, отказываются от своих показаний, ссылаясь на то, что эти показания или «выбиты» оперативниками и следователями, или же даны по заранее написанному тексту опять же под давлением оперативных работников. Не зря же он, предупреждая возможные эксцессы такого рода, еще в самом начале допроса так скрупулезно разъяснял подозреваемому статьи УПК, его права и обязанности; не зря потребовал показать крупным планом, так, чтобы можно было прочесть, заявление Апыхтина о немедленном вызове к нему свидетеля; не зря расспрашивал его о том, не обижали ли его в ИВС, не допускали ли по отношению к нему недозволенных приемов и методов; не зря «нудил» с защитником и статьей 51 Конституции РФ. Пусть в суде все увидят, что никакого давления на подозреваемого не было и не могло быть.

— Иван стал следить, как Смирновы ставят автомобиль, — начал вновь свой рассказ признание Апыхтин. — Выяснил, что на автомобиле больше всего катается Мальвина... ну,

жена Смирнова. Оставляет только напротив своих окон. А что? Незаметно не подойдешь, не угонишь. А вечером машину в гараж отгонял и ставил Смирнов Артем.

Если Паромов слушал и параллельно с этим записывал показания в протокол, то оперативники помалкивали, боясь спугнуть удачу. Лишь изредка делали короткие пометки в записных книжках.

— До десятого марта как-то случай не представлялся. То одно, то другое мешало. А что? То я не приходил, надеялся, что Иван без меня справится. Не хотелось в краже участвовать. То у Ивана какие-то другие дела были, то автомобиля не видели.

Апыхтин тяжело вздохнул. Видимо, запоздалое осознание собственной беды напомнило о себе.

— А десятого марта, — продолжил он, собравшись с духом, — перед вечером Иван зашел за мной, и мы пошли к дому его подруги. По дороге Иван куда-то отлучался за самогоном. А что? Водка дорогая, а самогон дешевле, — по-житейски пояснил он, — вот и взял бутылку самогонки.

— У кого? — решил выяснить Паромов.

— Не знаю. Я же говорю, что он ходил один, без меня, — уточнил Апыхтин.

— Какова емкость бутылки, каков ее цвет? Полная была или уже початая? — требовал детализации следователь.

Вопросы вроде бы мелкие, пустые, ненужные, но именно подобная мелочь оказывалась незаменимой при доказывании.

— Обыкновенная... стеклянная, емкостью 0,5 литра, — охотно уточнял подозреваемый. — Цвет зеленый, полная, с пластмассовой пробкой. Знаете, такие бывают, с козырьком, что сверху одевается...

Паромов не успевал записывать, и чтобы выиграть время и не дать видеокамере впустую работать, задал вроде бы и нейтральный, а на самом деле со смыслом, вопрос. Даже не вопрос, а поощрительное высказывание:

— Ну, у тебя и память. Даже такие подробности помнишь!

— Не жалуюсь, — улыбнулся впервые Апыхтин. — А что?

— А то, — дописывая предыдущие показания, произнес Паромов, — что не каждому дано так все подробно помнить. Не каждому. Уж поверь мне. У тебя, уверен, что не ошибаюсь, — вновь поощрительный посыл в сторону подозреваемого, — по литературе четверки и пятерки...

— А то! — заулыбался Апыхтин.

Заулыбался застенчиво и естественно, а не заискивающе, как иногда делается при таких обстоятельствах. Ведь находиться в камере ИВС радости мало... Любому человеку приятно, когда посторонний увидит в нем не только отрицательные черты, но и что-то хорошее, общепризнанное, положительное.

Беседа на отвлеченные темы не только дала время Паромову внести в протокол необходимые показания подозреваемого, но и позволила самому подозреваемому чуть расслабиться, ослабить пути внутреннего контроля, снять напряжение. Не зря говорится, что стоит покаяться, как наступает внутреннее облегчение. Что-то подобное происходило и с Апыхтиным. Тяжело было начинать признаваться. Остатки стыда тормозили, страх предстоящего наказания пугал, чувство товарищества, пусть и преступного, но все равно товарищества, удерживало. Но начал — и полегчало.

— Когда пришли к подъезду дома, где жила Ира и Смирновы, то там уже были ребята:

Оксана, Снежана и Никитин Виктор. Злобин угостил самогоном их. Но они только пригубили, а пить не стали. Было уже довольно темно, возможно, около шести часов вечера, так как возле подъезда горели фонари уличного освещения, когда домой откуда-то, скорее всего, с работы, — уточнил Апыхтин, — возвратился Смирнов. Злобин предложил ему выпить самогона. Смирнов выпить согласился. Сходил домой за закуской, так как у нас закуски и не было. Принес хлебца, несколько кусочков салца и колбаски. Кажется, еще головку лука...

— Прошу уточнить, — прервал вновь Паромов подозреваемого, — вы что, заранее планировали Смирнова напоить пьяным? И для чего?

— Да ничего мы заранее не планировали, — возмутился Апыхтин. — Ничего! С какой стати? Я, вообще, никаких планов не имел. Да и Злобин, — решил быть объективным Анатолий, — вряд ли такой план имел. Все произошло случайно. А что?

— Ничего, — мягко и доброжелательно отозвался следователь. — Просто хотел выяснить некоторые детали. Рассказывайте.

— Выпили, — продолжил Апыхтин, — закусили. Потом Смирнов пошел домой, а мы остались возле подъезда. Базарили между собой, анекдоты рассказывали. Смеялись, шутили пока не дошутились... — посетовал он с горечью.

Как ему хотелось в этот момент повернуть время вспять, чтобы все возвратилось на ту точку, когда они мирно расстались с потерпевшим. Искренне хотелось. Но не повернуть! Не изменить!

— Тут откуда-то приехала на своем автомобиле Мальвина, — продолжил Апыхтин. — Знаете, вся такая расфуфыренная, прямо ну, ты — гну ты! Идет — людей не видит! Одним словом — фифочка! Кто-то, сейчас уже и не помню, что-то сказал ей вслед... Возможно, обидное... Она даже и бровью не повела, лишь бедрами еще сильнее завилыла.

— Как, по-вашему, во сколько времени она подъехала? — решил уточнить время Паромов.

Впрочем, можно было и не уточнять. Это обстоятельство большой роли на раскрытие данного преступления и его расследование не играло. Но лишняя детализация обстоятельств дела, как считал Паромов, никогда не помешает. К тому же оно может быть подтверждением показаний других лиц, а также еще одним подтверждением искренности ли неискренности допрашиваемого.

Апыхтин, почти не задумываясь, уточнил время приезда к дому Смирновой. Оно совпадало с тем, которое указывали в своих показаниях потерпевшая Смирнова и свидетели.

— Пожалуйста, продолжайте, — мягко напомнил следователь Апыхтину, замолчавшему после ответа на второстепенный вопрос, возможно, ожидавшему, не последуют ли другие вопросы.

— Вскоре в квартире Смирновых произошла небольшая ссора. По-видимому, Мальвина ругалась на мужа из-за того, что тот выпил самогона. Мы еще позубоскалили на это, — усмехнулся невесело Апыхтин. — Но ссора вскоре прекратилась.

Около 23 часов, когда уже собирались расходиться по домам, появился Артем Смирнов, чтобы отогнать автомобиль в гараж. Злобин попросил его нас прокатить. Артем согласился. Злобин сел на переднее сиденье рядом с Артемом. Я — на заднее. Приехали в гараж. Там у Артема в загашнике нашлась початая бутылка водки. Предложил нам выпить. Мы согласились. А что? Чего не выпить, если предлагают. Еще по полстакана выпили. Почти без закуски. Не было закуски у Артема в гараже. Долго там не задерживались, так как е

соседних гаражах, по словам Артема, «гульванили» его недруги, и он, Артем, не хотел с ними встречаться, опасался драки.

Никто не перебивал Апыхтина. Слушали, записывали на видео и в протокол.

— Когда подходили уже к дому, в котором живет Смирнов, то на территории детского садика, может знаете, — обратился Апыхтин с уточнением о местонахождении садика к сотрудникам милиции, и те молча закивали головами, мол, не беспокойся, знаем, — Злобин и шепнул мне, что надо напасть на Артема, чтобы забрать у него ключи от гаража и от автомобиля. У Злобина уже был с собой нож... складной нож, — уточнил Анатолий, — я видел, как он похитил его из гаража. С этим ножом Иван набросился на Артема. Нанес удар, но видимо, плохо, так как Артем что-то закричал и стал защищаться руками. Тут Иван крикнул мне, чтобы я не стоял, а помогал ему. И я уцепился сзади за Артема. Вдвоем мы повалили Артема на снег. Иван стал наносить ему удары ножом в голову и в шею, а я держал Артема, чтобы он не дергался и не кричал. Не знаю, как, но в суматохе я порезал себе руку. Вот этот самый порез, на который еще утром вы обратили внимание.

Андреев еле успел «наехать» видеокамерой на продемонстрированный Апыхтиным порез на кисти руки, чтобы потом показать его крупным планом. Даже крикнул от неожиданности.

— Вскорости Артем сильно захрапел и перестал дрыгать ногами, — продолжал между тем подозреваемый в полнейшей тишине.

Наверное, пролети муха, и та бы была услышана, — так было тихо в кабинете, где шел допрос.

— Мы посчитали, что Артем умирает, последние предсмертные звуки издает, так как изо рта и из горла у него шла кровь, и решили больше его не бить, чтобы меньше кровью мазаться. Кое-как обтерли снегом руки, одежду, где кровь увидели. Покурили. Потом Иван обыскал Артема и забрал у него из карманов ключи от гаража, ключи от квартиры и от автомобиля, какую-то мелочь в монетах и мелких купюрах, брелок. Словом, пустяки. Мы бросили Артема на территории детского садика, а сами возвратились к гаражу. Там Злобин быстренько открыл гараж и выгнал на улицу автомобиль. Потом мы вдвоем закрыли гараж на замок и уехали на украденном автомобиле.

Выпалив это, Апыхтин замолчал. Посчитал, по-видимому, что все уже рассказал.

— Продолжайте, продолжайте, напомнил ему Паромов о необходимости довести показания до логического завершения.

— А что продолжать? — горько усмехнулся Апыхтин. — Все уже рассказал... Хотя, знаете, не все, — поправил он сам себя. — Угнав автомобиль, поехали к дому Смирнова, но не к самому — там могли нас увидеть на автомобиле, а рядышком. Злобин побежал сообщать о случившемся Олегу, да и ключи от Олегова гаража взять, чтобы спрятать там автомобиль.

Тут Паромов на секунду оторвался от протокола, чтобы взглянуть на оперативников. Мол, что я вам говорил! Те поняли этот бессловесный упрек и пожали плечами: и на старуху бывает поруха! Чего уж там.

— Вернулся Иван без Олега, но с ключами от Олегова гаража, — продолжал Апыхтин. — Видать, побоялся сам с нами ехать, лишний раз «светиться». Не зря же Иван назвал его трусливым ссыкуном, — зачем-то решил уточнить он отношение Злобина к Олегу. — Отогнав похищенную машину в гараж и там сняли с нее, как говорил Злобин, по указанию Олега, передний и задний регистрационные номера, чтобы выбросить в укромном

месте. Взяли старую кожаную куртку — нашли в багажнике. Ее забрал себе Иван, хотя она ему и маловата... еще взяли мужской складной зонтик черного цвета — Иван его отдал мне... Спрятан у меня дома в шифоньере, — пояснил мимоходом. — Если надо, я покажу где, и отдам.

— Хорошо, — как бы согласился Паромов с доводами допрашиваемого. — Продолжайте.

— По дороге из Олегова гаража нож выбросили под трубами теплосети. Место постараюсь показать, если надо... Номерные знаки не выбросили, как просил Олег, а спрятали между электрическими столбами, заготовленными для смены старых опор. Лежат возле дороги, идущей от гаражей. То же смогу показать... Все ключи, найденные у Артема, выбросили в канализационный люк. Люк смогу показать. Вот и все, — подвел итог печальному повествованию Апыхтин и замолчал.

Занеся в протокол последние слова подозреваемого, следователь задал всего лишь один вопрос:

— Скажите, Анатолий, вы себя, своих товарищей: Ивана и Олега — не оговариваете? Может, мстите им за что-нибудь?

— Ни за что я им не мщу и ни в чем не оговариваю. Рассказываю о деле все так, как было. И прошу следствие и суд принять во внимание мое чистосердечное раскаяние, — к немалому удивлению оперативников окончил он свои показания.

«Не зря агент внутрикамерной разработки хлеб жует», — подумал про себя Паромов, услышав последние слова подозреваемого.

Потом было быстрое прочитывание протокола и уточнение: верно ли произведена запись показаний. Фиксация времени окончания допроса. Обязательная подпись протокола всеми участниками. И все под видеокамеру.

— Уф! Как я устал, — с неподдельным облегчением вздохнул, расслабляясь и отставляя видеокамеру в сторонку, Андреев, пока следователь, оперативники и подозреваемый перекуривали.

Опера наперегонки угощали Апыхтина сигаретами и вновь и вновь спрашивали, будет ли он завтра давать показания при проведении следственного эксперимента.

— Чего же не дать, — отвечал Апыхтин. — Я раскаиваюсь и «назад пятками» не пойду! Посмотри кто-либо со стороны на эту мирно беседующую компанию, не поверил бы, что тут сидят извечные враги, люди, находящиеся по разные стороны Закона. Бывает!

Потом собственноручно писал явку с повинной по всем преступлениям, совершенным им. Оперативники и следователь выполнили свое обещание, дав Апыхтину возможность написать явку с повинной. Пусть на суде это ему зачтется.

Время поджимало. Впереди предстоял еще один допрос, поэтому после того, как Апыхтин написал явку с повинной, вызвали выводящего и передали ему первого подозреваемого.

— Ведите к нам второго, Злобина, — уточнив фамилию, попросил Паромов.

— А время... — были недовольны сотрудники ИВС затянувшимся визитом следователя. — Может, на завтра все отложите...

— Время потерпит. Как говорится, надо ковать железо, пока оно горячо!

Со Злобиным повторилось все то же самое. Разъяснение его прав и обязанностей, его согласие на ведение видеозаписи, мотивация отказа от участия адвоката. Потом сами показания. Редкие уточняющие вопросы. Однако, Злобин даже в таком раскладе, оставался

самим собой: пытался свою вину перебросить на плечи Апыхтина. И по полной программе «валил» Нехороших Олега, указывая на его подстрекательство и прямое содействие в совершении преступлений.

— Вот так-то, мужики, — бросил реплику следователь операм, когда разводящий увел подозреваемого. — А вы мне все: Крюк, да Крюк! Вот вам и Крюк!

— Наша работа такая, что не знаешь, где найдешь, где потеряешь, — отшутился Аверин.

— Постановление на освобождение Крючкова не утеряти? — напомнил, воспользовавшись случаем, Паромов. — А то я вас, оперов, знаю!

— Не переживай. Не утеряти, — заверили те дружно. — Завтра с утра передадим. Все будет тип-топ.

Март догрызал свою середину, но морозец был еще по-зимнему крепок. Прохожие привычно поеживались от всепроникающей прохлады и, сутулясь, спешили поскорее добраться до теплых и уютных квартир. Ночной мрак окутывал город, но улица Ленина тонула в ярких потоках неона. Контраст света и тьмы очаровывал, как и светедва различимых на небе звезд.

Подарочные часы следователя показывали 22 часа 35 минут.

«Припозднились, однако, мы с допросами, — подумал Паромов, шагая с друзьями по очищенному от снега тротуару к остановке общественного транспорта. — Впрочем, как всегда!»

А вокруг бурлила вечерняя жизнь города. Неслись нескончаемым потоком автомобили, ослепляя прохожих яркими фарами, стайками передвигалась с место на место молодежь. По-весеннему нарядная и беззаботная. Ярко и призывно светились окна кафе и бистро. Слышалась музыка. Даже ночь со своими прохладой и мраком не отодвигала, не притушевывала весну. Жизнь продолжалась. У кого-то, возможно, даже очень хорошая...

В одной из камер ИВС, закутавшись в полу пиджака, лежал на нарах Аркашка Сапин. И не поймешь, то ли он спит, то ли бодрствует. А его сокамерники с уважением рассматривают узоры татуировок на обнаженных частях тела Аркашки.

— Силен мужик!

— Кремень!

Завтра у него очередная встреча с курирующим опером, письменный отчет о проделанной работе — и можно шагать домой. Скукатища...

Несмотря на то, что из ИВС уже поступило сообщение о «расколе» подозреваемых, и подрез Смирнова можно было смело считать раскрытым, начальник отдела милиции номер семь Алелин Виктор Петрович покидать отдел, не дождавшись следователя и остальных сотрудников, не торопился. Хотелось самому поговорить с подчиненными, выяснить отдельные нюансы, полистать протоколы, возможно, посмотреть видеозапись допроса. Это с одной стороны. А с другой — он придерживался заведенного распорядка дня: работать до 24 часов. Домашним, точнее, супруге, такой распорядок его работы не нравился. Даже очень не нравился. И Люба время от времени начинала гудеть, хотя он и говорил ей, что это лишь временные затруднения в связи со становлением отдела.

— Платят-то тебе только за восемь часов, а не за двадцать, — приводила супруга железобетонный аргумент в ответ на все его разъяснения и объяснения, что этого требует оперативная обстановка, ненормированный рабочий день, неписанные законы милицейской работы, и, наконец, установка вышестоящих начальников. — И еще, помни, что преступность не искоренить, как и не построить коммунизм! И спасибо тебе никто не скажет!

В словах супруги был резон. Еще какой! Но... не соглашаться же на самом деле с доводами жены.

Впрочем, до серьезных скандалов объяснения не доходили. Скорее, это был своеобразный ритуал семейного общения.

Наконец, около 23 часов сотрудники «отыскались», о чем ему немедленно доложил оперативный дежурный.

— Направь их ко мне. Всех, — приказал он дежурному.

Тот ответил: «Есть»! И не прошло двух минут, как в кабинет, постучавшись, вошли один за следователь Паромов, сотрудники уголовного розыска Аверин и Студеникин. Замыкал шествие эксперт-криминалист Андреев.

— Говорят, что кое-какие сдвиги наметились, — без лишних эмоций и предисловий начал он беседу. — Впрочем, вот послушаю и решу, есть ли сдвиги на самом деле... Кто доложит? — задал он вопрос, скорее риторический, чем требующий ответа, так как сразу же после вопроса, обращаясь непосредственно к Паромову, уточнил: — Наверное, Паромов. Ему и по должности, и по званию полагается...

Паромов вкратце изложил суть дела, упомянув о возможном раскрытии еще одного преступления — хищения неизвестного автомобиля.

— Даже так! — не сдержался от положительных эмоций Алелин, ведь не часто везет, чтобы при раскрытии одного преступления попутно раскрыть и другое.

Оперативники дружно поддержали следователя, перебивая друг друга и повышая голос.

— Хорошо, хорошо, — успокоил он разошедшихся оперов. — Сейчас обратимся к первоисточнику и посмотрим, имеются ли у нас кражи автомобилей в указанный период времени.

На столе среди кипы бумаг, папок, книг и брошюр отыскал ежедневник — продукт местной типографии, в который постоянно вносились различные записи, в том числе и пометки о совершенных и нераскрытых преступлениях. Полистал его.

— Вот, кажется, нашел, — обронил он. И начал молча читать найденную запись.

Присутствующие в кабинете начальника молча наблюдали за ним.

— Есть! — поставил он точку. — Точно, ВАЗ –21063, красного цвета, принадлежит...

Впрочем, это не важно, кому принадлежит. Главное, что идет на раскрытие...

— Должна подойти, — встрял Аверин. — Уж очень уверенно, причем, оба, говорили об этом автомобиле.

— Тут уже не должна подойти, тут подошло... Что раскрыли, это хорошо, — продолжил Алелин. — Плохо, что потерпевшему, как я понял, нечего возвращать.

— Что будем делать? — вновь обратился он к Паромову.

— Думаю, что завтра необходимо взять санкцию у прокурора на обыск в гараже Нехороших, а самого Нехороших Олега желательно бы с утра пораньше, пока на работу не удрал, в отдел притащить, да в камеру посадить, чтобы думалось лучше во время допроса.

— Сто двадцать вторая будет? — спросил Аверин, вновь вклиниваясь в разговор.

— Без проблем, — отозвался следователь. — Правда, я и сам пока не знаю, когда только успею все сделать, так как еще обязательно надо с Апыхтиным и Злобиным провести следственные эксперименты. А их еще надо из ИВС привезти, собрать адвокатов, понятых, конвой...

— Поможем, — заверил Алелин. — Поможем, мужики? — спросил веселые оперативников.

— Конечно, поможем! — хором отозвались мужики-оперативники.

— И я в вашем распоряжении, — не стал дожидаться эксперт вопроса начальника. — Хоть на весь день. Видеозапись еще никому не мешала!

— Вот и хорошо, — подвел итог начальник отдела. — Будем считать, что следственно-оперативная группа поработала дружно, в тесном взаимодействии, как говорится в приказе 334 девяносто шестого года. И не на словах, не на бумаге, а по-настоящему, в действительности. Вот так бы всегда нам работать!..

Сделал паузу. Паромов и остальные сотрудники тоже молчали. И без слов начальника всем было понятно, что дружная работа всех служб дала положительные результаты. Почаще бы так!

— Будем считать, — продолжил Алелин, — что мероприятия на следующий день мы уже спланировали. Верно?

— Верно, — подтвердили подчиненные.

— Раз, верно, то можете быть свободными, — отпустил он членов СОГ. — И я сейчас домой отчалию. Только дежурному команду дам Нехороших задержать и в отдел доставить.

Нажал кнопку селекторной связи и отдал распоряжение наряду.

Сотрудники ушли, а Алелин, оставшись один в своем кабинете, откинулся на спинку кресла и предался размышлениям.

«Покушение на убийство Смирнова, кажется, раскрыто. Попутно идут на раскрытие две кражи автомобилей. И не исключено, что подозреваемые Апыхтин и Злобин еще что-то «вспомнят», пока посидят в ИВС. Сапа им в этом поможет.

Кстати, о Сапе. Молодец, внутрикамерник, не поленился, информацию по старому висуну подбросил. Пусть совсем незначительную — ни один опер внимания на нее не обратил — но все же информацию дал. Поработаем над ней, — решил он для себя, — и если подтвердится, то мои горе-опера чертей схлопочут по самое некуда».

Агентурное сообщение привез из ИВС заместитель начальника уголовного розыска Захватов. Конечно же, читал. И не только он, но и старший оперуполномоченный Аверин,

находившийся чуть ли не весь день в ИВС, и начальник розыска майор Коршунов. Но никто из них не остановил своего внимания на одном маленьком предложении, в котором речь шла о двойном убийстве. Сочли за несущественный плод агентурной фантазии внутрикамерника. А Алелин не счел. Красным карандашом подчеркнул то место в донесении, где шла речь о возможном убийце девушек — сотруднике милиции.

«Конечно, исходных данных мало, есть только намек на направление, по которому следует поработать, — думал Алелин, — но оно все же есть. И поработаем. Точнее, пока поработаю один. Вопрос слишком деликатный — подозревать сотрудников. Особенно, действующих. Да и уволившихся — радости мало. Поэтому, во избежание малейшей утечки информации, придется поработать самому. Ну, что ж, тряхнем стариной! — улыбнулся он. — Не впервые!»

Вынул из ящика стола чистый лист бумаги и стал чертить на нем прямоугольники. Всего набросал три.

«Это действующие сотрудники, — сделал он понятные лишь ему одному пометки в самом большом прямоугольнике. — Их больше всего. Вот это уволившиеся из органов после самого факта, — очередная пометка во втором прямоугольнике. — Их будет совсем мало. А вот в этом прямоугольнике будут те, кто уволился по различным мотивам еще до убийства.

Завтра под каким-нибудь предлогом попрошу замполита, или как его сейчас величают, заместителя по воспитательной работе и кадрам, подготовить список всех уволенных за последние годы».

Опыт работы в органах подсказывал, что искать следует среди уволившихся. Особенно, среди уволившихся по отрицательным мотивам. И тут же память напомнила, что и сам когда-то был уволен якобы за дискредитацию милиции.

«Ладно, разберемся, — решил он, — кто, за что и почему уволен был. В данном случае время на нас работает. Теперь спешить некуда».

От темы увольнений и восстановлений мысль плавно перешла к предстоящему переходу старшего следователя Паромова на должность начальника следственного отделения третьего отдела милиции.

«Жаль, конечно, с нормальными ребятами расставаться, — мелькнуло сожаление, — вон как покушение на убийство быстро подраскрыл и не «поддался» на первоначальную версию с Крюком. А на нее многие купились... Да и с другими сложными делами справляется... Однако и ему расти надо. Не век же в следователях ходить, хоть даже старших... К тому же и Озеров Юрий Владимирович уже не раз намекал, что заберет... И заместитель начальника следственного управления Киршенман, Валентин Робертович, вчера позвонил, интересовался, что за следователь и за человек Паромов... Ну, что ж... жизнь впереди еще долгая. Возможно, вновь вместе поработаем. Всякое бывает».

Размышления о жизненных зигзагах привели к воспоминаниям о покушении на самого, во время работы начальником девятого отдела милиции, впоследствии, при очередной реорганизации переименованного в шестой.

Это произошло вскоре после того, как он вступил в должность начальника девятого отдела.

Вечер 12 июня 1996 года не предвещал ничего остро-ординарного. Вечер, как вечера. Знойный и душный, как все городские вечера.

В соответствии с планом единой дислокации, работали дежурные наряды наружной

службы, в учащенном темпе выезжала на разбор бытовых конфликтов оперативно-следственная группа отдела. Звонили телефоны, временами оживала стационарная радиостанция, выплескивая в дежурную часть из эфира короткие позывные и не менее короткие сообщения. Обычная рутинная работа. Похожая на ту, что была вчера и позавчера, и после позавчера...

Он «становил» себя и «делал» отдел, а потому в этот вечер, как и во все предыдущие вечера находился на рабочем месте. То несение службы нарядами и участковыми милиционерами проверял, то отслеживал организацию работы дежурной частью и следственной группой, то оперативное хозяйство, точнее, его документальную часть, изучал, изредка отвлекаясь на цветной телевизор, где очередным чудачеством занимался Президент Ельцин.

Время приближалось к 24 часам, когда из дежурной части УВД города в отдел поступило сообщение о семейном скандале в квартире 109 дома 29 по улице Заводской. Оперативный дежурный, не долго думая, направил туда ближайший автопатруль отдельного батальона патрульно-постовой службы со старшим экипажа сержантом милиции Сопиным.

Действуя как обычно, — сколько раз уже приходилось разбирать семейные конфликты, — Сопин попытался войти в квартиру, но тут же получил удар ножом в грудь. И, обливаясь кровью, упал на лестничную площадку перед вновь захлопнувшейся дверью квартиры.

Соседи ссорившихся Рябых, которым нет никакого дела до чужих ссор, сидели по своим квартирам. Или же сладко спали. К шуму и ссорам все давно привыкли и не обращая внимания на это.

Благо, что напарник Сопина, милиционер-водитель Иванов, в нарушение служебной инструкции, запрещающей строго-настрого покидать автомобиль в целях избежания его возможного угона (главное, чтобы техника была цела, а человек как-нибудь о себе сам позаботится — вот и все отношение всяких штабов, разрабатывающих инструкции), оставив автомобиль, решил подняться следом за Сопиным. Он то и обнаружил раненого товарища и эвакуировал его от злополучной квартиры до автомобиля. После чего по радиации сообщил о случившемся в дежурную часть отдела милиции и УВД города.

Перепугавшийся оперативный дежурный немедленно поставил о случившемся в известность его, подполковника Алелина.

Возглавив дежурный наряд, он, не мешкая ни минуты, рванул по указанному адресу. По прибытии на место происшествия обнаружили в зале квартиры труп сестры Рябых, скончавшейся от множества ножевых ранений. Сам Рябых, взяв в заложники пятилетнего племянника, сына убитой им сестры, заперся в спальне.

Это было уже не только убийство из хулиганских побуждений, не только покушение на жизнь сотрудника милиции, но и захват заложника, причем, малолетнего. Редчайшее событие в криминальной истории курской милиции. Ждать профессиональных переговорщиков было некогда да и неоткуда. Обезумевший от алкоголя и крови Рябых, а в том, что он находится в состоянии алкогольного опьянения, сомневаться не приходилось — обстановка на кухне прямо говорила о том, что тут совсем недавно употребляли спиртные напитки: пустая и початая бутылки водки, стаканы, тарелки с закуской, — мог в любой момент покуситься на жизнь ребенка. И Алелин по собственной инициативе вступил в переговоры с преступником. Помогал ему в этом участковый инспектор, лейтенант милиции Титов. Нужно было любыми способами отвлечь Рябых от ребенка и попытаться вывести

мальчика из комнаты.

Переговоры были трудные и мучительные по своему драматизму. С пьяным Рябых разговаривать, что с глухим или со стеной. Прошло с полчаса, пока не удалось добиться того, что Рябых отошел от ребенка. Всего на пару шагов. Не прекращая переговоров, не делая резких движений, по миллиметру он и участковый приближались к Рябых, отесняя его от заложника. Надеялись произвести задержание без силового воздействия, лишь за счет психологической работы.

Однако, когда уже казалось, что Рябых в руках милиции, тот вдруг рванулся вперед, намериваясь снова завладеть ребенком. Наперерез ему бросился участковый Титов. Но Рябых сбил участкового с ног, выхватил нож и со словами: «Смерть ментам!» — попытался нанести им удары в грудь поверженного участкового.

Прикрывая подчиненного, он, Алелин, бросился на Рябых, и удары ножа, предназначавшиеся Титову, достались ему. Попытался заблокировать. Частично удалось, не пропустил нож до жизненно важных органов тела, но резаных ран на руках не избежал.

Продолжая отбиваться руками от Рябых, успел дать команду членам оперативной группы, чтобы забрали ребенка и этой комнаты. И когда ребенок был удален, приказал открыть огонь на поражение. Сам-то оказался на месте происшествия без оружия. Его табельный «макаров» мирно покоился в ячейке оружейного сейфа. И брать его, когда спешили на место происшествия, было некогда. Каждая минута была дорога.

Рябых был застрелен.

Прокуратура округа, рассмотрев материалы дела, пришла к выводу, что оружие в сложившейся ситуации применялось правомерно, уголовное преследование в отношении сотрудников милиции и его самого ими было прекращено. А в декабре того же 1996 года по представлению начальника УВД области его наградили орденом Мужества».

«Да, было время! — переходя от воспоминаний к действительности, подумал Алелин. — Интересно, а теперь смог бы вот так же броситься с голыми руками на защиту подчиненного? — задал сам себе вопрос. — Конечно, смог! — мысленно ответил после раздумий. — Да, смог бы!»

Пора было идти домой. Щелкнул клавишей дистанционного пульта, выключая цветной телевизор. Теплой водой из пластиковой бутылки полил огромнейшую розу, росшую в деревянной кадке и занимавшую добрую четверть кабинета.

Оперативный дежурный удивленно проводил глазами начальника отдела, молча покидавшего подразделение среди ночи: «Раньше обязательно, хоть на минуту, но заскакивал в дежурку, интересовался, что, да как, а сегодня ритуал нарушил!»

На следующий день, тринадцатого марта, старший следователь Паромов на работу пришел пораньше: требовалось подготовить документы в ИВС на выдачу конвоем ОМ-7 УВД города Курска задержанных по подозрению в совершении преступления и содержащихся в ИВС Апыхтина и Злобина.

Следственная работа состояла не только из допросов, опознаний, очных ставок, выемок, обысков, осмотров, то есть, прямых следственных действий, но и огромного количества второстепенной писанины. Составления справок, запросов, требований. И на эту второстепенную писанину, порой, время уходило намного больше, чем на сами следственные действия. Вот и поспешал Паромов, чтобы подготовить всевозможные запросы, да и постановления как на задержание подозреваемого Нехороших, так и на обыск в его квартире и в гараже. Однако, как не спешил, но обогнать начальника отдела не смог: тот уже находился в дежурной части и изучал собранные за прошедшие сутки материалы.

— Что-то рановато, — увидев Паромова, пошутил Алелин, — наверное, супруга из дома гонит?

— Думает, глупая, — в тон ему ответил следователь, — что чем больше буду работать, то тем больше станут платить! Никак не поймет, что наша зарплата от количества рабочего времени не зависит...

— Вот именно! — засмеялся Алелин. — Но все равно рановато. Мог бы еще чуток подремать. Живешь же рядом с отделом. Идти — пара минут...

— А я пример с начальства беру, — отшутился старший следователь. — Но и тут, вижу, промашка вышла. Обогнали вы меня.

— А ты раньше бабки в пекло не прыгай, а то состаришься быстро, — ответил Алелин. А потом, посерьезнев, добавил: — Очередного твоего подопечного ребята только что доставили. Беседуют с ним. Так, что можешь подключаться.

Паромов понял, что речь идет о Нехороших Олеге, которого вытащили из дому сотрудники дежурного наряда по вчерашнему распоряжению Алелина.

— Обязательно. Только сначала с бумажной писаниной разберусь.

— Да, вот еще что... — словно вспомнил что-то начальник отдела, — ты материалы в отношении Крючкова выделил?

— Выделил.

— Будь добр, занеси. Надо посмотреть...

Выделенные материалы все равно пришлось бы заносить начальнику отдела. Для получения резолюции перед направлением в отделение дознания. Паромов планировал это сделать и сам попозже, но раз начальник спросил, то можно было их ему занести сразу. Чего кота за хвост тянуть!

— Хорошо. Сейчас принесу.

И пошел на свой этаж.

Портативная печатная машинка работала как часы, и вскоре постановления и запросы были готовы.

«В какой еще стране государственные служащие на работу притаскивают собственную технику»? — вяло подумал Паромов, отставляя машинку в сторонку, чтобы в очередной раз полистать уголовное дело и освежить в памяти показания фигурантов. Предстоял допрос

Нехороших. И к нему надо было подготовиться, как следует.

«Да ни в какой! — ответил он сам себе. — Это только мы за символическую зарплату тащим на работу что-то из дома, не надеясь на государственное или ведомственное обеспечение. Всегда один и тот же ответ: в стране денег нет! Денег нет, обеспечения нет, зато служб, обязанных обеспечивать сотрудников материально-технической базой, столько, что со счета сбиться можно. Толку от них, как от козла молока, но все ходят, задрав носы, в постоянном ожидании досрочного присвоения званий, росте должностных окладов. А чего им не ходить с задраным носом, когда ни за раскрываемость, ни за общественный порядок, даже за невыполнение собственных обязанностей никто не спрашивает. Их бы, козлов, посадить на наше место, чтобы посмотреть, как они будут голыми руками дела расследовать, жуликов ловить, преступления раскрывать».

Сетования старшего участкового легко понять, так как, когда весь мир уже работал с персональными компьютерами, таковых в милиции еще и не было. Да что там, компьютеры, простых печатных машинок не хватало. А если они и имелись по инвентаризационной описи, то давно уже не работавшие, сотни раз чиненное перечиненное старье, место которому давно в музее археологии.

Да, не любил старший следователь всякие штабы да службы тыла, а точнее заносчивых и нагловатых представителей этих даром не нужных структур, только и умеющих, что очередные циркуляры вниз спускать, да закорючки ставить во время всевозможных согласований. В том числе и при подписании обходного листа как при увольнении со службы, так и при переходе из одного подразделения в другое.

В половине девятого в кабинет старшего следователя заглянул Аверин.

— Ну, что, планы не меняются? — поздоровавшись, спросил он на всякий случай.

В милиции, как ни прискорбно это констатировать, планы могли меняться по несколько раз на день. Так что любопытство опытного сотрудника праздной болтовней не было.

— Вроде не меняются, — отозвался Паромов. — По крайней мере, я никаких изменений не собираюсь вносить.

— Да если бы все только от нас зависело, — был скептически настроен старший оперуполномоченный. — Впрочем, после оперативки едем за подозреваемыми. Требования на их выдачу готовы?

— Держи, — передал Паромов старшему оперуполномоченному подготовленные запросы в ИВС. — Да не забудьте Крючкова забрать для отделения дознания. Я вчера необходимые материалы отксерокопировал и выделил в отдельное делопроизводство.

— О, кей! — буркнул Аверин, покидая кабинет следователя. — Не забудем.

«Вот и хорошо, что не забудете. И мне надо не забыть доложить Глебову о ходе следствия и о планах на сегодняшний день, а то снова окунуться в допросы да очные ставки, да следственные эксперименты — заматаюсь и забуду, — подумал Паромов. — А с Глебова тоже спрашивают. Как же — всеобщий контроль. Все должны быть в курсе дел и событий. Одни контролеры вокруг... Жаль, что исполнителей мало».

Доклад у начальника следственного отделения время много не занял.

— Ну, что? — ответив на приветствие, спросил Глебов, — можно поздравить нас с раскрытием преступления следственным путем?

— Возможно, нескольких, — ответил с чувством удовлетворения хорошо проделанной работы Паромов и пояснил, что подозреваемые, кроме подреза Смирнова, еще рассказывают

о кражах автомобилей и новом соучастнике — Нехороших.

— Считаешь, что одних показаний, даже записанных на видеокассету, достаточно?

— Думаю, что сегодня при проведении следственного эксперимента добудем и некоторые вещественные доказательства, — ответил Паромов. — А там подойдут заключения экспертиз. Может, еще случится чудо, и Смирнов как-нибудь выкарабкается с того света.

— Ну-у-у, — протянул Глебов, — это все из области фантастики и мистики. Мы — реалисты. Так что, давай, на чудеса особых надежд не возлагай, сам больше старайся.

— Александр Петрович, честное слово, не сижу сложа руки! — искренне возмутился Паромов. — Рад бы был, да не удается. А доказательств по данному делу будет достаточно. Сейчас допрошу подозреваемого Нехороших, да обыска у него проведем — и похищенную «девятку» вызволим из заточения, — пошутил он. — Надеюсь, что еще не успел препрятать ее.

— Ладно. Считаю, что неотложные вопросы мы обсудили, — подвел итог беседе Глебов. — Иди, работай... Впрочем, подожди. Что ты надумал с переводом? Что мне Озерову говорить, если спросит?

Паромов, было направившийся к двери, остановился.

— Так и скажите: не желает!

— Это не разговор.

— Возможно, но я не хочу никуда из отдела уходить, и никакого повышения мне не надо. И так забот — полон рот! Зачем же мне добровольно дополнительные на себя взваливать? Разрешите идти?

— Иди, но думай!

От начальника следственного отделения Паромов направился на второй этаж, к оперативникам, беседовавшим с Нехороших. Дежурного опера уже сменил Студеникин. Он-то и стоял рассерженным коршуном над сидевшим на стуле Олегом.

— Молчит, товарищ следователь, — вместо приветствия с раздражением бросил опер. — Как деревянный истукан. Я ему и так и этак расклад даю, а он, как бычара, видиков насмотрелся и «быкует» тут...

— Здравствуйте, Олег, — поздоровался с подозреваемым Паромов. — Значит, решили тактику молчания избрать в качестве мер защиты. Похвально, похвально... Мне меньше работы. Только на один вопрос ответьте: адвоката вам вызывать, или своего имеете?

— А зачем мне адвокат, если я ни в чем не виноват, — поднял голову Нехороших, впиваясь в следователя нагловатыми глазами.

— Вот видите, товарищ следователь, — скривил губы в язвительной улыбке опер, — чем не Пушкин: то молчит, то стихами говорит. — И передразни: — «Мне не нужен адвокат, я ни в чем не виноват!»

— Придется вас задержать, как подозреваемого. Суток так на трое. По подозрению. Вот и адвокат может понадобиться, — обращаясь к подозреваемому, не отреагировал Паромов на оперскую шутку. — А что невиноват, это вы адвокату как раз и скажете. Он, возможно, и поверит. Такова уж его профессия: верить своим клиентам, да в черном видеть белое, а в белом — черное... Так нужен или не нужен?

— Нужен, — уже не таким нахальным голосом вымолвил Нехороших, однако не удержался и добавил: — Чтобы ваш милицейский произвол перед народом раскрыть.

— Имеются конкретные предложения или дежурным бйдемся? — уточнил следователь,

проигнорировав упоминания о «милицейском произволе».

— Давайте пока любого, а там посмотрю...

— Было бы сказано, — усмехнулся Паромов и, обращаясь к оперативнику, добавил: — А ты, Данила, особо не мучайся... Молчит — и пусть молчит. У нас доказательств против него достаточно. Сажай его в КАЗ и отправляйся на обыска в его квартире и в гараже... С ним я как-нибудь сам разберусь.

Упоминание об обысках подействовало на Нехороших удручающе. Он даже изменился в лице, что не укрылось от следователя и оперативника.

— А на каком таком основании обыска? — насупился он. — Я жаловаться буду на ваш беспредел. Прокурору...

— Хоть в ООН, — усмехнулся следователь.

— Ты лучше Богу на себя пожалуйся, — оборвал его Студеникин. — Да покайся. Смотришь, и простит. Ишь, законник хренов выискался: прокурору жаловаться будет! А что же ты не жаловался, когда соседа убивали? Когда воровать соседскую машину ребятишек подбивал? А?

— Оговор и поклеп! — чуть стушевался Нехороших. — Ничего я не знаю. Ничего я не делал.

И добавил после небольшой паузы:

— Не скрою, Иван Злобин раза два брал у меня ключи от гаража. Но для какой цели, не сообщал. Так что, я не знаю, что он туда мог без моего ведома притянуть. Сам я в гараж давно не ходил. Делать мне там нечего, — подготавливал Олег пути к отступлению.

— А ты мне говорил, что молчит, — усмехнулся следователь, обращаясь к Студеникину. — Видишь, как разговорился. То ли еще будет!

Вернувшись в свой кабинет, Паромов принялся названивать в юридическую консультацию, чтобы вызвать адвоката для Нехороших.

Трубочку поднял сам заведующий юридической консультацией, Рашкевич Дмитрий Станиславович.

Рашкевич когда-то работал в милиции, даже начальником районного отдела был. Но потом жизнь сложилась так, что ушел в адвокатуру. Изменив милицейской профессии, он не изменил своего отношения к сотрудникам милиции: всегда относился к ним с уважением и пониманием. Что, впрочем, не мешало ему в полной мере осуществлять свой профессиональный долг по защите клиентов. Тут, как говорится, друзья — друзья, а табачок врозь!

— Дмитрий Станиславович, нужна помощь, — поздоровавшись, обратился по конкретному вопросу к адвокату Паромов.

— Ты что, решил весь округ в СИЗО отправить, — пошутил по телефону Рашкевич. — Вчера двух адвокатов просил. Сегодня еще одного. Точно, решил всех жуликов перевести. С кем же тогда работать будешь?

— Я бы рад их перевести, да вы со своей консультацией не дадите этого сделать! — в тон ему отшутился Паромов. — За каждого паршивца бьетесь, как за отца родного...

— Что поделаешь, работа такая!

— Скоро так доработаемся, что на улицу будет не выйти! Ни ментам, ни адвокатам, ни прокурорам...

— Не слишком ли пессимистично?

— Считаю, что нет...

— Ладно, ожидай.

Через двадцать минут пришла адвокатша в годах и со стажем Изверова Инесса Эдуардовна, довольно-таки импозантная женщина.

— Добрый день, — поздоровалась она, присаживаясь на стул возле стола и заводя ногу за ногу. — Что за беда? Что за пожар? Рашкевич сказал, чтобы не на ногах шла, а на крыльях летела. В мои-то годы...

Не спеша и вальяжно достала из внутреннего кармана норковой шубки пачку сигарет «Парламент», закурила, «забыв» спросить разрешения у хозяина кабинета. Чувствовался класс женщины и адвоката.

«Моей бы жене тоже не сдурнило такую шубенку занять, — подумал следователь. — Но ей такой не видеть, как собственных ушей. Никогда! Не с нашими зарплатами норковые шубки покупать...»

— Так, что за беда? — переспросила следователя, упершись в него черными цыганскими глазами. (В молодые годы в этих глазах, наверное, такое пламя бушевало, что ой-ей-ёй! Не один мужчина в них утонул...)

— Не возьметесь ли защищать очередного прохвоста? — поинтересовался Паромов. — Подозревается в подстрекательстве на кражу чужого имущества в крупных размерах и... на убийство.

— Серьезно? — сделала она удивленные глаза.

— Seriously.

— А с доказательной базой как? — проявила профессиональный интерес. — А то вы вчера кого-то тут задерживали, а они молчат. Так наши адвокатские говорили... Скорее всего, невиновны... Вам, милицейским, только бы людей невинных в кутузку сажать.

Намек был на Апыхтина и Злобина, которые при адвокатах действительно ничего существенного не сказали. Но уважаемая Инесса Эдуардовна еще не знала, что уже вечером оба подозреваемых «пели соловьями».

— Знаем мы вас, поспешников, — продолжила со все той же лучезарной улыбкой и скрытым ехидством.

Возможно, она хотел сказать прохиндеев или проходимцев, так как недолюбливала всех милицейских работников, — что ворожить, — что сказала, то и сказала, подчеркнув присущую милиции поспешность в делах.

— Поработаем, что-то и найдется, — уклонился от прямого ответа следователь. — Жизнь покажет. Бывает, что сначала задерживаем, а потом и отпускаем, как вот, например, с некоторым Крюком случилось. Не подтвердились наши подозрения в покушении на убийство, — с сожалением пояснил он, — приходится освобождать...

— Правильно, — не стала спорить Инесса Эдуардовна, — жизнь всех рассудит. Кстати, сегодняшнее задержание со вчерашним делом связано?

— Напрямую.

— А как с оплатой? Надоело пахать по сорок девятой, — пожаловалась она. Даже глаза потускнели. А, может, просто так показалось следователю из-за облачка сигаретного дыма после очередной затяжки Инессы.

— Как договоритесь, — вновь был лаконичен следователь. — Ну, а если не повезет договориться, государство в соответствии со своими возможностями отблагодарит ваш благородный труд.

— Отблагодарит, как же... — скептическая гримаса исказила губы адвокатессы, —

держи карман шире! От государственной благодарности можно ноги с голоду протянуть и зубы на полку положить... по причине полной профессиональной непригодности.

Пока беседовал с адвокатессой, пока она с глазу на глаз беседовала с Нехорошим, пока допрашивал Олега и записывал его измышления — такой способ защиты избрал он с подачи Инессы Эдуардовны — из ИВС привезли Злобина и Апыхтина.

— Придется очные ставки проводить, — поставил следователь в известность подозреваемого Нехороших и его защитника Изверову. — С подозреваемыми Апыхтиным и Злобиным в связи с существенными разногласиями в ваших показаниях.

— Может, как-нибудь попозже, — попыталась сорвать следственное действие адвокатша. — У меня еще судебное заседание.

— И у меня еще куча дел, — не согласился с ней следователь. — Поэтому проведем очные ставки, не откладывая, а затем уж займемся другими делами.

— Насколько я знаю, ни Злобин, ни Апыхтин показаний против моего клиента не давали. Они вообще воспользовались статьей 51 Конституции, — попыталась настоять на своем мнении Инесса Эдуардовна. — Какой смысл в очных ставках? Не понимаю!

— Это, как вы правильно выразились, по вашим данным, — съязвил следователь, — а по нашим данным все основания для проведения очных ставок имеются.

Следователь не ошибся: и Апыхтин, и Злобин с каким-то радостным настроением на очных ставках топили Олега. Так что к концу очных ставок весь скептицизм Инессы Эдуардовны полностью испарился.

— Может, дадим возможность Нехороших явку с повинной оформить? — попыталась Инесса хоть каким-то образом облегчить судьбу своего подопечного, когда они остались в кабинете следователя одни.

— А с какого рожна? — вопросом на вопрос ответил Паромов.

Тут в кабинет вбежал Студеникин. Возбужденный и довольный.

— Нашли! — с порога заявил он, не обращая никакого внимания на адвокатессу. — В гараже у Нехороших. И «девятку», и запчасти от «шестерки». Во дворе, вон, выгружаем. А «девятка» исправна, только регистрационные знаки отсутствуют. Своим ходом пригнали. Вот протоколы обыска.

Для большего эффекта потрепал он в воздухе довольно энергично свернутыми в трубочку протоколами.

— Все нормально с оформлением? — остановил его Паромов, переживавший за соблюдение оперативными работниками процессуальных норм. Ибо малейшее нарушение процессуальных норм впоследствии влекло большие неприятности.

— Все в порядке. И понятые были, и супруга потерпевшего. Все присутствовали, все видели, все расписались. Так что — все чин-чинарем!

— Что ж, спасибо, — забирая постановления и протоколы обысков, поблагодарил старший следователь опера. И добавил вслух, словно рассуждая сам с собой, или отвечая на чей-то вопрос:

— Вот и вещественные доказательства стали поступать.

Не удержался, подошел к окну, выглянул во двор. Там, в сторонке от милицейских автомобилей, стояла белая «девятка».

— Не желаете взглянуть? — обратился к Инессе Эдуардовне. — Такая красавица стоит во дворе!

— Нет уж, извольте, — отказалась та. — И все машины одинаковы по сути: ма-ши-

ны, — пропела по слогам. — Куча бездушного железа. Так что, я, пожалуй, пойду. Предупредите заранее, когда будете предъявлять обвинение, чтобы я смогла спланировать свою работу.

— Обязательно, — пообещал Паромов. И искренне добавил: — Спасибо!

Адвокатесса ушла, а старший следователь и опер стали обсуждать обстоятельства, сопутствовавшие обыску, и планировать свои дальнейшие действия. Впереди предстояло проведение следственных экспериментов, и их целая уйма. Время же поджимало: весенний день был по-прежнему короткий. На улице хоть и весна, но темнело, по-прежнему, довольно рано. А надо успеть все сделать засветло.

Тут хоть ужом на горячей сковороде вертись, но, кровь из носу, успевай.

13 МАРТА. СЛЕДСТВЕННЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

Статья 183 УПК РСФСР — следственный эксперимент — гласила, что в целях проверки и уточнения данных, имеющих значение для дела, следователь вправе произвести следственный эксперимент, путем воспроизведения действий, обстановки или иных обстоятельств определенного события и совершения необходимых опытных действий. При этом следователь в необходимых случаях производит измерения, фотографирование, киносъемку, составляет планы и схемы.

Производство следственного эксперимента допускается при условии, если при этом не унижаются достоинство и честь участвующих в нем лиц и окружающих и не создается опасности для их здоровья.

При производстве следственного эксперимента должны присутствовать понятые.

В случае необходимости в производстве следственного эксперимента могут участвовать подозреваемый, обвиняемый, потерпевший, свидетель.

Следователь вправе пригласить для участия в производстве следственного эксперимента и специалиста.

О производстве следственного эксперимента составляется протокол с соблюдением требований статей 141 и 142 УПК РСФСР. В протоколе подробно излагаются условия, ход и результаты произведенного следственного эксперимента.

Если читатель внимательно следил за приведенной тут диспозицией статьи УПК, регламентирующей условия проведения эксперимента, то обратил внимание на тот факт, что обязательным условием являлось наличие понятых, допустимым, но не обязательным условием было участие фигурантов дела. Причем, все фигуранты указаны в единственном числе: подозреваемый, потерпевший и так далее. Нигде не говорилось: подозреваемые, потерпевшие, свидетели.

«Мелочи!» — скажете вы. Но на следствии мелочей не бывает. Тут каждое слово обязательно несет определенную завершённую смысловую нагрузку. Тут каждое слово в строку! Следствие — это вечный вопрос о постановке запятой в классической дилемме: «Казнить, нельзя помиловать».

Для чистоты эксперимента следовало все следственные действия с каждым подозреваемым провести в отдельности. Но как мы уже говорили, время поджимало, и старший следователь принял решение об участии обоих подозреваемых и потерпевшего в одном следственном эксперименте, руководствуясь постулатом: «Что не запрещено законом, то разрешено».

Подозреваемые Злобин и Апыхтин не возражали. Не возражала и Мальвина Васильевна когда Паромов поставил ее в известность о предстоящем эксперименте, позвонив по телефону.

— С соседом Олегом не желаю встречаться, — поставила она условие, прослышав, что Нехороших забрали в милицию.

— С ним у вас встречи, по крайней мере, сегодня не будет, — заверил ее старший следователь.

В будущем очные ставки между ними не исключались, но в этот день успеть бы было провести эксперимент и его документирование.

— А других убийц моего мужа увижу? — спросила Мальвина.

— Подозреваемых в причинении тяжкого вреда здоровью, — поправил ее Паромов, придерживаясь официального статуса данных фигурантов дела, — вы увидите. Только прошу вас ни в какие разговоры, тем паче скандалы, не вступать. Иначе мне придется вас удалить и следственный эксперимент проводить без вашего участия.

— Мне с ними не о чем разговаривать. Мне бы только им в глаза посмотреть!

— Тогда договорились. Кстати, что слышно от врачей по поводу мужа? Нет ли каких изменений в лучшую сторону?

— Особых надежд не питают, удивляются, что еще жив. Муж, по-прежнему, в реанимации и в бессознательном состоянии.

— Будем надеяться на его организм и мастерство врачей. У меня для вас и хорошая новость имеется.

— Слышала, мой автомобиль нашли, — опередила она следователя. — Когда можно забрать?

— Как выполню необходимые формальности по его осмотру, по признанию вещдоком, по опознанию, так и возвращу на ответственное хранение до суда.

— Не поняла: какое такое хранение?

— Ответственное.

— Мой собственный автомобиль?..

— Не просто автомобиль, а вещественное доказательство, — уточнил Паромов, — вещественное доказательство... Не мной это придумано. Таков закон.

— Плохие у нас законы, раз людей режут на пороге собственной квартиры... и автомобили владельцам не отдают...

— Не мы их придумываем, не мы. Наше дело их исполнять, — не стал спорить следователь. — Так, я на вас рассчитываю...

— Подойду, — заверила Смирнова и положила трубку.

К 14 часам, наконец-то, собрались все, приготовившись к проведению следственного эксперимента. Оперативники успели даже домой сгонять, перекусить. Следователь Паромов и на этот раз остался без обеда, перебившись чашкой крепкого кофе и сигаретой вместо бутерброда. Зато в его кабинете уже находились оба понятых, которым он (пока без записи на видео) разъяснял причину проведения следственного эксперимента, их права и обязанности; эксперт-криминалист Андреев Владимир Давыдович со своей видеокамерой; еще один молодой стажер из отделения криминалистики, обвешанный, как такое случалось раньше с Андреевым, всевозможными фотоаппаратами, блоками питания, фотовспышками; старший оперуполномоченный Аверин и оперуполномоченный Студеникин, поигрывающие «браслетами»; оба подозреваемых, спокойно покуривающих сигареты, «одолженные» у оперов; и потерпевшая Смирнова, почти не поднимавшая глаз на окружающих. Даже на подозреваемых ей уже смотреть не хотелось.

Все, кроме обоих оперативников, сидели на стульях. Те же стояли у двери, опершись, кто спиной, кто плечом о косяк. Не потому, что им не хватило стульев, стульев как раз хватало, а в силу своей оперской привычки всегда быть начеку.

— Ну, что, Владимир Давыдович, готов? — задал долгожданный вопрос Паромов приготовив необходимые документы и убедившись в общей готовности присутствующих к проведению эксперимента. — Запасные блоки питания, кассеты не забыл взять?

— И блоки питания взяты, и видеокассеты, и сам, как пионер, всегда готов, — отрапортовал всегда оптимистично и по-боевому настроенный специалист криминалистики,

водружая видеокамеру на плечо.

— Запускаем кино? — спросил он на всякий случай.

— Запускаем, — тихо подтвердил Паромов.

И пошло: «Старший следователь такой-то, рассмотрев материалы уголовного дела такого-то, возбужденного тогда-то по статье такой-то...»

Как и планировал Паромов, начало следственного эксперимента было положено прямо в кабинете старшего следователя. В относительно спокойной обстановке были указаны условия и причины, потребовавшие проведения такого следственного действия, как эксперимент, названы все участники эксперимента с их личным представлением, разъяснены права и обязанности этих участников, а подозреваемым еще и статья 51 Конституции РФ. И так далее, и так далее...

Оба подозреваемых чуть ли не в один голос заявили, что желают участвовать в следственном эксперименте, что не возражают один против другого, что на данном этапе следствия в услугах адвокатов не нуждаются, так как решение приняли добровольно и без принуждения со стороны сотрудников милиции. Даже письменные заявления об отказе от адвокатов под видеозапись нацарапали с указанием даты и времени.

Когда необходимая преамбула была выполнена, и встал вопрос о выезде на место основных событий, старший следователь прервал видеосъемку, объяснив причину перерыва.

Оперативники окольцевали за правые руки обоих подозреваемых, чтобы с этого момента ни на секунду не расставаться с ними до конца эксперимента и возвращения в отдел.

На служебном автомобиле прибыли к дому потерпевших. За двое суток возле дома обстановка существенно не изменилась. Возможно, снежный наст стал чуть меньше, чем был раньше. А так все было на месте: и дом, крупнопанельный близнец с другими такими же; и обшарпанный подъезд со скрипучей и давно не крашенной дверью на никогда не знавших смазки петлях; и деревянная скамья у подъезда — ночной магнит для молодежи; и площадка для автомобилей.

Высыпали из милицейского микроавтобуса.

Андреев с видеокамерой, которую немедленно водрузил на плечо; его стажер с фотоаппаратурой и другими, необходимыми для фотоаппаратуры, причиндалами; оперативники Аверин и Студеникин в паре с прикованными к ним наручниками подозреваемыми — чем не Шерочка с Машерочкой.

Старший следователь с черным дипломатом и листками бумаги для необходимых пометок и схем — видеозапись видеозаписью, а что написано пером, того не вырубить и топором!

Последней из салона микроавтобуса вышла потерпевшая Смирнова со своими грустными мыслями и тоской по раненому мужу.

Даже водитель, и тот выполз из кабины, чтобы ноги подразмять, да на солнышке погреться.

Вдыхали плотный от влаги и запахов весенний воздух, шурились под косыми лучами яркого солнца. Оно же, словно золотое яблочко из русских сказок, безмятежно и незаметно катилось по голубому блюдечку небес.

Видеозапись возобновилась.

Андреев, как опытный оператор, забежав с подсолнечной стороны, в целях избежания ненужных бликов и засветок, скользнул объективом видеокамеры по лицам участников,

чтобы показать, что никто не «пропал», потом по номеру на углу дома, привязывая к местности и месту, и остановился на подозреваемых.

Не отставал от него и стажер, молча щелкая затвором фотоаппарата, то под одним ракурсом, то под другим, снимая место происшествия и «главных героев». На таком важном следственном действии он присутствовал впервые, потому старался от души.

Погода благоприятствовала. День был солнечный, по-весеннему теплый. С крыши дома капала капель. На припеке снег подтаивал, и по асфальту собирались лужицы. Соединяясь, они образовывали маленькие ручейки, чуть заметно скользившие с возвышенных мест в низины.

«Видеозапись возобновляется», — прозвучала сакраментальная фраза, без которой никак не обойтись в таком сложном и ответственном деле, как длительный по времени, изменчивый по месту восстанавливаемых событий, следственный эксперимент.

— Гражданин Апыхтин, расскажите, где мы находимся и какие произошли тут события? — задал следователь вопрос.

— Это тот самый дом и тот подъезд, где 10 марта 1998 года, вечером, мы встретились со Смирновым Артемом, где сначала Иван Злобин угостил его самогоном, а поздно вечером мы с Артемом поехали на его автомобиле ВАЗ-21099 белого цвета к нему в гараж, чтобы поставить там автомобиль. При этом присутствовали...

— Гражданин Злобин, — обратился Паромов уже ко второму подозреваемому, — вы подтверждаете показания Апыхтина? Или все происходило иначе?

— Подтверждаю, — отозвался Злобин. — Все происходило именно так, как рассказал мой друг Анатолий.

— Вы можете указать то место, где стоял автомобиль Смирновых? — задал уточняющий вопрос следователь.

— Да вот тут он и стоял, — показал свободной рукой Злобин на уголок площадки, предназначенной для временной стоянки автомобилей. — Здесь.

— А вы, Апыхтин, что можете сказать по месту нахождения автомобиля Смирнова? — переадресовал следователь вопрос второму подозреваемому, ведя перекрестный допрос.

— Злобин Иван верно указал место. Тут стоял в тот вечер автомобиль Смирновых, — показал Апыхтин на то же самое место, что перед ним сделал Злобин.

— Гражданка Смирнова, — обратился Паромов к потерпевшей, — поясните следствию, где вы в тот вечер ставили автомобиль?

Объектив видеокамеры нацелился на Смирнову.

— Вы можете указать нам, где поставили свой автомобиль? — повторил следователь вопрос.

— 10 марта этого года, вечером, я действительно поставила на этом самом месте свой автомобиль ВАЗ-21099 белого цвета, госномер... — тихим размеренным голосом подтвердила Мальвина и сам факт оставления тут автомобиля, и место.

Она стойко придерживалась данного следователю обещания ссор с подозреваемыми не затевать, в пререкания не вступать. Конечно, ей было тяжело. Приходилось, пусть и косвенно, но общаться с людьми, пытавшимися убить ее мужа, похитившими ее автомобиль. Но она держалась.

Завидев милицейскую машину, сотрудников милиции и необычное действо с участием оператора с видеокамерой, лиц в наручниках, чего и по телевизору-то не часто увидишь, а тут происходит наяву, — сбежались зеваки: жители этого злосчастного дома и просто

пешеходы, куда спешившие по своим делам, но враз забывшие о делах и о спешке. Но стоит отдать им должное: стояли в отдалении, под ногами не мешались и в кадр не перлись.

Как всегда: очевидцев — днем с огнем не сыщешь, зевак — навалом!

— Товарищи понятые, вы можете засвидетельствовать, что место стоянки автомобиля и подозреваемыми, и потерпевшей указано одно и то же? — задал следователь вопрос понятым.

— Да, да! Конечно, — чуть ли не в один голос подтвердили понятые: Щетинин Иван Михайлович, тракторист ЖКО, и Синюгин Александр Викторович, рабочий АО «СЭММ», видеокамеру. — Указали одно и то же место. Подтверждаем.

Это был уже не просто следственный эксперимент, это был и перекрестный допрос, и очная ставка, и проверка показаний на месте. Это было такое действие, которое уже не требовало дополнительных следственных действий.

Аналогичным способом уточнили время отъезда от дома Смирнова.

Затем место нахождения гаража Смирновых.

Место непосредственного покушения на убийство и завладения ключами потерпевшего, незначительной денежной суммой, находившейся в его карманах, наручными часами, курткой.

Место, где бросили в предсмертных, как они считали, судорогах и хрипах тело Артема.

И здесь Мальвина Васильевна не сдержалась, заплакала горько-горько, почти беззвучно, с тоненьким щенячьим повизгиванием и нервным подрагиванием плеч.

Место, где прятали номерные знаки и ключи от гаража и квартиры.

Ключи от самого автомобиля обнаружили в замке зажигания девятки при проведении обыска в гараже у Нехороших.

Место, где выбрасывали орудие убийства — складной нож.

Нож долго искали, но не нашли. Там была свалка металлолома, и обнаружить среди тысяч металлических деталей небольшой складной нож было невозможно. Тем более начинало смеркаться.

Подозреваемые так вошли в раж, что порой и вопросов следователя не требовалось. Сами все рассказывали, с деталями, с конкретикой, с уточнениями, порой перебивая друг друга, порой подтверждая или уточняя то или иное событие, тот или иной факт, то или иное действие.

Оперативники безмолвствовали. Понятые поражались. Андреев еле успевал менять блоки питания и кассеты. Потерпевшая ужасалась, так как Злобин и Апыхтин рассказывали не только подробно, но и весело, с улыбочками, со смешками.

И только следователь время от времени спрашивал обоих подозреваемых, не оговаривают ли они себя, друг друга и их знакомого Нехороших Олега.

— Никак нет! — весело заверяли Апыхтин и Злобин в объектив видеокамеры. — Никак нет! Никакого оговора. Все рассказываем так, как было на самом деле. И только просим, чтобы суд принял во внимание наше раскаяние и чистосердечные показания при назначении меры наказания.

Это был не следственный эксперимент. Это был документальный фильм о преступлении и раскаянии. Фильм, завершающийся символически: быстро темнеющим небосводом, багровым, как кровь, закатом и редкими и резкими вспышками фар, словно сверкание клинков, от пробежавших невдалеке, по трассе автомобилей!

Впрочем, имело ли место раскаяние, ответить однозначно было затруднительно.

Веселое настроение подозреваемых с раскаянием никак не согласовывалось, не стыковалось.

В отдел возвратились при полной темноте. С кучей обнаруженных при проведении следственного эксперимента вещей и предметов, зафиксированных на видеопленку, изъятых, тут же осмотренных и опознанных. Уставшие и морально опустошенные от услышанного и увиденного. Кроме Злобина и Апыхтина, для которых следственный эксперимент был чем-то вроде увеселительной прогулки по местам их «боевой славы», а еще своеобразным кинобоевиком, в котором они играли первые роли.

Потом в кабинете экспертов на большом телевизоре просматривали все видеозаписи, чтобы чуть позже, опять под видеокамеру подтвердить, что все записано верно.

Понятых и потерпевшую Паромов отпустил, попросив прийти дня через два, чтобы ознакомиться с письменным протоколом следственного эксперимента и подписать его. Ибо только письменный протокол являлся доказательством, а не видеозапись — всего лишь приложение к данному протоколу. Как и фототаблицы. Как и схемы.

«Когда же мне этот фильм успеть перенести на бумагу, — думал следователь, помогая Студеникину отводить подозреваемых в дежурную часть. — По-видимому, придется и ночами поработать. Днем некогда. А там еще и обвинительное заключение по делу Шаватава печатать надо. Жаль, что второй пары рук нет...»

Режиссер сначала пишет сценарий, а затем по нем фильм снимают. В данном случае все было наоборот: Без какого-либо сценария, сплошным экспромтом, на одних импровизациях-показаниях подозреваемых сначала был снят видеофильм, а уж по этому фильму предстояло писать сценарий, придерживаясь каждого вопроса, каждого ответа, поясняя, как о месте действия, так и о действующих лиц.

13 МАРТА. ДУРНАЯ ПРИМЕТА. ПРОДОЛЖЕНИЕ

— Ну, как? — спросил оперативный дежурный Кулинич, на прошлом дежурстве которого и загорелся весь сыр-бор, и который вновь нес службу на посту оперативного дежурного.

По-видимому, он имел в виду, как идет расследование. Так, по крайней мере, понял его Паромов.

— Нормально.

— Можно считать раскрытым? На моем дежурстве случилось. Еще Подаркова...

Но он не успел договорить, что Подаркова наделала.

— Уверен! — категорично заявил Паромов и... присел на край стола, того самого, на котором до него имела несчастье присесть следователь Подаркова.

Устал и потерял бдительность старший следователь от всех этих бесконечных вопросов-допросов, очных ставок и экспериментов.

— Что ты делаешь? — чуть ли не взвизгнул Кулинич с округлившимися от изумления в святотатстве глазами.

— Извини! — вскочил, как ужаленный, старший следователь со стола, до которого дошло, что нарушил табу, опростоволосился. — Забегался, замотался и забыл, что присаживаться на стол — дурная примета.

Кулинич лишь руками развел.

— Ну, вот, — посоветовал его помощник, — опять жди неприятностей. День продержались, а к вечеру — на тебе! И надо же тебе было...

— Ладно, — попытался успокоить его Паромов, — возможно, пронесет. Я же не в следственно-оперативной группе. Так сказать, лицо, постороннее для дежурной части.

Помощник лишь рукой махнул: куда, мол, пронесет...

— Может и пронесет, — засомневался Кулинич, — может и пронесет, но все равно какие-нибудь неприятности будут. Возможно, не у нас, возможно, у тебя самого. Поверь — дурная примета...

— Да у меня, если здраво рассудить, — улыбнулся грустно Паромов, — одни лишь неприятности.

И поспешил в родной кабинет, где не было дурных примет, а только дурные привычки в виде непрерывного курева.

Возле кабинета стояла Смирнова, кутаясь в шубку.

— Вы еще не ушли? — удивился Паромов.

— Нет, не ушла, — одновременно виновато и печально улыбнулась Мальвина. — Решила вас подождать. Можно, у вас в кабинете посидеть, поговорить?

— Вообще-то можно. Но уже поздно... Темно... — открывая кабинет, ответил Паромов, имея в виду то, что Мальвине Васильевне еще предстоит домой добираться, одной среди ночи от остановки шагать.

— А вы что, темноты боитесь или женщины? — поддела она следователя. — Так быстро дело раскрутили, я даже и не ожидала, а тут на тебе, боится...

В глазах веселый бесенок показался и тут же исчез. Женщина, что возьмешь? То плачет, то кокетничать готова.

— Вы, Смирнова, то ругаться собирались, обвиняя милицию в бездействии, —

улыбнулся следователь, — то, вроде, похвалили... Но так тонко похвалили, что сразу и не поймешь.

— Я забыла спросить, когда за автомобилем приходите? — нашлась Мальвина, уходя от прямого ответа на вопрос Паромова, но ее щечки при этом заалели. Да так заалели, что затронули какую-то струнку души старшего следователя. И та нежно дзинькнула помимо его воли.

— А разве я вам не сказал? — вновь улыбнулся Паромов, оценив, как ему показалось, в нужном направлении пикантное смущение молодой женщины.

— Возможно, но я подзабыла...

Намечался интересный диалог. Паромов и про усталость забыл, и про дурную примету... Может, не всегда дурные приметы бывают дурными? А?.. Наверное бывают и добрыми...

Рассмотрев материалы, проверив документацию, находившуюся в дежурной части, прихватив с собой принесенные Паромовым ксерокопии документов — выделенное уголовное дело в отношении Крючкова, Алелин поднялся в свой кабинет, встретивший его свежeweмытым полам, протертой влажной тряпичей мебелью и свежим, после проветривания, воздухом. Постаралась уборщица, в обязательном порядке производившая влажную уборку в кабинете перед началом рабочего дня.

Листья розы блистали зеленой свежестью и чистотой. Почва в дубовой кадке была влажной.

«Молодец, Акимовна, — улыбнулся Алелин, вспомнив добрым словом уборщицу, — не поленилась, листья протерла. Роза, словно новая, зазеленела. О! Бутон завязался, — обрадовался он, увидев завязь цветка, — раньше не замечал. Интересно, каков цвет будет...»

Прошедшие сутки прошли без замечаний. Все происшествия, случившиеся за данный период, были незначительные и в основном разрешены. По личному составу обошлось без происшествий. Дисциплина налаживалась. Новый день только начинался, даже телефоны молчали, поэтому неприятности еще не сыпались.

Алелин уселся на свое кресло. Механически щелкнул пультом управления, включая телевизор — надо было хоть бегло, но просмотреть новости. По статусу полагалось быть в курсе жизни страны и мира.

Новости не радовали, но куда уж денешься. Страну и время не выбирают, когда рождаются. Они даются с рождением. Можно было попытаться их делать. И делали. Не он. Другие. И делали плохо...

Экран засветился. Красивая ведущая щебетала что-то о «красном поясе» и «коммунистическом реванше».

«Бред собачий!» — подумал он и переключил канал.

На экране выплыл Председатель Совета Министров — Кириченко Сергей Ефимович такой прилизанный, благообразный, улыбочивый. Не Премьер, а дьячок из сельской церкви. И говорил также слащаво и благостно, как поп с амвона: «Рубль, уважаемые сограждане (считай: братия и сестры) укрепляется. Международное положение России, благодаря неустанным стараниям нашего Президента, уважаемого Бориса Николаевича Ельцина, усиливается. Вот опять Международный валютный банк нам дает очередной заем четыре с половиной миллиарда долларов, так что благосостояние россиян неуклонно растет и повышается...»

«Бред сивой кобылы, — и переключил телевизор на следующий канал. — Где же это благосостояние, если народ от нищеты весь в криминал ударился. Мать родную готовы за копейку убить... Головы людям, словно курам, режут без зазрения совести. Советская власть, хоть и считается по нынешним временам плохой и недемократичной, но такого бардака и криминала не допускала. Куда ей!»

Но и на следующем канале было то же самое. Импозантный телеведущий Доренко Сергей, как соловей кукушку в басне Крылова, без всякого стеснения расхваливал русского олигарха и гениального предпринимателя Березовского Бориса Абрамовича, которому, ах, какая беда, в последнее время российские спецслужбы стали ставить палки в колеса! Даже секретный заговор в отношении его умыслили с целью физического устранения и

ликвидации.

«Не верите? — вопрошал с экрана таинственно ведущий, — да ко мне этой ночью честные и неподкупные чекисты прибежали — и крупным планом физиономии «чекистов» на домашней кухне при свете свечи — они отказываются лишать жизни Бориса Абрамовича! Вот, так-то!»

«Отлично! Можно считать, что новости я посмотрел, — отключил телевизор Алелин. — Прощай, глобальные проблемы! Займемся-ка мы мелкими текущими делами. Без всех этих Доренко, Кириченко с их Ефимовичами, Абрамовичами и другими еврохловичами».

Взглянул на настольные часы — подарок областного руководства по случаю очередной годовщины милиции. Пора было отзваниваться в городское УВД, докладывать об оперативной обстановке за прошедшие сутки, а также о продвижении дела по раскрытию и расследованию покушения на убийство Смирнова — дело было взято на контроль начальником УВД Окелем Вадимом Фридриховичем, полковником милиции, сменившем на этом посту Колаева Николая Михайловича.

Позвонил. Доложил.

— Это хорошо, что подрез Смирнова раскрыт, — выслушав доклад, сухо отреагировал Окель, — но когда же раскроете двойное убийство? Когда?

— Работаем, товарищ полковник.

— Плохо работаете, товарищ подполковник! — по-прежнему сухо констатировал начальник УВД и положил трубку, так как сразу послышались характерные сигналы — короткие гудки.

Поговорили.

Даже очень продуктивно и душевно. Начальство — оно везде начальство. Даже в Африке, даже на Чукотке... И не любит сантименты с подчиненными разводить. Тем более в милиции. Какие тут могут быть сантименты?.. Но настроение ухудшилось. Очень ухудшилось.

Достал из сейфа агентурное сообщение Сапы. Прочел. Снова положил в сейф. Стал читать материалы выделенного дела.

«Ну, что ж, зацепка для беседы с Крюком есть, — подумал он, проанализировав полученную информацию, — и не только для беседы, но и вербовки. Посмотрим...»

Алелин Виктор Петрович хоть последние годы и находился на руководящей работе, но оперский дух в нем не угас. Враз оценил обстановку для возможной вербовки очередного информатора.

Нажал тумблер связи с дежурной частью.

— Слушаю, — раздался из динамика голос оперативного дежурного Кулинича.

— Заступаете, Александр Иванович? — поинтересовался Алелин, имея в виду не только оперативного дежурного, но и всю следственно-оперативную группу, весь наряд.

— Да, Виктор Петрович, — был лаконичен Кулинич.

— Там ребята из розыска еще в ИВС за подозреваемыми не уехали?

— Еще нет. Только оружие получают. А что?

— Напомните им: как привезут подозреваемых, то пусть Крючкова ко мне в кабинет доставят. Хочу лично с ним побеседовать.

— Хорошо.

— Дежурство принял? — переключился на другую тему Алелин, ближе к текущему моменту.

— Принимаю, — отозвался Кулинич.

— Как примешь, старый и новый наряд ко мне в кабинет... на разбор прошлого дежурства и инструктаж нового наряда.

— Есть.

То обстоятельство, что дежурным по отделу заступал Кулинич, вновь приподняло настроение и затушевало горьковатый осадок от общения с Окелем.

Майор Кулинич был самый опытный дежурный в отделе. Опытным и серьезным. На него можно было положиться. Сам ляпа не допустит, и других от необдуманных поступков удержит. Да и оперативной обстановкой на территории обслуживания владел, дай Бог каждому!

Совсем недавно ушли на пенсию Цупров Петр Петрович и Смехов Юрий Николаевич — старые кадры, перешедшие еще из Промышленного РОВД, знавшие в лицо не только руководителей города, но и чуть ли не всех судимых, семейных дебоширов, алкоголиков и хулиганов. Причем в нескольких поколениях, от дедов до внуков. Сказывалась старая школа, когда сотрудники десятилетиями работали на одном месте, а не прыгали как блохи из одного отдела в другой, с одной службы в другую.

Но вот подошло время — и проводили их с честью на заслуженный отдых. А на их место пришли другие сотрудники, помоложе и пообразованней, хотя с опытом уступающим ветеранскому, но опыт — дело наживное. В основном, из участковых. Тот же Кулинич, тот же Сидоров Владимир Иванович. Попробовал Сидоров свои силы на следствии и не захотел оставаться следователем — не любил возиться с бумагами. Перевелся в дежурную часть.

Рабочий день, меж тем, входил в обычный ритм. Почти непрерывно звонили телефоны, заскакивали сотрудники: кто какой-то вопрос согласовать, кто бумаги подписать.

Зашел Кулинич. Доложил, что наряды, старый и новый, для смены прибыли.

Произвел разбор «полетов», проинструктировал заступающую смену. Сменил наряды.

Позвонил председатель промышленного суда Жеребцов Юрий Сергеевич, сообщил, что «пробуксовывает» дело по обвинению Сорокина Максима, так как свидетели не являются в суд. И судья Оловников грозит вернуть его на следствие. «Дос» или «доследка» — в первую очередь головная боль следствия — их за это «секут» нещадно, так как это их брак в работе. Однако и на отдел от очередного возвращения дела на следствие изрядный «ком грязи» ложится: на каждом оперативном совещании в нос тыкать будут. Заверил, что примет меры и обеспечит явку свидетелей.

Настроение упало.

Позвонил сам прокурору. Получил добро на арест фигурантов по делу Смирнова. Хоть это и дело следователя, решать вопросы об аресте, но помочь следователю никогда не помешает. Надо же знать возможную перспективу развития следствия. Следователи, хоть и считаются процессуально независимым органом, но контроль и за ними лишним не будет.

Настроение приподнялось.

Постучавшись, зашел водитель с дежурного автомобиля. Доложил, что «полетело» сцепление. Отчитал, как следует. Только ругай не ругай, а отремонтировать надо и надо искать спонсоров, чтобы оплатили ремонт. При УВД хоть и имеется и гараж, и специальная служба, отвечающая за ремонт техники, и даже целый отдел службы тыла во главе с заместителем начальника УВД в должности полковника, но отремонтировать отделовский автотранспорт приходилось своими силами. Не было в УВД средств и запчастей для отделов милиции. Дай Бог, УВДешный транспорт успевают отремонтировать!

Настроение устремилось в сторону «минуса».

Но вот Кулинич сообщил, что подозреваемые доставлены, а Крючкова, как и просил, уже ведут к нему — и настроение повернуло опять в положительную сторону.

Ничего не поделаешь — работа. Милицейская работа! Обыкновенная, будничная, нервная, состоящая из плюсов и минусов, из бесконечных хлопот, забот и редких радостных минут.

— Ну что, Крючок, давно не виделись, — встретил он появление Крючкова в кабинете. — Садись, — специально употребил это слово, а не принятое в милиции «присаживайся», — на стул и рассказывай, как до такой жизни докатился. А вы, товарищ лейтенант, — обратился к участковому, доставившему Крюка и, по-видимому, дежурившему а составе СОГ, — свободны. Мы тут, как старые знакомые, с глазу на глаз побеседуем, молодость свою вспомним, общих знакомых... Будешь нужен, вызову через дежурного.

Участковый развернулся и ушел, прикрыв за собой обе двери.

— Сесть я всегда успею, — насупился Крюк, — я лучше присяду...

— Скорее всего, сядешь, — не изменил своей точки зрения на дальнейшую судьбу Крючкова Алелин, однако произнес это без угрозы, скорее с сожалением взрослого, умудренного опытом человека по отношению к нашкодившему подростку. — Рассказывай!

— А что рассказывать, Виктор Петрович? — враз вспомнил бывший зэк имя и отчество начальника отдела, — если твои опера в наглую шьют мне дело... мокрое дело, — уточнил он. — Было бы не обидно, если бы я это сделал. Но не делал. Не делал, свободой клянусь! Век воли не видать! Вот хулиганка — это мое. Отпираться не стану — было дело... Но не убийство, ведь!

Замолчал. Но головы и глаз не опустил, считая себя правым.

— Значит, хулиганство признаешь? — переспросил Алелин. — А покушение на убийство нет?

— Хулиганку признаю. Подрался по пьяному делу с корешками. Чего уж тут. Но подрались — и помиримся... Свои, чай, люди, сочтемся... А на убийство не подпишусь, хоть самого тут убивайте.

— А что, было? Били? Мои? — Прищурил насмешливо один глаз Алелин.

— Нет. Я это к слову.

— Слово не воробей, вылетит — не поймаешь! — предостерег от пустых слов Алелин. — Да и сесть может на стол к прокурору... Но это так, между делом... Значит, говоришь, что не причастен к этому покушению на убийство.

— Не причастен. И даже не знаю, кто тут при делах.

— А если бы знал, то что? — быстро спросил Алелин, смотря в глаза Крюку.

— В свидетели, конечно же, не пошел бы, не принято у нас, заподло... — держал «марку» Крюк, — но «наколку» бы дал. Век воли не видать... — Опустил глаза.

— Серьезно, или для красного словца? — сделал вид Алелин, что не верит искренности бывшего зэка и бизнесмена.

— Seriously. Знаешь, начальник, своя рубашка ближе к телу. Кстати, я уже говорил вашим операм, что вспомнил, как в ту ночь возле гаража этого самого Артема видел двух парней. Одного поплотней, другого худощавого. Жаль, что более точных примет не запомнил. Сами понимаете, пьяным был в сиську. Но ваши, кажется, и усом не повели...

— Сиськи пьяными не бывают, — искренне засмеялся Алелин, — они бывают большими и малыми, рыхлыми и упругими, обвисшими и стоячими, но чтобы пьяными...

никогда! Поверь на слово старому специалисту.

— Да я так, к слову, — слегка смутился Крюк. — Разрешите закурить? — Шаря глазами по столу в поисках пачки сигарет (не знал, что Алелин не курит), попросил он.

— Свежо преданье, да верится с трудом, — продолжал делать вид Алелин, что сомневается. — Кури, — достал из ящика стола пачку сигарет, — я сам не курю — дерьмо все это, — но на всякий случай пачку-другую под рукой держу. Для таких как ты, жаждущих...

— Спасибо, — поблагодарил Крюк, подойдя к Алелину и забирая у него пачку. — Я возьму пару? Не возражаете?

— Бери, кури. Не обедняю...

— Мне бы огоньку, — заискивающим голосом продолжил Крюк, чуть освоившись в кабинете начальника отдела. — Сами понимаете, у меня все отобрали при досмотре.

— Держи, — Алелин подал ему китайскую зажигалку. — А губы тебе не понадобятся? — пошутил весело, однако шутка показалась двусмысленной. Пришлось уточнить: — Чтобы дым пускать...

— Губы пока свои имеются, — вновь заискивающе улыбнулся Крюк, — чтобы дым пускать...

— Ладно, допустим, ты убедил меня, что к делу соседа по гаражу не имеешь, — продолжил вполне серьезным тоном Алелин, наблюдая, как Крюк по старой зэковской привычке стряхивает пепел в ладонь, видать постеснялся просить пепельницу, — но, может, позапрошлогоднее убийство двух студенток на фонтане твоих рук дело? А что? — как бы спросил сам у себя начальник отдела, — мужик ты видный, баб любишь, пьешь до чертиков. Вот увидел двух дамочек, попросил, они отказали, а ты их с пьяного куража и прибил да и сбросил в фонтан. Как версия? Ничего?

— Версия, возможно, и не плохая, — загасив о ту самую ладонь, в которую собирал пепел, «бычок», скуренный до самого фильтра, и, опуская пепел и бычок в карман брюк (опять не попросил пепельницу), произнес неожиданно бодрым голосом Крюк, — но ко мне она никакого отношения не имеет. Я вам, Виктор Петрович, из уважения скажу даже больше: ищите убийцу среди своих милиционеров. Да, да, среди милиционеров. Среди братвы упорно ходит слух, что тех «телок» мочканул мент!

— Ты это серьезно? — сделал удивленное лицо начальник отдела. — Или решил мне мозги попудрить? Если пудришь мозги, то не советую. Здесь не парикмахерская, и ты не парикмахер!

— Да, мент!

— Сам придумал, или тебя кто научил? — продолжал проявлять показное недоверие Алелин, подыгрывая Крюку, даже на блатной жаргон пустился. — Да чтобы милиционер на убийство пошел!.. Да ни в жисть!

— Вы, вот, не верите, а пацаны меж собой уже давно решили, что то дело рук мента, и что этого мента покрывают свои, тихонько уволив его из милиции.

— Даже так? — продолжал играть Алелин. — Может, ты назовешь мне того ссученного мента или ребят, на которых голословно сылаешься?!!

— Мента не знаю, а братков, от которых я это слышал, могу назвать, но не для огласки, а между нами, — загорелся вдруг Крюк. — С условием!

— Это с каким таким условием? — подыграл Алелин. — Шутить изволите, господин бывший зэк? Забыли, где находитесь и с кем разговариваете. Так напомним, что тут условия

ставлю только я. Я — и никто иной! — подчеркнул он.

— Да какие там условия... — заюлил Крюк, однако надежду выкрутиться из передраги не терял, — просто прошу вас и мне помощь оказать, вывести из убийственного дела. Ведь я там ни сном, ни духом... На пидора клянусь!..

— Ты еще мамой поклянись, дубина стоеросовая, как любят это делать выходцы с Кавказа, — прикрикнул на него Алелин. — Пить надо меньше, тогда и клясться не придется. Впрочем, если ты не лапшу по ушам прогнал, а действительно информацию цветную даешь, можно и твое дело посмотреть повнимательнее... Оставить, как ты и просишь, одно хулиганство, а в части покушения на убийство Смирнова, прекратить... А что, — после небольшого раздумья продолжил он, — вполне сойдет.

— Виктор Петрович! Отец родной! Во век не забуду, — приободрился Крюк, услышав последние слова начальника седьмого отдела милиции, — не дай пропасть! А со своими я как-нибудь разберусь, да и хулиганство — это не убийство! Два года — не десять!

— Ну что ж, будем считать, что ты меня уговорил, — вел свою партию Алелин. — Выкладывай! Имена, клички, и прочие индивидуальные особенности братков, базаривших о двойном убийстве, а я на листке помечу. Старею, брат, на память уже не надеюсь. Ты кури, кури, не стесняйся... И пепел не в кулак ссыпай... вон, пепельницу возьми себе... — вооружившись авторучкой и листком бумаги, балагурил начальник отдела, посылая собеседнику положительный импульс, одновременно поощряя собеседника и призывая его к продолжению откровенного разговора.

Психология в действии. И не просто психология, а милицейская. Не зря же старые оперативники говорят, что хороший милиционер должен быть и психолог, и артист, и всему свету друг и товарищ!

А то, что Крюк и так из Смирновского дела выводится без всяких просьб и договоров, ему, Крюку, знать не стоит. Пусть считает начальника отдела своим благодетелем и избавителем, пусть чувствует перед ним свою вещную обязанность должника!

Покуривая, Крюк поведал Алелину все известное ему о корешах, ведших базар о причастности мента к убийству двух студенток.

— И это все? — не скрыл недовольства в голосе Алелин: пусть чувствует контрагент, как ничтожна его информация и как высоко оказываемое ему доверие, — а расписывал, а торговался!.. Я и уши развесил, поверив... А тут — тьфу и растереть! Зря только пообещал тебе послабление. Зря. Может, назад отыграть, пока не поздно...

Крюк поник. Он подумал, что сейчас Алелин откажется от своего слова и сделки. Сколько раз сам вот таким образом поступал: сначала обещал, а потом забывал про свои обещания. Сейчас и с ним так же поступят. Но Алелин как бы пожалел его, снизошел до его положения:

— Ладно, хоть информация и ничтожна, но слово мое твердо. Будем считать нашу сделку действительной.

— Петрович, не губи! Честное слово, отработаю!

— Ловлю на слове. Я тебя, Дима, за язык не тянул! Сам прокукарекал!

— Понимаю, не маленький, — принял как должное вербовку Крюк.

Что вербовка состоялась, обоим было понятно и без слов.

Нажав клавишу на пульте связи, Алелин вызвал майора Винокурова, начальника отделения дознания.

— Вызывали? — спросил Винокуров, войдя в кабинет.

— Вызывал, — подтвердил Алелин. — Вот подозреваемый по делу о подрезе Крючков. Дело у старшего следователя Паромова. Мы со следователем договоримся, из дела того его выведем. Ни к чему ему убийство. Других поищем. Оставим ему лишь хулиганство.

Винокуров ничего не понимал, но усек, что начальник отдела ведет какую-то игру, поэтому молча выслушивал Алелина. А тот продолжал: — Думаю, что с арестом Крючкова спешить не будем. Он мне пообещал исправиться. Верно я говорю? — обратился опять к Крючкову как бы для подтверждения своих слов.

— Верно, — промямлил тот.

— Вот я и думаю, — продолжил меж тем Алелин, — что подписки о невыезде ему будет достаточно. Пока достаточно! — уточнил он. — А там проживем — увидим... Вы, Александр Васильевич, как на это смотрите?

— Я? Я согласен. Посмотрим. Скрываться не будешь? — обратился уже у Крючкову дознаватель. — Сразу говори, а то...

— Не буду, — заверил Крюк бодрым тоном — впереди маячила свобода.

— Не будет! — подтвердил Алелин и выпроводил Крюка из кабинета в коридор. — Там Александра Васильевича подожди, пока мы тут с ним о своих делах переговорим.

Как только за Крюком закрылась дверь, в двух словах изложил начальнику дознания настоящую суть вопроса и передал материалы.

— Занимайся!

— Да надо хоть почитать, а то я следствие знаю: все дерьмо стараются в дознание сбросить.

— А дознание — в следствие, — подковырнул Алелин. — Читай, изучай. Я просматривал, вроде все в порядке, но как говорится, свой глаз — ватерпас! Да не забудь дежурного предупредить, что Крюка отпускаем, чтобы он ему отдал изъятые при задержании вещи.

— Не забуду, — ответил Винокуров. — Разрешите идти?

— Действуй.

Выпроводив начальника отделения дознания, вызвал к себе начальника КМ Василенко.

— Что у нас, друг Гена, (без посторонних Алелин позволял называть своего первого заместителя по имени, как никак, а ровесники, почти в одно время на работу в органы пришли), по убийству студенток имеется. Или ты об этом и думать забыл?

— Как же, тут забудешь, когда твой друг Григорьев, Александр Кузьмич, по два раза на день об этом напоминает! — отбоярился Василенко.

— Ну, и что?

— Да ничего. Работаем. Проверяем. Судимых по третьему заходу уже отрабатываем, но... — развел руками Василенко, давая понять одним жестом, что ничего хорошего нет.

Алелин усмехнулся: всего полтора часа назад примерно также он отвечал Окелю.

— Что я такого смешного сказал, — обиделся начальник криминальной милиции.

— Ничего, — успокоил его Алелин. — Просто один смешной случай вспомнил. Наверное, не кстати. Но бес с ним, с эти случаем. У меня на днях малюсенькая «наколка» появилась об этом деле, — слукавил немного он. — Да все забываю с тобой обговорить ее. То одно, то другое, то, вот, подрез Смирнова...

— И что за «наколка»? — насторожился Василенко.

— Местные братки меж собой базар ведут, что к двойному убийству причастен каким-то образом мент. Ни ты, ни я в то время тут не работали и всей подноготной не знаем. Давай

поразмислим вдвоем над этой версией, оперскую молодость вспомним... — улыбнулся Алелин, но тут же добавил вполне серьезно: — Без огласки, а то, мало ли чего...

— Давай поразмислим, — согласился Василенко.

И они принялись обсуждать, как сподручнее разрешить эту проблему, исключив утечку информации и задействовав оперативные возможности уголовного розыска, почти также как в далекие годы их милицейской молодости. Правда, только теперь у них был не только накопленный с годами опыт, но и шикарный кабинет, и техника и физическая и профессиональная поддержка всего отдела.

Независимо от того, что происходило за кирпичными стенами седьмого отдела милиции, своей собственной жизнью жил древний тысячелетний город. Город, известный еще со времен Владимира Красное Солнышко, направившего в Курск из заднепровского Василева верного воеводу и судью. Для укрепления от печенегов восточного порубежья Киевской Руси. А сын воеводы — Феодосий (позднее прозванный Печерским) — прославил этот край и этот град на всю Русь. Но то было давно. Почитай тысячу лет без малого... Ныне другие времена и другие герои. Впрочем, город живет своей жизнью. И тысячелетней, и новейшей. А еще весной. Он все больше и больше наполнялся весенним воздухом и ожиданием обновления.

Шуршали по асфальту многочисленные шины машин. Стучали по рельсам колеса трамваев. Смеясь и переговариваясь на ходу, спешили люди. Кто на работу, кто с работы. Нарядные и не очень. Молодые и убеленные сединой. Судачили о соседях и об олигархах. Ругали правительство и Думу. Доставалось и Президенту. Ему даже больше, чем правительству и Думе вместе взятым, как-никак — гарант!

Прилавки и витрины магазинов и магазинчиков, киосков и палаток ломились от всякой всячины. Бери — не хочу! Кое-кто и брал. У кого были деньги. Остальные довольствовались только «поглядом», благо, что за «погляд» денег на Руси, как известно, не берут.

Деньги российские, на удивление, крепкие. Всего шесть рублей за доллар. Но надолго ли?...

Древний город вот-вот должен был покрыться зеленью многочисленных скверов, парков и садов, больших и малых улиц. Но все это — еще впереди... А пока потихоньку освобождался с серого снега и зимней спячки. И ни ему, ни его четверемстам тысячам человеко-молекулам, вращающимся в броуновском движении жизни, не было никакого дела до Смирнова и Злобина, до Апыхтина и Нехороших, до всяких там подозреваемых, обвиняемых и потерпевших, до следователей и оперов, и до ОМ-7 в целом...

13 МАРТА. ВЕЧЕР. СЛЕДОВАТЕЛЬ И ПОТЕРПЕВШАЯ

Мальвина приподнялась со стула, на котором сидела, поправила прическу, поплотнее запахла шубку.

— Кажется, все вопросы мы и обговорили... Ну что, я пойду?..

Слова простые, лишь сообщающие о намерении что-то сделать, причем, тоже простое и понятное, не двусмысленное. Но голубые, кукольные глаза подернулись легкой дымкой, сквозь которую пробегали искорки иронии: «Что же ты трусишь, майор! Будь смелей и сделай хоть шаг навстречу. И перестань «выкаты»!»

— Хорошо, идите, — ответил следователь, по-прежнему официально, хоть и прочел в голубых глазах собеседницы все то, что было не сказано словами. — Я еще поработаю.

— Не проводишь до дому одинокую и хрупкую женщину? — предприняла она отчаянную попытку расшевелить служивое бревно. — А то страшно: вдруг, как на мужа, какие-нибудь отморозки нападут и горло перережут...

Голубые глаза потемнели, стали чуть ли не черными. Женщину злила «туповатость» следователя, которому чуть ли не открытым текстом предлагалось больше, чем общение в рамках уголовного делопроизводства. «Ну, действуй же. Чурбан! Открой глаза — и действуй!»

— Мальвина Васильевна, что вы говорите? Не дай Бог! Честное слово рад бы вас проводить, но работы — выше крыши! Я попрошу дежурного, чтобы на милицейской машине вас подвезли к дому. Вызовем автопатруль с вашего поселка, и доставим в целости и сохранности.

Не будешь же ей, потерпевшей, излагать следственную этику и свои личные принципы: «Сделал дело — и гуляй смело!» А пока дело не было сделано. Он оставался официальным лицом — следователем, она — хоть и симпатичной женщиной, но тоже официальным лицом — потерпевшей. И оба связаны одной нитью: уголовным делом. И пока он ведет это дело, он должен быть бесстрастен и непредвзят. Чтобы не только в глазах посторонних лиц, но и перед своей совестью быть незапятнанным.

На связь с женщинами он, семейный человек, смотрел без лишней ханжеской морали. Никакой аморальщины в этом не видел. Сам никого не судил и плевать хотел на то, что скажут по этому поводу о нем. Принимал это за игру. Даже своим подружкам говорил, что их связь — всего лишь игра, без каких-либо серьезных намерений и последствий. Ни на семейные, ни на служебные, ни на деловые отношения игра не должна даже малейшего влияния оказывать. То — само собой, а игра — сама собой! И когда кому-либо из них эта игра наскучит, они должны ее мирно и тихо прекратить.

— А жена? — вдруг спросит досужий и высоконравственный гражданин. И получит в ответ: «А при чем тут она?»

— Но ведь измена!

— Игра. И никакой измены нет.

— Не понял?

— Для непонятливых: измена — это, когда семья разваливается, когда дети остаются без родных отца или матери... Все остальное — игра!

— А любовь?

— Любовь — святое чувство, но оно кончается там, где начинается семья, переходя от супругов на их детей, оставив самим супругам лишь клубок сложных отношений и взаимных обязанностей! Даже жизнь у нас конечна, что же тогда говорить про любовь...

Однако не станешь же выкладывать все это Мальвине, как не станешь озвучивать и то, что часов до двадцати четырех придется по видеозаписи восстанавливать сценарий следственного эксперимента, о чем уже условился с Андреевым — специалистом по технике». Не станешь же объяснять, что еще надо зайти к начальнику отдела и договориться о новом завтрашнем доставлении подозреваемых в отдел для предъявления им обвинения и допроса в качестве обвиняемых; что надо еще сочинить это самое обвинение, а потом двумя пальцами отпечатать на машинке в двух экземплярах; что надо отпечатать в пяти экземплярах на каждого обвиняемого постановление об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. Что столько этих «надо» — и все через одни следовательские руки!

— Не нужен мне никакой автопатруль! Я хочу, чтобы ты меня проводил, — откровенно надула капризно губки Смирнова. — Мне кажется, что с тобой надежней! Вон как быстро преступление раскрутил! И я даже не знаю, как тебя отблагодарить?.. Точнее, знаю. И решила. Но ты... — зарделась краской смущения и решимости.

И как бы от переполнявшего ее волнения, как бы невзначай, присела на краешек рабочего стола следователя. Полы шубки распахнулись, соскальзывая с коленей и обнажая упругие икры слегка раздвинутых ног. Из-под короткой юбчонки непорочной белизной блеснули трусенки.

«Ах, ты, Марья-искусительница, соблазнительница, доморощенная, Евено семя! — подумал Паромов, вставая со своего стула. — Заставляешь проявлять настойчивость. Не хотелось, но придется».

Он взял Мальвину за крохотную и горячую ладошку — признак оказания доверия — и попросил встать со стола:

— В отделе считают, что садиться на стол — дурная примета, приносящая только хлопоты и неприятности. Так что, нельзя садиться на крышку стола. И благодарности никакой не надо. Чистосердечного спасибо достаточно. А преступление ни я один раскрывал. Весь отдел. Знаете, Мальвина Васильевна, отошло в историю то время, когда сыщики-одиночки чудеса творили. Сейчас одному это не под силу, хоть будь он супер супермен! Сейчас коллективный разум торжествует. Так-то! А одиночки? Им место только в кино и книгах-детektивах, — нес явную неоколесицу и чепуху.

— А я тебе, следователь, не верю, — капризничала Мальвина, но ладошку не убирала. — Ваши все поначалу меня подозревали. В первую очередь! Ведь так? И только ты разобрался и понял, что и как! — Она обволокла следователя голубым океаном своих глаз. Устоять перед ними не было сил.

Видит Бог, как следователю хотелось плюнуть на все и всех — и утонуть в этом голубом океане. Еще бы секунда, и была бы заперта на замок дверь, погасла электрическая лампочка под потолком, и лежала бы Мальвина на столе, опровергая все дурные приметы, с высоко задранными ножками, попискивая и постанывая от удовольствия и праздника плоти. Сколько раз уж такое бывало! И не у одного Паромова. Правда, с другими женщинами, никаким образом не зависящими от профессиональной деятельности старшего следователя. И дурные приметы не действовали тут и не мешали! Но удержался. Субординация, черт бы ее побрал!.. Повел аккуратно Мальвину к выходу из кабинета.

— Пойдемте, пойдемте, Мальвина Васильевна. Провожу до дежурной части. А то мы с

вами точно тут до утра останемся.

— А я не прочь! — В бездонных глазах веселые бесенята хоровод водят! — Дома одной страшно!

— Возможно. Но обойдемся пока без глупостей. Вам надо домой, а мне — работать! — менторским голосом настаивал он.

— Что же ты, следовательно, гонишь несчастную женщину. Почему отказываешь ей в помощи. И где твой профессиональный такт, где этика? — Подзадоривала она.

— Мальвина Васильевна, мы с вами еще не раз встретимся и пообщаемся. Поверьте, но сейчас я скован незримыми цепями именно профессиональной этики.

— А что нам мешает порвать эти цепи?

— Они незримы, поэтому и не рвутся, — пошутил он. — Но обещаю, что за три-четыре дня закончу свою часть работы, передам дело в прокуратуру и перестану быть для вас следователем, останусь просто знакомым мужчиной. Понимаете — просто мужчиной! И тогда...

— Ловлю на слове, — убрала она свою руку. — Скажи, почему не сам будешь оканчивать дело, и я уйду без всяких сопровождений?

— Покушение на убийство — это прерогатива прокуратуры. Пусть занимаются, свой хлеб отрабатывают... Нечего штаны протирать да геморрой поочрять...

— Понятно. Тогда почему пока речь идет о причинении тяжкого вреда здоровью? — По-прежнему не желала покидать Мальвина кабинет следователя, находя для этого благовидные предлоги.

— Не будем влезать в дебри межведомственных отношений, — отшутился Паромов. — Зачем такую прекрасную головку всякими специфическими нюансами забивать. Ну что, до завтра?

— До завтра. И не радуйся, что прогнал бедную женщину. — Глаза Мальвины постепенно обретали естественный цвет. — Я завтра снова приду выяснять, как следствие продвигается. Надеюсь, что это потерпевшей не запрещено?

— Не запрещено.

— Не обманываешь?

— Не обманываю. А чтобы прогнать всякие сомнения, вот вам и печать.

Паромов быстро привлек Мальвину к себе и запечатлел на ее пухлых губах непродолжительный, но страстный поцелуй.

— Теперь убедил?

— Теперь — да! — улыбнулась она со снисхождением победителя. Пусть пока небольшая, но победа, ею была одержана, и женщина торжествовала эту победу, позабыв обо всем остальном.

— Тогда — до свидания?

— Тогда — до свидания! — Она стремительно заскользила по коридору, так, что полы шубки развивались позади самой.

— Уф! — выдохнул Паромов. — Наваждение! — И пошел на второй этаж, чтобы согласовать с начальником отдела доставку подозреваемых для предъявления обвинения.

Алелин в кабинете был один. В нормальном настроении. Просматривал телепередачу и разбирал, отписывая на исполнение, почту — толстую пачку разномастных бумаг и бумажек.

— Что ты такой, покрасневшийся? — встретил он Паромова. — Не заболел ли часом?

— Работа. Напряжение. Нервы... — отделался короткими, ничего не значащими фразами Паромов от дальнейших расспросов.

Не скажешь же Алелину на самом деле, что стоически, как древние герои, устоял перед обольщением женщины. Или за хвастуна примет, или на смех поднимет.

— А-а, — протянул тот, принимая объяснение следователя. — Тогда ладно. Ну, хвались достижениями. Уже слышал.

— Хвалиться особо нечем. Просто дружно поработали — и результаты не замедлили сказаться.

— Что, верно, то верно. Когда идет дружная работа, то и результаты зачастую бывают положительными. Но правильной версией оказалась твоя. Так что, не скромничай. С чем пришел?

— Планирую завтра предъявить обвинение всем троим, чтобы ускорить передачу дела в прокуратуру по подследственности. Нужен опять автомобиль и конвой, чтобы из ИВС их сюда доставить. В отделе сподручней.

— А какую меру пресечения собираешься избрать? — поинтересовался, как бы между прочим, начальник отдела.

— Пойду к прокурору за санкцией на арест... А даст или нет — его дело.

— Думаю, что даст. Дело-то к ним будем направлять...

— Конечно, к ним... по подследственности. Явное покушение на умышленное убийство. Тут двух мнений быть не может.

— Тем паче, санкцию даст, — был уверен Алелин. — А насчет конвоя и автомашины не беспокойся. Распоряжусь. Все?

— Все.

— Тогда иди, отдыхай. И так поработал на славу. Все бы так пахали.

— С отдыхом придется подождать, — вздохнул Паромов.

— Что так?

— Надо постановления о привлечении в качестве обвиняемых составлять и печатать. Хоть и дежурные, но все равно по трем-четырем эпизодам. Как минимум на полторы страницы каждое... Потом же опять, постановления на избрание меры пресечения заключения под стражу. Прокурор только визу да «толкушку» накладывает, а готовить все мне.

— Может, кто-нибудь поможет? Из следователей...

— У каждого своих проблем хватает. Да и как поможешь, если дело-то мое, мною изученное от корки и до корки. А для других — сплошной лес...

— Машинисток задействуй, пусть печатают, нечего без дела юбки протирать, да сплетни собирать.

— Придется. Пока буду одному предъявлять обвинение, да допрашивать его, на другого по образцу напечатают... Панкратова Галина Ивановна да Лидия Демьяновна — молодцы, сами все сообразят. Уже не раз выручали. Эти в отличие от молодых машинисток юбки не

протирают и сплетни не ведут. Некогда...

— Правильно мыслишь. Так что, особо не переживай, не нервничай — нервные клетки, врачи говорят, не восстанавливаются. Все образуется, все рассосется. Ты мне вот что скажи, раз уж зашел: что с переводом на другую должность решаешь? А то меня и Озеров, и Киршенман теребят.

— Да не нужно мне никакого перевода. Эта работа пока устраивает.

— Вот тут-то ты, старичок, и не прав, — произнес доверительно Алелин. — Пришла пора и нашему поколению выдвигаться на руководящие должности. Если хочешь знать, это даже не требование времени, это диалектика жизни. Необходимость. Ты только посмотри, как наши одногодки и однокашники вверх идут: Сидоров Виктор Иванович уголовным розыском области руководит, Василенко Геннадий Георгиевич в нашем отделе в первых заместителях ходит, Михаил Иванович Астахов, с которым ты не один год на опорном пункте РТИ вместе проработал, тоже службу возглавляет. Так что, не дури, соглашайся. Таков мой тебе совет и приказ. Иначе поругаемся. Крепко поругаемся...

И замолчал, следя за реакцией Паромова.

— Хорошо, я подумаю. Разрешите идти, — не стал тот упрячиться.

— Иди. И думай! Не только о работе, но и о себе. Знаешь, о нас никто не подумает, если сами не подумаем.

— Уже проходил.

— Тем паче...

Домой Паромов отыскался к двадцати четырем часам, успев «расшифровать» на протокол видеозапись следственного эксперимента и отпечатать одно постановление о привлечении Злобина Ивана Ивановича в качестве обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных статьями 158, 111, 162 УК РФ. Остальную работу отложил на утро. Как говорится, утро вечера мудренее!

— Что-то ты зачастил после полуночи домов возвращаться, — недовольно вычитывала супруга, разогревая ужин. — И вчера, и сегодня.

— Работы много, вот и зачастил.

— Может, не только работы много, но и баб?

— Может...

— Тогда хоть бы что-нибудь про свои дела рассказал, а то обо всех происшествиях узнаю от посторонних людей, а собственный муж работает в милиции и молчит. Какое дело сейчас расследуешь?

— В милицейской среде говорят, что дела у прокурора, а у нас лишь делишки. И их много. А в них боль и грязь, кровь и слезы. Ничего хорошего нет. Так что, ворошить их не стоит. Ведь тебе, по большому счету, не дела нужны, а зарплата. А зарплата у нас хоть и стабильная, но маленькая. Впрочем, ты и сама это знаешь. Вот такие пироги.

— Никогда с тобой по нормальному не поговоришь, — насупилась супруга. — Меня о моей работе не спрашиваешь и о своей не рассказываешь. Вечно все молчком да молчком, как бирюк лесной. Словно не в городе живем, а в лесу...

— В джунглях, — с сарказмом бросил Паромов.

— Что — в джунглях? — не поняла жена. — Я говорю, что в городе живем, среди людей. Разве это не интересно?

— Неинтересно.

— Что — неинтересно?

— О работе расспрашивать.

— А молчать интересно?

— Возможно. За умного сочтут, — отшутился неуклюже. — Хоть слово и золото, но и молчание, жена, — серебро... тоже благородный металл.

— Или за день так наговоришься, что действительно дома рад помолчать? — все-таки попыталась супруга понять причину неразговорчивости мужа.

— В точку попала.

— Ладно, давай ешь, да пойдем спать. Завтра рано вставать.

— Уже сегодня, — кивнул на часы.

— Тем более.

Однако, как не пытался Паромов заснуть, сие долго не удавалось. Мысли постоянно возвращались к делам, к срокам, к версиям, к обвиняемым и потерпевшим, в том числе и к обольстительной Мальвине. И он крутился с бока на бок в супружеской постели.

«Что за натура, — корил себя, завидуя сладко посапывающей жене. — Ни днем, ни ночью нет покоя»!

Утром, чуть свет, снова пришел на работу. И сразу — за печатную машинку, навестывать то, что вчера не успел сделать. Заскрипела, застрекотала, застучала машинка. Полетели один за другим сигаретные окурки в пепельницу. Проветрившийся за ночь кабинет вновь наполнился дымом и запахом дешевых сигарет.

Около девяти забежала Подаркова с неизменной сигаретой в зубах. Жизнерадостная и бодрая — настоящий оптимист... в юбке.

— Привет!

— Привет.

— Как дела?

— Как сажа бела. А твои дела?

— Еще ни кому не дала... — залилась веселым серебристым колокольчиком.

— И мужу?

— И мужу. А что муж? Объялся груш. Опять домой под утро с какой-то засады приперся. Как перешел из следствия в УБОП, так одни сплошные засады. Только и знает: давай скорее есть — спешу! А как я, как ребенок — даже спросить не успевает. Все кому-то засаживает...

— Да брось ты. Не стоит лишний раз и по пустякам нервы рвать! Работа. Работа оперская такая...

— Засаживать! — иронично договорила Подаркова, прервав Паромова. — У него работа... А у меня что? Курорт?!.

Подаркова говорила хоть и с иронией, но спокойно, без озлобления и надрыва. И как она была права! Крыть ее простой довод было нечем. Абсолютно нечем!

На работе — работа, и домой придет — опять работа ждет: постирушки, приготовление пищи, хлопоты с дочуркой. Мужу что: пришел, разделся, умылся и на диван с газетой завалился в ожидании ужина. А женщине заваливаться некогда. Ее опять ждет работа. И ее, эту работу, на другие плечи не перебросишь, не переложишь. Не зря же в советское время существовал такой анекдот: «Спрашивается: чем советская русская женщина от француженки отличается?»

Ответ: а тем, что у француженки под правую руку муж, под левую — любовник, — и женщина парит; у русской же — в одной руке сетка, в другой — Светка, впереди — пятилетний план, а сзади — пьяный Иван».

Тут уж не до парения... Все надо успеть. Да еще и мужу в кровати угодить, чтобы по сторонам не зырил, на «лево не ходил».

— Не вы одни так живете, все так живут, — брякнул Паромов банальное, как зубная боль. — Так уж на Руси Святой ведется, что женщине всегда больше достается. У нас даже в сказках Марья-царевна, Василиса Премудрая, Елена Прекрасная и, вообще, все женские персонажи, даже Баба Яга, всегда в хлопотах и заботах, вечно что-то прядут, шьют и мастерят. Словом, трудятся не покладая рук... А мужские персонажи, эти герои фольклора и эпоса все больше на печи валяются, да на чудо чудное надеются. Взять хотя бы Емелю — без шуки никуда. Так бы и лежал на печи, протирая кирпичи. Или же богатырь Илья Муромец — тоже тридцать лет и три года на печи провалялся, пока калики переходные приключениями богатырскими его не сманили. А Иванушка-дурачок без Сивки-бурки — ноль на палочке!

Что и умеют, так это лежать на печи да жевать калачи. Иногда странствовать да драться. Без женщин — чисто бомжи и бродяги... неумытые, непричесанные. Так что, Марья-искусница, терпи! Не рви нервы. Все бежим куда-то, все спешим. И вечно не успеваем...

— Да уж! Да уж! — засмеялась Подаркова, и на щечках образовались симпатичные ямочки. — Приходится...

— Да уж! — подстраиваясь, усмехнулся и Паромов, но тут же перешел к деловому разговору: — Ты что забежала: по делу или просто?

— Глебов послал спросить, не нужна ли помощь.

— Нужна. Печатать постановления и уведомления. И еще кучу бумаг.

— Помогу.

— Да у тебя у самой дел не меньше.

— Ничего. Часок-другой помогу — с моими ничего не случится. Не протухнут и не прокиснут, да и пылью не покроются. Я же печатаю быстро. Да и с меня, точнее с моего злосчастливого присеста на стол, началось это дело. Вон, какое уже пухлое! — указала она на разложенное на столе уголовное дело.

Что-что, а печатала Марина Юрьевна, как автомат. Не каждая профессиональная машинистка за ней смогла бы угнаться.

— Да забудь ты про эту чертову приметку. Чему быть — того не миновать. И никакие приметы тут не помогут.

— Уже забыла.

— Вот т хорошо. Раз сама назвалась, то помогай. Печатай. А я предупрежу адвокатов, чтобы через часок прибыли.

Подаркова, устроившись за соседним столом, на котором стояла электрическая печатная машинка «Ятрань», быстро забарабанила по клавишам, а Паромов, придвинув поближе телефонный аппарат, принялся названивать в юридическую консультацию. С адвокатами повезло: на месте оказались и Изверова, и Лунев. К Апыхтину обещал придти сам заведующий.

Отзвонившись, снова принялся за печатание на своей портативной машинке.

К десяти часам привели из ИВС подозреваемых. И пошло, поехало. Опять закрутился как белка в колесе.

До обеда предъявлял обвинение.

Нехороших с подачи адвокатессы виновным себя не признал и от дачи показаний, сославшись на статью 51 Конституции, отказался.

Злобин виновным себя признал частично — его адвокат Лунев рвал и метал — как же так, столько следственных действий было проведено без его участия — но поделаться ничего уже не мог, лишь принудил своего подзащитного вновь воспользоваться статьей 51 Конституции. Тот и воспользовался, заявив при этом, что свои показания данные в качестве подозреваемого, в том числе и на очной ставке и во время следственного эксперимента, полностью поддерживает.

Апыхтин не мудрил. Вину признал полностью и вновь дал исчерпывающие показания.

Прокурора на месте не было. И его заместитель — советник юстиции Тимофеев Валерий Герасимович, которого Паромов знал еще рядовым следователем прокуратуры Промышленного района и с которым не раз приходилось общаться на протяжении многих лет работы в правоохранительной структуре, — со всех сторон обложенный кипами дел,

папок и папочек, сборников законов и комментариев к ним, изучив дело, санкции на арест всех обвиняемых дал без лишней волокиты.

— Кому-то из наших следователей повезет, — улыбнулся он сквозь окуляры очков, возвращая дело вместе с санкционированными постановлениями следователю. — Дело практически расследовано. Нужно собрать заключения экспертиз да перепредъявить обвинение не по 111 статье, а по 105 через 30.

— Нет, Валерий Герасимович, работы по делу еще много, — был объективен Паромов. — Тут пыхтеть и пыхтеть...

— Не скромничай, не скромничай. Основная работа уже сделана. Так что, готовь постановление о передаче дела по подследственности и баста. Я прокурору доложу — никаких препон при передаче дела не будет.

Снял очки и аккуратно положил на стол.

— Уже своих глаз не хватает, — пошутил Тимофеев, — приходится дополнительными пользоваться. Сам-то как? Без очков пока обходишься, или тоже...

— Пока без очков. Но глаза устают. Особенно к вечеру.

— Работа у нас такая. Бесконечная писанина, да непрерывное чтение. Вот к сорока годам и ходим с очками.

— У вас тут хорошо, но дома лучше. Пойду я. Еще надо автомобиль осмотреть, вещдоком признать, да потерпевшей вернуть. Нечего ему в отделе стоять, пока что-нибудь не сперли.

— А что, — засмеялся Тимофеев, — и сопрут. В первый раз что ли!

Тут следует сделать небольшое отступление от основной темы повествования и сообщить читателю, что прокуратура Сеймского округа располагалась уже не в старом здании, что на проспекте Ленинского комсомола, а в новом, в двухэтажном особнячке на улице Обоянской, в котором раньше размещался детский садик. Тот самый садик, в котором Паромов во время работы участковым инспектором устанавливал злополучную химловушку, ранившую кастеляншу и причинившую Паромову столько неприятностей и хлопот, в том числе и с прокуратурой. Работали тут теперь новый прокурор и новый заместитель, а прежний прокурор и его заместитель — Деменкова Нина Иосифовна уже находились на пенсии. Все течет, и все изменяется...

Только возвратился из прокуратуры, как пришли жена и сестра Нехороших, покушать принесли. И не только Олегу — мужу и брату, но и Злобину Ивану.

Лилия плакала по мужу и все интересовалась, сколько ему дадут.

— Сиротой сделал ребеночка. Осиротил!

— Это только суд решит, — отбивался следователь. — Кстати, где ребенок ваш? Соседям оставили?

— Соседи на работе. Мальвину попросила.

— Вот как?!!

По-видимому, следователь не скрыл удивления на лице, так как Лилия подтвердила, что ребенка своего оставила у Мальвины. Впрочем, и удивляться особо не стоило: таков уж русский человек. В гневе брата родного не пожалеет, а схлынул гнев — и поверженного врага ему жаль!

— У нас у обоих горе. Вот и вошла в мое положение... Сама когда-то матерью станет. Понимает...

— Скажите, — поинтересовался Паромов, — вы хоть знали о художествах мужа?

Может, догадывались?

— Не знала и не догадывалась, — бесхитростно ответила Лилия. — А если бы и узнала, то все равно против мужа показаний бы не дала. Бог с ним...

«Вот такие тихие, даже забытые женщины и бывают самыми верными женами, — подумал следователь, когда Лилия покидала его кабинет. — Их не ценят, ругают, оскорбляют, унижают, а они — безропотны и верны!»

Ирина не плакала. Старалась сдерживать свои чувства, но тоска не покидала ее глаз. Вслух брата не бранила, но свидание попросила не с братом, а с несостоявшимся женихом — Злобиным. То ли из-за того, что брата совсем недавно видела, то ли по иным соображениям. Паромов разрешил. И почему не разрешить, если Злобин, как бы там не было, но оказывал содействие следствию в поисках истины. Однако, в своем присутствии.

— Извини, Ирок, так уж получилось, — после короткого объятия и поцелуя расчувствовался Иван. — Братан твой втянул. Обещал, что разрешит с тобой пожениться... Вот я и подженился!..

— Ты сам должен был головой своей садовой думать... — пожалела, посетовала Ирина. — А брата прости. Я простила, и ты прости. И перед Мальвиной и Артемом, если он выкарабкается с того света, извинись. Тысячу раз извинись!

— Ладно, — буркнул Иван.

— Что, ладно?

— Извинюсь, — насупился пуще прежнего Иван. — Ты-то сама как?

— Буду ждать.

— Приятно слышать, — по-житейски рассудил Злобин. — Но раньше состаришься, чем дождешься. Живи, как сможешь. Знать, не судьба нам быть вместе... Только, пока на тюрьму не отослали после приговора, приходи ко мне на свидания. Ведь больше у меня ни одной живой души нет...

Голос Ивана задрожал, губенки затряслись. В уголках глаз предательски заблестела влага. Но он сдержался, не заплакал.

— Иди, не трави душу... ни мне, ни себе!

Ирина подчинилась.

Паромов удивился такому зрелому рассуждению обвиняемого. Никогда бы не подумал, что он на такое способен. Жаль, что несколькими днями раньше Иван до этого не дозрел. Или беда заставляет людей быстрее созревать и жить не по течению — куда вывезет, а с размышлением.

Не успели Лилия и Ирина Нехороших уйти из отдела, как пришла сестра Апыхтина. Пятиминутное свидание разрешил и той.

Апыхтины больше молчали, занятые процессом кормления Толика. Не плакали и не горевали. Молча переносили свое несчастье. Давно привыкли к замкнутости, скитаясь по детским домам и приютам.

«Ну и работка у нас в милиции, — в который раз подумал старший следователь, — всю мировую скорбь через себя пропускаем. Не свихнуться бы!»

К восемнадцати часам пришла Мальвина. Присела на стул у стены. Машинально, в силу давно выработанной привычки, поправила волосы.

— Вот, решила узнать, — улыбнулась она, окатив голубизной своих глаз следователя, — как продвигается процесс расследования?

— Потихоньку. Кому надо быть арестованным — арестованы, кому не надо — на

свободе, — отшутился следователь. — Автомобиль ваш осмотрел... улучил несколько минуток свободных. Можете забирать. Кстати, сначала сходили бы посмотрели: все ли цело. Чтобы потом претензий не было.

— Я уже осмотрела. Цел. Даже номера поставлены. И кто же это постарался? — лукавой влагой блеснули ее глаза.

— Да водителей попросил. Чтобы вас сотрудники ГАИ не тормознули, когда домой поедете, — небрежно бросил реплику следователь. — Если цел, то пишите расписку о получении автомобиля на ответственное хранение до суда...

Дал листок бумаги для оформления расписки. О том, что сидела с ребенком обидчика, не напоминал. Ни к чему это.

Мальвина пристроилась на уголке стола, пододвинув стул. Стоя писать неловко, да и поза при этом еще та. Написала своим четким, чуть округлым почерком.

— Готово.

— Отлично, — забирая листок и вкладывая его в дело, прокомментировал следователь. — Можете брать своего железного коня и ехать.

— А я одна домой не собираюсь ехать? Мне сопровождающий нужен. — И вновь обволокла следователя омутом глаз.

— Да где же его взять, сопровождающего-то? — деланно удивился Паромов. — У нас в отделе штатных телохранителей нет. Еще не работает система защиты свидетелей. Закон, вроде, приняли, а средства под этот закон выделить забыли. Хотели как лучше, а получилось как всегда! Он говорил одно, но подразумевал другое, впрочем, совсем понятное для Мальвины.

— А ты? — отыграла она незримую подачу.

— А муж? — не спросил, выстрелил Паромов. — Я ведь чужие тела охранять не привык, не телохранитель. Мне куда приятней владеть чужими телами, чем их охранять. Это был удар, как говорится, ниже пояса. Но Смирнова выдержала.

— Пусть выздоравливает. Лишь бы выздоровел — свое наверстает!

— Ты — стерва! — без какой-либо игры, вполне серьезно сказал Паромов. — Красивая и циничная стерва.

— А бабы — все стервы! Ты что, не знал? — с вызовом ответила она и окатила холодной волной своих бездонных глаз.

— Давай до завтра подождем?

— И что же завтра изменится? Мы не лучше и не хуже будем, чем есть на самом деле сейчас...

— Верно. Но у меня свои принципы, и я их буду придерживаться. Завтра передам дело в прокуратуру, и не будет больше следователя Паромова, расследующего дело потерпевшей Смирновой. Будут просто Паромов и просто Смирнова — маленькие песчинки в бесконечном море бытия, не зависимые и не зависящие ни от кого и ни от чего, кроме собственных чувств, совести и морали.

— А не боишься, что завтра «просто Смирновой» не будет? — вновь холодной голубизной полыхнули глаза Мальвины.

— Что наша жизнь? Игра! — Словами из арии, довольно часто звучащей в телепередаче «Что? Где? Когда?», ответил Паромов.

— Ну, что ж... До свидания.

— До завтра.

Расстались на этот раз без поцелуев...

По-весеннему солнечным утром 19 марта, в очередную годовщину Парижской коммуны, к отделу милиции номер три, располагавшемуся в полуподвальном помещении жилого дома по улице Красного Октября, с трамвайной остановки направлялись два сотрудника в форменной одежде следственного аппарата УВД города Курска. Одним из них был майор юстиции Паромов, назначенный на должность начальника следственного отделения, другим — старший лейтенант юстиции Филимонов Вячеслав — его заместитель. У крыльца их ждал замполит.

— Нас можно поздравить с подкреплением? — встретил он прибывших вопросом и белозубой улыбкой, говорившей как о том, что в новом отделе милиции рады прибывшему пополнению, так и том, что местный замполит всегда в курсе всех отделовских событий, особенно если эти события касаются кадровой политики.

— По-видимому... — протягивая руку для рукопожатия, без большого энтузиазма ответил Паромов, который не испытывал радости от случившегося повышения по службе, так как любое повышение еще предполагало и очередную ответственность.

— Конечно, — был более категоричен Филимонов. — Будем знакомиться.

И представился по всей форме. Молодцевато и энергично, как и положено уверенному в себе менту, с веселой и чуть ироничной улыбкой насмешливых глаз. В отличие от Паромова он искренне радовался новому назначению. Но не потому, что рассчитывал на легкий хлеб зама, а в силу своей природной склонности к перемене мест трудовой деятельности и обстановки.

Потом было общее собрание личного состава в классе служебной подготовки, маленьком и неудобном, как и весь отдел милиции номер три, официальное представление Озеровым Юрием Владимировичем нового начальника СО личному составу, более широкое (по сравнению с краткостью официального представления) знакомство со следователями.

— Прошу любить и жаловать, — еще раз сказал Озеров, уже обращаясь только к следователям, сел в черную, блестящую свежим лаком «Волгу» и укатил в следственный отдел.

Против седьмого отдела, в котором почти все время проработал Паромов, третий отдел городской милиции была дыра. Настоящая черная дыра. Такая дыра, которую и поискать — не найдешь!

Из подвала несло вонью канализации, по коридору время от времени пробегали здоровенные крысы, топоча по деревянному полу, как табун лошадей. По стенам и столам целыми полчищами бегали прусаки. Жирные и обнаглевшие. Бр-р-р!

«Боже, куда меня нечистая сила занесла! — затужил Паромов. — Видно сбылась дурная примета: искать место для задницы. Вот и нашел!»

К вечеру позвонила Мальвина — каким-то образом разыскала номер служебного телефона, хотя сам Паромов его еще не знал.

— Можно поздравить с повышением?

— Не стоит.

— Что так?

— Приедешь — увидишь!

— Мой (имела в виду мужа) на поправку пошел. Из реанимации в хирургическое

отделение перевели. Врачи заверяют, что и память восстановится и говорить сможет.

В голосе неподдельная радость. Даже мембрана телефона не в силах исказить радостный тембр голоса.

— Вот тебя и есть с чем поздравить. Поздравляю!

— Спасибо. Во сколько работу заканчиваешь?

— Да часиков в двадцать. Не раньше...

— Я заскочу? На машине...

— Заскакивай.

Прошло три месяца.

Следственное отделение третьего отдела милиции из отстающего (несмотря на неблагоприятные условия труда: полуподземное помещение отдела милиции со всеми вытекающими от этого «радостями», нехватку кабинетов для следователей, неукомплектованность) стало выбиваться в середнячки.

— А говорил, что не справишься, что образования не хватает, — не скрывая иронической усмешки, занимался воспитанием молодого начальника следственного отделения Озеров Юрий Владимирович, восседая в своем кожаном кресле и покуривая американские сигареты. — Мы тебе еще шею не мылили, жалеючи, а кое-какие результаты уже появились; вот взмылим, так и в передовики со своим отделением вырвешься. Еще старым начальникам отделений нос утрешь. Как следователи? Не конфликтуют?

— Нормальные ребята, особенно Гуторов Олег, сразу чувствуется: добрый следователь будет... Только некомплект... — Кратко отвечал Паромов, устроившись на стуле напротив начальника СО, придерживая меж пальцев дымящуюся сигарету — шеф угостил — и поглядывая временами на экран телевизора.

Сколько раз запрещалось сотрудникам внутренних дел курить в кабинетах. Но курили и будут курить! Тут, как говорится, одними запретительными мерами проблему не решишь. Уж очень нервная и ответственная работа. И хотя курево яд, но успокаивающий яд...

— Знаю. Потерпи. Скоро выпуск курсантов.

— Что делать, придется потерпеть, — философски отнесся к отказу в кадрах Паромов. Потом добавил с долей разочарования в голосе: — Хоть и не ахти какие кадры, но все же...

— Это еще почему: не ахти? — внимательно посмотрел Озеров.

— Говорят, не та кузница... — неопределенно ответил Паромов. — Не кадры кует, а только брак выдает.

Первые выпуски школы милиции показали, что выпускники блистали физическими данными, отменным здоровьем, хорошей спортивной подготовкой, но не юридическими знаниями. Поэтому в следственных подразделениях в них относились настороженно, и начальники следственных отделений большого энтузиазма от выпускников Орловского филиала средней школы милиции не испытывали.

— Это ты брось. Можно подумать, что сам все знал, когда в милицию пришел...

Реплика Озерова была резонна. Паромов смутился.

— Да я и сейчас не все знаю, — постарался сгладить он свою неловкость. — Не зря же пословица существует: век живи — век учишься...

— ...все равно дураком помрешь, — усмехнувшись, окончил пословицу Юрий

Владимирович. Но тут же посерьезнел. — Все мы когда-то с нуля начинали. Никто готовым специалистом не рождается. Разница лишь в том, что одни стараются, а другие относятся к делу спустя рукава. И опять же в нашей работе многое зависит от наставников. Как научишь, то и получишь! Или ты по иному мыслишь?

— Нет. Все верно... — поспешил согласиться Паромов, желая как можно быстрее покинуть кабинет начальника: в отделении дел было свыше крыши. Но тот отпускать подчиненного не спешил.

— Слышал: вызывали в инспекцию по личному составу, — устремил прищуренный взгляд на Паромова Озеров, одновременно наугад гася окурков о дно пепельницы.

— Вызывали.

— Почему не доложил? — Большие серые глаза Озерова, не мигая, уперлись в переносицу Паромова, словно гипнотизируя.

— А что докладывать, если вызов был связан с седьмым отделом милиции, — привстал со своего стула Паромов, чтобы было сподручней загасить окурков, — ...с делом о подрезе Смирнова.

— Помню. И что?

— Вещественные доказательства, запчасти какие-то со второго автомобиля пропали. Теперь, как водится, козлов отпущения ищут. Как всегда. Оперативников таскали и меня вызывали.

— Сколько раз вам нужно говорить, чтобы все документировали, — от искреннего возмущения бестолковостью подчиненных повысил Юрий Владимирович голос, — каждый шаг. Тогда вот таким ляпсусов не было бы!

— Я и задокументировал, когда дело в прокуратуру передавал, — немедленноотреагировал Паромов на несправедливое и огульное обвинение начальника следственного отдела. — Специально через прокурора их следователя приглашал, чтобы по данному делу все вещественные доказательства по описи передать. И передал. А он вещдоки в прокуратуру забирать не стал, оставил в отделе на хранении... И что-то пропало... А адвокат одного обвиняемого...

— Не Лунев ли? — перебил Паромова Озеров уже более спокойным голосом.

— Он самый.

— Ну, и адвокат Терразини! Никак ему нейдет! — усмехнулся Озеров, сглаживая этим прежнюю резкость. — В мою бытность следователем все, бывало, палки в колеса вставлял. И сейчас, вижу, таким же остался. Извини, что перебил. Продолжай.

— ...Откуда-то пронюхал — по-видимому, когда решался вопрос о возмещении гражданского иска — и написал жалобу на имя генерала, — продолжил Паромов. — А генерал красным карандашом резолюцию наложил: «Проверить и привлечь»! Вот инспекция и начала рвать и метать. До прокурорского следователя у них зубы коротки, вот и давай бить своих, чтобы чужие боялись.

Новый генерал УВД Волков Алексей Николаевич, направленный в Курскую область из Амурской, укрепляя свои позиции, был щепетилен в вопросах милицейской этики и даже в мелочах спуску сотрудникам не давал. А уж к тем, кто хоть как-то «замарал» милицейский мундир, был вообще безжалостен.

— И чем закончилось?

— В отношении меня ничем. Я послал подальше штабную подполковницу, проводившую проверку, написал рапорт с изложением моего видения данной проблемы, а от

дачи каких либо объяснений отказался, сославшись на статью 51 Конституции. Извините, товарищ начальник, но не люблю я штабных и тыловых чинуш, от которых проку, как от козла молока, только палки в колеса вставляют да оклады раза в полтора поболее наших получают, а сами даже обыкновенного пьяницы в отдел милиции никогда не доставили, не говоря уже о настоящих преступниках. Чистоплюи и лизоблюды хреновы...

— Кто на что учился... — не скрыл иронии в голосе Озеров. — Вижу, не любишь ты, майор, чиновников...

— А с чего бы их, бездельников, любить, — вопросом на вопрос отозвался Паромов, действительно откровенно недолюбливавший многочисленное «крапивное семя» чинуш, скопившихся в управленческом аппарате УВД, считая их бездельниками и паразитами.

— Ладно, оставь чиновников в покое, рассказывай, что было дальше, а то обижусь, — пошутил Озеров, — я ведь тоже в некотором роде теперь чиновник.

— Подполковница покричала-покричала, погрозила-погрозила, да на том и осталась... — стал закругляться с рассказом Паромов. — А вот оперативников, изымавших эти запчасти, «наградили» выговорами. У Аверина «майор» подходил — отбросили на год...

— Впредь наука, — не пожалел оперативников Озеров. — Пусть думают головой, а не задним местом. А то все с ними носятся, как дурак с писаной торбой: опера, волкодавы, скорохваты! И среди оперативников есть и хорошие, а есть и бездельники. Причем бездельников больше. И лодырей. Как какой документ написать — так чуть не плачут...

Озеров почему-то не то, чтобы недолюбливал оперов, но и не жаловал их особым отношением, не признавал за ними героического ореола. Видно, в бытность работы следователем натерпелся от их необязательности и дуrolомства. Впрочем, в словах начальника следственного отдела городского УВД был определенный резон: писать какие-либо «бумаги» все оперативники не любили до смерти. Нелюбовь к писанине была какой-то патологической болезнью всех оперов.

— Извините, товарищ полковник, но я с вами не согласен. В данном случае оперативники были ни при чем. Не они отвечают за сохранность вещдоков. Это дело старшины. Просто генералу нужен был козел отпущения, вот оперативники и стали этим козлом. Штабным что: побыстрее бы бумагу списать. Вот и списали! — закусил удила Паромов.

Но Озеров оставил этот демарш молодого начальника следственного отделения без особого внимания, хотя на саму проблему отреагировал.

— А ты заруби себе на носу: кто бы не вызывал тебя, твоих подчиненных, без уведомления меня и согласования со мной — ни шагу. Хоть генерал, хоть прокурор — без моего согласия ни ногой! Понял? — повысил он голос.

— Понял.

— Хорошо, что понял. Кстати, как складываются отношения с прокуратурой? А то у тебя — мне докладывали — и с прокурором уже конфликт небольшой был... — поинтересовался, меняя тему.

И не просто поинтересовался, а с подтекстом. Даже сузил в прищуре, посерьезневшие враз глаза. Словно уличал Паромова в неблагоприятном поступке.

— Нормально. Жаловаться не стоит, — попытался односложно ответить Паромов, чтобы побыстрее окончить беседу-допрос.

— Это верно, жаловаться — последнее дело. И пустое! Иди, работай! — потеплел взглядом, утеравшим прежнюю цепкость.

По-видимому, Озерова удовлетворил не столько ответ подчиненного, как сам результат конфликта с прокурором. Хотя дело было довольно серьезное и малоприятное, если вообще не грязное до отвратительности.

По сложившейся традиции Озеров должен был не только представить нового начальника следственного отделения руководству и личному составу отдела милиции, но и прокурору округа, курировавшему этот отдел по линии прокуратуры. Должен был, но что-то помешало: то ли прокурор куда-то отъехал в назначенное время, то ли Озерова срочно к генералу вызвали. Как бы там ни было, но официального представления нового начальника СО ОМ-3 УВД города Курска прокурору Центрального округа города старшему советнику юстиции Ярину Андрею Анатольевичу не состоялось. Паромову пришлось самому докладываться. Прокурор куда-то спешил, поэтому долгого разговора не вышло.

— Надеюсь, что сработаемся, — пожал Ярин руку начальнику следственного отделения после краткого знакомства, — а пока извини: спешу, дела... Ты к заму моему, Рябинину Василию Сергеевичу зайди... Он у нас следствие по линии милиции курирует. К нему с всеми вопросами — в первую очередь...

И убежал. Худощавый и подвижный, остроглазый и остролицый, с косым прибором светло-русых волос. И как показалось Паромову, довольно нервный. Убежал по своим делам, что-то буркнув в приемной пожилой секретарше Людмиле Васильевне, оставив слегка озадаченного и сконфузившегося Паромова.

— Всегда так? — поинтересовался Паромов у секретарши, которой, прежде чем пройти в кабинет прокурора, уже представился, мысленно сравнивая прокурора Центрального округа с другими прокурорскими работниками, с которыми приходилось сталкиваться по служебным делам, в том числе и с прокурорскими работниками Сеймского округа.

— Что — так? — не поняла та.

— Говорю: всегда так прокурор спешит? — повторил он вопрос. — Всегда такой неразговорчивый и неприветливый, или только сегодня?

— А-а-а... Случается, — односложно ответила секретарша, почти не отрываясь от перебираемых ее стопок всевозможных бумаг. — Да ты не бери в голову: грозен, но отходчив... А что в Сеймском округе по-иному?

— По-всякому...

— Вот видишь...

— Зам его, Рябинин, — вспомнил фамилию заместителя прокурора Паромов, — на месте?

— Василий Сергеевич должен быть у себя, — по-прежнему, не отрываясь от бумаг, ответила Людмила Васильевна.

Рябинин Василий Сергеевич в отличие от прокурора, одетого по гражданке в серый костюм-двойку и встретившего Паромова перед выходом из служебного кабинета, был в форменном прокурорском костюме темно синего цвета с погонями советника юстиции на плечах. И в его внешности была противоположность прокурору: телесная плотность и улыбчивость на лице.

— Рад, что мужскому полку прибыло пополнение, — вышел он из-за стола, чтобы пожать руку по случаю первого знакомства заместитель прокурора после того, как Паромов объяснил причины своего визита. — А то все женщины и женщины...

Поговорили о том, о сем, о делах и о знакомых, о погоде и о спорте. Не столько в силу служебной и деловой необходимости, сколько для того, чтобы создать собственное мнение о

собеседнике: как-никак, а предстояло вместе работать и взаимодействовать чуть ли не ежедневно. В отличие от прокурора его заместитель оказался не только обходительным, но и словоохотливым, разговорчивым. Впрочем, Паромов помнил старую истину, доведенную до него еще с десятков лет назад опером Черняевым, что прокурорские мягко стелют, но жестко спят...

Вот таким образом состоялось первое знакомство Паромова с Прокурором округа и его заместителем.

Потом как-то так сложилось, что необходимости в общении с прокурором в течение месяца, который новый начальник СО проработал в данной должности, не было.

Помнил ли прокурор о назначении в третий отдел милиции нового начальника следственного отделения или же нет — Паромова за текучкой дел мало волновало. К тому же в отделе произошли новые кардинальные изменения: вместе прежнего начальника отдела Ковалева Геннадия Олеговича был назначен новый — майор милиции Петрухин Александр Владимирович, который сразу же по прибытию развил бурную деятельность по ремонту отдела.

Если Ковалев, как заметил Паромов, был педант и щеголь, любивший отдыхать с приближенными сотрудникам из числа руководства отдела в баньке, то Петрухин казался несколько мужиковатым лысеющим служакой. Всю свою ментовскую жизнь он отбарабанил в уголовном розыске. Начиная с младшего инспектора (уполномоченного) и постепенно дослужился до начальника уголовного розыска ОТ-4. Оттуда и был переведен на должность «провального» отдела № 3. Чем его соблазнили на роль «мальчика для битья», трудно сказать. Возможно, обещали горы золотые. Это у нас умеют... Возможно, поставили перед выбором: или в начальники, или в отставку... Этот метод «убеждения» в последние годы также довольно част в эксплуатации. Впрочем, не исключено и сочетание обоих методов стимуляции...

И вот, не успев Паромов отработать и месяц на новом месте, а начальник отдела — и двух недель, как однажды утром обоих срочно вызвали к прокурору. Впрочем, не только их, но еще и следователя Истомина Антонину Григорьевну. Ту — вместе с недавно возбужденным делом по хулиганству в отношении ранее дважды судимого Хмырева Василия Петровича по прозвищу Хмырь. Последний только что был арестован прокурором Яриным, который, как и большинство прокуроров, вопрос меры пресечения — заключение под стражу, контролировал лично. И лично ставил толкушку-печать на санкции об аресте.

— Что случилось? — спросил Паромов Петрухина, пока шли к его служебному автомобилю.

— Не знаю, но секретарь Людмила Васильевна, позвонившая мне, сказала, что прокурор взбешен.

Начальник отдела явно был расстроен. Он то и дело доставал носовой платок и вытирал пот с лица и обширной лысины — первый признак душевной разбалансировки. Да и как не расстраиваться, если служба на новом месте начинается с прокурорской разборки, к тому же неизвестно какой...

— Истомина, — обращаясь к женщине-следователю, шагавшей также размашисто, как и мужчины, спросил Паромов, — что с делом? В порядке ли?

— Дело как дело. Все имеющиеся документы прошиты и пронумерованы. — На ходу доложила Истомина.

— Санкция?

— Лично дал...

— Тогда не знаю, какая муха его укусила... — пожал плечами в недоумении Паромов.

— Я — тоже, — отозвалась Истомина, надув капризно губки.

А Петрухин продолжал раздраженно молчать весь путь до уже урчащего мотором автомобиля ВАЗ-21063 с куровскими номерами.

«Ладно, — попытался успокоить себя Паромов, — поживем — увидим. Чего бежать впереди лошади с телегой...».

До прокуратуры Центрального округа, располагавшейся на улице Урицкого в двухэтажном с облупившимися, давно уже требующими ремонта стенами, особнячке еще дореволюционной постройки, доехали быстро: отделовская «шестерка» не подвела. Без задержки прошли в кабинет Ярина, бегло поздоровавшись с секретарем Людмилой Васильевной, успевшей лишь шепнуть: «Ждет».

Прокурор округа на этот раз восседал за своим столом в черном кожаном, вращающемся, кресле с высокой спинкой. Было видно, что он явно ждал прибытия сотрудников, так как рабочий стол, в обычное время всегда заваленный бумагами, папками и уголовными делами, ныне пугал пустотой и чистотой.

«Не к добру сие... — мысленно отметил эти приготовления Паромов. — Как пить дать — не к добру...»

— Садитесь! — Проигнорировав приветственные слова сотрудников милиции, коротко бросил, словно отдал команду, как только Петрухин, Паромов и Истомина гуськом, друг за другом, вошли в прокурорский кабинет..

Не успели сотрудники милиции сесть на расставленные вдоль оконной стены стулья, как Ярин стал бешено материться в их адрес. Да так, что слюна полетела во все стороны из прокурорского рта.

От такого приема Паромов опешил. Сколько ему не приходилось за годы милицейской службы посещать различные кабинеты, такого приема, такой матерщины слышать не доводилось.

Склонила голову ошарашенная Истомина. Покрылся краской стыда и неловкости, как ошаренный крутым кипятком рак, начальник отдела милиции. А прокурор продолжал брызгать слюной и что-то гневно выговаривать вызванным им сотрудникам милиции. Однако о чем он хотел сказать, трудно было понять из-за крика, доходившего до поросычьего визга, нервного заикания, проглатывания целых слов, не говоря уже о слогах, и непрерывной ядерной брани.

Но вот первый прокурорский гнев прошел. Его речь стала более связной, внятной и разборчивой. Тут Паромов, наконец, понял причину столь странного прокурорского приема: Ярин обвинял следствие третьего отдела в обмане прокурора при выдаче им вчерашней санкции на арест хулигана Хмырева.

— Подставили! Подставили! — вперемижку с матами кричал прокурор. — Воспользовались моим доверием и подставили!.. Подлецы, обманщики!..

И вновь продолжал материть следователя Истому, «подсунувшую» доверчивому прокурору под «толкушку» постановление о взятии под стражу обвиняемого по части третьей статье 213 УК РФ Хмырева. Длинноногая — на зависть труженицам подиума — и в обычной бытовой ситуации жизнерадостная блондинка Истомина, пока изрыгался водопад прокурорского обхождения, молчаливо бледнела. И все ниже и ниже опускала голову. Еще немного — и та упадет если не на колени, то на столешницу. Точняк...

Избавившись от первоначального шока, возникшего после такого прокурорского приема, Паромов удивленно подумал: «А чего ради он должен выслушивать прокурорский мат? За должность не гнался. Наоборот, пытался по возможности от нее отбояриться... В кумовья к прокурору не набивался... Так с какого рожна он должен слушать мат и оскорбления. Да такого по отношению к нему даже в годы его милицейской молодости никто не позволял... а тут — сам блюститель закона и порядка.

Да пошел он сам к такой матери! — решил Паромов. — Не стану терпеть его хамства. За должность не держусь, хоть сейчас пусть забирает, но гордость имею. И так похабиться в мой адрес еще не один ментовской начальник себе не позволял, хотя милицейские начальники далеко не барышни кисейные и не «интеллигенты гнилые», совсем не чужды ненормативной лексики. А прокурор их не лучше и не хуже. Так пошел он...».

— Товарищ прокурор, — встав со стула, отчетливо и громко произнес Паромов, и лицо его пылало гневом и незаслуженной обидой, — за все время моей службы в органах еще никто не позволял себе так изгаляться в мой адрес, хотя именно милиционеров народная молва считает хамовитыми и вульгарными, а не прокурорских.

Услышав отповедь, подняла голову и удивленно заморгала заслезившимися глазами Истомина. Не поднимая склоненной головы, как-то по-гусиному, словно из-под крыла, снизу вверх, искоса взглянул на своего начальника следствия Петрухин. И снова — носом вниз, взглядом — в пол...

Сколь ни короток был брошенный Петрухиным взгляд, но в нем явно читалось: «Помолчи! Потерпи! Не раздражай...»

Только Паромова это подстегнуло.

— Товарищ прокурор! Еще никто не обвинял меня в подлости и в «подставе», в чем пытаетесь вы обвинить следователя, а значит, и меня. Ведь всякому дураку известно, что следователь, несмотря на всю его процессуальную независимость, согласовывает основные следственные действия со своим непосредственным начальником. Значит, со мной. Обвиняя следователя, вы обвиняете и меня. Но, повторяя, я никогда подлецом не был и никого не подставлял. Слышите, не подставлял! Не верите — спросите у своих коллег по Сеймскому округу...

Опалив прокурора гневным взглядом, едва сдерживая себя от крика, Паромов, глядя в бордовое лицо главного окружного блюстителя законности, выплескивал накипевшее:.

Да, как любой человек, я могу чего-то недопонимать и где-то ошибаться. А кто от этого застрахован?.. Никто. В том числе и вы... Но, повторяю, подлецом не был и не буду!

Петрухин вновь постарался взглядом остановить разошедшегося не на шутку начальника следственного отделения. Но тот и на этот раз оставил беззвучное предупреждение без внимания. Семь бед — один ответ...

— К тому же, господин прокурор, — умышлено подчеркнул он слово «господин», — я уверен, что санкцию на арест вы давали в полном здравии и рассудке. И не только расспросили следователя о причине избрания столь жесткой меры пресечения и личности арестовываемого, но и трижды прочтя текст постановления. И только после этого, убедившись в законности и объективности, санкционировали, поставив подпись и печать. В противном случае — на этом месте не сидели бы... Следовательно, никто никого не подводил и не подставлял. А потому, господин прокурор, я требую, чтобы со мной в таком тоне больше не разговаривали и прекратили материться как сапожник. Иначе я буду вынужден уйти из вашего кабинета. Еще никто так со мной не разговаривал и не вел себя

таким образом, господин прокурор.

Выговорившись, Паромов медленно опустился на свой стул. Лицо пылало, губы тряслись, пальцы рук произвольно подрагивали от нервного напряжения.

Ярин, явно не ожидавший такой прыти от нового начальника следственного отделения, все это время молчал. Только в лице менялся, как хамелеон. То краснел пуще прежнего, то бледнел. А ведь так хотел «поставить на место». Заодно с начальником отдела. Причем в присутствии подчиненного, чтобы больней было, обиднее.

От такой «наглости» и неожиданности у него отвисла челюсть, глаза недоуменно остановились на лице Паромова, словно не веря в происходящее. Остановились и застыли, словно вода в бадейках на морозе. Родник брани и ругани иссяк. В кабинете после столь долгого и оглушительного крика воцарилась тишина, на фоне которой Паромов и высказал взбешенному прокурору все то, что он пожелал сказать.

Когда Паромов окончил свой монолог и сел на стул, то в прокурорском кабинете еще некоторое время висела напряженная тишина. Все «переваривали» и усваивали услышанное, в том числе и прокурор. Отходя от шока, он лихорадочно размышлял над созданным положением, чтобы принять верное решение.

— Следователь Истомина, — наконец почти спокойным голосом произнес Ярин, — выйдите. Дайте нам поговорить по-мужски.

Истомина, подхватив уголовное дело, раскрытое на постановлении об избрании меры пресечения с санкцией прокурора, и дипломат, стоявший на полу у ее ног, спешно, как испуганная цапля, покинула кабинет.

Не успел звук каблучков длинноногой Истоминой растаять за дверью кабинета, как Ярин тяжело и недобро посмотрел на Паромова. Но тот не отвел черных, как у цыгана, глаз, которые его супруга не раз называла колдовскими, ведьмачими. И чем дольше длилась пауза, тем светлей становился прокурорский взгляд, пока, наконец, в глазах Ярина не блеснули веселые искорки. Видать, совесть в нем еще была жива. И ему понравилась смелая и откровенная отповедь начальника СО: не так часто перечат и тем более выговаривают прокурору.

— Иди и ты, начальник следственного отделения, покури что ли... Куришь? — спросил вполне миролюбиво Ярин.

— Курю.

— Вот и иди, покури... А мы тут с Александром Владимировичем потолкуем, — враг вспомнил он имя и отчество начальника отдела милиции, — как полугодие будем закрывать...

До «закрытия» полугодия было еще полтора месяца, и Паромов понял, что это просто предлог, чтобы выпроводить его и остаться вдвоем с начальником отдела. Он встал и неторопливо вышел из кабинета прокурора. Держал марку.

Секретарь в приемной сделала вид, что очень занята делами. Не поднимая головы и не взглянув, переключивала с места на место какие-то папки.

«Видать, привычная к подобным разборкам... — мелькнуло в остывающей голове начальника следственного отдела. — А моя деятельность в данной должности, надо полагать, закончилась. Ну, и слава богу...»

На улице присоединился к лихорадочно затягивавшейся очередной сигаретной затяжкой Истоминой.

— Выгнал?

— Нет, — кисло усмехнулся Паромов, — попросил... выйти. Разница в этом небольшая, но существенная, — пошутил он. — Не пойму, чего его черти дерут... Дело возбуждено обоснованно и законно. И санкция на арест обвиняемого вполне уместна. — Теперь уже серьезно высказал он свое недоумение по причине столь «теплого» приема.

— Дело в самом обвиняемом, — выплеснула горчинку, как личинку мушки дрозифилы, на беспокойную душу Паромова следователь Истомина. — Он проходит по уголовному делу наших оперов о превышении должностных полномочий, расследуемому прокуратурой Центрального округа, в том числе и в отношении начальника криминальной милиции Бомко Вадима, потерпевшим. А мы взяли да и лишили прокурорских следователей важного доказательного звена. Вот прокурор, как застоявшийся без кобылы жеребец, и закусил удила. Я так думаю...

— Не знал, — обескуражено протянул Паромов. — То-то опера чуть ли не руки потирали вчера, когда о санкции слышали. Я еще подумал: чего так радуются. А оно вон как обстоит... Почему не ввела в курс дел?

— Да то старая бодяга. Еще до вашего появления в отделе милиции за полгода как началась. Я как-то о ней и не подумала... Только порадовалась за оперов наших, когда получила от вас материал на возбуждение дела и расследование: подумала грешным делом: попался голубчик...

— А ты вчера, когда санкцию брала, все прокурору пояснила? — прервал ее Паромов недовольно.

До него стала доходить причина прокурорского «наезда».

— Все. Даже не скрывает, что это тот самый Хмырь, из-за которого в отношении наших оперативников дело возбуждено.

— Точно? Не врешь, попку прикрывая?

— Точно. Могу даже побожиться...

— Твоя божьба, как мертвому припарки... Ведь атеистка, надо полагать?..

— Крещеная и в церковь хожу, — насупилась Истомина. — Хотите, крестик покажу?..

И свободной от уголовного дела рукой потянулась к декольте платья.

— Хорошо, верю, — остановил ее Паромов, скользнув взглядом по плоскому бюсту.

Девственницей Истомина явно не была, однако груди оставались маловыразительными.

«С ее ростом могла иметь груди и покрупнее...» — непроизвольно мелькнуло в голове начальника следственного отделения.

— Раз верите, то... — убрала следователь руку от декольте.

— Верю, верю, — поспешил с заверениями Паромов. — Ты лучше скажи, что дальше было? Как вел себя блюститель законности? — возвратился он к интересующему вопросу.

— Да ничего. Прокурор еще раз сам уточнил, что дает санкцию на этого Хмыря.

— Тогда тем более непонятно, чего на нас так орать и себя в глупое положение ставить?

— Ярин, — пожалала плечами Истомина. — Вы его еще плохо знаете, но узнаете. Впрочем, кто не орет на подчиненных... — многозначительно намекнула Истомина.

— Я его вообще никак не знаю... — начал было пояснять Паромов, умышленно проигнорировав последнюю часть реплики следователя. — Даже знакомился на бегу...

Но его прервала вышедшая на крыльцо секретарша:

— Паромов, вас просит зайти прокурор.

— Хорошо, — бросая окурок в урну, стоящую недалеко от входа в здание прокуратуры, сказал Паромов и направился следом за Людмилой Васильевной.

— Ну, ни пуха... — пожелала Истомина.

— К черту!

Когда Паромов вошел в кабинет прокурора и остановился у порога в ожидании дальнейшего приглашения, то Ярин неожиданно для него, прервав беседу с Петрухиным, громко и отчетливо извинился за свое повышенное эмоциональное поведение. Затем предложил подсаживаться поближе, чтобы обсудить одно важное и щекотливое для обеих сторон дело.

Это был совсем уж другой прокурор Ярин. Обстоятельный и деловой. Ни грубости, ни хамства. Обращение — вполне официальное: на «вы». И хотя в голосе все же чувствовалась жесткость, но в прокурорском кресле восседал уже вполне нормальный человек.

«Дело» же заключалось в следующем: или следователь Истомина (либо кто другой, принявший к производству дело о хулиганстве) изменяет меру пресечения арестованному Хмыреву, или прокурор возьмет под стражу сотрудников уголовного розыска, фигурирующих в качестве подозреваемых по прокурорскому делу.

— Тут торг не уместен, товарищ прокурор, — заявил Паромов однозначно, — судьба коллег для меня важнее.

— Вот и хорошо, — произнес прокурор. — Я такой ответ предполагал, но на всякий случай вынес собственное постановление об изменении меры пресечения. Пусть Истомина его отвезет на машине начальника отдела. Александр Владимирович, не возражаете?

— Конечно, нет, — лаконично ответил оживший и повеселевший Петрухин. — Пусть везет.

— Я правильно поступаю? — задал прокурор вопрос начальнику следственного отделения.

Вопрос был явно провокационный. Ярин, по-видимому, желал не столько проэкзаменовать нового начальника следственного отдела в знании УПК, как лишний раз напомнить о том, кто тут хозяин и чье слово последнее.

— Прокурор, как надзирающее лицо, в рамках своей компетенции вправе принять любое решение по делу, если оно не противоречит закону, — ответил Паромов, которому уже опостылела эта игра в кошки-мышки.

— Вот и хорошо, — засмеялся Ярин, — приятно осознавать, что хоть тут вы не сможете меня упрекнуть. А то так разошлись в своем возмущении, что на прокурора чуть кричать не стали. А прокурор — он тоже человек, и у прокурора нервы имеются...

Вечером того же дня обвиняемый Хмырев был освобожден из-под стражи на подписку, а еще через два дня и само дело в отношении Хмырева было истребовано прокурором в прокуратуру.

— Хана делу, — с сарказмом констатировал данный факт начальник криминальной милиции ОМ-3 капитан Бомко Вадим Владимирович, зайдя к Паромову. — Значит, и нам хана, хотя и попозже... Дело в отношении Хмыря прокурорские развалят, наше же в суд направят. И нам всем крышка. Словом, не долго музыка играла, не долго пел аккордеон...

— Может, еще все обойдется... — попытался успокоить товарища Паромов. — Судя по тому, что вы мне рассказали, там не дело, а сплошной оговор вас Хмырем в целях ухода от ответственности за кражу... и отсутствие доказательств.

— Может и обойдется, — в разрез с внутренним убеждением согласился с Паромовым Бомко. — Руководство УВД заверяет, что борется за нас. Представляешь, весь розыск на

скамье подсудимых окажется. Даже стажер Мачихадзе, и тот уже на прокурорский крючок попал. Зверствуют... Крови жаждут...

Так начался и так окончился конфликт с прокурором, на который намекал Озеров Юрий Владимирович, когда спрашивал у Паромова как складываются его отношения с прокурором. Отношения были не из блестящих. Но работа — есть работа. Поневоле приходилось общаться с прокурором, его заместителем и помощниками. Без этого никак...

...Злобина, Апыхтина и Нехороших осудили через полгода. В строгом соответствии с гуманизацией общественных отношений и норм строящегося правового государства, в котором всегда тот прав, у кого больше прав. К относительно небольшим срокам заключения — сыграли свою роль явки с повинной и содействие следствию.

Как ни старались адвокаты, в том числе и Лунев, убедить суд, что доказательства были «выбиты» из обвиняемых и потому не могут лечь в основу обвинения, ничего у них не вышло. Просмотр судом видеозаписи следственного эксперимента сыграл свою роль. Особенно возымело на судью то обстоятельство, как подозреваемые Злобин и Апыхтин в непринужденной обстановке со смешками и шутками в присутствии потерпевшей рассказывают о покушении на убийство Смирнова. И как потерпевшая после их слов навзрыд рыдала.

Такого не срежиссируешь. Такому не научишь. Такое не заставишь сделать!

Эмоциональный накал был таков, что кто-то из народных заседателей крикнул Луневу, чтобы он заткнулся и не мешал суду. Адвокат обиделся, но не заткнулся. Однако на его реплики, ходатайства и прочую адвокатскую заумь и заморочь суд не реагировал.

Алелин, уцепившись за короткую фразу из агентурного сообщения внутрикамерника Сапы о причастности к убийству девушек-студенток сотрудника милиции, совместно с Василенко Геннадием Георгиевичем раскрутил дело и вышел на бывшего участкового центральной зоны, лейтенанта Копейкина. Установили, что именно Копейкин вместе со своим другом-бизнесменом совершили данное двойное убийство.

Как отмечалось выше, информация была проходящей. На нее опера и внимания не обратили. А на тебе — в цвет!

И на этот раз опыт не подвел старого оперативника Алелина. Как он и предполагал, беседуя с Крюком, конфликт начался с того, что Копейкин и его друг, находясь в состоянии алкогольного опьянения, попросили у девушек сексуальных утех. Те, на грех, мало того, что отказали, еще обозвали извращенцами и импотентами. В итоге — два трупа! Метастазы нравственно разлагающегося общества поражали и органы внутренних дел.

— ...А я и предполагал, что Копейкин так окончит, — рассказывал оперативный дежурный Кулинич очередному наряду, после того, как бывший участковый был изобличен и арестован. — Все, бывало, заднице своей место на том, вон, столе искал... — небрежно указал рукой на обыкновенный канцелярский стол, стоявший в углу дежурного помещения, старый и обшарпанный, с потрескавшейся столешницей.

Слушатели невольно покосились на обозначенный предмет незамысловатой ментовской обстановки. Стол, как стол... Однотумбовый ветеран милиции.

— А это — дурная примета!

Сочувствия к Копейкину ни у кого из милицейской среды в связи с его задержанием и

арестом не было. «Что искал, то нашел... Собаке и смерть собачья», — говорят в таких случаях.

В этот же год состоялся неоднократно откладываемый в связи с возвращением деда для дополнительного расследования суд и над оперативными работниками ОМ-3 УВД города Курска.

Надеждам сотрудников на оправдательный приговор не суждено было сбыться: суд под давлением прокуратуры признал всех виновными по статье 286 УК РФ и приговорил к 4 годам лишения свободы условно. В том числе и только что получившего первоначальное специальное звание «лейтенант милиции» оперуполномоченного Мачихадзе, угораздившего пойти на работу именно в третий отдел милиции и в глаза не видевшего «потерпевшего» Хмырева, но почему-то опознанного им.

— Мы первые, но не последние, — печально прокомментировал данный факт бывший начальник КМ ОМ-3 УВД г. Курска и бывший майор (незадолго до суда получил он это звание) Бомко, возглавивший один из курских ЧОПов и имевший зарплату, раз в пять превышавшую его бывший должностной оклад. — И это — дурная примета!

«Вот именно это — дурная примета, — вынужден был согласиться с бывшим опером Паромов. — И заразительная... или заразная...» — мысленно поправил он себя.

Все чаще и чаще прокуроры возбуждали уголовные дела в отношении сотрудников милиции, действуя по принципу: был бы человек, а статью мы ему подберем. И подбирали...

Большинство из этих дел по истечении двух месяцев следствия прекращались за отсутствием состава преступления, так как были возбуждены по обстоятельствам, высосанным из пальца. Но единицы доходили все же до суда. И суды были на стороне прокурорских.

Руководство УВД «чистило свои ряды», не желая конфликтовать с прокуратурой и отдавая на закланье рядовых работников. Сотрудников было много — сажать не пересажать... Руководства — мало. И за всех не заступишься. Были бы свои, а то так, чужие... Потому — не жалко. Не братья ведь и даже не сватья. Одних посадят, другие на их место придут...

В стране началась компания по поиску «оборотней в погонах», и всем высоким чинам надо было вложить свою лепту в эту компанию, чтобы, не дай Бог, их не заподозрили в противодействии «генеральной линии» президента и правительства. Вот и вкладывали.

И плевать им было на то, что «козлами отпущения» становились сотрудники с «земли». То есть те самые рабочие лошадки правоохранительной системы, которые хоть что-то да делали для пользы людей. Они, в отличие от высоко сидящих бездельников, ничего не делающих и ни за что не отвечающих, поддерживали правопорядок. Ловили жуликов и бандитов. А еще систематически направлялись в командировку в Чечню — наводить и поддерживать конституционный статус. Зато чинуши УВД, отдавая на закланье простых оперов, тихой сапой строили себе трехэтажные коттеджи в пригородах Курска и других больших и малых городах области.

Никто, в том числе и прокурорские «чистильщики кадров», не желал интересоваться: откуда же у них деньги на все это строительство взялись. Не принимали во внимание, что всем ментам по полгода мизерные зарплаты не выплачивались. А на те крохи, что получали, не то что дворец построить, но и собачью конуру — вряд ли... Тут бы просто прожить...

Этих трогать было нельзя, эти относились к касте неприкасаемых. Табу!

Российское государство, точнее, его руководство, преступным путем пришедшее на вершину власти в начале 90-х, сначала все сделало для того, чтобы коррупция расцвела махровым цветом на всех вертикалях этой самой власти, пронизав все слои общества. Обгадившимся обществом проще управлять — истина старая, как мир, но живучая, как вирус... А когда раковая болезнь уже охватила общество и укоренилась в нем, руководство (правда, сменившееся) вдруг спохватились и принялись искоренять. Но как всегда, неуклюже и неумело... Не шатко и не валко...

«Чистили» милицию, но в стране все больше и больше становилось «неприкасаемых» из мира криминала. Братва, опираясь на деньги «общаков», сумела найти высоких покровителей в государственных и прокурорских кабинетах.

«И это — плохая примета!» — говорил себе начальник СО ОМ-3 УВД города Курска.

И вспоминал добрым словом времена своей милицейской юности и начальника УВД Курской области генерал-майора милиции Панкина Вячеслава Кирилловича. Панкин никогда и никому не позволил бы безнаказанно обижать не только оперов, но и всех сотрудников милиции. Настоящий отец-командир...

Еще одной плохой приметой на взгляд Паромова было то обстоятельство, что из рядов милиции в ряды адвокатуры переходили уволившиеся сотрудники милиции, в том числе следователи. Именно следователи, как никто лучше, не только знали, как «собирать» дела, но и как их «разваливать»!

Да, как ни прискорбно это констатировать, на сторону криминала (хоть и под знаменем справедливости) переходила милицейская элита. Ибо на тот пенсион, который определяло государство, бывшим ментам прожить было нельзя. Система бездумно и безжалостно съедала саму себя...

Господи, дай честным ментам выстоять! Не оставь их своим вниманием, даже если большинство из них ни в Бога, ни в черта не верят!!! Не дай превратиться им в «мусоров»!

Больше книг на сайте - Knigoed.net